

Дин Р. КУНЦ

ПОКРОВИТЕЛЬ

Дин Рэй Кунц

Покровитель

OCRSpellCheck Aleks_Sn777@mail.ru
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157753
Покровитель: Старый свет – Принт; Минск; 1993
ISBN 5-88016-018-1

Аннотация

Шторм разразился в ту ночь, когда родилась Лаура Шан. Такой странной погоды люди не помнили давно, но более мистичным был светловолосый незнакомец, который появился из ниоткуда, – человек, который спас Лауру во время ее рождения. Годы спустя – другая вспышка молнии – к незнакомцу возвращается, чтобы снова спасти Лауру от трагедии. Был ли он ее ангелом-спасителем? А может, переодетым дьяволом? Или творцом судьбы во времени и пространстве?

Известный писатель Дин Р. Кунц представляет свой блестящий триллер. Оглушительный шедевр фантазии...

Содержание

Книга первая	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	31
ГЛАВА 3	48
ГЛАВА 4	56
ГЛАВА 5	70
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	74
ГЛАВА 1	74
ГЛАВА 2	87
ГЛАВА 3	88
ГЛАВА 4	96
ГЛАВА 5	97
ГЛАВА 6	104
ГЛАВА 7	105
ГЛАВА 8	118
ГЛАВА 9	119
ГЛАВА 10	135
ГЛАВА 11	149
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	151
ГЛАВА 1	151
ГЛАВА 2	174
ГЛАВА 3	176

ГЛАВА 4	183
ГЛАВА 5	185
ГЛАВА 6	190
ГЛАВА 7	192
ГЛАВА 8	196
ГЛАВА 9	198
ГЛАВА 10	215
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	235
ГЛАВА 1	235
ГЛАВА 2	247
ГЛАВА 3	249
ГЛАВА 4	257
ГЛАВА 5	263
ГЛАВА 6	267
ГЛАВА 7	271
ГЛАВА 8	274
ГЛАВА 9	280
ГЛАВА 10	284
Книга вторая	298
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	298
ГЛАВА 1	298
ГЛАВА 2	329
ГЛАВА 3	357
ГЛАВА 4	371
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	406
ГЛАВА 1	406

ГЛАВА 2	408
ГЛАВА 3	414
ГЛАВА 4	417
ГЛАВА 5	435
ГЛАВА 6	437
ГЛАВА 7	446
ГЛАВА 8	447
ГЛАВА 9	452
ГЛАВА 10	456
ГЛАВА 11	459
ГЛАВА 12	461
ГЛАВА 13	466
ГЛАВА 14	471
ГЛАВА 15	480
ГЛАВА 16	487
ГЛАВА 17	491
ГЛАВА 18	498
ГЛАВА 19	500
ГЛАВА 20	503
ГЛАВА 21	504
ГЛАВА 22	511
ГЛАВА 23	511
ГЛАВА 24	514
ГЛАВА 25	515
ГЛАВА 26	518
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	544

ГЛАВА 1	544
ГЛАВА 2	549
ГЛАВА 3	552

Дин Кунц

Покровитель

Книга первая

ЛАУРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВЕЧА НА ВЕТРУ

ГЛАВА 1

Шторм разразился в ту ночь, когда родилась Лаура Шан. Такой страшной погоды люди не помнили много лет.

Среда 12 января 1955 года была холодной, серой и унылой. Густые и пушистые снежинки спускались с низкого неба, и жители Делвера съжились в ожидании лавины с горы Роки. К десяти часам ночи холодный ветер подул с запада, завывая среди горных проходов и неровных склонов, покрытых лесом. Снежинки стали меньше, став размером с пестики, и издавали скрипящий звук, когда ветер бросал их и окно кабинета доктора Пола Марквелла.

Марквелл откинулся в кресле за своим столом ипил шотландский виски, чтобы согреться. Проникающий озноб, который беспокоил его, был вызван не зимней погодой, а внутренним холодом его рассудка и сердца.

Эти четыре года, с тех пор как его единственный ребенок, Ленни, умер от полиомелита, Марквелл пил все больше и больше. Несмотря на возможный экстренный вызов в Медицинский округ, он достал бутылку и налил себе еще «Чивас Регал».

В наступившем 1955 году дети прививались вакциной доктора Джонаса Салка, и был близок тот день, когда ни один ребенок не будет парализован или убит полиомиелитом. Но Ленни заболел в 1951 году, за год до того, как Салк проверил вакцину. Дыхательные пути мальчика были тоже парализованы, и болезнь была осложнена еще и бронхопневмонией. У Ленни не было и шанса на выздоровление.

Со стороны западных гор ночь нарушил глухой рокот, но сначала Марквелл не придал этому значения. Он был так погружен в свое собственное страдание и печаль, что временами лишь подсознательно участвовал в окружающих его событиях.

Фотография Ленни стояла на его столе. Даже после четырех лет ему было больно смотреть на улыбающееся лицо сына. Он мог бы убрать фото, но вместо этого поставил его на самое видное место.

Никого из коллег не беспокоили запои Пола Марквелла.

Он никогда не появлялся перед ними пьяным. Ошибки, которые он допустил в лечении некоторых пациентов, привели к осложнениям, которые они относили к его небрежности.

Но он знал, что это были грубые ошибки, которые заставляли пить его еще больше.

Снова раздался рокот. На этот раз он узнал раскаты грома, но по-прежнему не придавал им значения.

Зазвонил телефон. Скотч заставил онеметь его члены и замедлил реакцию, поэтому он поднял трубку только после третьего звонка.

– Алло?

– Доктор Марквелл? Это Генри Ямата, – голос Яматы, молодого врача из Медицинского округа, звучал встревоженно. – Одну из ваших пациенток, Джэнет Шан, только что привез ее муж. Она в лаборатории. Их задержал шторм, и они очень долго добирались до нас.

Слушая, Марквелл продолжал прикладываться к виски. Потом, довольный тем, что язык не заплетается, он спросил:

– Она еще по-прежнему на первой стадии?

– Да, но боли усилились и слишком затянулись для этого времени. Из вагины начала выделяться кровавая слизь.

– Этого следовало ожидать. Ямата нетерпеливо сказал:

– Нет, нет. Это необычно.

Кровавая слизь была явным признаком того, что надвигались роды. Как бы то ни было, Ямата сказал, что миссис Шан уже в лаборатории. Марквелл глубоко ошибался, предпола-

гая, что молодой врач говорил об обычных явлениях.

Ямата сказал:

– Кровотечение не слишком сильное, но что-то не так. Инертность матки, закупоривание таза, постоянное ослабление организма.

– Я бы заметил физиологические отклонения, которые подвергали бы опасности беременность, – сказал Марквелл резко. Но он знал, что он мог не заметить... если был тогда пьян.– Сегодня дежурит доктор Карлсон. Если что-то будет не так, прежде чем я сменю его, он...

– Нам привезли четырех жертв несчастного случая. Двое в критическом состоянии. У Карлсона полон рот забот. Вы нужны нам, доктор Марквелл.

– Я буду через двадцать минут.

Марквелл положил трубку, допил скотч и достал из кармана мятные таблетки. С тех пор как он стал алкоголиком, он всегда носил с собой эти таблетки. Порвав упаковку и сунув таблетку в рот, он вышел из кабинета и направился в фойе.

Он был пьян и собирался принимать ребенка. Если работа будет проделана плохо, это будет означать конец его карьеры и гибель репутации, но это его не волновало. В действительности, он давно уже ожидал этого краха.

Он натягивал свое пальто, когда раскаты грома прорезали ночную тишину. Дом завибрировал.

Он нахмурился и выглянул в окно рядом с входной дверью. Прекрасный сухой снег кружился за стеклом, на некото-

рое время зависая в воздухе, когда утихал ветер, потом снова кружился. Только раза два за все годы он слышал гром во время снежной бури. Теперь он был тихим и далеким, не предвещающим никакой угрозы.

Сверкнула молния, еще раз. Падающий снег сверкал в редких вспышках света. В эти моменты окно превращалось в зеркало, в котором Марквелл видел свое помятое лицо. Следующий раскат грома был громче предыдущего.

Он открыл дверь и осторожно выглянул в бурную ночь. Сильные порывы ветра забрасывали хлопья снега под выступ крыши, швыряли их на торцевую стену дома. Свежий, двух-трехдюймовый белый покров накрыл газон, он также покрывал тяжелые лапы сосен.

Вспышка молнии ослепила Марквелла. Раскат грома был так ужасен, что казалось, что он исходил не только с неба, но и из земли, как будто небеса и земля разверзлись. Две широкие, протяжные сверкающие молнии рассекли мрак. Повсюду проявились скорченные и согнутые силуэты. Тени перил крыльца, балюстрад, деревьев, обнаженных кустов и уличных фонарей становились такими таинственными при вспышках молнии, что знакомый Марквеллу мир приобрел характеристики сюрреалистической картины; неземной свет, освещавший предметы, придавал им искаженные формы, делал их неузнаваемыми. Сбитый с толку сверкающим небом, громом, ветром и колышущейся белой пеленой штора, Марквелл вдруг впервые за эту ночь почувствовал себя

пьяным. Он удивлялся тому, что на его состояние повлияло больше: реальные причуды электрического явления или галлюцинации, вызванные алкоголем. Он осторожно прошел через скользкое крыльцо к краю ступенек, которые вели к засыпанной снегом дорожке. Свесившись с крыльца, он задрал голову и посмотрел на освещенное вспышками небо.

Целый ряд молний осветил передний газон и улицу, напомнив сцену из кинофильма, прокрученную в ускоренной проекции. Все краски ночи исчезли, оставив лишь ярко-белый цвет молний, беззвездное небо, сияющую белизну снега и черные, как чернила, дрожащие тени. Пока он в страхе и благоговении смотрел на причудливое и божественное зрелище, небеса вновь разверзлись раскатами грома. Метнувшаяся к земле молния задела железный громадный столб всего в шестидесяти футах от него, и Марквелл вскрикнул в ужасе. В момент удара ночь стала ослепительной, и стеклянная лампа разлетелась вдребезги. Раскат грома отдался в зубах Марквелла, пол крыльца задрожал. В холодном воздухе вдруг запахло озоном и раскаленным железом.

Тишина, спокойствие и мрак вернулись.

Удивленные соседи появились на крыльце, на другой стороне улицы. Или, может быть, они были там все время, а он заметил их только теперь, когда его глаза привыкли к темноте. Несколько притихший снегопад позволил повнимательнее рассмотреть фонарный столб, железный наконечник которого наполовину расплавился. Соседи перекликнулись

друг с другом и с Марквеллом, но он не ответил.

Ужасающее зрелище несколько не отрезвило его. Испугавшись, что соседи определяют его пьяное состояние, Марквелл повернулся и вошел в дом.

Кроме того, у него не было времени болтать о погоде. Он должен был побеспокоиться о беременной женщине и о ребенке, которого нужно принять. Пытаясь восстановить самоконтроль, он вынул из шкафа шерстяной шарф, обмотал его вокруг шеи и скрепил его концы на груди. Его руки тряслись, пальцы были скованы, но все-таки ему удалось застегнуть пуговицы своего пальто. Борясь с головокружением, он натянул пару галош.

Он был убежден, что эта молния имела для него какое-то особенное значение. Знак, предзнаменование. Ерунда. Это действовало виски. Предчувствие оставалось, когда он подошел к гаражу, поднял дверь и вывел машину. Зимние цепи на колесах мягко скрипели по снегу.

Когда он выехал на машине к воротам, намереваясь выйти и закрыть гараж, кто-то тяжело ударил по заднему стеклу. Удивленный Марквелл обернулся и увидел согнувшегося мужчину, который смотрел на него сквозь стекло.

Незнакомцу было примерно лет тридцать пять. Это был крепкий мужчина хорошего телосложения. Доже сквозь частично затуманенное стекло он выглядел поразительно. На нем был морской бушлат с поднятым воротником. На морозном воздухе из его ноздрей шел пар, а когда он говорил, сло-

ва превращались в густые клубы белого пара.

– Доктор Марквелл? Марквелл опустил стекло.

– Да.

– Доктор Марквелл?

– Да, да. Разве я не сказал это только что? Но сегодня я не принимаю, кроме этого, мне нужно ехать к пациенту в больницу.

У незнакомца были необычные голубые глаза, чей цвет ассоциировался у Марквелла с чистым зимним небом, отраженным в очень тонком льду только что замерзшего бассейна. Это были красивые глаза, но тут же он понял, что эти глаза принадлежали опасному человеку.

Прежде чем Марквелл успел включить передачу и выехать на улицу, где он мог найти помощь, незнакомец в бушлате сунул в открытое окно пистолет.

– Не делайте никаких глупостей.

Когда дуло уперлось в кадык, доктор с удивлением понял, что вовсе не хотел умирать. Раньше он так долго вынашивал идею о своей готовности встретить смерть. Теперь же, вместо того чтобы порадоваться такой возможности расстаться с жизнью, он испугался за нее. Хотя жизнь лишь оттягивала встречу с сыном, с которым он мог встретиться только в смерти.

– Погасите фары, доктор. Хорошо. Теперь выключите мотор.

Марквелл вытащил ключ из замка.

– Кто вы?

– Это неважно.

– Это важно для меня. Что вы хотите со мной делать?

– Подружиться. Я не причиню вам вреда. Но только попытайтесь шевельнуться, и я снесу вам к черту башку, потом разряжу магазин в ваше мертвое тело, чтобы отправить его в ад, – его тихий и приятный голос был весьма убедительным. – Дайте мне ключи.

Марквелл протянул их через открытое окно.

– Теперь выходите.

Медленно трезвея, Марквелл вылез из машины. Сильный ветер хлестал в лицо. Ему пришлось прищуриться, так как сверкающий снег слепил глаза.

– Прежде чем закрыть дверь, закройте окно. Незнакомец шагнул в сторону, загородив улицу — последнюю возможность бежать.

– О'кэй, очень хорошо. Теперь, доктор, пойдёмте со мной в гараж.

– Это какое-то сумасшествие. Что...

– Вперед.

Незнакомец шел с боку от Марквелла, держа его за левую руку. Если кто-то и смотрел из соседних домов или с улицы, то мрак и падающий снег скрывали пистолет.

В гараже по указанию знакомого Марквелл опустил дверь. Но несмазанные петли закричали.

– Если вам нужны деньги...

– Заткнись и иди в дом.

– Послушайте, моя пациентка в округе...

– Если ты не закроешь рот, то я выбью рукояткой все твои зубы и ты не сможешь больше разговаривать.

Марквелл поверил ему. Шести футов ростом и ста восьмидесяти фунтов весом, незнакомец был размером с Марквелла, но в нем было что-то пугающее. Его светлые волосы намokли от растаявшего снега, капли воды стекали по его бровям и вискам. Он, казалось, был лишен всякой человечности и напоминал ледяную фигуру из зимнего карнавала. Марквелл не сомневался, что в физической борьбе незнакомец одержал бы верх и над более сильным противником, особенно над пьяным доктором средних лет и в очень плохой форме.

Боб Шан чувствовал клаустрофобию в стесненной комнатухе для ожидающих отцов. В комнате был мнений белый потолок, однообразные зеленые стены и единственное окно, затянутое морозным узором. Шести стульев и двух миленьких столов было слишком много для такого узкого пространства. Он боролся со страстным желанием распахнуть качающиеся двери в коридор, пробежать до конца больницы, пересечь главную приемную комнату и вырваться в холодную ночь, где не пахло антисептиками и болезнями.

Однако он оставался в комнате отдыха, чтобы быть поблизости от Джэнет, которой он мог понадобиться. Что-то

было не так. Схватки должны были быть болезненными, но не такими агонизирующими и зверскими, которые Джэнет не выдержит слишком долго. Врачи не допускали серьезных осложнений, но они были явно встревожены.

Боб понял источник своей клаустрофобии. На самом деле, он не боялся стен, которые, казалось, надвигались. Он боялся надвигающейся смерти его жены, его нерожденного ребенка – их обоих.

Качающиеся двери распахнулись, и в комнату вошел доктор Ямата. Вскочив со стула, Боб задел край стола и сбросил на пол дюжину журналов.

– Как она, док?

– Ничего страшного, – Ямата был невысоким щуплым мужчиной с приятным лицом и большими печальными глазами. – Доктор Марквелл скоро будет здесь.

– Надеюсь, вы за ней присмотрите, пока он не приедет?

– Да. Конечно. Она хорошо себя чувствует. Я думал, вам будет легче, если и вы узнаете, что доктор уже на пути сюда.

– О, да... Спасибо. Послушайте, могу я ее увидеть, док?

– Пока нет, – сказал Ямата.

– А когда?

– Когда она будет менее утомлена.

– Что это за ответ? Когда же она будет менее утомлена?

Когда она вообще выйдет отсюда?

Он тут же попытался загладить свой срыв.

– Я... Я прошу прощения, док. Это потому... Что я боюсь.

– Я знаю. Я знаю.

Внутренняя дверь соединяла гараж Марквелла с домом. Они прошли через кухню в коридор первого этажа, где включили свет. Куски тающего снега падали с их ботинок.

Незнакомец с пистолетом заглянул в столовую, гостиную, кабинет, медицинский кабинет и комнату для ожидающих гостей и пациентов, потом сказал:

– Наверх.

В спальне хозяина незнакомец включил одну из ламп. Он взял стул с высокой спинкой и поставил его на середину комнаты.

– Доктор, снимите, пожалуйста, ваши перчатки, пальто и шарф.

Марквелл поднялся, сбросил одежду на пол и сел на стул лицом к незнакомцу.

Незнакомец положил пистолет на туалетный столик и достал из кармана моток крепкой веревки. Он сунул руку за полу бушлата и достал короткий широколезвенный нож, который, очевидно, висел в ножнах, прикрепленных к его поясному ремню. Он разрезал веревку на куски, которые предназначались для того, чтобы привязать Марквелла к стулу.

Доктор смотрел на пистолет, лежащий на туалетном столике, рассчитывая свои шансы схватить его раньше незнакомца. Потом он встретил взгляд голубых глаз и понял, что его план был понятен незнакомцу, как простое лукавство ре-

бенка было понятно взрослому.

Блондин улыбнулся, как будто говоря: «Давай, попробуй».

Пол Марквелл хотел жить. Он послушно и тихо сидел, пока незнакомец привязывал его руки и ноги к стулу.

Завязывая узлы, но не слишком сильно, незнакомец, казалось, проявлял необычную заботу о своем пленнике.

– Я не хочу совать тебе в рот кляп. Ты пьян, с кляпом во рту тебя может вырвать, и ты захлебнешься. Поэтому я полагаюсь на тебя. Но если ты позовешь на помощь, я тут же прикончу тебя. Понятно?

– Да.

Когда незнакомец произносил несколько слов, он произносил их с мягким и неопределенным акцентом, который был незнаком Марквеллу. Он съедал окончания некоторых слов и его произношение имело гортанный характер, это было едва заметно.

Незнакомец сел на край кровати и положил руку на телефонный аппарат.

– Какой номер окружной больницы? Марквелл моргнул.

– Зачем?

– Черт возьми, я спрашиваю тебя номер. Если ты не скажешь его мне, я не буду рыться в телефонном справочнике, я выбью его из тебя.

Марквелл покорился и назвал номер.

– Кто сегодня дежурит?

– Доктор Карлсон. Херб Карлсон.

– Он хороший человек?

– Что вы имеете в виду?

– Он лучший доктор, чем ты? Или такой же пьяница?

– Я не пьяница. Я...

– Ты безответственный и жалкий алкоголик и сам это знаешь. Отвечай на мой вопрос, док. Карлсон – надежный человек?

Марквелл почувствовал неожиданный приступ тошноты, вызванной не только большой дозой скотча но и правдивостью слов незнакомца.

– Да. Херб Карлсон хороший врач. Очень хороший.

– Кто сегодня дежурная сестра? Марквелл задумался на минуту.

– Я думаю, Элла Ханлоу. Но я не уверен. Если не Элла, то, значит, Вирджиния Кин. Незнакомец позвонил в окружной госпиталь и сказал, что звонит по поручению доктора Пола Марквелла. Он спросил Эллу Ханлоу.

Порыв ветра обрушился на дом. Звон стекол и свист под навесом крыши напомнили Марквеллу о буре. Посмотрев на падающий в окне снег, он почувствовал неуверенность во всем происходящем. Ночь была так перенасыщена событиями – молния, появление незнакомца, – что казалась нереальной. Он натянул веревки, которые привязывали его к стулу, конечно, они были лишь частью его пьяных галлюцинаций и растают, как газ, но они крепко держали его, а эти тщетные

усилия лишь вызвали головокружение.

Незнакомец говорил по телефону:

– Сестра Ханлоу? Доктор Марквелл не сможет приехать в больницу сегодня. У одной из его пациенток, Джэнет Шан, тяжелые роды? Хм-м-м? Да, конечно. Он хочет, чтобы доктор Карлсон принял роды. Нет, нет, боюсь, он не сможет. Нет, не погода. Он пьян. Это так. Он опасен для пациентки. Нет... он так пьян, что не может подойти к телефону. Простите. Он пьет уже давно и скрывает это, но сегодня он напился сильнее обычного. Хм-м-м? Я сосед. О'кэй. Спасибо, сестра Ханлоу. До свидания.

Марквелл чувствовал раздражение наряду с удивительным облегчением от того, что его секрет был раскрыт.

– Ублюдох, ты уничтожил меня.

– Нет, доктор. Ты сам себя уничтожил. Самоненависть уничтожает твою карьеру. Это заставило и твою жену покинуть тебя. Твоя женитьба была в опасности, но все можно было спасти, если бы Ленни был жив, ее можно было спасти и после его смерти, если бы ты так не опустился.

Марквелл был удивлен.

– Откуда тебе, черт возьми, знать, что было между мной и Анной? Откуда ты знаешь о Ленни? Я никогда не видел тебя раньше. Откуда тебе все известно обо мне?

Игнорируя вопросы, незнакомец бросил две подушки к изголовью кровати. Он залез на кровать в своих мокрых и грязных ботинках и вытянулся.

– Не имеет значения, что ты об этом думаешь, но потеря сына не была твоей ошибкой. Ты всего лишь врач, а не средневековый колдун. Но потеря Анны была твоей ошибкой. И то, кем ты стал, а ты стал опасным для своих пациентов, было твоей ошибкой.

Марквелл устремил взгляд вдаль, потом вздохнул и опустил подбородок на грудь.

– Знаешь, в чем твоя беда, доктор?

– Предполагаю, что ты скажешь мне.

– Твоя беда в том, что ты никогда ни за что не боролся, никогда не знал, что такое несчастье. Твой отец был обеспеченным человеком, и ты получал все, что хотел, ты учился и лучших заведениях. И хотя у тебя была успешная практика, ты никогда не нуждался в деньгах – ты получил наследство. Полу когда Ленни заболел полиомиелитом, ты не пытался, как справиться с этим несчастьем, потому что никогда не встречался с ним. Ты ничего не знал о прививках и впал в отчаяние.

Поднимая голову и моргая, пока зрение не обострилось, Марквелл сказал:

– Я не мог предположить этого.

– Претерпев все эти страдания, ты кое-что узнал, Марквелл, и если бы ты отрезвел еще давно, то мог бы встать на правильный путь. Даже сейчас у тебя есть слабый шанс исправиться.

– Может быть, я не хочу исправляться?

– Боюсь, что это может быть правдой. Я думаю, что ты боишься умирать, но я не знаю, хватит ли у тебя сил продолжить жить.

Дыхание доктора пахло проглоченной мятной таблеткой и виски. Во рту пересохло, язык распух. Ему очень хотелось выпить.

С замершим сердцем он попробовал веревки, стягивающие его руки. В конце концов, раздражаясь на себя за жалостливые нотки в голосе, но не в силах сдержать свое достоинство, он спросил:

– Что вы хотите от меня?

– Я хочу предотвратить твою сегодняшнюю поездку в больницу. Я хочу быть уверенным, что ты не принимаешь роды у Джэнет Шан. Ты стал мясником, потенциальным убийцей, и ты должен быть остановлен.

Марквелл облизал сухие губы. – Я все еще не знаю, кто вы. – И никогда не узнаешь, доктор. Никогда.

Боб Шан никогда не был так напуган. Он сдержал слезы, так как верил в суеверное чувство, что открытое высказывание страха соблазнит судьбу и сделает неотвратимой смерть Джэнет и ребенка.

Он нагнулся вперед, сидя на стуле, наклонил голову и молча начал молиться: «Господи, Джэнет заслуживает большего, чем я. Она такая красивая, а я такой невзрачный, как поношенный плед. Я всего лишь бакалейщик, чья лавка никогда не будет приносить большой прибыли, а она любит ме-

ня. Господи, она хорошая, честная, скромная... Она не заслуживает смерти. Может быть, ты хочешь взять ее, потому что она слишком хороша для рая. Но я еще не готов, мне нужна ее помощь, чтобы стать достойным человеком».

Дверь в комнату открылась.

Боб поднял глаза.

Доктор Карлсон и Ямата в зеленых больничных халатах вошли в комнату. Их появление напугало Боба, и он медленно поднялся со стула.

Глаза Яматы были печальнее, чем обычно.

Доктор Карлсон был высоким крупным мужчиной, который достойно выглядел даже в своем мешковатом больничном халате.

– Мистер Шан... мне очень жаль, но ваша жена умерла при родах.

Боб замер, как будто эти ужасные новости превратили его плоть в камень. Он слышал лишь часть того, что сказал Карлсон:

– ...обширное маточное закупоривание... ни одна из таких женщин в действительности не могла бы иметь детей. Она не должна была забеременеть. Мне очень жаль... очень жаль... все, что мы могли... обширное кровоизлияние... но ребенок...

Слово «ребенок» нарушило паралич Боба. Он сделал неуверенный шаг к Карлсону.

– Что вы сказали о ребенке?

– Это девочка, – сказал Карлсон. – Здоровая маленькая девочка.

Боб думал, что все потеряно. Теперь он уставился на Карлсона в надежде, что частица Джэнет не умерла и он не остался совсем один в целом мире.

– Действительно? Девочка?

– Да, – сказал Карлсон. – Она исключительно красивый ребенок. Она родилась уже с пышными темно-коричневыми волосами.

Глядя на Ямату, Боб сказал:

– Мой ребенок жив.

– Да, – сказал Ямата. На его лице промелькнула горькая улыбка. – И вы должны поблагодарить док-гора Карлсона. Боюсь, у миссис Шан не было ни единого шанса. В менее опытных руках ребенок мог бы тоже погибнуть.

Боб повернулся к Карлсону, все еще боясь поверить.

Ребенок жив... и на это я должен поблагодарить вас?

Врач стоял и неловком молчании. Потом Ямата положил одну руку на плечо Боба Шана, наверно, почувствовав, что это поддержит его.

Хотя Боб был на пять дюймов выше и на сорок фунтов тяжелее миниатюрного доктора, он оперся на Ямату.

Незнакомец оставался с Марквеллом в течение еще одного часа, хотя не сказал больше ни одного слова и не ответил ни на один из вопросов Марквелла. Тот лежал на кровати,

уоставившись в потолок и погрузившись в свои мысли.

По мере того как доктор трезвел, его начинала мучить нудная головная боль. Как обычно, его похмелье было тяжелее самой причины, по которой он пил

Незнакомец посмотрел на свои наручные часы.

– 23.30. Я ухожу.

Он встал с кровати, подошел к стулу и снова достал нож из-под полы своего бушлата. Марквелл напрягся.

– Я собираюсь лишь немного ослабить веревки, доктор. Если ты поборешься с ними с полчаса, то сможешь освободиться. Этого времени будет достаточно для меня, чтобы смыться.

Когда незнакомец подошел сзади и нагнулся, Марквелл ожидал почувствовать острие ножа между ребер. Но меньше чем через минуту незнакомец убрал нож и подошел к двери спальни.

– У тебя есть шанс исправиться, доктор. Я думаю, что ты слишком слабовольный для этого, но я надеюсь, что ошибаюсь.

Он ушел.

За десять минут, что Марквелл боролся за свое освобождение, он слышал посторонние шумы внизу. Очевидно, незнакомец искал ценности. Хотя он и казался таинственным, возможно, он был всего лишь грабителем с необычными методами своей работы.

Марквеллу удалось полностью освободиться лишь к

24.25. Его запястья были частично повреждены и кровоточили.

Хотя он не слышал никаких звуков снизу уже с полчаса, он взял свой пистолет из тумбочки и осторожно начал спускаться вниз. Он прошел в свой приемный кабинет, где ожидал обнаружить пропажу наркотиков, но ни один из двух белых шкафчиков не был тронут.

Он заторопился в кабинет, уверенный, что непрочный стеновой сейф был вскрыт. Сейф не был взломан.

Сбитый с толку, он повернулся и увидел опустошенные бутылки из-под виски, джина и водки. Незнакомец вылил в раковину даже недопитую бутылку с ликером.

К зеркалу была прикреплена записка. Незнакомец написал ее небольшими печатными буквами.

ЕСЛИ ТЫ НЕ ПРЕКРАТИШЬ ПИТЬ, ЕСЛИ ТЫ НЕ СМИРИШЬСЯ СО СМЕРТЬЮ ЛЕННИ, Я СУНУ ПИСТОЛЕТ В ТВОИ РОТ И ВЫПУЩУ МОЗГИ. ЭТО НЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ЭТО ФАКТ.

Держа в руках записку и пистолет, Марквелл осмотрел пустую комнату, как будто незнакомец был все еще здесь. Как будто он был невидимым приведением, которое по желанию могло стать видимым. – Кто ты? – требовательно спросил он. – Кто ты, черт тебя возьми?

Ему ответил лишь вой ветра за окном, чей громкий стон не мог ему помочь в его вопросе.

В 11 часов следующего утра, после ранней встречи с хозяином похоронного бюро, Боб Шан вернулся в окружную больницу, чтобы посмотреть на свою новорожденную дочь. После того как он облачился в стерильный халат, надел шапочку и хирургическую маску, после того как он тщательно вымыл руки под присмотром сестры, его впустили в палату, где он осторожно поднял Лауру из колыбели.

В палате было еще девять новорожденных. Все они были милые так или иначе, но Боб не мог поверить, что кто-то мог быть милее его Лауры. Хотя в обычном представлении ангелы имели голубые глаза и светлые волосы, а у Лауры были карие глаза и коричневые волосы, ее внешность была не менее ангельской. За те десять минут, которые он держал ее, она не плакала: она моргала, морщилась, вращала глазами и попала. Она выглядела печальной, как будто знала что у нее нет матери, и что они с отцом остались одни в этом холодном и сложном мире.

Смотровое окно, через которое родители могли увидеть новорожденных, вытянулось во всю стену. Пятеро человек собрались за стеклом. Четверо из них улыбались, показывали пальцами и корчили смешные рожицы своим детям.

Пятый был блондин в морском бушлате, который стоял, сунув руки в карманы. Он не улыбался, не тыкал пальцем и не строил рожицы. Он смотрел на Лауру.

После пяти минут, в течение которых незнакомец не отвел взгляда от Лауры, Боб заволновался. Парень выглядел обыч-

ным и добродушным, но кроме твердости в его лице было еще что-то такое, что заставило Боба подумать, что это был человек, который видел и делал ужасные вещи.

Он вспомнил несколько сенсационных историй о похищениях детей, которые потом продавались на черном рынке. Он сказал себе, что он сумасшедший, который выдумывает опасность там, где она не существует, потому что, потеряв Джэнет, теперь он не хотел потерять свою дочь. Но чем дольше незнакомец смотрел на Лауру, тем больше беспокоился Боб.

Словно почувствовав это беспокойство, незнакомец поднял глаза. Они смотрели друг на друга. Взгляд голубых глаз незнакомца был таким светлым и ревностным, что страх у Боба усилился. Он прижал к себе дочь, как будто незнакомец мог разбить стекло и выхватить ее у него из рук. Он решил позвать одну из медсестер и попросить ее поговорить с незнакомцем и навести кое-какие справки о нем.

Незнакомец улыбнулся. Эта широкая и теплая улыбка изменила его лицо. В одно мгновение он стал выглядеть дружелюбно. Он подмигнул Бобу и ртом произнес единственное слово через тонкое стекло:

– Красавица.

Боб расслабился и улыбнулся, но, поняв, что его улыбка не видна из-за хирургической маски, он благодарно кивнул.

Незнакомец снова посмотрел на Лауру, снова подмигнул Бобу и отошел от окна.

Позже, когда Боб Шан отправился домой, высокий мужчина в темной одежде подошел к смотровому стеклу. Его звали Кокошка. Он осмотрел младенца; потом его взгляд переместился и он увидел свое отражение на отполированном стекле. У него было широкое, плоское лицо с резкими чертами, губы были тонкими и жесткими. Двухдюймовый шрам пересекал его левую щеку. Его темные глаза не были глубокими, а казались нарисованными керамическими сферами, они были похожи на холодные глаза акулы, рыщущей в темных глубинах океана. Он был удивлен, как резко контрастировало его лицо с невинным видением младенцев, лежащих за окном; он улыбнулся, что было очень редко, но его улыбка не только сделала более теплым выражение его лица, но сделала его еще больше угрожающим.

Он снова посмотрел сквозь свое отражение. Ему было не трудно обнаружить Лауру Шан среди остальных младенцев потому, что имена детей были написаны на карточках, приделанных к спинкам кроватей.

– Почему к тебе проявляют такой интерес, Лаура? – удивился он. – Почему твоя жизнь так важна? Зачем затрачена вся эта энергия, для того чтобы лишь увидеть, что ты безопасно появилась на свет? Должен ли я убить тебя сейчас и положить конец предательскому плану?

Он мог бы ее убить без угрызений совести. Он убивал детей раньше, хотя не таких маленьких, как она. Ни одно пре-

ступление не было так ужасно, если оно служило делу, которому он посвятил свою жизнь.

Малышка спала. Ее губы шевелились, а печальное лицо временами морщилось, как будто ее сон был печальным.

Наконец он решил не убивать ее. Пока.

– Я всегда смогу уничтожить тебя позже, малышка, – пробормотал он. – Когда я узнаю, какую роль ты играешь в предательском плане, тогда я убью тебя.

Кокошка отошел от окна. Он знал, что не увидит больше девочку на протяжении восьми лет.

ГЛАВА 2

В Южной Калифорнии дождь редко лил весной, летом или осенью. Настоящие дождливые сезоны обычно начинались в декабре и конце марта. Но в субботу, 2 апреля 1963 года, небо было затянуто тучами и воздух был очень влажным. Раскрыв передние двери бакалейной лавки в Саиба Ане, Боб Шан решил, что настало время для хорошего последнего ливня сезона.

Фигуросые деревья во дворе дома через улицу и пальма на углу дома были неподвижны в спокойном воздухе и казались унылыми в ожидании надвигающегося шторма.

Боб убавил звук радио. «Бич Бойз» пели свой новый хит «Серфинг в США». Принимая во внимание погоду, слова

песни были также неуместны, как рождественская песня в июле.

Боб посмотрел на часы: 15.15.

– К 15.30 будет дождь, – подумал он, – сильный дождь.

Дела хорошо продвигались утром, но после полудня они продвигались медленно. В этот момент в лавке не было ни одного посетителя.

Фамильная бакалейная лавка стояла напротив целого ряда конкурирующих лавок. Он планировал изменить стиль работы, предлагая покупателям большой ассортимент свежих продуктов, но оттягивал эти перемены, требующие больших затрат времени и сил.

Если шторм все же разразится, то до конца дня лавку посетят немногие покупатели. Он мог бы закрыться раньше и отвести Лауру в кино. Повернувшись от двери, он сказал:

– Лучше готовь лодку, дочка.

Лаура стояла в проходе на коленях возле кассового аппарата и была поглощена своей работой. Боб принес из кладовой четыре коробки консервированного супа, которые Лаура расставляла по полкам. Ей было всего восемь лет, но она была трудолюбивым ребенком и любила помогать отцу. Поставив цену на каждой банке, она ставила их на полки, помня правила торговли и ставя свежий суп позади старого.

Она подняла недоумевающий взгляд:

– Лодку? Какую лодку?

– На втором этаже. Лодка лежит в чулане. Судя по обла-

кам, она нам понадобится сегодня.

– Глупо, – сказала она, – у нас нет никакой лодки в чулане.

Он прошел за прилавок.

– Прекрасная маленькая синяя лодка.

– Да? В чулане? В каком чулане?

Он начал расфасовывать по пластиковым пакетам свежее печенье.

– В чулане, который в библиотеке, конечно.

– У нас нет библиотеки.

– Нет? О! Значит, как ты это заметила, лодки нет в библиотеке. Она в чулане комнаты жабы.

Лаура хихикнула:

– Какой жабы?

– Ты хочешь сказать мне, что не знаешь о жабе? Усмехаясь, она покачала головой.

– С сегодняшнего дня мы сдаем комнату прекрасной жабе из Англии. Эта великосветская жаба приехала сюда по королевским делам.

В апрельском небе вспыхнула молния и прогремел гром. Статический разряд на мгновение прервал песню «Каскадс» «Ритм дождя».

Лаура не обратила внимания на шторм. Она не боялась таких вещей, которые пугали многих детей. Она была такой самоуверенной и самостоятельной, что временами казалась старой женщиной, маскирующейся под девочку.

– Как королева могла поручить жабе свои дела?

– Жабы прекрасные бизнесмены, – сказал Боб, пробуя печенье. Со времени смерти Джэнет и переезда в Калифорнию, он набрал еще пятьдесят фунтов веса. Он никогда не был красивым мужчиной. В свои тридцать восемь лет он приобрел брюшко и потерял надежду на внимание женщин. В жизни он тоже не был особенно удачлив; никто не мог разбогатеть, владея маленькой бакалейной лавкой. Но это его не беспокоило. У него была Лаура, и он был хорошим отцом. Она любила его всем сердцем, также, как он ее, все остальное в мире не имело для него большого значения.

Да жабы прекрасные бизнесмены. Семья этой жабы служит короне уже сотни лет. В действительности это не жаба, а заколдованный рыцарь. Сэр Томми Тод.

Молния сверкнула еще ярче. Гром прогремел громче.

Закончив расставлять консервированный суп, Лаура поднялась с колен и вытерла руки о белый передник, который она носила поверх рубашки с короткими рукавами и джинсов. Она была красивой; с густыми коричневыми волосами и большими карими глазами, она имела больше, чем простое сходство со своей матерью.

– И сколько же сэр Томми Тод платит за комнату?

– Шесть пенсов в неделю.

– Он в комнате, которая по соседству с моей?

– Да, в той комнате, в чулане которой лежит лодка.

Она захихикала снова:

– Что ж, тогда ему лучше не храпеть.

– Он сказал то же самое о тебе.

Помятый старый «бьюик» остановился перед лавкой; когда водительская дверь открылась, небо разверзлось от третьего раската грома. Улица заполнилась светом молнии, осветившем припаркованный «бьюик» и проезжающие мимо автомобили. Аккомпанирующий гром потряс дом с крыши до фундамента, как будто шторм разверз не только небеса, но и землю, вызвав землетрясение:

– Ух ты! – сказала Лаура, бесстрашно подойдя к окну.

Хотя не упала еще ни одна капля дождя, ветер неожиданно налетел с запада, гоня перед собой листья и мусор.

Человек, вышедший из синего «бьюика», в удивлении смотрел на небо.

Вспышка за вспышкой молния рассекала облака, обжигая воздух, отражаясь в окнах и хромированной поверхности автомобиля, и с каждой вспышкой гремел гром, словно огромный кулак Бога опускался на землю.

Молния всколыхнула воспоминания Боба. Тогда он позвал Лауру:

– Милая, отойди от окна.

Она прошла за прилавок и дала ему себя обнять, возможно, больше для его успокоения, чем для своего.

Человек, вышедший из «бьюика», заторопился в лавку. Глядя на сверкающее небо, он сказал:

– Вы видели это? Ух!

Гром стих, воцарилась тишина.

Начался дождь. Большие первые капли ударили в окно, затем в одно мгновение пелена дождя скрыла весь внешний мир за пределами маленького магазина.

Посетитель обернулся и улыбнулся.

– Какое зрелище, а?

Боб хотел было ответить, но при более внимательном взгляде на посетителя почувствовал опасность, как олень, должно быть, чувствует приближающегося волка. На парне были потертые рабочие ботинки, грязные джинсы и поношенная ветровка, из под которой торчала белая рубашка. У него были длинные жирные волосы и небритая щетина. Красные глаза были воспалены. Подойдя к прилавку, он вытащил из ветровки револьвер.

– Давай все, что есть в кассе, задница.

– Конечно.

– Быстрее.

– Только спокойно.

Грабитель облизал свои бледные потрескавшиеся губы.

– Не вздумай шутить, задница.

– О'кэй, о'кэй, конечно. Я отдам все, – сказал Боб, толкая одной рукой Лауру за свою спину.

– Оставь девчонку так, чтобы я мог ее видеть!

Я хочу видеть ее. Давай, мать твою, вытаскивай ее из-за спины!

– О'кэй, только успокойся.

Лицо парня растянулось в мертвой улыбке, его тело за-

метно содрогалось.

– Вот так, чтобы я ее видел. И не тянись ни к чему кроме кассы, не трогай револьвер или я снесу твою вонючую башку.

– У меня нет оружия, – заверил его Боб. Он взглянул на забрызганное дождем окно, надеясь, что другие покупатели не придут, пока не уберется этот грабитель. Этот идиот мог бы пристрелить каждого, кто войдет в эти двери.

Лаура попыталась спрятаться за отца, но грабитель сказал:

– Эй не двигайся! Боб сказал:

– Ей всего восемь лет...

– Она сука, они все долбаные суки, что большие, что маленькие.

Его пронзительный голос быстро надломился. Он выглядел напуганным больше, чем Боб, и этого Боб боялся больше всего.

Хотя его внимание было полностью привлечено грабителем и револьвером, Боб расслышал по радио мелодию Ски-тер Дэвис «Конец света», которая звучала для него пророчески. Под дулом револьвера грабителя Боб страстно желал, чтобы мелодия не стала предзнаменованием их с Лаурой смерти.

– Вот деньги, это все, бери их.

Собрав с прилавка деньги и сунув их в карман грязной ветровки, грабитель сказал:

– У тебя есть кладовка?

– Зачем?

Одной рукой грабитель зло смел упаковки с печеньем и жевательной резинкой с прилавка на пол. Он протянул револьвер к Бобу.

– У тебя есть кладовка, задница, я знаю, что есть. Идем туда.

Во рту Боба неожиданно пересохло.

– Послушай, бери деньги и уходи. Ты получил что хотел. Уходи, пожалуйста.

Усмехаясь, более самоуверенно теперь, когда у него были деньги, приободренный страхом Боба, но все еще дрожа, грабитель сказал:

– Не беспокойся, я не собираюсь никого убивать. Я любовник, а не убийца. Все, чего я хочу, это только маленькую сучку, потом я уйду.

Боб проклинал себя за то, что не имел оружия. Лаура прильнула к нему, она верила в него, а он ничего не мог сделать, чтобы ее спасти. По дороге в кладовку он мог бы броситься на грабителя и попытаться выхватить револьвер. Но он был слишком неповоротлив. Не умея двигаться быстро, он был бы тут же застрелен и остался бы умирать на полу, пока этот грязный ублюдок насилует бы его дочь в кладовке.

– Шевелись, – крикнул грабитель. – Быстрее!

Раздался выстрел. Лаура закричала, и Боб прижал ее к себе, заслоняя ее, но застреленным оказался не кто иной, как грабитель. Пуля угодила ему в висок, размозжив череп, и он рухнул на пачки с печеньем и жевательной резинкой, кото-

рые он смел с прилавка на пол. Он умер так мгновенно, что даже не успел инстинктивно нажать на курок своего револьвера.

В недоумении Боб посмотрел направо и увидел высокого блондина с пистолетом в руке. Очевидно, он вошел в магазин через заднюю дверь и тихо прокрался в лавку. Войдя в бакалейную лавку, он без предупреждения пристрелил грабителя. Когда он смотрел на мертвое тело, его взгляд был такой спокойный и лишенный всяческих эмоций, как будто он был опытным экзекутором.

– Спасибо Богу, – сказал Боб, – и полиции.

– Я не из полиции.

На парне были серые брюки, белая рубашка и темно-красная куртка, из-под которой была видна подплечная кобура.

Боб растерялся, думая о том, что не был ли их спаситель просто другим вором, которому помешал мертвый теперь грабитель.

Незнакомец поднял глаза от трупа. Взгляд его голубых глаз был прямым и волевым.

Боб был уверен, что видел этого парня раньше, но не мог вспомнить, где и когда.

Незнакомец пересек комнату, обойдя стороной труп, и запер переднюю дверь на засов. Он опустил шторы. Беспокойно взглянув на большие окна, по которым стекал бесконечный дождевой поток, он сказал:

– Как я понимаю, их закрыть нельзя. Нам остается наде-

яться, что никто не станет в них заглядывать.

– Что вы собираетесь с нами делать?

– Я? Ничего. Я не похож на этого ублюдка. Мне ничего не надо от вас. Я закрыл дверь для того, чтобы сочинить историю, которую вы расскажете полиции. Мы должны сочинить ее раньше, чем кто-то войдет сюда и увидит тело.

– Зачем нам сочинять что-то?

Наклонившись над трупом, незнакомец достал ключи от машины и деньги из кармана пропитанной кровью ветровки. Выпрямившись, он сказал:

– О'кэй, тогда вам придется рассказать о двух вооруженных грабителях. Один хотел Лауру, а другого тошнило от мысли об изнасиловании маленькой девочки, и он решил этому помешать. Они поспорили, второй пристрелил этого ублюдка и скрылся с деньгами. Вы сможете это повторить?

Бобу с трудом верилось, что они с Лаурой спасены. Одной рукой он прижимал дочь к себе.

– Я... Я не понимаю. Ведь вы не были с нами. У вас не должно быть неприятностей из-за этого убийства – в конце концов ведь он хотел убить нас. Почему же нам не рассказать правду?

Шагнув к прилавку и вернув деньги Бобу, незнакомец спросил:

– Ну и как же выглядит правда?

– Ну... вы случайно оказались поблизости и увидели ограбление.

– Я оказался здесь вовсе не случайно, Боб. Я следил за тобой и Лаурой.

Сунув пистолет в кобуру, незнакомец посмотрел на Лауру. Она уставилась на него широко раскрытыми глазами. Он улыбнулся и прошептал:

– Я твой ангел-спаситель.

Не веря в ангелов-спасителей, Боб сказал:

– Следили за нами? Откуда, сколько, зачем?

С настойчивостью в голосе и с неопределенным акцентом, который Боб слышал впервые, незнакомец сказал:

– Я не могу сказать тебе этого.– Он посмотрел на залитые дождем окна.– Я не могу быть допрошен полицией. Поэтому тебе придется рассказать им выдуманную историю.

Боб сказал:

– Откуда я могу знать вас?

– Ты не знаешь меня.

– Но я уверен, что видел вас раньше.

– Ты не видел меня. Тебе не нужно много знать. А теперь, во имя Господа, спрячь эти деньги и оставь кассу пустой, это будет выглядеть странно, если второй грабитель ушел без того, зачем пришел. Я возьму его «бьюик» и брошу через несколько кварталов, так что можешь дать полиции его описание. Дай им и мое описание. Это не будет играть никакой роли.

На улице прогремел гром, но он уже был тихий и отдаленный, непохожий на тот, с которого начиналась буря.

Воздух пропитался влагой, острый запах крови смешался с вонью мочи. Облокотившись о прилавок и продолжая прижимать к себе Лауру, Боб сказал:

– Почему я не могу сказать им, как вы вмешались в ограбление, застрелили этого типа и, не желая огласки, скрылись?

Незнакомец нетерпеливо повысил голос:

– Вооруженный парень случайно оказался поблизости от ограбления и решил стать героем? Полицейские не поверят в эту дурацкую историю.

– Но ведь так все и произошло.

– Но они не купятся на это! Послушай, они могут начать думать, что это ты пристрелил грабителя. Так как ты не имеешь оружия, во всяком случае официально, они начнут подозревать тебя в нелегальном ношении оружия, но, во всяком случае, никак не поверят в рассказ об Одиноком Рейнджере, который спас твою задницу.

– Я уважаемый бизнесмен с хорошей репутацией.

Глаза незнакомца стали печальными.

– Боб, ты прекрасный человек... Но временами ты становишься немного наивным.

– Что вы...

Незнакомец поднял руку, заставляя его замолчать.

– В такого рода делах репутация человека никогда не значит так много, как это должно быть. Большинство людей имеют доброе сердце, и они хотят приносить пользу другим, но ядовитое меньшинство желает видеть остальных раздав-

ленными и униженными.

Его голос снизился до шепота, и хотя он продолжал смотреть на Боба, казалось, он смотрел в другие места, на других людей.

– Зависть, Боб. Зависть сжирает их живьем. Если у тебя есть деньги, они завидуют тебе. Но если у тебя их нет, они завидуют тому, что у тебя есть хорошенькая, симпатичная, любящая дочка. Они завидуют тому, что ты счастливый человек. Они завидуют тому, что ты не завидуешь им. Одна из самых больших ошибок человеческого существования в том, что некоторые люди не находят счастья в самой жизни, а находят его в несчастьях других людей.

Некоторой своей наивности Боб не мог отрицать, он знал, что незнакомец говорил правду. Он вздрогнул.

После некоторого молчания незнакомец заговорил тем же настойчивым голосом:

– И когда полицейские решат, что ты лжешь об Одиноким Рейнджере, который спас вас, они начнут сомневаться в существовании самого факта попытки ограбления. Они могут решить, что ты знал грабителя, не поделил с ним что-то и решил свести счеты, запланировав убийство и представив все, как ограбление. Так думают полицейские, Боб. Если даже им не удастся повесить на тебя это преступление, они надолго испортят твою жизнь. Разве ты хочешь усложнить жизнь Лауры?

– Нет.

– Значит, сделай по-моему. Боб кивнул.

– Я сделаю так. Но кто ты, черт возьми?

– Это не имеет значения. К тому же у нас мало времени.–

Он зашел за прилавок и нагнулся к Лауре.– Ты поняла, что я говорил твоему отцу? Если полиция спросит тебя, что случилось... – Вы были с этим человеком, – сказала она, показывая в сторону трупa.

– Так будет правильно.

– Вы были его другом, – сказала она, – но потом вы начали спорить обо мне, хотя я не уверена, почему, ведь я ничего не делала.

– Это не имеет значения почему, дорогая, – сказал незнакомец.

Лаура кивнула.

– Потом вы застрелили его и убежали со всеми деньгами, а я была очень напугана.

Незнакомец посмотрел на Боба.

– И ей всего восемь лет?

– Она очень смышленная девочка.

– Но все-таки будет лучше, если полицейские не будут много допрашивать ее.

– Я им не позволю.

– Если они будут это делать, – сказала Лаура, – я заплачу и буду плакать, пока они не прекратят.

Незнакомец улыбнулся. Он смотрел на Лауру с такой любовью, что Бобу стало не по себе. Он вовсе не был похож на

того подонка, который хотел затащить ее в кладовую; выражение его лица было ласковым и любящим. Он дотронулся до ее щеки. К удивлению, в его глазах заблестели слезы. Он заморгал и выпрямился.

– Боб, убери эти деньги. Помни, я убежал вместе с ними.

Боб понял, что по-прежнему держал в руке пачку банкнот. Он сунул их в карман брюк, и его свисающий передник закрыл выпуклость.

Незнакомец открыл дверь и поднял штору.

– Заботься о ней, Боб. Она очень необычная.

Потом он бросился под дождь, оставив дверь распахнутой, и нырнул в «бьюик». Колеса завизжали, и машина сорвалась с места.

Радио было включено все это время, но Боб услышал его теперь впервые после «Конца света», прежде чем грабитель был убит. Теперь Шелли Фабарес пела «Ангел Джонни».

Неожиданно он снова услышал дождь. Не просто отдаленный шум, а настоящий ливень, зло швыряющий потоки воды в стекла окон и грохочущий по крыше. Несмотря на врывающийся в двери ветер, запах крови и мочи стал гораздо сильнее, чем раньше. Выйдя из транса, вызванного ужасом, и вернувшись ко всем своим чувствам, он только сейчас осознал, как близка была Лаура к смерти. Он подхватил ее на руки, прижал к себе и, повторяя ее имя, гладил ее по голове. Он прижался лицом к ее шее, почувствовав свежесть ее кожи и пульсирующую артерию на горле, он благодарил Бога

за то, что она была жива.

– Я люблю тебя, Лаура.

– Я тоже люблю тебя, папа. Я люблю тебя за сэра Томми Тода и за все остальное. Но нам нужно позвонить в полицию.

– Да, конечно, – сказал он, с неохотой опуская ее на пол.

На его глазах появились слезы. Его нервы были так взвинчены, что он не мог вспомнить, где был телефон.

Лаура уже сняла трубку и протянула ее отцу:

– Я могу сама позвонить им, папа. Номер написан здесь, на телефоне. Ты хочешь, чтобы я позвонила?

– Нет, я сам позвоню, дочка.

Моргая от слез, он взял из ее рук трубку и сел на старый деревянный стул, стоявший за кассовым аппаратом. Она положила руку ему на плечо, как будто знала, что он нуждается в этом.

Джэнет была эмоционально сильной женщиной. Но сила воли Лауры и ее самообладание были необычны для ее лет. Боб Шан не знал, откуда в ней это. Может быть, отсутствие матери сделало ее такой самостоятельной.

– Папа, – сказала Лаура, постучав пальцем по телефону, – нужно звонить в полицию, ты помнишь?

– Ах, да, – сказал он. Стараясь не обращать внимания на запах смерти, царивший в лавке, он набрал номер полицейского участка.

Кокошка сидел в машине напротив бакалейной лавки Бо-

ба Шана и задумчиво трогал свой шрам на щеке.

Дождь прекратился. Полиция уехала. Неоновые вывески магазинов и свет уличных фонарей освещали ночь, но шоссе оставалось темным, как будто его поверхность поглощала свет, вместо того чтобы отражать.

Кокошка приехал сюда одновременно со Стефаном, светловолосым и голубоглазым предателем. Он слышал выстрел, видел, как Стефан уехал на чужой машине, а потом смешался с толпой любопытных, когда приехала полиция. Он также в деталях знал, что случилось в лавке.

Он, конечно, знал и об истории Боба Шана, в которой Стефан выступал в качестве второго грабителя. Стефан не был их противником, а, напротив, являлся их спасителем. Лавочник без сомнения лгал, чтобы скрыть его истинное участие.

Лаура снова была спасена.

Но зачем?

Кокошка пытался представить себе, какую роль девочка могла играть в планах предателя, но ему это не удавалось. Он знал, что ничего не добьется и от самой девочки, потому что она была слишком мала, чтобы сказать что-нибудь полезное. Причина ее спасения была так же таинственна для нее, как и для Кокошки.

Он был уверен, что ее отец тоже ничего не знал. Стефана, очевидно, интересовала сама девочка, а не ее отец, потому что Боб Шан не был посвящен в планы и цели Стефана.

Наконец Кокошка проехал несколько кварталов до ресто-

рана, пообедал и вернулся к бакалейной лавке уже поздно ночью. Он припарковал машину в стороне от здания, в тени пальмы. В лавке было темно, но на втором этаже горел свет.

Из глубокого кармана своего плаща он достал револьвер. Это был кольт «Агент» 38-го калибра с укороченным стволом, но очень мощный. Кокошка любил хорошее оружие, и ему особенно нравилось держать его в руке; это была сама смерть, заключенная в сталь.

Кокошка мог, перерезав телефонные провода, тихо взломать дверь, убить девочку и ее отца и ускользнуть прежде, чем полиция слетится на выстрелы. Он чувствовал талант и влечение к подобного рода работе.

Но если он убьет их, не узнав, зачем убивает их, не поняв их роли в замыслах Стефана, то может позже обнаружить, что их уничтожение было его ошибкой. Он должен был узнать цель Стефана, прежде чем действовать.

С неохотой он сунул револьвер обратно в карман.

ГЛАВА 3

В безветренной ночи дождь прямо падал на город, как будто каждая капля имела чудовищный вес. Он шумно стучал по крыше и ветровому стеклу маленького черного автомобиля.

В час ночи, во вторник, поздним мартом, залитые дожде-

выми потоками улицы были пустынно, не считая военного патруля. Стефан выбрал не прямой путь до института для того, чтобы избежать полицейских постов, но он боялся и импровизированных постов на дорогах. Его документы были в порядке и разрешали свободное передвижение во время комендантского часа. Тем не менее, он предпочитал избегать проверок военной полиции. Он не мог допустить обыска машины из-за дипломата, лежащего на заднем сиденье, в котором были медные провода, детонаторы и пластиковая взрывчатка.

Из-за того что его дыхание затуманило ветровое стекло, из-за того что этой ночью на город обрушился дождь, из-за того что оmyвательные щетки изнашивались, а фары освещали лишь ограниченный участок дороги, он почти пропустил узкую, вымощенную булыжником улочку, которая вела к задворкам института. Он выругался и резко крутанул руль. «Седан» повернул, заскрипев тормозами.

Он припарковал машину возле заднего входа, вышел из машины и взял дипломат с заднего сиденья. Институт помещался в сером четырехэтажном здании с тяжелыми решетками на окнах. Над этим зданием нависала угроза, хотя оно не было похоже на пристанище, где нашли место секреты, которые изменяют мир. На черных металлических дверях не было петель. Он нажал кнопку, услышал звонок внутри и стал нетерпеливо ждать ответа.

На нем были резиновые сапоги и дождевой плащ с под-

нятым воротником, но у него не было ни шляпы, ни капюшона. Холодный дождь падал на его голову и стекал по шее. Вздрыгнув, он посмотрел на узкое окошечко, вделанное в стену рядом с дверью. Оно было шесть дюймов шириной, фут высотой, со стеклом, которое было зеркальным снаружи и прозрачным внутри.

Он терпеливо слушал дождь, стучащий по машине и брызгающий в стороны. Капли дождя шуршали по листьям платанов, окружавших здание.

За дверью загорелся свет. Это была яркая желтая полоска, падающая прямо на него.

Стефан улыбнулся в зеркальное смотровое окошко охраннику, которого он не мог видеть.

Свет погас, загремел засов, и дверь распахнулась внутрь. Он знал охранника: это был Виктор, крепкий пожилой мужчина пятидесяти лет с поседевшими серыми волосами и в очках со стальной оправой. Несмотря на впечатляющую фигуру, он был добрый, как курица-несушка. Он заботился о здоровье своих друзей и знакомых.

– Сэр, что вы делаете здесь в такой час и в такой дождь?

– Не спится.

– Ужасная погода. Входите! Вы можете простудиться.

– Меня беспокоит незавершенная работа, поэтому я решил приехать и доделать ее.

– Эта работа загонит вас в гроб, сэр. Это точно. Когда Стефан шагнул в дверь, и наблюдая, как охранник закрывает ее,

он порылся в своей памяти, выуживая информацию о личной жизни Виктора.

– Глядя на тебя, я полагаю, что твоя жена все еще делает те невероятно вкусные блюда, о которых ты говорил мне.

Отвернувшись от двери, Виктор тихо рассмеялся, похлопав себя по животу.

– Клянусь, что ее нанял сам дьявол, чтобы ввести меня в грех ненасытной прожорливости. А этот дипломат, сэр? Вы возьмете его с собой?

Смахнув с лица капли дождя, Стефан сказал:

– Здесь данные исследования. Я брал их домой две недели назад, чтобы поработать по вечерам.

– У вас что, совсем нет личной жизни?

– На это у меня есть двадцать минут каждый второй понедельник месяца.

Виктор неодобрительно прищелкнул языком. Он подошел к столу, который занимал треть маленькой комнаты, снял трубку и позвонил другому ночному охраннику, который располагался в передней комнате главного входа института. Когда в институте появлялся кто-то после рабочего времени, один охранник всегда предупреждал другого, чтобы избежать ложных тревог и случайной стрельбы в невиновного посетителя.

Роняя капли на потертый ковер и нащупывая ключи в кармане дождевого плаща, Стефан подошел ко внутренней двери. Как и наружная, она была сделана из стали и без види-

мых петель. Кроме того, ее можно было открыть только двумя ключами сразу – один из них находился у ответственного работника, другой – у дежурного охранника. Работа, проводимая в институте, была такой необычной и секретной, что даже ночным охранникам не позволялось входить в лабораторию и рабочие комнаты.

Виктор положил трубку.

– Сколько вы будете работать, сэр?

– Пару часов. Кто-нибудь еще работает сейчас?

– Нет. Вы единственный мученик. И никто, честно говоря, не отдает должного мученикам, сэр. Клянусь, эта работа вгонит вас в гроб, и ради чего? Кого это беспокоит?

– Элиот писал: «Святые и мученики восстанут из могилы».

– Элиот? Он поэт или кто?

– Да, поэт.

– Святые и мученики восстанут из могилы? Я ничего не знаю об этом парне. Но это звучит не очень разумно, а скорее губительно. – Виктор тепло рассмеялся, очевидно, удивленный смешным известием, что его трудолюбивый приятель мог быть предателем.

Вместе они открыли внутреннюю дверь. Стефан поставил дипломат со взрывчаткой в коридоре, где включил свет.

– Если ночная работа войдет в вашу привычку, – сказал Виктор, – я буду приносить вам пироги своей жены, чтобы придать вам силы.

– Спасибо, Виктор, но я надеюсь, что это все-таки не станет привычкой.

Охранник закрыл металлическую дверь. Замок сработал автоматически. Оставшись один в коридоре, Стефан подумал, не в первый раз, что ему повезло с внешностью; блондин с волевым лицом и голубыми глазами. Его внешность частично объясняла, почему он мог беспрепятственно пронести в институт взрывчатку, не боясь быть обысканным. В нем ничего не было темного, тайного или подозрительного, он был идеальным и ангельским, когда улыбался, и его преданность стране никогда не ставилась под сомнение такими людьми, как Виктор, людьми, чье слепое послушание начальству и сентиментальный патриотизм мешали им открыто думать о многих вещах. О многих вещах.

Он поднялся на лифте на третий этаж и прямо направился в свой кабинет, где включил латунную гибкую лампу. Сняв резиновые сапоги и дождевой плащ, он достал из ящика стола толстую папку и разложил ее содержимое по столу, чтобы создать видимость работы. Если кому-то еще придет в голову поработать среди ночи, он должен сделать все, чтобы не вызвать подозрений.

Неся дипломат и фонарик, который он достал из кармана дождевого плаща, он поднялся по лестнице мимо четвертого этажа, над которым находился чердак. Свет фонарика осветил огромные балки с видневшимися то тут, то там забытыми гвоздями. Хотя чердак был устлан грубым деревянным

полом, его не использовали для хранения и он был пуст, не считая толстого слоя серой пыли и паутины. Пространства до покрытой шифером крыши было достаточно, чтобы он мог стоять во весь рост в центре, хотя, работая ближе к карнизам, ему приходилось становиться на четвереньки.

Когда крыша находилась всего в нескольких дюймах над головой, настойчивый грохот дождя напоминал бесконечный свист снарядов над головой. Это сравнение пришло в голову потому, что он верил, что точно такие звуки будут неотвратимым роком для его города.

Он открыл дипломат. Работая со скоростью и уверенностью специалиста по разрушениям, он расположил кирпичики пластиковой взрывчатки, направляя всю мощность взрыва вверх и вниз. Взрыв должен не только сорвать крышу, но превратить в порошок средние этажи и заставить тяжелые опоры и балки крыши рухнуть вниз, в образовавшийся провал, чтобы вызвать еще большие разрушения. Он спрятал взрывчатку среди стропил и в углах чердака, даже поднял пару половых досок, оставив взрывчатку под ними.

Буря начинала стихать. Но скоро прокатился чудовищный раскат грома, и дождь захлестал с новой силой. Порывы ветра ревели над крышей и карнизами; его страшный рев, казалось, одновременно и угрожал городу и оплакивал его.

Ежась от холодного воздуха на чердаке, он продолжал свою работу дрожащими руками. Чувствуя холод, он обливался потом.

Он погрузил детонатор в каждый заряд и протянул провода от всех зарядов к северо-западному углу чердака. Свернув их в единый медный моток, он опустил моток в вентиляционный колодец, который проходил через все здание.

Заряды и провода были замаскированы, насколько это возможно, и их не заметил бы тот, кто открыл бы дверь чердака для поверхностного осмотра. Но при более внимательном осмотре или использовании чердака для хранения, провода и взрывчатка были бы безусловно замечены.

Ему нужно было двадцать четыре часа, чтобы никто не заходил на чердак. Это было не так уж сложно, так как он был единственным, кто залез на чердак за несколько месяцев.

Завтра ночью он придет со вторым дипломатом и установит взрывчатку в самом здании. Уничтожение здания одновременными взрывами сверху и снизу было единственным способом превратить все его содержимое в щепки, обломки и пыль. После взрыва и пожара не останется ничего от опасных исследований, которые проводились здесь.

Огромное количество взрывчатки повредит соседние с институтом здания, и он боялся, что многие невинные люди погибнут от взрыва. Но этих смертей нельзя было избежать. Он не хотел использовать меньшее количество взрывчатки, так как каждая не уничтоженная папка с документами могла способствовать быстрому восстановлению проекта. И этот проект должен был быть уничтожен во имя человечества, которое могло погибнуть. Ну что ж, если погибнут

невинные люди, это останется на его совести.

Через два часа, около четырех часов ночи, он закончил свою работу на чердаке.

Стефан вернулся в свой кабинет и сел за стол. Он не хотел уходить, пока его вспотевшая голова не высохнет и он не перестанет дрожать. Виктор мог заметить это.

Он закрыл глаза и представил лицо Лауры. Он всегда мог успокоить себя, подумав о ней. Один лишь факт ее существования умиротворял его и вселял мужество.

ГЛАВА 4

Друзья Боб Шана не хотели, чтобы Лаура присутствовала на похоронах своего отца. Они думали, что двенадцатилетнюю девочку нужно побережь от такого тяжелого испытания. Она все-таки настояла на своем, и, когда она так страстно желала попрощаться со своим отцом, никто не мог препятствовать ей.

Эта пятница, 24 июля 1967 года, была самым тяжелым днем в ее жизни, даже более печальным, чем предыдущий вторник, когда умер ее отец. Некоторый шок уже прошел, и Лаура не чувствовала больше онемения, она уже могла контролировать свои эмоции. Она начала осознавать, как много потеряла.

Она выбрала темно-синее платье потому, что черного у

нее не было. Она надела черные туфли и темно-синие носки, которые доставляли ей беспокойство, так как она чувствовала себя в них ребенком, легкомысленным ребенком; она никогда не носила чулки и не считала хорошей идеей одеть их впервые на похороны отца. Она верила, что ее отец будет наблюдать за службой с небес, и ему хотелось, конечно бы, видеть ее такой как всегда. Если он увидит ее в чулках, которые будут означать то, что она выросла из детского возраста, он может быть смущен.

В погребальном бюро она сидела в первом ряду между Корой Ланс, которая владела прекрасным магазином неподалеку от бакалейной лавки Шана, и Анитой Пассадополис, которая вместе с Бобом работала в благотворительном обществе при церкви Эндрю Пресбитерлан. Общим им было около пятидесяти, и они заботливо приглядывали за Лаурой.

Им не было нужды беспокоиться за нее. Она не будет плакать, не будет впадать в истерику и не будет рвать волосы на голове. Она понимала, что такое смерть. Каждому суждено было умереть. Умирили люди, собаки, коты, птицы и цветы. Даже древние красные деревья умирали рано или поздно, хотя они жили в двадцать-тридцать раз больше человека, который к тому же чувствовал себя не очень хорошо. С другой стороны, жить тысячу лет как дерево, было куда скучнее, чем счастливому человеку до сорока двух лет. Ее отцу было сорок два года, когда с ним случился этот сердечный приступ, такой ранний для его лет. Но таков был мир и пла-

кать об этом было бесполезно. Лаура гордилась своей рассудительностью.

Кроме того, смерть не была окончательной кончиной человека. В действительности, смерть была только началом. За ней следовала другая и лучшая жизнь. Она знала, что это должно быть правдой, потому что так говорил ей отец, а ее отец никогда не лгал. Ее отец был самым правдивым, добрым и хорошим человеком.

Когда священник встал слева от гроба, Кора Ланс нагнулась к Лауре.

– Ты в порядке, дорогая?

– Да. В порядке, – сказала она, не взглянув на Кору. Она не хотела встречаться с чьим-нибудь взглядом и с большим интересом изучала окружающие неодушевленные предметы.

Это было первое похоронное бюро, в которое она вошла, и ей здесь не понравилось. Красный ковер был до нелепости толстым. Шторы и обивка стульев тоже были красными, с тонкими золотыми прожилками. Лампы отбрасывали кровавые тени, и все комнаты, казалось, были украшены дизайнером, который был явно помешан на всем красном, который был кумиром красного.

Кумир было новым словом для нее. Она использовала его очень часто, как делала всегда, когда узнавала новые слова, но применяла она их в подходящих случаях.

В прошлом месяце, когда она впервые услышала слово «конфисковать», она использовала его при каждой возмож-

ности, пока отец не начал дразнить ее разнообразными глупыми вариациями: «Эй, как мой маленький конфискатор чувствует себя сегодня?» Или: «Этот хрустящий картофель не очень расходуется, поэтому его надо конфисковать с первой полки». Ему нравилось смешить ее рассказами о сэре Томми Тоде, английской амфибии, которую он придумал, когда Лауре было восемь лет, и чью комичную биографию он рассказывал каждый день. Иногда ее отец казался ребенком больше, чем она сама, и она любила его за это.

Ее нижняя губа задрожала. Она сжала ее. Сильно. Если она заплачет, то это поставит под сомнение то, что ее отец всегда говорил о загробной жизни, лучшей жизни. Своим плачем она может объявить его мертвым, мертвым раз и навсегда.

Ей сейчас так хотелось оказаться в комнатухе над бакалейной лавкой, лечь в постель и накрыться с головой одеялом. Эта мысль стала такой навязчивой, что она с трудом сидела в этих красных апартаментах.

Из похоронного бюро они отправились на кладбище.

На могилах не было надгробных камней. Участки были отмечены бронзовыми табличками на мраморных плитах, вдавленных в землю. Подстриженные зеленые газоны, затемненные огромными индийскими лавровыми деревьями и невысокими магнолиями, можно было принять за парк, где можно было играть, бегать и смеяться, если бы не открытая могила, возле которой лежал гроб с Бобом Шаном.

Прошлой ночью ее разбудили отдаленные раскаты грома, сквозь сон ей виделись вспышки молний, но если буря и была ночью на самом деле, то от нее не осталось и следа. Небо было голубым и безоблачным.

Лаура стояла между Корой и Анитой, которые прикасались к ней и бормотали увещевания, но ей не доставляло удовольствия ни то, что они делали, ни то, что говорили. Дрожь пронизывала ее после каждого слова молитвы священника, пока она не почувствовала себя словно стоящей раздетой среди арктической зимы, вместо тени дерева под жарким безветренным июльским утром.

Начальник похоронного бюро подал знак, и тело Боба Шана было опущено в землю.

Не имея сил смотреть на медленное опускание гроба и чувствуя трудности с дыханием, Лаура отвернулась, выскользнула из заботливых объятий благородных матрон и сделала несколько шагов по кладбищу. Она была холодна, как мрамор, ей хотелось выйти из тени. Она остановилась, как только достигла солнечного света, который приятно согрел ее, но не облегчил озноба.

Она смотрела на длинный невысокий холм примерно с минуту, прежде чем увидела мужчину, одиноко стоявшего в дальнем конце кладбища в тени огромных лавровых деревьев. На нем были светло-коричневые брюки и белая рубашка, которая делала человека похожим на приведение, скрывающееся в тени от удивительно для него солнца.

Он смотрел на Лауру и других участников похорон Боба Шана, стоявших у подножия холма. С такого расстояния Лаура не могла рассмотреть лицо, но это был высокий сильный блондин, в котором было что-то такое знакомое.

Этот посторонний наблюдатель заинтриговал ее, хотя она не знала, почему. Словно очарованная, она стала подниматься на холм, обходя могилы. Чем ближе она подходила к блондину, тем более знакомым он казался. Сначала он никак не реагировал на ее приближение, но она знала, что он изучал ее; она чувствовала его тяжелый взгляд.

Кора и Анита звали ее, но она не обращала на них внимания. Охваченная необъяснимым возбуждением, она шла быстрее и была уже в сотне футов от незнакомца.

Он отступил в искусственный мрак среди деревьев.

Боясь, что он исчезнет раньше, чем она сможет разглядеть его, – еще не совсем уверенная, почему это было так важно для нее, – Лаура побежала. Подошвы ее новых черных туфель скользили, и несколько раз она почти упала. На месте, где он стоял, трава осталась примятой, значит, он не был приведением.

Лаура заметила какое-то движение среди деревьев, его промелькнувшую белую рубашку. Она поспешила за ним. Лишь редкая бледная трава росла под деревьями, куда не проникало солнце. Кроны деревьев образовывали крышу, и здесь царил мир теней. Она споткнулась и схватилась за ствол дерева, чтобы не потерять равновесия. Когда она под-

няла глаза, то увидела, что незнакомец исчез.

Ее окружали лишь множество деревьев, чьи ветви переплетались и пропускали узкие нити солнца. Она бросилась в этот мрак. Несколько раз ей казалось, что она видела его, но это ей лишь казалось, это была игра света и ее воображения. Когда поднимался ветерок, она была уверена, что слышала его крадущиеся шаги среди легкого шороха листьев, но когда она шла на эти звуки, их источник всегда ускользал от нее.

Через пару минут она вышла из деревьев на дорогу, которая вела к другой части разросшегося кладбища. Припаркованные на обочине машины сверкали под яркими лучами солнца. В сотне ярдов от них другая группа людей совершала службу над другой могилой.

Лаура стояла на краю дороги, тяжело дыша и удивляясь, куда исчез незнакомец в белой рубашке и почему она преследовала его.

Сверкающее солнце, дуновение легкого ветерка и гнетущая тишина кладбища заставили ее снова почувствовать себя беспокойно. Солнце, казалось, проходило сквозь нее, как будто она была прозрачна и невесома; она чувствовала себя словно во сне, ей казалось, что она парила над землей.

«Я сейчас потеряю сознание», – подумала Лаура.

Она облокотилась рукой о машину и сжала зубы, борясь за свое сознание.

Хотя ей было всего двенадцать лет, она редко думала и поступала как ребенок, она никогда не чувствовала себя ребен-

ком до этого момента на кладбище, когда неожиданно почувствовали себя такой маленькой, слабой и беззащитной.

Рыже-коричневый «форд» медленно ехал по дороге и еще более замедлил движение, когда поровнялся с Лаурой. За рулем сидел человек в белой рубашке.

В тот момент когда она увидела его, она поняла, почему он казался ей таким знакомым. Ограбление. Ее ангел-спаситель. Хотя ей тогда было всего восемь лет, она никогда не забудет его лица.

Он почти остановил машину и рассматривал Лауру, медленно проезжая вперед. Их разделяло всего несколько футов.

Через открытое окно его машины каждая черточка его лица была ясно видна, как в тот ужасный день, когда она впервые увидела его в лавке. Его глаза были светло-голубые и приковывали взгляд, насколько она помнила. Когда их глаза встретились, она вздрогнула.

Он ничего не сказал, не улыбнулся, а внимательно разглядывал ее, как будто пытаясь зафиксировать в памяти каждую деталь ее внешности. Он смотрел на нее так, как, должно быть, смотрел на стакан воды человек, пересекший пустыню. Его молчание и немигающий взгляд пугали Лауру, но вселяли в нее необъяснимое чувство безопасности.

Машина катилась мимо нее. Лаура закричала:

– Подождите!

Она оттолкнулась от машины, на которую облакачива-

лась, и бросилась к «форду». Незнакомец нажал на газ и помчался по дороге, оставив ее одну под этим ярким солнцем, пока мгновение спустя за ее спиной не раздался голос:

– Лаура?

Когда она обернулась, то сначала не увидела его. Он снова назвал ее имя, и она заметила его в пятнадцати футах, у края деревьев, стоявшего в багровой тени под лавровым деревом. На нем были черные брюки и черная рубашка, казавшиеся столь нелепыми в этот летний день.

Смущенная, ошеломленная и удивленная тем, что этот человек мог быть связан с ее ангелом-спасителем, Лаура зашагала к нему. Она была в нескольких шагах от незнакомца, когда осознала удивительную разницу между ним и ярким теплым летним днем. Это было вызвано не столько его черной одеждой, сколько его собственной темнотой; от него исходил какой-то холод, как будто он родился на северном полюсе или в пещере покрытых льдом гор. Она остановилась в пяти шагах от него. Незнакомец больше ничего не говорил, он внимательно смотрел на нее взглядом, который был более ошеломительным, чем все остальное.

Лаура разглядела шрам на его левой щеке.

– Почему ты? – спросил навевающий холод незнакомец и сделал шаг вперед, протянув руку.

Лаура отшатнулась назад, неожиданно испугавшись так, что закричала.

Откуда-то из зарослей деревьев раздался голос Кору

Ланс:

– Лаура? С тобой все в порядке, Лаура? Незнакомец среагировал на приближающийся голос Кору, повернулся и удалился в чащу деревьев, его тело, облаченное во все черное, быстро растворилось в тени, как будто он не был реальным человеком, а лишь частицей мрака, ставшей живой на короткий отрезок времени.

Через пять дней после похорон, во вторник 29 июля, Лаура вернулась в свою комнату над бакалейной лавкой, впервые за неделю. Она собиралась и прощалась с местом, которое было ее домом, сколько она себя помнила.

Остановившись, чтобы отдохнуть, она села на край старой кровати, пытаясь вспомнить, как безопасно и счастливо она чувствовала себя в этой комнате всего несколько дней назад. Сотня книг, в основном содержащих историю о собаках и лошадях, стояли на полке в углу комнаты. Пятьдесят миниатюрных собачек и кошек из стекла, латуни, фарфора и олова заполняли полки над изголовьем ее кровати.

У нее не было любимцев среди этой выставки искусственных животных, украшавших комнату над бакалейной лавкой. Ей всегда хотелось иметь настоящую собаку или даже лошадь. Она мечтала стать ветеринаром, когда вырастет, чтобы лечить больных животных.

Ее отец говорил, что она может стать кем угодно: ветеринаром, адвокатом, кинозвездой, всем.

– Ты можешь стать ветеринаром или балериной. Ничто тебе не помешает.

Лаура улыбнулась, вспомнив как ее отец изображал балерину на сцене. Но она тут же вспомнила, что он исчез, оставив в ней пустоту.

Она освободила шкаф, аккуратно сложив свою одежду, и заполнила два чемодана. У нее еще был один дорожный чемодан, в который она упаковала свои любимые книги, несколько игр, плюшевого мишку.

Кора и Том Ланс провели инвентаризацию всего содержимого, оставшегося в маленьких апартаментах и бакалейной лавке. Лаура собиралась остаться с ними, хотя ей еще не было ясно до конца, было ли это временно или навсегда.

Взволнованная мыслями о своем неопределенном будущем, Лаура снова начала собираться. Она открыла ящик одной из тумбочек и замерла при виде миниатюрных башмачков, крохотного зонтика и четырехдюймового шарфика, которые оставил здесь ее отец, как доказательство того, что сэр Томми Тод снимал у них комнату.

Он попросил одного из своих друзей, толкового скорняка, изготовить башмачки, которые были бы в пору только на лапы лягушки. Зонтик он купил в магазине, где продавались игрушки, а зеленый шарфик сделал сам из бахромы. В свой день рождения, когда ей исполнилось девять лет, она пришла из школы и увидела башмачки и зонтик, стоявшие у стены

ее комнаты, шарф аккуратно висел на вешалке.

– Тс-с-с, – серьезно прошептал ее отец, – сэр Томми только что вернулся из путешествия в Эквадор, где находился по королевским делам. Ты знаешь, что у него там находят алмазные рудники? Теперь он отдыхает. Я уверен, что он будет спать несколько дней. Как бы то ни было, он просил меня пожелать тебе счастливого дня рождения и передать, что подарок он оставил на заднем дворе.

Подарком оказался новый велосипед.

Теперь, глядя на эти миниатюрные вещи в ящике тумбочки, Лаура поняла, что ее отец умер не один. С ним исчез сэр Томми Тод и любимые другие герои, которых он создал. Умерли и те глупые, но прекрасные фантазии, которыми он всегда смешил ее. Маленькие башмачки, миниатюрный зонтик и шарфик были такими милыми и трогательными, что она могла действительно поверить в сэра Томми, который теперь ушел в свой лучший мир. Тихий и печальный стон вырвался из ее груди. Она упала на кровать и зарылась лицом в подушки, заглушая свои рыдания. В первый раз со времени смерти ее отца она дала выход своим страданиям.

Она не хотела жить без него, хотя она должна была не только жить, но и делать какие-то успехи, потому что каждый день ее жизни будет посвящен ему. Даже будучи такой маленькой, она понимала, что только ото сохранит в ней какую-то частицу его жизни.

Но смотреть с оптимизмом в будущее и искать счастье бы-

ло так тяжело. Теперь она знала, что жизнь была полна трагедий и перемен. Голубая и теплая в один момент, она становилась холодной и бурной в другой, поэтому никогда не знаешь, когда молния настигнет того, кого ты любишь. Ничто не вечно. Жизнь похожа на свечу на ветру. Это был тяжелый урок для девочки ее лет, и это заставляло ее чувствовать себя старой, очень старой, древней.

Когда теплые капли слез высохли, она быстро взяла себя в руки, так как не хотела, чтобы Лансы заметили, что она плакала. Если мир был такой жестокий и беспощадный, было бы глупо проявлять свою слабость.

Она осторожно завернула башмачки, зонтик и шарфик в оберточную бумагу и положила их в чемодан.

Когда она осмотрела содержимое обеих тумбочек, то нашла свернутый лист бумаги, на котором ясным, элегантным и почти машинописным почерком было написано послание для нее:

Дорогая Лаура.

Некоторые вещи должны произойти, и никто не сможет предотвратить их. Даже твой необыкновенный ангел-спаситель. Твой отец любил тебя всем сердцем, как любят лишь немногие. Сейчас ты думаешь, что никогда больше не будешь счастлива, но ты ошибаешься. Со временем счастье придет к тебе. Это не пустое обещание. Это факт.

Под запиской не было подписи, но она знала, кто мог ее написать: тот человек, который был на кладбище, кто спас несколько лет назад ее и отца от грабителя. Никто другой не мог назвать себя ее ангелом-спасителем. Мурашки пробежали по ее спине не потому, что она боялась, а потому, что необыкновенность и таинственность ее спасителя возбудили в ней любопытство.

Она заторопилась к окну спальни и отдернула шторы, уверенная, что увидит его стоящим на улице и смотрящим на лавку, но его там не было.

Человека в темной одежде тоже не было там, хотя она и не ожидала его увидеть. Она была наполовину уверена, что второй незнакомец не имел отношения к ее спасителю, что он был на кладбище по какой-то другой причине. Он знал ее имя... хотя, возможно, слышал, как Кора звала ее с холма. Она выкинула его из головы, потому что вовсе не хотела, чтобы он был частью ее жизни. Необыкновенного ангела-спасителя ей тоже не очень хотелось иметь.

Она прочла записку снова.

Хотя она не понимала, кто был этот блондин и почему он проявлял к ней такой интерес, Лаура поверила записке, которую он оставил. Понимание не бывает столь необходимо, пока веришь во что-то.

ГЛАВА 5

Следующей ночью, после того как он заложил взрывчатку на чердаке института, Стефан вернулся с тем же дипломатом, заявив, что у него снова бессонница. Ожидая этого ночного визита, Виктор принес один из пирогов своей жены.

Откусывая пирог, Стефан закладывал пластиковую взрывчатку. Первый этаж здания состоял из двух больших комнат, которые, в отличие от чердака, ежедневно использовались работниками. Он должен был расположить заряды и провода с большой осторожностью.

В первой комнате находились шкафы с исследовательскими документами и пара длинных дубовых рабочих столов. Шкафы с документами были высотой шесть футов и располагались вдоль двух стен. Он заложил взрывчатку на шкаф, приклеив ее к задней стенке так, чтобы ее не смог заметить самый высокий из работников.

Он протянул провода за шкафами, хотя ему пришлось просверлить маленькое отверстие между полками, чтобы соединить детонаторы. Отверстие он сделал в скрытом месте, и провода были видны лишь в узком пространстве в несколько дюймов.

Во второй комнате хранились инструменты и клетки со зверями – несколько кроликов, белых крыс, пара собак и одна очень энергичная обезьянка в клетке с тремя замка-

ми, – которые использовались для ранних экспериментов. Хотя эти животные больше не использовались, их содержали для наблюдений за действиями медицинских препаратов, которыми они были поражены.

Стефан заложил мощный заряд взрывчатки среди оборудования и вывел все провода к вентиляционной шахте, в которую он опустил провода из чердака. Работая, он чувствовал на себе необычные взгляды животных, как будто они чувствовали, что им осталось жить меньше суток. Его щеки вспыхнули от понимания своей вины, которую, как ни странно, он не чувствовал к людям, которые работали в институте и которые могли погибнуть; наверное, потому, что животные не были виновны, чего нельзя сказать было о людях.

К четырем часам ночи Стефан закончил свою работу на первом этаже и на третьем, где располагался его кабинет. Прежде чем покинуть институт, он спустился в главную лабораторию на первом этаже и посмотрел на ворота.

Ворота.

За ними находилось огромное количество цифр, приборов и графиков, которые мерцали оранжевым, желтым и зеленым светом. За ними находилось устройство цилиндрической формы, двенадцати футов длиной и восьми футов в диаметре, едва видимое в тусклом свете; его стальная оболочка мерцала, отражая огни приборов на пульте, который занимал три из четырех стен комнаты.

Он был здесь много раз, но каждый раз ощущал благого-

вейный страх – не потому, что это было удивительное научное изобретение, а потому, что его дьявольский потенциал не имел границ. Это не были ворота в ад, но они могли стать такими в руках недоброго человека. А сейчас они находились именно в таких руках.

Поблагодарив Виктора за пирог и сказав, что он съел все без остатка, – хотя на самом деле он отдал большую часть зверям в клетках, – Стефан поехал домой.

Буря продолжалась вторую ночь подряд. Дождевые облака надвигались с северо-запада. Вода стекала из водосточных труб и с крыши, образуя потоки, которые в темноте напоминали больше масло, чем воду. На улице были видны лишь патрульные военной полиции, облаченные в черные плащи, которые делали их похожими на героев старых новелл Брема Стокера.

Стефан поехал по прямой дороге к дому, не пытаясь избежать полицейских постов. Его документы были в порядке; ему разрешалось появляться на улице во время комендантского часа; и он больше не вез нелегальную взрывчатку.

Приехав домой, он поставил будильник и мгновенно уснул. Ему необходимо было отдохнуть, так как после полудня предстояли два трудных путешествия и убийства. Если он не будет к этому готов, то сам может оказаться жертвой пули.

Ему снилась Лаура, что он счел за доброе предзнаменование.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МУЧИТЕЛЬНОЕ ПЛАМЯ

ГЛАВА 1

Жизнь Лауры Шан с двенадцати до семнадцати лет напоминала чем-то перекасти-поле, катящееся по калифорнийской пустыне. Она останавливалась здесь или там на короткий срок и снова пускалась в путь, когда подует ветер.

У нее не было родственников, и она не могла оставаться с лучшими друзьями отца Лансами; Тому было шестьдесят два, Коре – пятьдесят семь и хотя они были вместе уже тридцать пять лет, детей у них не было. Необходимость воспитания юной девочки пугала их.

Лаура понимала это и не винила их. Августовским днем, когда она ушла из дома Лансов в компании женщин из Агентства социальной защиты детей, Лаура поцеловала Кору и Тома, заверив их, что с ней все будет в порядке. Уезжая на машине Агентства, она помахала им рукой, надеясь, что они почувствовали себя освобожденными.

Освобожденными. Это слово было новым приобретением. Освобожденный? Свободный от каких-либо обязательств или ответственности. Она хотела бы не чувствовать себя вынужденной пробивать свой путь в жизни без помощи

ее любящего отца, ей хотелось бы быть свободной от ответственности жить ради его памяти.

Из дома Лансов ее привезли в детский приют Маклярой – старое обшарпанное здание с двадцатью семью комнатами, построенное промышленным магнатом по давней просьбе окружного Агентства социальной защиты. Этот приют и должен был стать ее временным домом.

Само заведение не было похоже на одно из тех, которые она рисовала в воображении. Здесь не было и добрых монахинь в развивающихся черных сутанах.

Здесь был Вилли Шинер.

Лаура впервые заметила его сразу после приезда, когда социальная служащая миссис Боумайн показывала ей комнату, в которой жили близнецы Акерсон и девочка по имени Тамми. Шинер подметал пол в коридоре.

Он был сильным, гибким, бледным, веснушчатым мужчиной около тридцати лет, с волосами цвета меди и зелеными глазами. Работая, он улыбался и что-то тихо насвистывал.

– Как себя чувствуете, миссис Боумайн?

– Хорошо, Вилли.– Она явно любила Шинера.– Это Лаура Шан, новая девочка. Лаура, это мистер Шинер.

Шинер посмотрел на Лауру с нескрываемым интересом.

– Ух... Добро пожаловать в Маклярой.

Идя за служащей, Лаура оглянулась на Шинера. Никто кроме Лауры не видел, как он опустил одну руку к ширинке и лениво потер там.

Лаура больше не оглядывалась.

Позже, когда она распаковывала свои чемоданы, стараясь придать своей комнате на третьем этаже более домашний вид, она обернулась и увидела в дверях Шинера. Она была одна, так как другие дети играли во дворе или игровой комнате. Его улыбка не была похожа на ту, которой он награждал миссис Боумайн: это была хищная и холодная улыбка. Свет, падающий из одного окна, падал на его лицо под таким углом, что его зеленые глаза приобрели серебряный оттенок и стали похожи на глаза мертвеца.

Лаура пыталась заговорить, но не могла. Она пятилась назад, пока не уперлась в стену позади своей кровати.

Он стоял неподвижно, его опущенные руки были сжаты в кулаки.

В приюте Маклярой не было воздушных кондиционеров. Окна спальни были открыты, но было ужасно жарко. Но Лаура вовсе не потела, пока не увидела в дверях Шинера. Теперь ее рубашка промокла от пота.

На улице дети смеялись и кричали. Они были близко, но ей казалось, что их крики доносились издалека.

Тяжелое ритмичное дыхание Шинера, казалось, становилось все громче и громче и уже заглушало голоса детей. Долгое время никто из них не шевелился и не говорил. Потом он резко повернулся и ушел.

Чувствуя слабость в коленях, Лаура подошла к своей кровати и села на край. Матрас смялся и пружины заскрипели.

Когда ее сердцебиение пришло в норму, она осмотрела комнату с серыми стенами. В четырех ее углах стояли узкие железные кровати, покрытые мягкими покрывалами и скомканными подушками. Возле каждой кровати стояла тумбочка с металлической лампой для чтения. На прибитой вешалке было восемь крючков, два из которых были ее. Кроме этого, в комнате стояли два шкафа, половину одного из которых она заняла. Старые занавески были потертыми и мятыми, они свисали волнами с металлических стержней. Весь дом был старым и обшарпанным, в воздухе стояла неприятная вонь, а Вилли Шинер бродил по комнатам и коридорам, как злорадный дух, ожидающий полнолуния, чтобы начать свои кровавые деяния.

Ночью, после ужина, близняшки Акерсон закрыли дверь комнаты и пригласили Лауру присоединиться к ним на протертый ковер каштанового цвета, где они могли сидеть кружком и секретничать.

Третья девочка – странная, тихая, хрупкая блондинка Тамми – не хотела присоединяться к ним. Подложив под спину подушку, она сидела и читала книгу, постоянно грызя свои ногти.

Лаура сразу же полюбила Тельму и Рут Акерсон. Им совсем недавно исполнилось по двенадцать лет и они были всего на месяц младше Лауры, но были достаточно сообразительны для своих лет. Они остались сиротами в девять лет и

жили в приюте почти три года. Найти приемных родителей для детей их лет было трудно, особенно для близнецов, которых нельзя было разлучить.

Они не были очень красивыми девочками, но имели поразительное сходство во внешности: тусклые коричневые волосы, близорукие карие глаза, широкие лица, резкие подбородки и широкие рты. Лишенные красивой внешности, они были чрезвычайно вежливыми, воспитанными, энергичными и вообще хорошими девочками.

На Рут была голубая пижама с темно-зелеными кантиками на рукавах и мягкие голубые шлепанцы; ее волосы были стянуты в хвостик. Тельма была в красной пижаме и ярко-желтых шлепанцах, с двумя пумпонами в виде глаз, ее волосы развивались по плечам.

С наступлением темноты исчезла невыносимая жара дня. Они находились меньше чем в десяти милях от Тихого океана, поэтому ночной бриз делал возможным приятный сон. Окна были открыты, и мягкие дуновения ветерка циркулировали по комнате.

– Летом здесь очень скучно, – сказала Рут Лауре, когда они уселись кружком на полу.– Мы живем не в бедности, но поступления в приют становятся меньше. Летом все наши благодетели заняты своими отпусками, они отдыхают на пляжах и забывают о нас.

– Здесь очень хорошо на Рождество, – сказала Тельма.

– В ноябре и декабре тоже, – сказала Рут.

– Да, – сказала Тельма.– Во время каникул благодетели начинают чувствовать угрызения совести перед бедняками, сиротами и бездомными, которым приходится носить пальто из газет, а ботинки из картона. Поэтому они присылают нам корзины с вещами и берут нас на разные веселья и в кино, хотя эти кинофильмы никогда не бывают хорошими.

– О, мне нравятся некоторые из них, – сказала Рут.

– Эти фильмы похожи друг на друга. В них нет чувств. Они никогда не водят нас на фильмы, в которых парни обнимают девчонок. Семейные фильмы. Скукота.

– Ты должна простить мою сестру, – сказала Рут Лауре.– Она думает, что стоит на краю половой зрелости.

– Да, я на краю половой зрелости! Я чувствую, как наливаюсь соком! – сказала Тельма, вытянув одну тонкую руку в воздухе над головой.

Рут сказала:

– Боюсь, что отсутствие родительского воспитания повлияло на ее рассудок. Ей нельзя быть сиротой.

– Ты должна простить мою сестру, – сказала Тельма.– По всей видимости, она решила избежать половой зрелости и из девочки сразу стать старухой. Лаура сказала:

– А что вы скажете о Вилли Шинере? Близняшки Акерсон знающе переглянулись друг с

другом и заговорили так синхронно, что не оставляли пробелов между своими утверждениями:

– О, это ужасный человек, – сказала Рут, а Тельма сказала,

что он подонок. И Рут сказала:

– Он нуждается в терапии. А Тельма сказала:

– Нет, все, что ему нужно, это раз десять или лучше двадцать заехать по голове бейсбольной битой, а потом запереть в тюрьму до конца жизни.

Лаура рассказала им, как Шинер разглядывал ее, стоя на пороге комнаты.

– Он ничего не сказал? – спросила Рут. – Это подозрительно. Обычно он говорит: «Ты очень милая, маленькая девочка» или предлагает тебе конфету.

Тельма состроила гримасу.

– Ты можешь себе представить? Конфету? Как банально! Как будто он решил стать подонком, начитавшись полицейских буклетов, предупреждающих детей об извращенцах.

– Он не предлагал конфеты, – сказала Лаура, вздрогнув от воспоминания мертвых глаз Шинера и его тяжелого дыхания.

Тельма нагнулась вперед, понизив голос до шепота:

– Похоже, у Белого Угря язык прилип к глотке, что он даже забыл о своей обычной линии поведения. Может, он припас для тебя что-нибудь особенное, Лаура.

– Белый Угорь?

– Это Шинер, – сказала Рут. – Или коротко Угорь.

– Бледный и скользкий, – сказала Тельма, – это прозвище подходит ему. Держу пари, что он припас для тебя что-то особенное. Я имею в виду, малышка, что ты сногшиба-

тельная.

– Совсем нет, – сказала Лаура.

– Ты что, дурачишься? – сказала Рут. – У тебя прекрасные темные волосы и такие большие глаза.

Лаура вспыхнула и начала протестовать, но Тельма сказала:

– Послушай, Шан, мы с Рут не строим фальшивых иллюзий. Мы всегда говорим на прямоту. Мы знаем, в чем наша сила, и мы гордимся этим. Бог знает, что ни одной из нас не победить на конкурсе Мисс Америка, но мы очень интеллигентные и воспитанные. Ты же просто великолепна, поэтому не надо быть такой застенчивой.

– Моя сестра иногда так красочно выражается, – сказала Рут извиняющимся тоном.

– А моя сестра, – сказала Тельма Лауре, – все корчит из себя Мелани из «Унесенных ветром».

Она заговорила с южным акцентом и преувеличенным состраданием:

– О, Скарлетт не может принести вреда. Я люблю Скарлетт. Я всем сердцем люблю Рета, люблю даже янки, даже тех, кто разграбил Тару, сжег пшеницу и сделал сапоги из кожи наших детей.

Лаура захихикала по окончании представления Тельмы.

– Так что брось корчить из себя Мадонну, Шан! Ты великолепна.

– О'кэй, о'кэй. Я знаю, что я... красивая.

– Малышка, когда Белый Угорь увидел тебя, он тронулся умом.

– Да, – согласилась Рут, – ты ошеломила его. Вот почему он забыл залезть в свой карман и вытащить конфету, которую он всегда носит с собой.

– Конфету, – сказала Тельма. – Маленькую конфету «Тутси Роллс».

– Лаура, будь по-настоящему осторожна, – предупредила Рут. – Это грязный тип...

– Это мерзкая жаба! – сказала Тельма.

Из дальнего угла комнаты Тамми тихо сказала:

– Он не такой плохой, как вы говорите. Девочка со светлыми волосами вела себя так тихо, она была такой хрупкой и бесцветной, что Лаура даже забыла о ней. Теперь она увидела, что Тамми отложила книжку, согнула колени к груди и обхватила их руками. Ей было десять лет, на два года меньше остальных, и она была очень маленькой для своего возраста. В белой сорочке и носках Тамми выглядела скорее призраком, чем реальным человеком.

– Он никому не причинит вреда, – сказала Тамми колеблясь и неуверенно, как будто она не выражала свое мнение о Шинере, а шла по натянутому канату, под которым не было сетки.

– Он причинит кому-нибудь вред, если это сойдет ему с рук, – сказала Рут.

– Он просто... – Тамми поджала губы. – Он... одинок.

– Нет, милая, – сказала Тельма, – он не одинок. Он так ведь себя любит, что никогда не будет одиноким.

Тамми отвернулась от них. Она встала, сунула ноги в шлепанцы и пробормотала:

– Пора спать.

Она взяла свои туалетные принадлежности с тумбочки и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь и направляясь к ванной в конце коридора.

– Она берет конфеты, – объяснила Рут. Ледяная волна отворачивания охватила Лауру.

– О, нет!

– Да, – сказала Тельма, – не потому, что она хочет конфет. У нее... не все в порядке. Она нуждается в одобрении, которое получает от Угря.

– Но почему? – спросила Лаура.

Рут и Тельма снова обменялись взглядом, принимая без слов обоюдное решение. Вздохнув, Рут сказала:

– Ну, понимаешь, Тамми нуждается в этом одобрении потому... что ее научил этому собственный отец.

Лаура была потрясена.

– Ее собственный отец?

– Не все дети из Маклярой сироты, – сказала Тельма, – некоторые из них здесь потому, что их родители совершили преступления и отправились в тюрьму. Других оскорбили их родственники физически... или сексуально.

Свежий воздух, влетающий в открытые окна, стал, воз-

можно, только на градус или два холоднее, когда они сидели кружком на полу, но Лауре показалось, что осенний ветер таинственно обогнал месяц и ворвался в августовскую ночь.

Лаура сказала:

– Но Тамми ведь это не доставляет настоящего удовольствия?

– Нет, не думаю, – сказала Рут. – Но она...

– ... Вынуждена это делать, – сказала Тельма. – Она не может справиться с этим. Погрязла по уши.

Они замолчали, размышляя, и наконец Лаура сказала:

– Странно и... так печально. Мы не можем прекратить это? Разве мы не можем рассказать миссис Боумайн или кому-нибудь другому о Шинере?

– Из этого не получится ничего хорошего, – сказала Тельма. – Угорь будет отрицать это и Тамми тоже, у нас не будет доказательств.

– Но если она не единственный ребенок, над которым он надругается, кто-нибудь другой...

Рут покачала головой.

– Большинство из них находятся уже в других приютах, у приемных родителей или в своих семьях. Здесь осталось двое или трое... Но они либо похожи на Тамми, либо до смерти боятся Угря.

– Кроме того, – сказала Тельма, – взрослые ничего не хотят знать, они не хотят связываться с этим. Плохая репутация для приюта. Они выглядят очень глупо, когда стараются

не замечать того, что творится под их носами. Кроме того, кто поверит детям?

Тельма изобразила миссис Боумайн, уловив так хорошо нотки ее голоса, что Лаура тут же узнала его.

– О, моя дорогая, они ужасные маленькие лжецы. Шумные, вредные и беспокойные маленькие скоты, способные уничтожить прекрасную репутацию мистера Шинера лишь для того, чтобы посмеяться. Для них нужна более жесткая система воспитания, для них это было бы лучше.

– Угорь будет оправдан, – сказала Рут, – он вернется к работе и найдет способ заставить нас заплатить за разговоры против него. Так случилось с одним парнем, который работал здесь. Мы звали его Хорьком. Бедный Денни Дженкинс...

– Денни донес на Хорька, он сказал Боумайн, что Хорек приставал к нему и еще двоим мальчикам. Хорек был уволен. Но двое других мальчиков не подтвердили историю Денни. Они боялись Хорька... Но они тоже нуждались в его добродетели. Когда Боумайн и ее служащие допросили Денни...

– Они набросились на него, – зло сказала Рут, – с коварными вопросами, пытаясь подловить. Он запутался и они объявили его лжецом.

– И Хорек вернулся к работе, – сказала Тельма.

– Он воспользовался этим, – сказала Рут, – и нашел способ сделать Денни несчастным. Он безжалостно мучил маль-

чика до одного дня... Денни начал кричать и не мог остановиться. Доктор выстрелил в него и исчез.

Окончательно расстроенные, они сказали:

– Мы никогда его больше не видели.

Тельма положила руку на плечо сестры. Лауре она сказала:

– Денни нравился Рут. Он был приятный мальчик. Маленький, застенчивый, добрый... У него никогда не было шанса. Вот почему ты должна быть осторожна с Белым Угрем. Ты не должна показывать ему, что боишься. Если он попытается что-то сделать, кричи и бей ногой в промежность.

Тамми вернулась из ванной. Не глядя на них, она скинула шлепанцы и забралась под одеяло.

Хотя Лаура была поражена тем, что Тамми подчинялась Шинеру, она смотрела на хрупкую блондинку больше с симпатией, чем с отвращением. Никакое зрелище не могло быть жалостнее, чем эта маленькая, одинокая, беззащитная девочка, лежащая на узкой скрипучей кровати.

Ночью Лауре снился Шинер. У него была его собственная человеческая голова, но тело было белого угря. Куда бы Лаура ни бежала, Шинер скользил за ней, проползал под закрытыми дверями и другими препятствиями.

ГЛАВА 2

Почувствовав тошноту от того, что только что видел, Стефан вернулся из главной лаборатории института в свой кабинет на третьем этаже. Он сидел за столом, обхватив голову руками и качая ею с ужасом, гневом и страхом.

Этот рыжеголовый ублюдок Вилли Шинер хотел изнасиловать Лауру, избить ее до полусмерти, нанести ей такую травму, от которой ей никогда не отойти. Это была не просто вероятность, это произойдет, если Стефан не предотвратит это. Он видел последствия: лицо Лауры с кровоподтеками, разбитый рот. Но хуже всего были ее глаза, такие спокойные и полумертвые, глаза ребенка, который никогда больше не будет веселым, у которого не осталось больше надежды.

Холодный дождь барабанил по окнам кабинета, и этот пустой звук, казалось, отдавался внутри него, как будто тот ужас, который он видел, выжег все внутри, оставив лишь пустоту.

Он спас Лауру от грабителя в бакалейной лавке ее отца, но вот появилась новая опасность. Одна из вещей, которую он узнал из экспериментов в институте, это та, что судьба всегда была нелегка. Может быть, оскорбления и психологическое уничтожение были неизменной частью судьбы Лауры, и Стефан не мог предотвратить то, что должно было случиться раньше или позднее. Возможно, он не мог спасти ее от

Вилли Шинера или вполне вероятно, что, после того как он помешает Шинеру, другой ублюдок войдет в ее жизнь. Но он должен был попытаться.

Эти полумертвые, безжалостные глаза...

ГЛАВА 3

В приюте Маклярой было семьдесят шесть детей, всем было по двенадцать лет или меньше, так как после тринадцати лет их переводили в Касвелл-Холл в Анахим. Отделанная дубовыми панелями столовая могла вместить только сорок человек, поэтому ели в две смены. Лаура ела во вторую смену вместе с близняшками Акерсон.

Стоя в раздаточной между Тельмой и Рут в свое первое утро в приюте, Лаура увидела, что Вилли Шинер был одним из четырех служащих, раздававших пищу. Он выдавал молоко и сладкие булочки.

Пока Лаура двигалась в очереди, Угорь большее время смотрел на нее, чем на детей, которых он обслуживал.

– Не позволяй ему запугать тебя, – прошептала Тельма. Лаура попыталась встретить взгляд Шинера и его вызов, но всегда первая отводила глаза.

Когда она подошла к нему, он сказал:

– Доброе утро, Лаура, – и положил на ее поднос сладкую булочку, которая была в два раза больше остальных и в ко-

торой было больше мака и пудры.

Во вторник, на третий день своего пребывания в приюте, она встретила с миссис Боумайн в ее кабинете на первом этаже. Итта Боумайн была дородной женщиной в цветастом широком платье. Она разговаривала избитыми и банальными фразами с той очевидной неискренностью, которую четко имитировала Тельма, к тому же, она задавала кучу вопросов, на которые не хотела получать ответы. Лаура лгала о том, что она счастлива в приюте Маклярой, и эта ложь доставляла миссис Боумайн огромное удовольствие.

Возвращаясь на третий этаж в свою комнату, Лаура встретила на лестнице Угря. Она поворачивала на второй площадке, а он стоял на следующей площадке, протирая тряпкой дубовые перила. На ступеньке перед ним стояла открытая бутылка с жидкостью для полировки мебели.

Она замерла, а ее сердце начало биться в два раза быстрее, потому, что она знала – он поджидал ее. Он знал о ее разговоре с миссис Боумайн и правильно рассчитал, что она будет подниматься по этой лестнице.

Они были одни. В любое время здесь мог появиться кто-нибудь из детей или обслуживающего персонала, но сейчас они были одни. Ее первым желанием было отступить и подняться на третий этаж по другой лестнице, но она вспомнила, что Тельма говорила о противостоянии Угрю и о том, что такие типы полагались лишь на слабость жертвы. Она сказала себе, что лучше всего пройти мимо него, не сказав ни

слова, но ноги отказывались слушаться; она не могла пошевелиться.

Посмотрев на нее с высоты полета, Угорь улыбнулся. Это была ужасная улыбка. Его кожа была белой, а губы бесцветными, но его искривленные зубы были такими желтыми, с коричневыми пятнами, как кожура перезревшего банана. В сочетании с неестественно рыжими волосами его лицо напоминало клоунскую маску – но это был не клоун, которого можно было увидеть в цирке, а которого можно было встретить в ночь Хэллоуин с бензопилой вместо бутылки минеральной.

– Ты очень красивая маленькая девочка, Лаура. Она попыталась послать его к дьяволу, но не смогла произнести ни звука.

– Мне бы хотелось быть твоим другом, – сказал он.

Откуда-то она нашла силы сделать шаг ему навстречу.

Он улыбнулся еще шире, наверное, решив, что она согласна на его предложение дружить. Он сунул руку в карман своих штанов цвета хаки и достал пару «Тутси Роллс».

Лаура вспомнила комичную оценку, которую дала Тельма его дурацким, лишенным воображения замашкам, и неожиданно он стал для нее не таким страшным, как раньше. Предлагая ей «Тутси Роллс». Шинер казался неуклюжей карикатурой дьявола, и она бы рассмеялась над ним, если бы не знала того, что он сделал с Тамми и другими девочками. Хотя она не могла рассмеяться, нелепая внешность и манера Угря

придали ей мужества подняться по лестнице мимо него. Когда он понял, что она не собирается брать конфеты и принять его дружбу, он остановил ее, взяв рукой за плечо.

Она зло сбросила его руку.

– Никогда не прикасайся ко мне, урод. Лаура стала торопливо подниматься по лестнице, борясь с желанием бежать. Если она побежит, он поймет, что она все-таки боится его. Он не должен чувствовать ее слабости, иначе будет продолжать не давать ей покоя.

Когда она была в двух шагах от следующей площадки, у нее появилась надежда, что она выиграла, что ее грубость ошарашила его. Потом она услышала характерный звук растегаваемой молнии. Позади нее он громко прошептал:

– Эй, Лаура, посмотри на это. Посмотри, что у меня есть для тебя.

Тон его голоса был сумасшедшим и ненавистным.

– Посмотри, посмотри на то, что в моей руке, Лаура. Она не оглянулась.

Она дошла до площадки и посмотрела на следующий пролет, думая про себя: «У тебя нет причин бежать. Ты не должна бежать, не должна, не должна».

С нижнего пролета Угорь сказал:

– Посмотри на эту большую «Тутси Роллс» в моей руке, Лаура. Она больше, чем остальные.

На третьем этаже Лаура напрямик направилась в ванную, где тщательно вымыла руки. Она смывала грязь, которую по-

чувствовала после прикосновения к руке Шинера.

Позднее, когда она и близняшки Акерсон устроили свое ночное совещание на полу комнаты, Тельма захлебнулась смехом, узнав о том, что Угорь хотел показать Лауре «свою большую «Тутси Роллс». Она сказала:

– Он просто бесподобный, не правда ли? Как ты думаешь, откуда он перенял свою линию поведения? Может быть, газеты публиковали «откровения извращенца» или что-нибудь в этом роде?

– Дело в том, – беспокойно сказала Рут, – что он не отступил, когда Лаура стояла прямо перед ним. Я не думаю, что он отстанет от нее так просто, как отставал от девочек, которые сопротивлялись ему.

Этой ночью Лаура спала плохо. Она думала о своем необыкновенном ангеле-спасителе, о том, появится ли он так же таинственно, как раньше, и станет ли связываться с Вилли Шинером. Ей почему-то казалось, что на этот раз нечего было рассчитывать на него.

В течение последующих десяти дней августа Угорь вращался вокруг Лауры, как Луна вращается вокруг Земли. Когда она с близняшками Акерсон отправлялась в игровую комнату играть в карты или монополию, Шинер появлялся там через десять минут и принимался за мытье окон, полировку мебели или починку металлических карнизов, хотя все его внимание было явно приковано к Лауре. Если девочки искали уединения в углу игровой площадки за особ-

някам, чтобы поговорить или поиграть, Шинер тут же появлялся в саду, неожиданно находя мусор, который нужно было убрать. И хотя третий этаж был исключительно для девочек, он был открыт для мужского персонала, обслуживающего помещения между десятью утра и четырьмя вечера, поэтому Лаура не могла чувствовать себя в безопасности в своей комнате в эти часы.

Хуже навязчивости Угря была его пугающая, усиливающаяся черная страсть к ней, его похотливый взгляд и капли пота, которые появлялись на его лбу, когда он находился в одной комнате с ней больше нескольких минут.

Лаура, Рут и Тельма пытались убедить себя, что угроза от Угря уменьшалась с каждым днем, что его колебания росли благодаря молитвам Лауры. В сердцах они знали, что надеялись убить дракона одним желанием, на самом деле не представляли всей опасности до того субботнего вечера, когда, вернувшись в комнату, они застали Тамми, ожесточенно уничтожавшую книжную коллекцию Лауры.

Библиотека из пятидесяти любимых книг, которые она привезла из своей комнаты над бакалейной лавкой, лежала под кроватью Лауры. Тамми вытащила их на середину комнаты и в ненависти порвала две трети из них.

Лаура была потрясена увиденным, но Рут и Тельма отгаливали девочку от книг и сдерживали ее.

Лауре было невыносимо больно видеть уничтоженные книги, которые купил ее отец, которые напоминали ей о нем

и о своем счастливом детстве. Ее владения были такими скудными, что только сейчас она поняла, что они помогали ей противостоять против всех жестокостей жизни.

Тамми потеряла интерес к книгам, так как реальный объект ее гнева теперь стоял перед ней.

– Я ненавижу тебя, я ненавижу тебя! – ее бледное невыразительное лицо ожило впервые с тех пор, когда Лаура узнала ее, оно порозовело и было полно эмоций. Синяки под ее глазами не исчезли, но они уже не делали ее слабой и разбитой. Наоборот, она сейчас выглядела дико и необузданно. – Я ненавижу тебя, Лаура, я ненавижу тебя!

– Тамми, дорогая, – сказала Тельма, пытаясь удержать девочку, – Лаура никогда ничего не делала тебе.

Тяжело дыша, но больше не пытаясь вырваться из объятий Рут и Тельми, Тамми закричала на Лауру:

– Он говорит только о тебе! Я больше не нужна ему! Только ты! Он не переставая говорит о тебе! Я ненавижу тебя! Зачем ты пришла сюда? Я ненавижу тебя!

Никому не нужно было спрашивать, на кого она ссылалась. На Угря.

– Он больше не хочет меня! Никто теперь не хочет меня! Он захочет меня только если я помогу ему заполучить тебя, Лаура, Лаура, Лаура! Он хочет, чтобы я завела тебя в такое место, где он останется наедине с тобой, где он будет в безопасности, но я не сделаю этого, не сделаю! Кем я стану после того, как он доберется до тебя? Никем.

Ее лицо побагровело от злости. Хуже ее гнева было ужасное отчаяние, которое чувствовалось в ее словах.

Лаура выбежала из комнаты и бросилась по коридору к уборной. Чувствуя тошноту от отвращения и страха, она упала на колени перед треснутым желтым унитазом. Ее вырвало. Когда судороги в животе отпустили, она подошла к раковине и вымыла лицо холодной водой. Когда она подняла голову и посмотрела на себя в зеркало, из ее глаз хлынули слезы.

Она плакала не из-за своего одиночества и страха. Она плакала из-за Тамми. Мир был ужасен, если он допускал то, что десятилетняя девочка слышала слова одобрения только от подонка, который мучил ее, что она могла гордиться в жизни только сексуальностью своего хрупкого несформировавшегося тела.

Лаура поняла, что Тамми была гораздо в худшем положении, чем она. Хотя ее книги были уничтожены, Лаура владела добрыми воспоминаниями о своем любящем, добром, заботливом отце, которыми не обладала Тамми. Хотя Лаура лишилась части того, что имела, она была все еще в здравом уме, а Тамми была психологически уничтожена, и, возможно, ей уже никто не мог помочь.

ГЛАВА 4

Шинер жил в лачуге на тихой улочке в Санта-Ане. Это было одно из тех строений, построенных после второй мировой войны: маленькие, низкие дома с интересными архитектурными элементами. Этим летом, 1967 года, различные виды фикусовых деревьев достигли своей зрелости, раскинув свои ветви над домами. Дом Шинера был почти не виден из-за зарослей.

Около полуночи Стефан взломал замок задней двери и вошел в дом. Осматривая лачугу, он включил свет, не побеспокоившись даже опустить шторы.

Кухня была очень чистая. Голубая пластиковая поверхность буфета сияла. Хромированные ручки кухонной мебели, сливное отверстие раковины и металлические рамки кухонных стульев тоже блестели, на них не было ни единого отпечатка пальцев.

Он открыл холодильник, неуверенный в том, что он там что-то может увидеть. Может быть, какие-нибудь признаки поврежденной психики Вилли Шинера; конечность одной из жертв его издевательств, убитой и замороженной на память? Там не было ничего подобного. Тем не менее, во всем чувствовалась аккуратность этого человека: вся пища хранилась в отдельных аккуратных контейнерах.

Единственное, что было необыкновенно в содержании хо-

лодильника и буфета, это – преобладание сладостей: мороженое, булочки, пирожки, конфеты, пирожные, пончики и печенье. Также было много новых продуктов, как спагетти-ос и банки с овощными супами, этикетки на которых пестрели популярными героями мультфильмов. Съестные запасы Шинера напоминали запасы ребенка, который ничуть не задумывается о запасах обыкновенных продуктов.

Стефан стал осматривать дом дальше.

ГЛАВА 5

Расправа над невинными книгами показала слабость духа Тамми. Она ничего больше не сказала о Шинере и, казалось, больше не имела враждебности к Лауре. Погружаясь в себя все больше с каждым днем, она отводила свои глаза от каждого и опускала голову; ее голос снизился до шепота.

Лаура не знала, что было тяжелее переносить – постоянную угрозу от Белого Угря или наблюдать все большее падение Тамми, чья активность становилась все слабее и слабее. Но в четверг, 31 августа, эти два камня неожиданно свалились с плеч Лауры, когда она узнала, что ее переводят в попечительский дом в Коста Меса на следующий день, в пятницу.

Ей не хотелось расставаться с Акерсонами. Хотя она знала их всего несколько недель, их дружба быстро окрепла.

Той ночью, когда они втроем сидели на полу своей комнаты, Тельма сказала:

– Шан, если ты попадешь в хорошую семью и счастливый дом, устраивайся поуютнее и наслаждайся жизнью. Если это будет хорошее место, забудь нас и заведи новых друзей. Но легендарные сестры Акерсон – Рут и я – уже прошли через три попечительских дома и все три были плохими, поэтому, дай мне понять, что если ты попадешь в гиблое место, то ты не останешься там.

Рут сказал:

– Для этого тебе нужно будет много плакать и говорить каждому, что ты несчастлива. Если не сможешь плакать, притворяйся.

– Дуйся, – посоветовала Тельма. – Будь неуклюжей. Бей, якобы случайно, посуду каждый раз, когда тебя будут заставлять ее мыть. Стань надоедливой.

Лаура была удивлена:

– Вы все это делали, чтобы вернуться в Маклярой?

– Это и еще больше, – сказала Рут.

– Но разве вы не чувствовали себя ужасно, разбивая их вещи?

– Для Рут это было тяжелее, чем для меня, – сказала Тельма. – Во мне живет дьявол, в то время как Рут напоминает монахиню из четырнадцатого века, чье имя мы так и не запомнили.

В первый же день Лаура поняла, что не хочет оставаться в семье Тигель, но она пыталась свыкнуться с этой мыслью, так как их компания была сначала все же предпочтительнее возвращению в Маклярой.

Ее жизнь заключалась в прислуживании Флоре Тигель, для которой было интересно лишь разгадывание кроссвордов. Она проводила все дни и вечера за желтым кухонным столом, завернувшись в шерстяной джемпер, несмотря на теплую погоду, и разгадывая один кроссворд за другим с удивительным и в то же время идиотским упорством.

Она обычно обращалась к Лауре лишь для того, чтобы дать перечень заданий или за помощью в отгадывании какого-нибудь слова из кроссворда. Когда Лаура мыла посуду, Флора могла, например, просить:

– Кошка из семи букв?

Ответ Лауры был всегда одним и тем же:

– Не знаю.

– Я не знаю, я не знаю, я не знаю, – передразнивала ее миссис Тигель. – Кажется, ты вообще ничего не знаешь, девочка. Наверное, ты была невнимательной в школе? Ты что, не учила язык и не проходила слов?

Лаура, конечно, знала много слов. Слова для нее были частью красоты, каждое было магической частицей, которая, в сочетании с другими, образовывала магические заклинания. Но для Флоры Тигель слова были игровыми фишками для заполнения клеток кроссворда, досадными и непослушными

кучками букв, которые расстраивали ее.

Муж Флоры, Майк, был плотным водителем трейлера с детским лицом. Он проводил вечера в кресле-качалке с газетой, поглощая бессмысленные истории о вражеских правлениях и дьявольски развращенных кинозвездах. Его любовь к тому, что он называл «экзотическими новостями», была бы безвредной, если бы он был поглощен этим, как его жена кроссвордами, но он постоянно хлопал Лауру, когда она выполняла домашнюю работу, и громко читал ей наиболее причудливые статьи.

Она считала эти истории глупыми, нелогичными и бессмысленными, но она не могла сказать ему об этом. Она знала, что он вряд ли обрадуется, если она скажет это. Может, он сочтет ее дурочкой и будет объяснять ей с материнским терпением то, как живет мир. Что-то вроде: «Лаура, тебе еще многое предстоит узнать. Шишки из Вашингтона кое-что понимают во врагах и знают секреты Атлантического блока...»

Хотя Флора и Майк были такими разными, они имели одинаковое убеждение, что давая приют приемному ребенку, они обзаводились бесплатной служанкой. Лаура должна была чистить ковры, стирать белье, мыть посуду и готовить еду.

Их собственная дочь – Хазел, единственный ребенок – была на два года старше Лауры. Ужасно избалованная, Хазел никогда не готовила, не стирала, не мыла посуду и не подметала. Хотя ей было всего четырнадцать лет, у нее был пре-

красный маникюр – накрашенные ногти на руках и на ногах. Если бы вы вздумали определить ее возраст по количеству часов, которые она проводила, вертясь перед зеркалом, то дали бы ей всего пять лет.

– Во время стирки, – объясняла она Лауре в первый день ее пребывания в доме Тигель, – ты должна обратить в первую очередь внимание на мое белье. И всегда вешай его в шкаф по цвету.

«Я уже читала эту книгу и смотрела это кино, – подумала Лаура. – Господи, я же стала настоящей золушкой!»

– Я собираюсь стать кинозвездой или манекенщицей, – сказала Хазел. – Мое лицо, руки и тело – это мое будущее. Я должна заботиться о них.

Когда миссис Инс – худая служащая Ассоциации социальной защиты сирот с очень подвижным лицом – нанесла визит в дом Тигель субботним вечером 16 сентября, Лаура намеревалась потребовать возвращения в приют Маклярой. Угрозы со стороны Вилли Шинера казались пустяковой проблемой в сравнении с повседневной жизнью в доме Тигель.

Прибывшая по расписанию миссис Инс застала Флору, моющей первую тарелку за прошедшие две недели. Лаура сидела за кухонным столом над развернутым кроссвордом, который в действительности был сунут ей в руки, когда прозвенел дверной звонок.

Во время откровенного разговора с Лаурой в ее спальне, миссис Инс отказывалась верить тому, что Лаура рассказы-

вала о своих обязанностях домработницы.

– Но, моя дорогая, мистер и миссис Тигель прекрасные приемные родители. По тебе не окажешь, что ты трудилась с утра до вечера. Кажется, ты даже прибавила в весе несколько фунтов.

– Я не говорю, что они морят меня голодом, – сказала Лаура. – Но у меня совсем нет времени на школьные уроки. Каждую ночь я ложусь в кровать уставшая...

– Кроме того, – перебила миссис Инс, – приемные родители должны не только давать ребенку крышу, но и воспитывать его, что значит учить манерам и поведению, приобщать к домашней работе.

Миссис Инс невозможно было убедить.

Тогда Лаура вспомнила методы Акерсонов. Она начала со случайностей. Когда она мыла посуду, то та оставалась с жирными следами, на белье Хазел появлялись грязные и жирные пятна.

Потеряв часть своих любимых книг, Лаура стала уважительно относиться к бедности и не могла бить посуду или что-нибудь другое, что принадлежало семье Тигель, и эту часть плана Акерсонов она заменила издевательствами и неуважением. Когда Флора в очередной раз спросила ее слово из шести букв, которое означало «стадо быков», Лаура сказала: «Тигель». Когда Майк начал пересказывать очередную газетную историю, она перебила его встречной историей о мутировавшем человеке-кrote, тайно живущем в мест-

ном супермаркете. Хазел Лаура предложила сняться в фильме Эрнеста Боргнина в качестве подставки для телефона, потому что это была единственная ее возможность достигнуть своей цели и стать кинозвездой: «В этом качестве он точно наймет тебя!»

Ее издевательства начали сопровождаться шлепками. Огромные мозолистые руки Майка были похожи на весла. Он шлепал ими ее по заду, но она только сжимала губы и не давала волю слезам. Выглядывая из кухни, Флора говорила:

– Майк, достаточно. Не оставляй на ней синяков. Он неохотно уступал лишь тогда, когда его жена выходила из кухни и останавливала его руку.

В ту ночь Лаура плохо спала. Впервые в жизни она использовала свою любовь к словам и мощь языка, чтобы достигнуть определенной цели, и реакция Тигель говорила о том, что она действовала правильно. Еще больше ее возбуждала еще не совсем сформировавшаяся мысль о том, что слова не только обеспечивали ее защиту, но они могли помочь ей зарабатывать на жизнь, как, может быть, даже автору замечательных книг. Своему отцу она говорила о своем желании стать врачом, балериной, ветеринаром, но это были всего лишь разговоры. Ни одна из прежних мыслей не возбуждала ее так, как мысль о возможности стать писательницей.

На следующее утро, когда она спустилась в кухню и застала семью Тигель за завтраком, она сказала:

– Эй, Майк, я только что обнаружила следы пребывания

марсиан, оставленные в унитазе.

– И что же это? – спросил Майк. Лаура улыбнулась и сказала:

– Экзотические новости.

Через два дня Лаура вернулась в приют Маклярой.

ГЛАВА 6

Гостиная и небольшой кабинет в доме Вилли Шинера были меблированы так, как будто здесь жил обычный человек. Стефан не был уверен в том, что он ожидал увидеть. Признаки сумасшествия, может быть, но не этот уютный, обыкновенный дом.

Одна из спален была пуста, другая была несколько необычна. Единственной кроватью был узкий матрас на полу. Наволочки подушек и простыни были для детской спальни, разукрашенные цветастыми фигурками мультипликационных кроликов. Ночной шкаф и тумбочка были детских размеров, светло-голубого цвета, с нарисованными животными на стенках и ящиках: жирафами, кроликами и белками. Шинер был владельцем коллекции Маленьких Золотых Книг, как и других детских книжек с картинками зверей и игрушек для шести-семилетнего возраста.

Сначала Стефан подумал, что эта комната была сделана для соблазна соседских детишек, так как Шинер был невме-

няем до такой степени, что не мог не мучить свои жертвы даже дома, где риск был так велик. Но в доме не оказалось другой постели, а шкафы и полки были забиты мужской одеждой. На стенах висела дюжина фотографий одного и того же рыжеголового мальчишки, некоторые из них изображали новорожденного, другие – мальчика семи или восьми лет, и несомненно это было лицо молодого Шинера. Неожиданно Стефан понял весь смысл этой декорации. Лежа в постели, Шинер, очевидно, возвращался в мечту детства, а все эти предметы лишь способствовали еженощным возвращениям.

Стоя посередине этой странной комнаты, Стефан чувствовал отвращение и печаль. Ему казалось, что Шинер мучил детей не только ради сексуального удовлетворения, но для того, чтобы поглотить их молодость, чтобы стать таким же молодым, как они; казалось, что он не столько хотел пасть морально, сколько восстановить свою детскую невинность. Он был одинаково трогателен и презренен в своем неадекватном вызове к взрослой жизни, но несомненно опасен для своих жертв.

Стефан вздрогнул.

ГЛАВА 7

Ее кровать в комнате близняшек Акерсон была теперь занята другой девочкой. Лауру поместили в маленькой комна-

те на двоих в северном крыле третьего этажа возле лестницы. Ее соседкой стала девятилетняя Элойз Фишер, у которой была толстая коса и веснушчатое лицо, ее поведение было слишком серьезным для ребенка.

– Я собираюсь стать бухгалтером, когда вырасту, – сказала она Лауре. – Я люблю цифры. Их можно прибавлять по-разному и всегда получать один и тот же ответ. От цифр не бывает никаких сюрпризов; они не похожи на людей.

Родители Элойз были уличены в торговле наркотиками и посажены в тюрьму, а она была помещена в приют Маклярой до решения суда о попечительстве.

Как только Лаура распаковала свои вещи, она поспешила в комнату близняшек Акерсон. Ворвавшись в комнату, она закричала:

– Я свободна, я свободна!

Тамми и новая девочка удивленно посмотрели на нее, а Рут и Тельма бросились ее обнимать, что было похоже на возвращение в настоящую семью.

– Твоя приемная семья невлюбила тебя? – спросила Рут.

Тельма сказала:

– Ага! Ты воспользовалась планом Акерсонов. – Нет, я убила их всех, пока они спали.

– Тоже дело, – согласилась Тельма.

Новой девочке, Ребекке Богнер, было около одиннадцати лет. Очевидно, она не нашла общего языка с Акерсонами. Слушая Лауру и близняшек, Ребекка говорила: «Вы стран-

ные», «Очень странно», «Господи, какие странности» – с таким выражением преимущества и презрения, что отравляла всю атмосферу не хуже химического оружия.

Лаура и близняшки отправились в угол сада, где они могли обсудить пятидневные новости без сопливых комментариев Ребекки. Стоял конец октября, и погода была еще теплая, хотя в первой половине утра было довольно прохладно. Они сели на скамейке на игровой площадке, которая была пуста, так как младшие дети готовились к обеду.

Не прошло и пяти минут, как в саду появился Вилли Шинер с электрическим приспособлением для подстригания кустов. Он принялся за работу в тридцати футах от них, но все его внимание было приковано к Лауре.

За обедом Угорь стоял на раздаточной линии, выдавая молоко и куски вишневого пирога. Самый большой кусок пирога он дал Лауре.

В понедельник она вошла в новую школу, где другие дети учились уже четыре недели и успели подружиться. Рут и Тельма были в том же классе, что и она, что делало ее вживание в коллектив проще, но Лаура вновь убедилась, как переменчива была жизнь сирот.

Во вторник, когда Лаура возвращалась из школы, миссис Боумайн остановила ее в коридоре.

– Лаура, ты можешь зайти в мой кабинет? Миссис Боумайн была в пурпурном цветастом платье, которое пре-

красно контрастировало с розовыми и персиковыми цветами стен и штор в ее кабинете. Лаура сидела на розовом стуле, Миссис Боумайн стояла возле стола, намереваясь быстро закончить с Лаурой и приступить к другим делам. Миссис Боумайн всегда была суетливой и очень занятой.

– Элойз Фишер уезжает от нас сегодня, – сказала миссис Боумайн.

– Кто получил попечительство? – спросила Лаура. – Ей хотелось, чтобы это была бабушка.

– Бабушка и получила попечительство, – заверила миссис Боумайн.

Как повезло Элойз, Лаура надеялась, что будущий бухгалтер с косой и веснушками найдет в жизни еще что-то, чему можно верить, кроме холодных цифр.

– Теперь у тебя нет соседки, – коротко сказала миссис Боумайн, – у нас нет свободной кровати, поэтому ты не можешь...

– Могу я сделать предложение?

Миссис Боумайн нахмурилась и нетерпеливо посмотрела на свои часы. Лаура быстро сказала:

– Рут и Тельма мои лучшие подруги, с ними в комнате живут Тамми Хинсен и Ребекка Богнер. Но я не думаю, что Тамми и Ребекка нашли взаимопонимание с Рут и Тельмой, поэтому...

– Мы хотим научить вас жить с людьми, которые отличаются от вас. Общаясь только с одними девочками, ты не

сформируешь своего характера. Как бы то ни было, дело вот в чем; я не могу заниматься переселением до завтрашнего дня, я сегодня занята. Поэтому я хочу знать, могу ли я положиться на тебя, что ты проведешь ночь одна.

– Положиться на меня? – спросила Лаура в недоумении.

– Скажи мне правду, девочка. Могу я оставить тебя одну на ночь?

Лаура не могла понять, каких неприятностей ждала социальная служащая от ребенка, оставленного одного на ночь. Может быть, она ожидала, что Лаура так забаррикадируется в комнате, что полиции придется взламывать дверь, травить ее слезоточивым газом и заключать в наручники.

Лаура была по-прежнему в недоумении.

– Конечно, все будет о'кэй. Я не ребенок. Со мной все будет в порядке.

– Ну что ж... Хорошо. Сегодня ночью ты пересподишь одна, а завтра мы этим займемся.

Выйдя из цветастого кабинета миссис Боумайн и поднимаясь по лестнице на третий этаж, Лаура неожиданно подумала: «Белый Угорь, Шинер, будет знать о том, что она осталась одна на ночь». Он знал обо всем, что происходило в Маклярой, у него есть ключи, и он может вернуться ночью. Ее комната была рядом с лестницей, поэтому он может в считанные секунды проскользнуть в комнату и овладеть ею! Он оглушит ее или напичкает наркотиками, сунет в мешок и отнесет в подвал, и никто не будет знать, что с ней случилось.

Она развернулась на втором этаже и, прыгая через две ступеньки, бросилась обратно к кабинету миссис Боумайн, но, выскочив в коридор, чуть не столкнулась с Угрем. Он нес швабру и вез на тележке бак с водой, предназначенной для мытья полов.

Он усмехнулся ей. Может быть, это было только плодом ее воображения, но она была уверена – он знает, что она будет ночевать одна.

Ей нужно было пройти мимо него в кабинет миссис Боумайн и умолять ее о переселении на ночь. Она не могла обвинить в чем-то Шинера, иначе ее могла ждать судьба Денни Дженкинса, которому никто не поверил, но она могла найти другие причины для своего мнения.

Она также могла броситься на него, сбить его в таз с водой, двинуть ногой в пах и предупредить, чтобы он не связывался с ней. Но он отличался от семьи Тигель. Майк, Флора и Хазел были слабоумными, противными, невежественными, но относительно нормальными психически. Угорь был невменяем, и трудно было предугадать его реакцию на эти нападения.

Пока она колебалась, его улыбка расширялась, обнажив кривые желтые зубы. Его щеки порозовели, и Лаура поняла, что это говорило о его желании, которое у нее вызывало тошноту.

Она ушла, стараясь не бежать, пока не скрылась из вида. Она направилась в комнату Акерсонов.

– Ты будешь спать здесь сегодня, – сказала Рут.

– Конечно, – сказала Тельма, – ты останешься в своей комнате до вечерней проверки, а потом проберешься сюда.

Из своего угла, где она делала в кровати домашнее задание по математике, Ребекка Богнер сказала:

– У нас только четыре кровати.

– Я буду спать на полу, – сказала Лаура.

– Это запрещено правилами, – возразила Ребекка.

Тельма потрясла кулаком в ее сторону.

– О'кэй, хорошо, – согласилась Ребекка. – Я ведь не говорила, что не хочу, чтобы она оставалась здесь. Я просто сказала, что это запрещено правилами.

Лаура ожидала возражений Тамми, но та лежала на синей поверхности покрывала и смотрела в потолок, погрузившись в свои собственные мысли и ничуть не интересуясь их планами.

В отделанной дубовыми панелями столовой, за обедом из телятины с картофельным пюре и зеленью и под наблюдающими глазами Угря Тельма сказала:

– А что касается вопроса миссис Боумайн о твоей надежности... Она боится, что ты попытаешься покончить жизнь самоубийством, оставшись ночью одна.

Лаура не поверила этому.

– Дети уже делали это здесь, – печально сказала Рут. – Поэтому они поселяют по двое даже в очень маленьких комнатах. Одиночество... это одна из причин, которая наводит на

мысль о самоубийстве.

Тельма сказала:

– Нам с Рут они не позволят остаться вдвоем в маленькой комнате – мы близнецы, потому они думают о нас как об одном человеке. Им кажется, что как только закроют дверь за нами, мы повесимся.

– Это смешно, – сказала Лаура.

– Конечно, смешно, – согласилась Тельма. – Вешаться это не очень достойно. Очаровательные сестры Акерсон – Рут и я – имеют склонность к большому драматизму. Мы бы совершили харакири украденными столовыми ножами или если бы мы только могли удержать бензопилу...

Эти споры велись приглушенными голосами, так как взрослые воспитатели присутствовали в столовой. Воспитательница третьего этажа – мисс Кейст – прошла мимо стола, за которым сидела Лаура с близняшками. Тельма прошептала:

– Гестапо.

Когда мисс Кейст отошла, Рут сказала:

– Миссис Боумайн неплохая женщина, но она плохо разбирается в том, что делает. Если бы она подольше присмотрелась к тебе, Лаура, она бы никогда не стала беспокоиться, что ты покончишь жизнь самоубийством. Ты живучая.

Гоня несъедобные остатки пищи по тарелке, Тельма сказала:– Тамми Хинкенс была однажды поймана в постели с упаковкой лезвий, которыми она пыталась вскрыть вены на

руках.

Лаура была неожиданно подавлена этой смесью юмора и трагедии, абсурдности и мрачного реализма, которые характеризовали в целом их жизнь в Маклярой. То они добродушно передразнивали друг друга, то они обсуждали попытку самоубийства знакомой девочки. Она понимала, что истинное понимание всего происходящего здесь появится у нее лишь с годами, когда она, вернувшись домой, занесет все это в дневник наблюдений, который она уже начала составлять.

Рут пришлось выплюнуть на тарелку остатки пищи, которыми она подавилась. Она сказала:

– После попытки Тамми вскрыть вены, воспитатели неожиданно обыскали наши комнаты, искали опасные предметы. Они нашли у Тамми банку с горючей смесью и спички. Она намеревалась запереться в душевой, облить себя жидкостью и поджечь.

– О Господи! – Лаура подумала о тонкой светловолосой девочке с хрупкой комплекцией и синими кругами вокруг глаз, и ей показалось, что своим, самосожжением она лишь хотела ускорить тот медленный огонь, который пожирал ее изнутри.

– Они посылали ее на двухмесячное лечение, – сказала Рут.

– Когда она вернулась, – сказала Тельма, – взрослые говорили о том, что она стала выглядеть гораздо лучше, но нам с Рут показалось, что она осталась той же.

Через десять минут после того, как мисс Кейст закончила свой вечерний обход, Лаура вылезла из своей постели. Пустынный коридор освещался лишь тремя ночными лампами. В пижаме, босиком, с подушкой и одеялом в руках она заторопилась в комнату Акерсонов.

В комнате горел лишь ночник Рут. Она прошептала:

– Лаура, ты будешь спать на моей кровати. Я постелила себе на полу.

– Возвращайся в свою кровать, – сказала Лаура. Она несколько раз свернула свое одеяло, постелила его на пол возле кровати Рут, положила подушку и легла.

Ребекка Богнер сказала со своей кровати:

– У нас у всех будут неприятности из-за этого.

– Что они нам сделают? – спросила Тельма. – Привяжут к дереву во дворе, обмажут медом и оставят на съедение муравьям?

Тамми спала или притворялась спящей.

Рут выключила ночник, и они остались в ночной темноте.

Дверь распахнулась, и загорелся дневной свет. Одетая в красный халат, мисс Кейст вошла в комнату, зло сопя.

– Значит, так! Лаура, что ты здесь делаешь? Ребекка Богнер застонала:

– Я же говорила вам, что у нас будут неприятности.

– Возвращайся в свою комнату сейчас же, девочка.

Быстрота, с которой мисс Кейст появилась в комнате, бы-

ла подозрительна, и Лаура посмотрела на Тамми Хинсен. Светловолосая больше не притворялась спящей. Положив голову на локоть, она слабо улыбалась. Очевидно, она решила содействовать Угрю в его намерениях относительно Лауры, вероятно, для того, чтобы вернуть себе статус фаворитки.

Мисс Кейст проводила Лауру в ее комнату. Лаура набралась в постель, а мисс Кейст устала на нее на какое-то время.

– Здесь жарко. Я открою окно.– Вернувшись к кровати, она задумчиво посмотрела на Лауру.– Ты ничего не хочешь мне сказать? Может быть, что-нибудь не так?

Лаура подумала о том, чтобы рассказать ей все об Угре. Но что, если мисс Кейст останется поджидать Угря, когда он прокрадется в комнату, а он не придет? Лауре никогда больше не удастся обвинить Угря, потому что она оклеветала его и никто не воспримет ее всерьез. Потом, если Шинер все-таки изнасилует ее, он не будет наказан.

– Нет, нет, все нормально, – сказала она. Мисс Кейст сказала:

– Тельма слишком самоуверенна для своих лет, она бредит фальсификациями. Если у тебя хватит ума снова нарушить правила для ночных посиделок, то обзаведись более стоящими подругами, ради которых можно рисковать. – Да, мэм.

Лаура сказала это для того, чтобы только избавиться от

нее, жалея о том, что на какой-то момент подумала хорошо об этой женщине.

После ухода мисс Кейст Лаура не встала с постели и не стала убегать. Она лежала в темноте, уверенная в том, что через полчаса будет очередная вечерняя проверка. Вряд ли Угорь появится здесь до полуночи, а сейчас было всего десять, поэтому между очередным визитом мисс Кейст и появлением Угря у нее будет достаточно времени, чтобы уйти в безопасное место. Далеко, далеко в ночи прогремел гром. Она села на кровати. Ее ангел-спаситель! Она откинула одеяло и подбежала к окну. Она не увидела молнии. Отдаленный рокот стих. Может быть, это вообще был не гром. Она подождала минут десять, но больше ничего не произошло. Расстроившись, она вернулась в постель.

Около одиннадцати часов ночи дверная ручка закрипела. Лаура закрыла глаза, приоткрыла рот и притворилась спящей.

Кто-то тихо вошел в комнату и остановился возле кровати.

Лаура дышала медленно и глубоко, но ее сердце бешено стучало.

Это был Шинер. Она знала, что это был он. О Господи, она забыла, что он неменяемый и непредсказуемый, и теперь он был здесь раньше, чем она ожидала; он готовился сделать ей наркотический укол. Он сунет ее в мешок и понесет, как Санта-Клаус, который крадет девочек, вместо того

чтобы оставлять им подарки.

Часы громко тикали. Холодный ветер шелестел занавесками.

Наконец тот, кто стоял возле кровати, ушел. Дверь закрылась.

Значит, все-таки это была мисс Кейст. Ужасно дрожа, Лаура соскользнула с кровати и накинула халат. Она перекинула одеяло через руку и вышла из комнаты без шлепанцев, потому что босиком производила меньше шума.

Она не могла вернуться в комнату Акерсонов. В место этого она открыла дверь на лестницу и шагнула на тускло освещенную лестничную площадку. Прислушиваясь к шагам Шинера, с которым она могла бы встретиться на лестнице, она спустилась на первый этаж.

Вздвогнув от прикосновения голыми ногами к кафельному полу, она направилась в игровую комнату. Она не включила света, полагаясь на призрачный свет уличных фонарей, светивших сквозь окна и отражавшихся на полированной поверхности мебели. Она осторожно прошла между стульями и игровыми столами и постелила свернутое одеяло позади дивана, на полу.

Она спала плохо, постоянно просыпаясь от ночных кошмаров. Старый дом был полон ночных звуков: скрипом половых досок и урчанием старого водопровода.

ГЛАВА 8

Стефан выключил весь свет и стал ждать в комнате, напоминавшей детскую. В три тридцать утра он услышал шаги вернувшегося Шинера. Стефан тихо спрятался за дверью спальни. Через несколько минут в комнату вошел Шинер, включил свет и направился к матрасу. Пересекая комнату, он издавал странные звуки, напоминая зверя, который вернулся из враждебного мира в свою берлогу.

Стефан закрыл дверь, и Шинер повернулся на звук, потрясенный тем, что в его норе находился кто-то чужой.

– Кто... кто ты? Какого дьявола ты делаешь здесь?

Из салона «чеви», припаркованного в тени на другой стороне улицы, Кокошка видел, как Стефан вышел из дома Вилли Шинера. Он подождал десять минут, вылез из машины, обошел дом и осторожно вошел внутрь через распахнутую заднюю дверь.

Он обнаружил окровавленного и неподвижного Шинера в детской спальне. В комнате пахло мочой, так как этот человек уже не контролировал свой мочевой пузырь. Когда-нибудь, подумал Кокошка с мрачной и садистской усмешкой на лице, я сделаю со Стефаном то же самое или даже хуже. С ним и с этой проклятой девчонкой. Как только я пойму ее роль в его планах и причину его беспокойства о ее жизни, я

причину им обоим такую боль, которую еще никто и никогда не испытывал в этой жизни.

Он ушел из дома Шинера. Во дворе он на мгновение взглянул на звездное небо и потом вернулся в институт.

ГЛАВА 9

Вскоре после рассвета, прежде, чем проснулся первый служащий приюта и когда миновала опасность появления Шинера, Лаура встала со своей постели в игровой комнате и вернулась на третий этаж.

Все в комнате лежало на своих местах. Признаков чьего-нибудь вторжения не было.

Чувствуя себя уставшей, она думала о том, что не превеличила ли она дерзость и смелость Угря. Она чувствовала себя немного глуповато.

Она застелила свою кровать – что должен был делать каждый ребенок в приюте Макляррой – и когда поняла свою подушку, то была парализована тем, что лежало под ней. Это была конфета «Тутси Роллс».

В этот день Белый Угорь не вышел на работу. Он не спал всю ночь, готовясь к насилию над Лаурой, и, без сомнений, ему нужно было поспать.

– Как вообще такой человек как он может спать? – Удивлялась Рут, когда они собрались в углу сада после школы.–

Я хочу сказать, неужели совесть не мучает его по ночам?

– Рут, – сказала Тельма. – У него нет совести.

– Она есть у каждого, даже у худшего из нас. Такими сделал нас Бог.

– Шан, – сказала Тельма, – приготовься ассистировать мне в лечении. У нашей Рут снова начинает развиваться слабоумие.

С отнюдь нехарактерным состраданием, миссис Боумайн перевела Тамми и Ребекку в другую комнату и позволила Лауре поселиться с Рут и Тельмой. Четвертая кровать осталась пустой.

– Это будет кровать Пола Маккартни, – сказала Тельма, когда они с Рут помогали Лауре переселяться. – Каждый раз, когда «Битлз» будут в городе, Пол может воспользоваться ею, а я воспользуюсь Полом!

– Временами, – сказала Рут, – ты просто невыносима.

– Эй, я всего лишь говорю о здоровых сексуальных потребностях.

– Тельма, тебе всего двенадцать лет, – сказала Рут раздраженно.

– Скоро уже тринадцать. У меня в любой день могут начаться месячные. Однажды утром мы проснемся все в крови, как после резни.

– Тельма!

В четверг Шинер тоже не вышел на работу. Его выходными на этой неделе были пятница и суббота, поэтому вечером

в субботу Лаура и близняшки возбужденно обсуждали то, что Угорь может больше вообще не появиться в приюте, что его мог переехать грузовик илихватила кондрашка.

Но во время воскресного завтрака Шинер стоял на раздаче. У него были синяки под обоими глазами, забинтованное правое ухо, разбитая верхняя губа, глубокая царапина на челюсти и у него не хватало двух передних зубов.

– Может быть, его сбил грузовик, – прошептала Рут, когда они двигались вдоль раздаточной линии.

Другие дети тоже комментировали увечья Шинера, а некоторые из них хихикали. Но они продолжали бояться его и никто не решался сказать в его состоянии напрямик.

Лаура, Рут и Тельма затихли, когда приблизились к Шинеру. Чем ближе они подходили к нему, тем явственнее виднелись его раны. Его синяки под глазами не были свежими, им было уже несколько дней, и хотя они по-прежнему были черными, то в первоначальном виде они должны были полностью заволочь его глаза. Верхняя губа была рассечена. В тех местах, где его лицо не было изувечено, бледная кожа стала серой. С копной огненно-рыжих волос он выглядел чудновато. Он напоминал клоуна, который свалился с лестницы, не зная, как правильно падать, чтобы избежать повреждений.

Он не смотрел на детей, которых обслуживал, а опустил глаза на молоко и булочки. Казалось, он напрягся, когда Лаура подошла к нему, но Угорь так и не поднял глаза.

За своим столом Лаура и близняшки так поставили свои

стулья, чтобы видеть Угря, который являлся предметом их разговора. Он не столько их страшил теперь, сколько интриговал. Вместо того чтобы избегать его, они провели весь день преследуя его, пытаясь случайно оказаться в тех же самых местах, что и он, глядя на него тайком. Для них стало ясно, что он избегал теперь даже смотреть на Лауру. Он смотрел на других детей, останавливался в игровой комнате, чтобы тихо поговорить о чем-то с Тамми Хинсен, но избегал встречи с взглядом Лауры, как будто это было все равно, что сунуть два пальца в розетку.

Позже, утром, Рут сказала:

– Лаура, он боится тебя.

– Будь я проклята, если это не так, – сказала Тельма. – Может быть, это ты так разукрасила его, Шан? Может, ты скрываешь от нас, что ты мастер каратэ?

– Это странно, не правда ли? С какой стати ему бояться меня?

Но она знала. Ее ангел-спаситель. Хотя она думала, что ей самой придется иметь дело с Шинером, ее спаситель явился снова и предупредил Шинера не приближаться к ней.

Она не была уверена, хотела ли она рассказывать Акерсонам о своем таинственном защитнике. Они были ее лучшими подругами. Она доверяла им. Однако интуитивно она чувствовала, что секрет ее ангела-спасителя должен остаться секретом. Она сама ничего не знала о нем и не должна была посвящать в это посторонних людей.

В течение следующих двух недель ссадины Угря зажили, повязка с уха исчезла, обнажив ярко-красные швы в тех местах, где эта часть его тела была практически оторвана. Он продолжал держаться на расстоянии от Лауры. Когда он обслуживал ее в столовой, то больше не ложил ей самые большие булочки и по-прежнему избегал смотреть ей в глаза.

Однако она случайно увидела, как он смотрел на нее из другого конца комнаты. Он быстро отвернулся, но она заметила в его глазах что-то худшее прежней страсти. Это было выражение ненависти. Очевидно, он ненавидел ее за то, что был избит.

В пятницу 27 октября она узнала от миссис Боумайн, что ее должны перевести в другой попечительский дом на следующий день. Ее хотели взять в свой дом мистер и миссис Доквейлер из Ньюпорт-Бич.

– Я уверена, что там тебе понравится, – сказала миссис Боумайн, стоя у своего стола в блестящем, желтом, цветастом платье, которое делало ее похожей на залитый солнечным светом диван. – То, что ты вытворяла у Тигель, лучше не повторять у Доквейлеров.

В эту ночь Лаура и близняшки пытались набраться мужества и обсуждали предстоящую разлуку в том же духе, что и перед отъездом Лауры в семью Тигель. Но теперь они ближе подружились, чем месяц назад, так близко, что Рут и Тельма разговаривали с Лаурой как с собственной сестрой. Тельма

даже однажды сказала:

– Очаровательные сестры Акерсон – Рут, Лаура и я.

И Лаура вновь почувствовала себя любимой и живой впервые за три месяца со смерти отца.

– Я люблю вас, девчонки, – сказала Лаура. Рут сказала:

– О, Лаура! – и разрыдалась. Тельма нахмурилась.

– Ты скоро вернешься. Эти Доквейлеры окажутся ужасными людьми. Они будут заставлять тебя спать в гараже.

– Я надеюсь, – сказала Лаура.

– Они будут бить тебя кнутом...

– Это было бы здорово.

На этот раз молния, которая ворвалась в ее жизнь, оказалась доброй молнией или в конце концов так показалось сначала.

Доквейлеры жили в огромном доме в фешенебельном квартале Ньюпорт-Бич. У Лауры была своя спальня с видом на океан.

Показывая ей комнату, Карл Доквейлер сказал:

– Мы не знали, какие краски ты любишь, поэтому оставили все как есть, но мы можем украсить твою комнату так, как ты захочешь.

Это был сорокалетний мужчина, здоровый, как медведь, с широкой грудью и с широким лоснящимся лицом.

– Может быть, девочке твоих лет понравилась бы розовые тона?

– О, нет, мне нравится все как есть! – сказала Лаура. Потрясенная богатством, в которое она попала, она подошла к окну и посмотрела на широкую пристань Ньюпорта, где на воде колыхались яхты.

Нина Доквейлер подошла к Лауре и положила руку на ее плечо. Она была симпатичной женщиной с темными волосами и фиолетовыми глазами. Она была похожа на китайку.

– Лаура, ваша воспитательница сказала, что ты любишь книги, но мы не знали, какие именно, поэтому сейчас же отправимся книжный магазин и купим те книги, которые тебе нравятся.

В книжном магазине Лаура выбрали пять книжек, Доквейлеры настаивали, чтобы она выбрала больше, но ей было стыдно тратить их деньги. Тогда Карл и Нина стали сами рыться на полках и зачитывать для нее названия книг, прибавляя их к отобранным, если Лаура выказывала хоть малейший интерес. Карл даже встал на карачки, чтобы прочесть названия книг на нижней полке.

– Эй, вот книга про собаку. Ты любишь рассказы о животных? А вот книга про шпионов! – он сказал это так смешно, что Лаура захихикала. Из лавки они ушли, купив около сотни книг.

Первый свой совместный обед они провели в пиццерии, где Нина проявила удивительный талант к магии, достав из-за уха Лауры золотое кольцо, которое вновь исчезло у нее в руке.

– Это удивительно, – сказала Лаура. – Где вы этому научились?

– Я владела фирмой по дизайну интерьеров, но мне пришлось бросить это еще восемь лет назад.

По причине здоровья. Это была слишком стрессовая работа. Я не могла сидеть дома без дела и поэтому решила заняться тем, о чем мечтала будучи деловой женщиной, у которой никогда не было свободного времени. Я стала учиться магии.

– У вас плохое здоровье? – спросила Лаура.

Безопасность напоминала коварный ковер, который люди вырывали у нее из-под ног, и теперь кто-то был готов снова выдернуть этот ковер.

Ее страх, должно быть, был очевиден, так как Карл Доквейлер сказал:

– Не беспокойся. Нина родилась с пороком сердца, но она проживет не меньше нас с тобой, если будет избегать стрессов.

– Это нельзя оперировать? – спросила Лаура, отложив кусок пиццы, так как у нее неожиданно пропал аппетит.

– Сердечная хирургия быстро продвигается вперед, – сказала Нина. – Может, года через два такая операция будет возможна. Но, дорогая, здесь не о чем беспокоиться. Я смогу сама позаботиться о себе. Тем более теперь, когда у меня есть дочь!

– Больше всего, – сказал Карл, – мы хотели иметь детей,

но не могли. Когда мы решили усыновить какого-нибудь ребенка, то обнаружили болезнь Нины, поэтому нам бы не разрешили усыновить ребенка.

– Но нам разрешено быть приемными родителями, – сказала Нина.– Поэтому если тебе понравится у нас, можешь оставаться навсегда. Так, как будто мы удочерили тебя.

Ночью, в своей спальне с видом на море, Лаура говорила себе, что не должна слишком полюбить Доквейлеров потому, что сердечная болезнь Нины пресекала всякую возможность настоящей безопасности.

На следующий день, в субботу, они отправились по магазинам за одеждой и продолжали бы без конца тратить деньги, если бы она не стала умолять их остановиться. На «мерседесе», забитом новыми покупками, они поехали в комедийный кинотеатр «Петр Селлер», а после кино обедали в ресторане гамбургеров, где молочный коктейль был просто потрясающим. Посасывая через трубочку коктейль, Лаура сказала:

– Вам, ребята, повезло, что к вам послали именно меня, а не какого-нибудь другого ребенка.

Карл приподнял брови:

– Да?

– Вы прекрасные люди, очень прекрасные, но вы не осознаете своей уязвимости. Другой ребенок тоже заметил бы это и воспользовался. Безжалостно. Но со мной вы можете быть спокойны. Я не воспользуюсь этим преимуществом и не заставлю вас жалеть о том, что вы взяли меня.

Они смотрели на нее в недоумении. Наконец Карл посмотрел на Нину.

– Они провели нас. Ей не двенадцать лет. Они подсунули нам карлика.

Этой ночью, лежа в постели, Лаура повторила то, что должно было обеспечить ее защиту:

– Нельзя полюбить их слишком сильно, нельзя полюбить их слишком сильно!!!

Но она уже полюбила их с чудовищной силой.

Доквейлеры послали ее в частную академию, там учителя были более требовательными, чем учителя в обычных школах, где она училась. Но учеба ей нравилась, и она быстро втянулась. Постепенно она обзаводилась новыми друзьями. Она скучала по Тельме и Рут, но чувствовала себя лучше от того, что они будут довольны, если она обретет счастье.

Она даже начала думать, что в будущем ее непременно ждет счастье. К тому же у нее был необыкновенный ангел-спаситель, разве не так? Конечно, любая девочка, которую охраняет ангел-спаситель, познает любовь, счастье и безопасность.

Но разве стал бы настоящий ангел-спаситель стрелять человеку в голову? Разве он стал бы избивать в кровь человека? Не имеет значения. У нее был прекрасный спаситель, ангел он или нет, и приемные родители, которые любили ее. Разве могла она отказаться от счастья, которое само прыгало

в руки?

Во вторник, 5 декабря, Нина отправилась на ежемесячное обследование к кардиологу, поэтому когда Лаура вернулась из школы, дома никого не было. Она отперла дверь своим ключом и положила тетрадки на столик в стиле времен царствования Луиса XIV, стоявший в вестибюле.

Огромная гостиная была отделана кремовыми, персиковыми и светло-зелеными тонами, которые делали ее весьма привлекательной, несмотря на размеры. Когда она остановилась у окна, чтобы насладиться видом, то подумала о том, как было бы здорово, если Рут и Тельма могли бы наслаждаться этим зрелищем вместе с ней. И неожиданно это показалось ей такой естественной вещью, как будто они уже были здесь.

А почему бы нет? Карл и Нина любят детей. Их любви было бы достаточно на полный дом детей, на тысячу детей.

– Шан, – сказала она громко, – ты просто гений.

Лаура пошла в кухню и приготовила легкую закуску, чтобы взять ее в свою комнату. Она нашла стакан молока, подогрела в печке шоколад и достала из холодильника яблоко, думая о том, как обговорить с Доквейлерами попечительство над близняшками. План стал таким естественным, когда она несла свою закуску в комнату, что даже не могла себе представить его провала.

Угорь подждал ее в столовой. Он схватил ее и так швырнул об стену, что весь воздух разом вышел из ее легких. Яблоко и шоколад вылетели из ее руки вместе с тарелкой, он

выбил из другой руки стакан с молоком, который вдребезги разлетелся, ударившись об обеденный стол. Он отдернул ее от стены, но снова швырнул так, что ее спину пронзила острая боль, в глазах появилась мутная пелена, но она знала, что нельзя падать, и пыталась сохранить сознание, хотя ее пронизывала боль и нечем было дышать.

Где же ее спаситель? Где?

Шинер наклонил к ней свое лицо, и ужас, казалось, обострял ее чувства, она разглядела каждую деталь его перекошенного от гнева лица: швы, которые держали его ухо у головы, были по-прежнему красными, вокруг переносицы кожа оставалась потемневшей, на подбородке остался дугообразный шрам. Его зеленые глаза были слишком странными для человеческих, они скорее напоминали кошачьи. Ее спаситель вот-вот отдернет его от нее, отдернет и убьет. В любую секунду.

– Я получил тебя, – сказал он пронзительным голосом маляка, – и теперь ты моя. Ты скажешь мне, кто этот сукин сын, который избил меня, и я оторву ему голову.

Он держал ее за плечи, его пальцы впивались в тело. Он поднял ее с пола до уровня глаз и прижал к стене. Ее ноги болтались в воздухе.

– Кто этот ублюдок?

Он был слишком силен для своих размеров. Он оторвал ее от стены и снова придавил, держа на уровне глаз.

– Скажи мне, дорогая, или я оторву твои уши. В любую

секунду теперь. В любую секунду. Боль все еще пронизывала ее спину, но она уже ощущала дыхание, хотя это оказалось его дыханием, вонючим и вызывающим тошноту.

– Ответь мне, дорогая.

Так можно было и умереть, ожидая вторжения ангела-спасителя.

Она пнула его ногой в пах, то был прекрасный удар. Его ноги были широко расставлены и он никак не ожидал подобного от прищипленной к стене девчонки. Его глаза расширились – на какое-то мгновение они стали похожи на человеческие, – и он издал низкий и странный звук. Его пальцы разжались. Лаура рухнула на пол, а Шинер отшатнулся назад, потерял равновесие и, сокрушая обеденный стол, повалился на китайский ковер.

Парализованная болью, шоком и страхом Лаура не могла встать на ноги. Ноги словно стали тряпичными. Вялыми. Значит, надо ползти. Она могла ползти. Подальше от него. Быстрее из столовой. Надеясь, что сможет встать к тому времени, она поползла к гостиной. Он схватил ее за левую лодыжку. Она попыталась отбить его руку ногой. Ничего не выходит. Ноги словно тряпичные. Шинер держит ее. Холодные пальцы. Холодные, как у мертвеца. Он издал тонкий, пронзительный звук. Странный звук. Ее рука оказалась в луже молока, залившего ковер. Она увидела разбитое стекло. Стенки бокала откололись. Толстое дно осталось целым, с острыми зубцами стенок. Оно было забрызгано остатками

молока.

С трудом дыша, все еще наполовину парализованный болью, Угорь схватил ее за вторую лодыжку. Он постепенно подтягивался к ней. Он все еще издавал этот странный звук, похожий на птичье щебетание. Он собирался взвалиться на нее сверху. Прижать к полу. Лаура схватила разбитый бокал, при этом порезав палец, но ничего не почувствовала. Угорь уже добрался до ее бедер. Она перевернулась на спину. Если бы только она была угрем. Она вытянула вперед разбитый бокал, не намереваясь его ранить, а желая лишь отпугнуть. Но он уже опускался, падал на нее, и три острых выступа стекла впились ему в глотку. Он пытался отпрянуть, отбил стакан, но обломанные стекла остались в его глотке. Задышавшись и захлебываясь, он прижал ее к полу своим телом. Кровь хлынула из его носа. Она извивалась под ним. Он стиснул ее. Его колено тяжело упиралось в ее бедро. Его рот был у ее горла. Он бил ее, кусал ее кожу. В следующий раз он может ударить ее сильнее, если она позволит ему. Она молотила его кулаками. Дыхание свистело и шелестело в его разрезанном горле. Лаура пыталась высвободиться, но он удержал ее. Она ударила ногой. Ее ноги теперь не были вялыми. Удар попал в точку, и ей удалось отползти к гостиной. Под аркообразной дверью гостиной она встала на ноги и посмотрела назад. Угорь встал на ноги тоже и поднял над головой стул. Он швырнул его. Лаура увернулась. С громким треском стул угодил в косяк дверного проема. Она бросилась в гостиную,

направляясь к вестибюлю, где была дверь, где был выход. Он бросил стул снова и на этот раз попал в плечо. Она упала, перевернулась и посмотрела вверх. Он возвысился над ней, хватая ее за левую руку. Ее силы ослабели. Перед глазами снова появилась темная пелена. Он схватил ее вторую руку. С ней было все кончено. Было бы кончено, во всяком случае, если бы осколок стекла в его глотке не перерезал артерию. Неожиданно поток крови хлынул из его носа. Он рухнул на нее ужасно тяжелым весом. Мертвым весом.

Лаура не могла шевелиться, едва могла дышать, но по-прежнему боролась за свое сознание. Сквозь свои придуренные рыдания она услышала звук открываемой двери. Шаги.— Лаура, я пришла.— Это был голос Нины, светлый и радостный вначале, потом пронзительный от ужаса.— Лаура? О мой Бог, Лаура?

Лаура попыталась сдвинуть с себя мертвое тело, но ей лишь наполовину удалось это, достаточно, чтобы увидеть Нину, стоящую в вестибюле.

На какой-то момент женщина была парализована шоком. Она таращилась на свою кремовую, персиковую и светло-зеленую гостиную, со вкусом подобранный интерьер которой был запачкан пятнами крови. Потом ее фиолетовые глаза посмотрели на Лауру, и она вышла из транса.

— Лаура! О Господи, Лаура!

Она сделала три шага вперед, резко остановилась и согнулась пополам, как будто от удара в живот. Из ее рта вылете-

ли странные звуки: «Ух, ух, ух, ух». Она попыталась выпрямиться. Ее лицо было искажено. Ей так и не удалось выпрямиться, она рухнула на пол и затихла.

Так не должно было случиться. Это было несправедливо, черт возьми. Любовь к Нине придала Лауре сил. Она высвободилась из-под тела Шинера и быстро подползла к своей приемной матери.

Нина была неподвижна. Ее широко распахнутые глаза были безжизненны.

Лаура положила свою окровавленную руку на шею Нины, щупая пульс. Ей показалось, что она нашла его. Слабый и непостоянный, но это был пульс.

Она взяла подушку с кресла и положила ее под голову Нины, потом бросилась на кухню, где на стене были записаны номера телефонов полиции и «скорой помощи». Дрожащим голосом она сообщила о сердечном приступе Нины и назвала адрес.

Когда она повесила трубку, то знала, что все будет в порядке, потому что она уже потеряла отца из-за сердечного приступа и было бы нелепо потерять из-за этого же Нину. В жизни бывают нелепые моменты, да, но сама жизнь не была нелепой. Жизнь могла быть странной, трудной, удивительной, красивой, незначительной, таинственной, но не нелепой. Поэтому Нина будет жить, потому что смерть Нины была бы нелепой.

Все еще напуганная и взволнованная, Лаура почувствова-

ла себя лучше и поспешила в гостиную, где села на колени возле своей приемной матери.

В Ньюпорт-Бич была первоклассная «скорая помощь». Она прибыла через три-четыре минуты после звонка Лауры. Двое врачей были вооружены новейшим медицинским оборудованием. Тем не менее через несколько минут они заявили, что Нина мертва, и несомненно она была мертва с того момента, как упала.

ГЛАВА 10

Через неделю после возвращения Лауры в Маклярой и за восемь дней до Рождества миссис Боумайн подселила Тамми Хинсен на четвертую кровать в комнате Акерсонов. В необычной уединенной беседе с Лаурой, Рут и Тельмой она объяснила причину этого переселения:

– Я знаю, вы скажете, что Тамми не очень счастлива оставаться с вами, девочки, но, кажется, ей здесь все-таки лучше, чем в любой другой комнате. Мы помещали ее в разные комнаты, но дети не могли ужиться с ней. Я не знаю, чем она так раздражает детей, но в других комнатах ее обычно избивали.

Прежде чем появилась Тамми, Тельма села на пол в позе йога, скрестив ноги под собой и упираясь пятками в бедра. Она заинтересовалась йогой, когда «Битлз» одобрили во-

сточную медитацию, и сказала, что когда наконец встретит Пола Маккартни (который был ее постоянным кумиром), это будет здорово, если у нас будет что-то общее, если мы сможем поговорить с ним о йоге.

Теперь, вместо медитации, она сказала:

– Что сделает эта корова, если я скажу: «Миссис Боумайн, дети не любят Тамми потому, что она позволила Угрю обмануть себя, потому что она помогла ему подбираться к другим, тоже уязвимым девочкам, потому, что она наш враг». Что Бовин Боумайн сделает, когда я скажу ей все это?

– Она назовет тебя лживым сунсом, – сказала Лаура, падая на свою застеленную кровать.

– Без сомнений. Потом она съест меня за завтраком. Вы видели размеры этой женщины? Она становится все больше с каждой неделей. Такие большие люди опасны, они могут съесть ребенка со всеми потрохами и костями.

Глядевшая через окно на детей, играющих в саду, Рут сказала:

– Дети несправедливо относятся к Тамми.

– Жизнь несправедлива, – сказала Лаура.

– Жизнь нельзя критиковать, – сказала Тельма. – Господи, Шан, не строй из себя философа, говоря банальные вещи. Ты знаешь, что мы ненавидим банальности так же, как ненавидим песню Бобби Джентри «Одна Билли Джо».

Когда Тамми появилась час спустя, Лаура напряглась. Ведь она убила Шинера, а та зависела от него. Она ожидала

увидеть разъяренную Тамми, но та встретила ее лишь слабой и печальной улыбкой.

После того как Тамми прожила с ними два дня, стало ясно, что она переживает потерю Угря с извращенным сожалением, но и с облегчением. Бешеный нрав, который она проявила во время расправы над книгами Лауры, погас. Она снова стала тусклой и хрупкой девочкой, которая в первый день пребывания Лауры в Маклярой показалась ей скорее духом, чем реальным человеком. Казалось, что над ней нависла постоянная опасность превратиться в серое облачко дыма, которое навсегда рассосется после первого же легкого дуновения ветерка.

После смерти Угря и Нины Доквейлер Лаура посещала получасовые собеседования с доктором Буном, психотерапевтом, который приходил в Маклярой каждый вторник и субботу. Бун не мог понять, как Лаура смогла перенести потрясение после нападения Вилли Шинера и трагической смерти Нины без повреждения психики. Он был поражен ее ясными рассуждениями о ее чувствах и взрослым языком, которым она описывала события в Ньюпорт-Бич. Выросши без матери, потеряв отца, пережив мучительные кризисы и ужас – но больше всего, лишившись любви отца – она была похожа на губку, которая впитывала все, что заставляла пережить жизнь. Хотя она могла говорить о Шинере с бесстрастием и о Нине без видимой печали, психиатр понимал, что

ее чувства фальшивы и нереальны.

– Так, значит, тебе снился Вилли Шинер? – спросил он, сидя возле нее на диване в маленьком кабинете, который предоставлял ему приют Маклярой.

– Он снился мне дважды. Это были, конечно, кошмарные сны. Но всем детям снятся кошмары.

– Нина тебе тоже снилась. Это были кошмары?

– О, нет! Это были мои любимые сны. Доктор выглядел удивленным.

– Когда ты думаешь о Нине, ты чувствуешь печаль?

– Да. Но так же... Я помню смешные моменты, когда мы купали платье и сладости. Я помню ее улыбку и смех.

– А вина? Ты чувствуешь свою вину в том, что случилось с Ниной?

– Нет. Может быть, Нина и не умерла бы, если бы я не оказалась у них и не привела бы за собой Шинера, но я не чувствую в этом своей вины. Я пыталась стать для них хорошей приемной дочерью, и они были счастливы со мной. То, что случилось, это превратности судьбы, а не моя ошибка: никогда не знаешь, что преподнесет тебе судьба.

– Судьба? – спросил он растерянно. – Так ты относишься к жизни, как к напыщенной комедии? Как к «Трем подпевалам»?

– Частично.

– Значит, жизнь это шутка?

– Нет. Она и в шутку, и всерьез.

– Но разве так бывает?

– Если вы ничего не знаете, – сказала она, – то, может быть, я буду задавать здесь вопросы?

Она заполнила много страниц своего дневника наблюдениями о докторе Уилли Буне. О своем неизвестном спасителе, однако, она не написала ничего. Она пыталась даже не думать о нем. Он обманул ее. Лаура стала зависеть от него; его героические поступки заставили чувствовать себя особенной, и это чувство помогло ей выжить после смерти отца. Теперь она чувствовала себя глупой из-за того, что возложила на чьи-то плечи заботу о своей безопасности. Записка, которую спаситель оставил ей, была по-прежнему у нее, но она больше не перечитывала ее. День за днем предыдущие поступки ее спасителя все больше казались собственными фантазиями. В рождественский вечер они вернулись в свою комнату с подарками, которые получили от благотворительных обществ и отдельных благотворителей. Они распевали рождественские песни и были удивлены, когда Тамми присоединилась к ним. Она пела низким, пробным голосом.

Через пару недель она почти перестала грызть ногти. Тамми выглядела обычно, но казалась более спокойной и более уверенной в себе как никогда.

– Если ее никто не будет беспокоить, – сказала Тельма, – она, может, снова придет в себя.

В пятницу, 12 января 1986 года, Лауре исполнилось три-

надцать лет, но она не праздновала день рождения. Ей не было весело.

В понедельник она была переведена из Маклярой в Касвелл-Холл, приют для старших детей, который находился в Анахиме, в пяти милях отсюда.

Рут и Тельма помогли перенести ее вещи в вестибюль. Лаура никогда не могла себе представить, что ей не захочется покидать Маклярой.

– Мы приедем в мае, – заверила ее Тельма. – Нам исполнится тринадцать 2 мая, и тогда мы уедем отсюда. Мы снова будем вместе.

Когда социальный служащий из Касвелла прибыл, Лауре было неохота идти. Но она пошла.

Касвелл-Холл был старой высшей школой, которая была превращена в спальные апартаменты, развлекательные комнаты и кабинеты для социальных служащих. Атмосфера здесь была более учебной, чем в Маклярой.

Касвелл был еще и опаснее Маклярой потому, что дети были старше и многие из них были малолетними преступниками. Здесь можно было найти марихуану и колеса, драки между мальчиками и даже девочками не были редкостью. Здесь так же, как и в Маклярой, формировались группы, но в Касвелл эти группы больше напоминали уличные банды. Воровство было повсеместно.

За несколько недель Лаура поняла, что в жизни существо-

вало только два типа выживших: так же, как она, кто нашел к этому силы, будучи любимыми хотя бы раз в жизни; и те, кто не был любим, кто был склонен к ненависти, подозрению и мести. Они были лишены в своей жизни человеческого участия, что и отразилось на их будущем.

Она жила в Касвелл с большей осторожностью, но никогда не позволяла страху овладеть ею. Местные бандиты были ужасными, но и трогательными, а в своих позах и ритуалах насилия даже смешными. Она не нашла никого, похожего на Акерсонов, с кем бы могла обмениваться черным юмором, поэтому уделяла больше внимания своему дневнику. Ожидая тринадцатилетия Акерсонов, Лаура раскрывалась в своих письменных монологах, это было время самооткрытия, время понимания напыщенного трагического мира, в котором она родилась.

В субботу, 30 марта, она читала в своей комнате, когда услышала, как одна из ее соседок – вечно хныкающая девочка по имени Фран Викерт – обсуждала с другой девочкой пожар, в котором погибли дети. Лаура едва прислушивалась к их разговору, пока не услышала слово «Маклярой».

Озноб пронзил ее тело, заморозив сердце и заставив онеметь ее пальцы. Она бросила книжку и направилась к девочкам.

- Когда? Когда был этот пожар?
- Вчера, – сказала Фран.
- Сколько п-погибло?

– Немного, я думаю, двое или даже один ребенок, но говорят – там здорово пахло горелым мясом. Это худшее...

Наступая на Фран, Лаура сказала:

– Как их звали?

– Эй, отстань от меня.

– Скажи мне их имена!

– Я не знаю имен. Господи, что с тобой случилось?

Лаура не помнила, как ушла от Фран и вышла из приюта, но вдруг обнаружила, что стоит на Кателла-авеню, в нескольких кварталах от Касвелл-Холла. Кателла была промышленной улицей в этом районе и в некоторых местах здесь не было тротуаров, поэтому она бежала по обочине дороги на восток, в то время как справа от нее проносились машины. Касвелл был в пяти милях от Маклярой, и она не была уверена, что знала дорогу, но доверившись инстинкту, она бежала, пока не устала, потом шла пешком, пока снова не стала бежать.

Более разумным было пойти прямо к одному из адвокатов Касвелла и спросить имена детей, погибших в пожаре. Но Лауре почему-то казалось, что судьба близняшек Акерсонов зависела от ее трудного путешествия в Маклярой. Если она спросит о погибших по телефону, то ей обязательно скажут, что они мертвы, а если она все-таки преодолеет эти пять миль, то найдет Акерсонов живыми. Это было суеверие, но все-таки она поступила именно так.

Стало темнеть. Мартовское небо было залито красным и пурпурным светом, его начали затягивать тяжелые темные

тучи, когда Лаура увидела Маклярой. С облегчением она увидела, что передний фасад старого здания не отмечен огнем.

Хотя ее платье вымокло от пота, а она устала и ее голова разламывалась на части, она не замедлила своего бега, пока не достигла главного входа. Лаура прошла мимо шести детей в коридоре и трех на лестнице, двое из которых позвали ее по имени. Но она не остановилась, чтобы расспросить их о трагедии. Она должна была сама все увидеть.

На последнем пролете лестницы она увидела, вернее, почувствовала следы пожара: едкий и терпкий запах сгоревших вещей, затяжной и кислый запах дыма. Когда она прошла сквозь лестничные двери, то увидела, что все окна на третьем этаже раскрыты, а электрические вентиляторы установили в центре коридора, чтобы проветривать воздух в обоих направлениях.

В комнате Акерсонов стояла новая, неокрашенная дверная коробка и дверь, но окружающие ее стены были покороблены и покрыты черной сажой. Написанный знак предупредил об опасности. Как на всех дверях в Маклярой, на этой двери не было замка, поэтому она не придала значения знаку, распахнула дверь, переступила через порог и увидела то, что она больше всего боялась увидеть: разрушение.

Коридорный свет позади нее и пурпурные блики заката в окнах едва освещали комнату, но она увидела, что остатки мебели были вынесены из комнаты; комната была пуста,

здесь присутствовало лишь ужасное привидение огня. Пол почернел от сажи и покоробился. Стены потемнели от дыма. Дверцы шкафа превратились в пепел, и только обгоревшие останки остались висеть на петлях, которые тоже расплавились. Оба окна были, очевидно, выбиты пожарниками, их проемы были наскоро забиты пластиковыми пластинами, прибитыми к стене. К счастью для других детей, в Макляррой огонь рвался вверх, а не в стороны, пожирая потолок. Потолок практически выгорел, и сквозь него были ясно видны массивные почерневшие балки чердака. Очевидно, пламя было погашено до того, как оно добралось до крыши, потому что она не видела неба.

Лаура тяжело и шумно дышала не из-за утомительного путешествия из Касвелла и не из-за созерцания этого хаоса, который больно пронзил ее грудь и сделал дыхание затруднительным. Кроме того, в воздухе стоял тошнотворный запах угля.

Когда она в своей комнате в Касвелле впервые услышала о пожаре в Макляррой, она уже знала его причину, хотя не хотела верить своим догадкам. Тамми Хинсен уже однажды была поймана с банкой горючей жидкости и спичками, которыми она собиралась сжечь себя. Услышав о попытке саможжения, Лаура поняла, что Тамми серьезно намеревалась это сделать, потому что ей подходило именно такое самоубийство, которое лишь бы подлило масла в огонь, что пожирал ее изнутри уже многие годы.

«Пожалуйста, Господи, она была одна в комнате, когда сделала это, пожалуйста!»

Взглянув в последний раз на руины пожарища, Лаура повернулась и вышла в коридор.

– Лаура?

Она подняла глаза и увидела Ребекку Богнер. К горлу Лауры подкатил ком, но она смогла выдавить их имена:

– Рут... Тельма?

Открытый взгляд Ребекки обещал вероятность того, что близняшки остались невредимы, но Лаура повторила их имена, чувствуя в своем надтреснутом голосе трагические нотки.

– Там, – сказала Ребекка, показывая в северный конец коридора, – Предпоследняя комната на лево. С неожиданной надеждой Лаура бросилась в эту комнату. Три кровати были пусты, но на четвертой кровати, освещенной ночной лампой, лицом к стене, на боку, лежала девочка.

– Рут? Тельма?

Девочка медленно повернулась – это была одна невредимая из сестер Акерсонов. На ней было тусклое, мятое, серое платье; ее волосы были в беспорядке; лицо опухло, глаза были мокрыми от слез. Она сделала шаг навстречу Лауре, но остановилась, как будто следующий шаг стоил ей больших усилий.

Лаура бросилась к ней и обняла.

Положив голову на плечо Лауры и прижавшись плечом к

ее щеке, она сказала:

– О, лучше бы на ее месте была я, Шан. Если это должно было случиться с одной из нас, то почему это не случилось со мной?

Пока девочка не заговорила, Лаура думала, что это была Рут.

Отказываясь принимать этот ужас, Лаура спросила:

– Где Рути?

– Ее нет. Рути больше нет. Я думала, что ты знаешь, что моя Рути погибла.

Лаура почувствовала, как что-то оборвалось внутри. Ее скорбь была так сильна, что она даже не смогла прослезиться: она застыла, как внезапно окаменевшая.

Долгое время они обнимали друг друга. Сумерки за окном сгущались. Они сели на край кровати.

В дверях появились две девочки. Они, очевидно, жили в одной комнате с Тельмой, но Лаура махнула им, чтобы они ушли.

Глядя в пол, Тельма сказала:

– Я была разбужена этим воплем, этим ужасным криком... Яркий свет ослепил мне глаза. Потом я поняла, что комната в огне. Тамми была вся в огне. Она сверкала, как факел. Она металась в своей кровати, горела и кричала...

Лаура обняла ее и ждала.

– Огонь перекинулся на стену, на кровать Тамми, на ковер на полу...

Лаура вспомнила, как Тамми пела с ними рождественские песни, как она становилась спокойнее с каждым днем, как будто бы наконец обрела внутренний покой. Теперь было очевидно, что этот покой был основан на твердом решении о самоубийстве.

– Кровать Тамми была ближайшей к двери, дверь тоже загорелась, поэтому я разбила окно над своей кроватью. Я позвала Рут, и она... она ответила, что идет ко мне. Все было в дыму. Я ничего не видела, пока не появилась Хита Дорнинг, которая спала на твоей кровати. Она пробралась к окну, и я помогла ей вылезти. В этот момент дым немного рассеялся, и я видела, что Рут пытается накрыть Тамми одеялом, чтобы сбить пламя, но это одеяло тоже загорелось и я увидела, что Рут... Рут... Рут охватил огонь...

Снаружи последние блики пурпурного заката канули во тьму. Тени в углах комнаты сгустились. Тошнотворный запах гари, казалось, усилился.

– ... и я бы бросилась к ней, я бы бросилась, но в этот момент огонь словно взорвался, он распространился по всей комнате. Дым был черным и густым, и я не могла разглядеть ни Рут, ни что-то другое... Потом я услышала сирены. Они приближались и громко выли, поэтому я пыталась заверить себя, что они успеют помочь Рут, но это была л-ложь. Я лгала себе и хотела в это верить и... я оставила ее там, Шан. О Господи, я вылезла в окно и оставила Рут, горящей в огне...

– Ты не могла ничего сделать, – заверила ее Лаура.

- Я оставила Рут в огне.
- Ты ничем не могла ей помочь.
- Я оставила Рути.
- Тебе не было смысла тоже умирать.
- Я оставила Рути в огне.

В мае, когда ей исполнилось тринадцать лет, Тельма была переведена в Касвелл и помещена в комнату с Лаурой. Воспитатели согласились на это потому, что Тельма страдала от депрессии, которую нельзя было вылечить. Быть может, она найдет необходимую помощь в дружбе с Лаурой.

Лаура приходила в отчаяние от упадка Тельмы. По ночам Тельму мучили кошмары, а днем она сидела словно на иголках. По всей видимости, время излечивало ее, хотя раны никогда полностью не затянутся. Ее чувство юмора вернулось и остроумие стало таким же как всегда, но у нее появилась меланхолия.

Они прожили в этой комнате в Касвелл-Холл пять лет, пока не вышли из под опеки штата и не начали свою собственную жизнь без постороннего контроля. Им многое пришлось пережить за эти годы. Их жизнь снова наладилась, но она никогда не была такой, как до пожара.

ГЛАВА 11

В главной лаборатории института возвышались ворота, которые вели в другие года. За ними было огромное устройство округлой формы, двенадцати футов длиной и восьми футов в диаметре, из полированной стали снаружи и полированной меди внутри. Оно стояло на медных болванках, которые удерживали его на восемнадцати дюймах от пола. Из него выходили толстые электронные кабели, а в самом устройстве нагнетающиеся воздушные потоки гудели подобно клокотанию воды.

Кокошка прошел сквозь время и материализовался внутри огромного цилиндра. В этот день он сделал несколько путешествий, став тенью Стефана в далеких временах и местах, и наконец узнал, почему предатель был так заинтересован в жизни Лауры Шан. Он торопливо вышел через ворота и оказался в главной лаборатории, где его ждали двое ученых и трое его людей.

– Девчонка не имеет никакого отношения к заговору против правительства и к попыткам уничтожить проект путешествий во времени, – сказал Кокошка. – Она имеет отношение только к нему лично.

– Теперь мы знаем все, что он сделал и почему, – сказал один из ученых, – и ты можешь убить его.

– Да, – сказал Кокошка, направляясь к главной приборной

панели, – Мы раскрыли все секреты предателя и можем его теперь убить.

Когда он сел перед приборами, намереваясь отправить себя в другое время, где он мог застать предателя врасплох, Кокошка решил убить и Лауру.

Это будет легкая работа, которую он сможет сделать сам, так как неожиданность будет на его стороне; к тому же предпочитал работать один: это доставляло ему удовольствие. Лаура не представляла опасности для правительства и для его планов изменить будущее мира, но он убьет ее первой на глазах Стефана, чтобы разбить сердце предателя прежде, чем всадить в него пулю. Кроме того, Кокошка любил убивать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СВЕТ ВО ТЬМЕ

ГЛАВА 1

12 января 1977 года, когда Лауре Шан исполнилось двадцать два года, она получила по почте жабу. На посылочной коробке не было обратного адреса, не было в ней и записки. Она открыла ее на столе возле окна, в гостиной своей квартиры, и яркий солнечный свет необыкновенно теплого зимнего дня засиял на очаровательной маленькой фигурке. Жаба была сделана из керамики, два дюйма высотой, стоящей на керамическом листе лилии, в шляпе и с тростью в лапе.

Двумя неделями раньше, университетский журнал опубликовал «Сказание об амфибии» – ее короткий рассказ о девочке, отец которой придумывал забавные истории о жабе, сэре Томми из Англии. Только она знала, насколько правдивым был этот рассказ, хотя все-таки кто-то догадался о его происхождении, судя по этой ухмыляющейся жабе в шляпе, которая была упакована с необыкновенной заботой. Она была аккуратно завернута в мягкую ткань, перевязанную красной лентой, потом она была завернута в оберточную бумагу и положена в белую коробку на подстилку из кусочков хлопка, в свою очередь эта коробка была несколько раз оберну-

та газетами и положена в другую коробку. Никто бы не стал так заботиться о пятидолларовой фигурке, если бы только отправитель не был посвящен в события, связывающие Лауру со «Сказанием об амфибии».

Чтобы уменьшить плату, она разделяла свою квартиру в Ирвине с двумя подругами по университету, с Мег Фалкон и Джулией Ишimina, и сначала подумала, что кто-то из них послал ей жабу. Но они были не совсем подходящими кандидатурами, так как Лаура не была близка ни с одной из них. Они были заняты учебой и своими интересами; к тому же они жили с ней всего с сентября. Они заявили, что ничего не знают о жабе, и их утверждения казались искренними.

Может, доктор Матлин, факультетный консультант литературного журнала, мог послать эту статуэтку. Со второго курса, когда она начала посещать лекции Матлина по творческому писанию, он отметил ее талант и уделил особое внимание оттачиванию ее мастерства. Он был очень доволен «Сказанием об амфибии», поэтому он мог послать жабу, чтобы сказать «хорошая работа». Но почему нет ни обратного адреса, ни записки? К чему эта секретность? Нет, это было не в характере Гарри Матлина.

У нее были друзья в университете, но в действительности она не была близка ни к кому из-за нехватки времени для установления дружбы. Практически все ее время уходило на учебу, работу и ее сочинения, и едва хватало времени на сон и еду. Она не имела понятия, кто бы мог купить эту жабу,

упаковать ее и послать анонимно по почте.

Мистика.

На следующий день ее занятия начинались в восемь часов и заканчивались в два. После занятий она подошла к своему девятилетнему «чеви», припаркованному на университетской стоянке, открыла дверцу, села за руль и в недоумении уставилась на другую фигурку жабы, стоящую на приборной доске.

Она была два дюйма высотой и четыре длиной. Фигурка была тоже сделана из керамики изумрудного цвета, ее мечтательно улыбающаяся мордочка покоилась на согнутой лапке.

Лаура была уверена, что запирала машину, к тому же она была заперта, когда Лаура вернулась из университета. У таинственного поклонника должны быть соответственные трудности, чтобы открыть «чеви» без ключа, – обычно авторы разбивали стекло, чтобы добраться до фиксатора дверцы, – и оставить в машине жабу.

Позднее она поставила эту фигурку на ночной столик рядом с жабой в шляпе и с тростью. Вечер она провела в кровати за чтением и время от времени бросала взгляд на керамические фигурки.

На следующее утро Лаура, когда вышла из квартиры, нашла у порога небольшую коробку. Внутри была еще одна, тщательно запакованная жаба. Оловянная фигурка сидела на бревне с банджо в лапах. Мистика.

В течение лета она работала целую смену в качестве офи-

циантки в «Хамлей-гамбургер» в Коста Меса, но во время учебы, из-за нехватки времени, она могла работать только три вечера в неделю. «Хамлей» был высококлассным рестораном гамбургеров, предлагавшим хорошую еду по сносным ценам в совершенном и своеобразном интерьере – бревенчатый потолок, отделка деревянными панелями, огромные деревянные кресла, – поэтому посетители были обычно довольны, чего нельзя было сказать о других заведениях, где Лауре приходилось работать.

Даже если атмосфера в ресторане была бы нездоровой, а посетители хмурыми, ей все равно пришлось бы работать, потому что ей нужны были деньги. В день своего восемнадцатилетия, четыре года назад, она узнала о сбережениях своего отца, к которым добавились средства от продажи имущества после его смерти и которые не могли быть использованы штатом на ее содержание в Маклярой и Касвелл-Холл. Эти сбережения перешли к ней, и она потратила их на оплату жилья и учебы. Ее отец не был богатым; на его счету было только двенадцать тысяч долларов. Даже шестилетних процентов было недостаточно на оплату ренты за квартиру, на пищу, одежду и обучение, поэтому она зависела от зарплаты, которую получала в ресторанах.

В субботний вечер, 16 января, она работала в «Хамлей», когда хозяин подвел пожилую пару к столику, который обслуживала Лаура. Просмотрев меню, они попросили мичелобы. Через несколько минут, когда она вернулась от стойки

с пивом и парой замороженных языков, увидела на их столе керамическую жабу. Удивившись, она чуть не уронила поднос. Лаура посмотрела на улыбающуюся пожилую пару, но они молчали и она сказала:

– Это вы присылали мне жаб? Но я ведь не знаю вас. Или знаю?

Мужчина сказал:

– О, у вас их уже много?

– Это четвертая. А разве не вы принесли мне это? Тут ничего не было еще несколько минут назад. Кто положил это на стол?

Он подмигнул своей жене, и она сказала Лауре:

– У вас есть тайный поклонник, моя дорогая.

– Кто?

– Молодой парень, который сидел вон за тем столиком, – сказал мужчина, указывая через комнату на столик, который обслуживала Хепплемен. Столик теперь был пуст: мальчик только что убрал грязную посуду.

– Как только вы отошли за нашим пивом, он подошел и попросил оставить это вам.

Это была рождественская жаба в костюме Санта-Клауса без бороды и с мешком игрушек за спиной. Женщина спросила:

– Вы действительно не знаете, кто он?

– Нет. Как он выглядел?

– Высокий, – сказал мужчина, – рослый и сильный. С ко-

ричевыми волосами.

– У него были карие глаза, – сказала его жена, – и мягкая речь.

Держа жабу и глядя на нее, Лаура сказала:

– В этом есть кое-что... что беспокоит меня.

– Беспокоит? – удивилась женщина. – Но это всего лишь молодой человек, который равнодушен к вам, дорогая.

– Вы так думаете? – спросила она.

Лаура подошла к Ами Хепплемен, которая готовила салат, и получила от нее более подробное описание таинственного дыхателя.

– Он заказал грибной омлет, тост и коку, – сказала Ами, накладывая зелень металлическими щипцами. – Ты разве не видела его?

– Я не заметила.

– Здоровый парень. В джинсах. Голубая рубашка. Короткая прическа. Мало разговаривал. Кажется, довольно робкий.

– Он расплачивался кредитной карточкой?

– Нет. Наличными.

– Черт возьми, – сказала Лаура.

Она взяла рождественскую жабу домой и поставила ее рядом с другими фигурками.

На следующее утро, в понедельник, она обнаружила на пороге еще одну белую коробку. Она открыла ее с неохотой. В ней лежала прозрачная стеклянная жаба. Когда Лаура вер-

нулась из университета тем же полуднем, Джулия Ишимина сидела за обеденным столом, читала ежедневный выпуск газеты и пила кофе.

– Вон еще одна, – сказала она, показывая на коробку, лежащую на кухонном буфете.– Пришла по почте.

Лаура развернула тщательно упакованную посылку. На этот раз были сразу две жабы – формочки для соли и перца.

Она поставила их рядом с другими фигурками на ночном столике и долгое время сидела на краю кровати, нахмуренно глядя на растущую коллекцию.

В пять часов вечера она позвонила Тельме Акерсон в Лос-Анджелес и рассказала ей о жабах.

Лишенная какого-либо наследства, Тельма не могла учиться в колледже, но, как она сказала, это не было трагедией, потому что она сама не была заинтересована в учебе. Закончив школу в Касвелл-Холл она переехала в Лос-Анджелес, намереваясь работать в шоу-бизнесе, в качестве комика.

Почти каждую ночь, с вечера до двух ночи, она крутилась по комедийным клубам – Импрув, Комеди-Стэр и другим, участвуя в импровизированных выступлениях на сцене в составе комик-группы из молодых людей.

Она работала целыми днями, чтобы платить ренту, метаясь от одной работы к другой. Некоторые из них были весьма странными. Среди остальных вещей ей приходилось носить наряд курицы, петь песни, обслуживать столы в пище-

рии и даже держать плакат членов Западной гильдии писателей, которым союз поручил участие в забастовке, но которые предпочли заплатить кому-нибудь сотню баксов, чтобы тот размахивал их плакатом и внес их имена в списки бастующих.

Хотя они жили друг от друга в девяноста минутах езды, Лаура и Тельма виделись два-три раза в год, обычно за ленчем или обедом, потому что на большее у них не хватало времени. Несмотря на редкие встречи, они продолжали крепко дружить и делиться интимными моментами из жизни. «Связь Маклярой – Касвелл, – сказала однажды Тельма, – крепче кровных уз, сильнее мафиозных договоров, сильнее связи Фреда Флинстона с Барни Руббл».

Выслушав рассказ Лауры, Тельма сказала:

– Так в чем проблема, Шан? Какой-то крепкий парень без ума от тебя. Через это прошли многие женщины.

– Ты так думаешь? Невинная любовь?

– А что еще?

– Я не знаю. Но это... беспокоит меня.

– Беспокоит? Все эти жабы маленькие и милые вещички, не так ли? Ни одна из этих жаб не огрызается? Ни у одной из них нет в лапе окровавленного ножа? Или маленькой керамической бензопилы?

– Нет.

– Он не присылал тебе обезглавленных жаб, не так ли?

– Нет, но...

– Шан, последние несколько лет прошли спокойнее, хотя, конечно, у тебя была богатая событиями жизнь. Понятно, ты ждала, что этот парень будет братом Чарльза Мэнсона. Но держу пари, что это должно было произойти – должен был когда-нибудь появиться парень, который восхищается тобой, хотя, по всей видимости, он довольно застенчивый. Как у тебя с сексом?

– Никак, – сказала Лаура.

– Почему? Ты же не девственница. Тот парень в прошлом году...

– С ним ничего не получилось.

– И с тех пор никого не было?

– Нет. Ты думаешь, я веду беспорядочную жизнь?

– Малышка, два любовника за двадцать два года – это далеко не беспорядочная жизнь. Расслабься. Перестань волноваться. Посмотри, куда это приведет. Он может оказаться самим принцем очарования.

– Ну... может, я попробую. Думаю, что ты права.

– Но, Шан?

– Да?

– Теперь тебе на всякий случай придется носить «магнум-357». – Очень смешно.

– Смех – это мой бизнес.

В течение следующих трех дней Лаура получила еще двух жаб. К воскресенью она начала чувствовать недоумение,

злость и страх одновременно. Никакой секретный поклонник не стал бы вести такую долгую игру. Каждая новая жаба теперь казалась насмешкой. Их даритель был просто одержим этой идеей.

В пятницу она провела большую часть ночи сидя в кресле перед окном в полной темноте. Через полуоткрытые шторы Лаура могла видеть часть веранды и пространство перед домом. Если он приходит по ночам, она намеревалась дать ему отпор. К половине четвертого утра он так и не появился, и она задремала. Когда она проснулась утром, на пороге не было никакой посылки.

Приняв душ и позавтракав, Лаура спустилась с крыльца и направилась к задней стороне дома, где стояла ее машина. Она намеревалась отправиться в библиотеку, чтобы провести кое-какую исследовательскую работу, и день казался ей подходящим для этого. Зимнее небо было серым и низким, тяжелый предштормовой воздух наполнил ее предчувствием, которое усилилось, когда она нашла другую коробку на приборной доске запертого «чеви». Она хотела закричать в расстройстве.

Вместо этого она села за руль и открыла посылку. Другие фигурки были недорогими, не больше десяти-пятнадцати долларов, некоторые стоили не больше трех, но новая прекрасная фарфоровая фигурка стоила по крайней мере пятьдесят долларов. Тем не менее, она была меньше заинтересована в лягушке, чем в самой посылочной коробке. Она не бы-

ла необозначенной, как раньше, на ней стояло название магазина – «Коллектиблз» – в районе Саус Коаст Плаза. Плаза.

Лаура поехала прямо туда. Приехав за пятнадцать минут до открытия, она подождала на крыльце и была первой посетительницей магазина, когда он открылся. Владельцем магазина была пожилая седоволосая женщина, которую звали Иджиния Фарвор.

– Да, это наша вещица, – сказала она, выслушав объяснения Лауры и посмотрев на фарфоровую жабу, – я сама продала ее вчера молодому человеку.

– Вы знаете его имя?

– К сожалению, нет.

– Как он выглядел?

– Я запомнила его хорошо из-за его размеров. Он очень высокий. Я бы сказала, шесть с половиной футов. И очень широкий в плечах. Он был довольно прилично одет, серый костюм в голубую и серую полоску. А еще я восхитилась его костюмом, а он сказал, что было не легко найти костюм для его фигуры.

– Он расплатился наличными?

– М-м-м... Нет, кажется, он воспользовался карточкой.

– У вас сохранилась регистрационная карточка?

– О да, обычно мы собираем их за один-два дня и отправляем для оплаты. – Миссис Фарвор повела Лауру мимо стеклянных витрин, заполненных изделиями из фарфора и хрусталя, тарелочками, фигурками и другими дорогими вещи-

цами, в небольшой кабинет. Но вдруг у нее возникло подозрение по поводу того, что хотела узнать посетительница.— Если его стремления столь невинны, если он всего лишь ваш поклонник, — а мне кажется, что в этом нет ничего дурного; он приятный молодой человек, — тогда я могу ему помешать. Возможно, он хочет добиться вашего расположения по своему собственному плану.

Лаура изо всех сил пыталась очаровать женщину и заслужить ее симпатию. Она не помнила, чтобы когда-либо говорила так красноречиво и с таким чувством; обычно она не была столь выразительна в своих речах, как была выразительна в своих книгах. На ее глазах появились даже искренние слезы, которые удивили ее больше, чем Иджинию Фарвор.

Из регистрационной карточки она узнала его имя — Даниэль Пакард и его телефонный номер. Из магазина она напрямик отправилась на телефонную станцию. В телефонной книге было два Даниэля Пакарда, но нужный ей жил на Нью-порт-авеню в Тастине.

Когда она вышла из телефонной станции, шел легкий морозящий дождь. Она подняла воротник своего пальто, но у нее не было ни шляпы, ни зонтика. Когда она дошла до своей машины, ее волосы намокли, и она продрогла. Лаура дрожала всю дорогу от Коста-Меса до Северного Тастина.

Она думала, что он должен быть дома в это время. Если он студент, он не должен быть на лекции в воскресенье. Если

он работает обычный рабочий день с девяти до пяти, он не должен быть в офисе. Такая погода должна заставить сидеть дома обычных любителей проводить уик-энды на природе.

Его дом находился среди восьми двухэтажных зданий, построенных в испанском стиле. Несколько минут она торопливо ходила от дома к дому под мокрыми пальмами и коралловыми деревьями, ища нужный адрес. Когда она нашла его квартиру на первом этаже здания, стоящего дальше всех от улицы, ее волосы полностью промокли и ее сильно знобило. Дискомфорт усилил ее страх и обострил гнев, поэтому она без промедления нажала на звонок.

Очевидно, он не посмотрел в дверной глазок, потому что был очень удивлен, когда открыл дверь. Он был лет на пять старше ее и действительно был огромным молодым человеком, шести с половиной футов ростом и около двухсот сорока фунтов весом, его тело было мускулистым. На нем были джинсы и светло-голубая рубашка с короткими рукавами и грязными жирными пятнами; у него были очень сильные руки. На лице была небритая щетина и пятна смазки, его руки тоже были черны от грязи.

Осторожно стоя возле двери, вне пределов досягаемости, Лаура просто спросила:

– Зачем?

– Потому что... – он переминался с ноги на ногу, едва помещаясь в дверном проеме.– Потому что...

– Я жду.

Он провел своей испачканной в смазке рукой по коротко остриженным волосам, пребывая в очевидном замешательстве. Он отвел глаза в сторону и, глядя на мокрый от дождя сад, сказал:

– Как... как вы узнали, что это я?

– Это неважно. Важно то, что я не знаю вас, я никогда не видела вас раньше, а вы присылаете мне этих жаб, вы приходите среди ночи и оставляете их на моем пороге, вы проникаете в мою машину и оставляете их на приборной доске. Это продолжается уже несколько недель, и разве вы не думаете, что меня интересует, зачем все это?

Не глядя на нее, он покраснел и сказал:

– Да, конечно, но я не... я не был готов... Я не думал, что это время настало.

– Оно настало еще неделю назад!

– Хм-м-м.

– Так скажите мне: зачем?

Посмотрев на свои засаленные руки, он тихо сказал:

– Хорошо, понимаете...

– Да!

– Я люблю вас.

Лаура недоверчиво уставилась на него. Наконец он поднял глаза. Она сказала:

– Вы любите меня? Но вы даже не знаете меня. Как вы можете любить человека, которого никогда не встречали?

Он отвел взгляд в сторону, снова провел грязной рукой по

волосам и пожал плечами.

– Я не знаю, но все именно так, и я... ух... хорошо, хм-м-м, у меня есть такое предчувствие, понимаете, такое предчувствие, что я должен провести свою оставшуюся жизнь с вами.

Холодная вода стекала с волос Лауры на шею и текла по изгибу позвоночника. Как теперь она сможет сконцентрироваться на исследовательской работе в библиотеке после такого сумасшествия? С разочарованием, что ее тайный поклонник оказался грязным и потным жлобом с невнятной речью, Лаура сказала:

– Послушайте, мистер Пакард, я не хочу, чтобы вы присылали мне этих жаб.

– Понимаете, мне действительно хотелось посылать их.

– Но мне не хотелось получать их. Завтра я пришлю вам все, что вы прислали мне. Нет, сегодня. Я пришлю их сегодня.

Он встретился с ней взглядом, удивленно моргнул и сказал:

– Я думал вы любите жаб.

С растущим гневом Лаура сказала:

– Я люблю жаб. Я считаю их самыми милыми созданиями.

Мне даже иногда хочется стать жабой, но я не хочу ваших жаб. Это понятно?

– Хм-м-м.

– Не надо беспокоить меня, Пакард. Может быть, многие

женщины рады были бы завести с вами роман, но я не принадлежу к их числу и смогу защитить себя. Не думайте, что я не сделаю этого. Мне приходилось иметь дела с худшими негодяями, чем вы.

Она повернулась, спустилась с веранды под дождь, села в машину и поехала обратно в Ирвин. Ее трясло всю дорогу домой не только потому, что она промокла и продрогла, а потому, что она испытывала сильную ярость. Ярость к нему!

Дома она разделась, накинула халат и приготовила кофе, который помог бы ей справиться с ознобом.

Не успела она сделать первый глоток кофе, как зазвонил телефон. Она ответила в кухне. Это был Пакард.

Говоря так быстро, что все предложения сливались в одно целое, он сказал:

– Пожалуйста, не вешайте трубку. Вы правы, я делаю глупые вещи, идиотские, но дайте мне только одну минуту, чтобы все объяснить. Я чинил водопроводный кран, когда вы пришли, поэтому был такой грязный и потный, мне пришлось это делать самому. Конечно, водопроводчик починил бы его, но для этого его нужно ждать неделю, а я многое умею делать сам, я сам могу все починить. Сегодня дождливый день, и мне нечего было делать, так почему было бы не заняться краном самому. Я никак не предполагал, что приедете вы. Меня зовут Даниэль Пакард, но это вы уже знаете. Мне двадцать восемь лет, до 1973 года я служил в армии, три года назад закончил Калифорнийский университет в Ир-

вине и сейчас работаю биржевым маклером. Недавно я побывал в университете, где и прочел ваш рассказ в университетском литературном журнале. Это было потрясающе, мне понравилось, рассказ действительно прекрасный, поэтому я отправился в библиотеку, нашел все ваши старые рассказы и прочел их. Большинство из них великолепны, чертовски великолепны, не все, но большинство. Каким-то образом я полюбил вас, полюбил человека, которого я знал по его рассказам, потому что эти рассказы были такими прекрасными и искренними. Однажды вечером я сидел в библиотеке и читал ваш рассказ, – они не разрешают выносить журналы, поэтому приходится читать в библиотеке, – когда служащая библиотеки подошла ко мне и спросила, нравятся ли мне эти рассказы, я ответил, что нравятся, тогда она сказала:

– Их автор вон там, если вы хотите сказать ей, что она хорошо пишет...

Вы сидели через три стола от меня, выполняли какую-то исследовательскую работу, хмурились, делали пометки, Вы были обворожительны. Понимаете, я чувствовал, что вы должны быть красивы, потому что красивы были ваши рассказы, в них описываются красивые чувства, но я не ожидал, что вы окажетесь так красивы. Я не смог подойти к вам, потому, что красивые женщины всегда связывали мой язык и делали меня застенчивым. Может быть, потому, что моя мать была красивой женщиной, но она была холодной и надменной, поэтому сейчас я, должно быть, думаю, что все кра-

сивые женщины будут отвергать меня, как это делала мать. Мне было бы гораздо легче, если бы вы были менее красивы. Благодаря вашим рассказам я и стал использовать жаб, это весь секрет тайного поклонника, дарившего их вам, так я надеялся смягчить вас и собирался представиться после третьего или четвертого подарка, но я все откладывал, потому что боялся быть отвергнутым. Я знал, что это было глупо – посылать жабу за жабой, но я и представиться себе не мог вам. Я никак не хотел доставить вам беспокойство, не хотел раздражать вас, и, надеюсь, вы сможете меня простить.

Наконец он замолчал.

Лаура сказала:

– Хорошо.

– Может быть, вы согласитесь встретиться со мной? – предложил Даниэль.

Удивленная своим ответом, Лаура сказала:

– Да.

– Обед и кино?

– Хорошо.

– Сегодня вечером? Я подъеду к шести?

– О'кэй. Повесив трубку, она замерла, глядя на телефон.

Наконец она громко сказала:

– Шан, ты сошла с ума? Но ведь он назвал мои рассказы прекрасными и искренними.

Лаура пошла в свою спальню и посмотрела на коллекцию жаб на ночном столике. Она сказала:

– Сначала он был нем и нечленораздельно разговаривал, потом он разговаривал так, что его трудно было остановить. Он может быть маньяком-убийцей, Шан. Да, он может им быть, но он также и прекрасный литературный критик.

Так как Даниэль предложил обед и кино, Лаура надела серую юбку, белую блузку и каштановый свитер, но он заявился в темно-синем костюме, белой рубашке с французскими запонками, синем галстуке с заколкой в виде цепочки, с шелковым носовым платком, торчащим из кармана пиджака, и в черных ботинках, как будто собирался на открытие сезона в оперу. Он держал зонтик и провожал ее от дома до своей машины, держа ее под руку так бережно, как будто боялся, что она растает, если на нее попадет хоть одна капля дождя, или разлетится на миллион мелких кусочков, если поскользнется и упадет.

Принимая во внимание их разницу в одежде и разницу в размерах, – она была на целый фут ниже его и весила меньше половины его веса, – Лаура чувствовала себя так, как будто отправлялась на прогулку со своим отцом или старшим братом. Она не была низкорослой женщиной, но рядом с ним чувствовала себя крошечной.

Даниэль снова почувствовал себя неловко в машине, но он должен был вести машину с осторожностью в такую ненастную погоду. Они отправились в маленький итальянский ресторан в Коста-Месе, где Лаура уже была несколько раз. Их посадили за столик и дали меню, но прежде чем официантка

спросила, что они будут пить, Даниэль сказал:

– Это неподходящее место, давайте поищем другое.

Она удивленно спросила:

– Но почему? Здесь хорошо. Здесь прекрасная еда.

– Нет, это не то, не та атмосфера, не тот стиль, я не хочу, чтобы вы думали, хм-ш-м... – и он снова затараторил, как по телефону, – хм-м-м... как бы то ни было, это не подходящее место и оно не годится для нашей первой встречи. Я хочу, чтобы это было особенно, – и он встал, – я думаю, что знаю такое место. Прошу прощения, мисс, – это предназначалось официантке, – надеюсь, мы не очень затруднили вас, – он отодвинул стул Лауры, помогая ей подняться, – Я знаю такое место, вам понравится, я никогда не был там, но слышал, что там превосходно.

Посетители смотрели на них, и Лаура не стала возражать.

– Это рядом, всего в двух кварталах отсюда. Они вернулись в машину, проехали два квартала и остановились перед невзрачным фасадом ресторана, стоявшего в торговом районе города.

Лаура теперь знала его необыкновенную внимательность и ждала в машине, когда он обойдет машину и откроет ей дверцу, но когда он это сделал, она увидела, что он стоит в глубокой луже.

– О, ваши ботинки! – сказала она.

– Они высохнут. Держите зонтик, а я перенесу вас через лужу.

Он вынул ее из машины и перенес через лужу с такой легкостью, как будто она весила не больше пуховой подушки. Он поставил ее на сухой тротуар и без зонта вернулся к машине, чтобы закрыть двери.

Французский ресторан был немного меньше итальянского. Их посадили за дальний столик, стоящий возле кухни, и ботинки Даниэля хлюпали по дороге к столику.

– Вы схватите пневмонию, – забеспокоилась Лаура, когда они сели и заказали два драй-сакса.

– Только не я. У меня прекрасная иммунная система. Я никогда не болею. Однажды, во время операции во Вьетнаме, я был отрезан от своего взвода и провел целую неделю один в джунглях, дождь тогда не прекращался ни на минуту, на мне не было сухой нитки, когда я добрался до своего лагеря, но у меня даже не было насморка.

Когда они допивали вино и делали заказ, он был расслаблен как никогда, и оказался в действительности последовательным, приятным и даже удивительным собеседником. Когда их заказ принесли – лосося в укропном соусе для нее и запеченых устриц для него, – стало очевидно, что еда ужасна, несмотря на то, что цены были вдвое выше, чем в итальянском ресторане; его смущение снова стало расти, и он едва мог выразить свои мысли. Лаура заявила, что еда великолепна, и с аппетитом жевала каждый кусочек, но это было бесполезно, его трудно было одурачить.

Кухонный персонал и официанты тоже были медлитель-

ны. Когда Даниэль оплатил счет и проводил ее к машине, переноса снова через лужу, как маленькую девочку, они на полчаса опаздывали в кино, на которое собирались.

– Все в порядке, – сказала Лаура, – мы можем войти позже и остаться на следующий сеанс, чтобы посмотреть начало.

– Нет, нет, – сказал он. – Так кино невозможно смотреть. Вам это не понравится. Я хочу, чтобы сегодня все было великолепно.

– Расслабьтесь, у меня есть чувство юмора.

Он недоверчиво посмотрел на нее, она улыбнулась и он улыбнулся в ответ, но его улыбка была вымученной.

– Если вы не хотите сейчас идти в кино, – сказала Лаура, – ради Бога. Я согласна пойти туда, куда вы предложите.

Он кивнул и выехал на улицу. Они проехали несколько миль, прежде чем она поняла, что он везет ее домой.

Всю дорогу от машины до ее дверей он извинялся за испорченный вечер, а она уверяла его, что ничуть не была расстроена этим. Когда она сунула ключ в дверной замок, он повернулся и ушел, не спрашивая прощального поцелуя, не дожидаясь ее приглашения в дом.

Она обернулась посмотреть на него, когда сильный порыв ветра вывернул наизнанку его зонт. Он боролся с ним всю дорогу, дважды чуть не потеряв равновесия. Когда он дошел до дорожки, ему наконец удалось правильно вывернуть зонт, но ветер тут же снова вывернул его. Раздраженно он швырнул его в ближайшие кусты и посмотрел на Лауру. Он уже

промок с головы до ног, и при тусклом свете уличного фонаря она видела, как безнадежно висел на нем его костюм. Он был здоровым парнем, но вода и ветер сделали его внешность забавной. Она знала, что ей не нужно было бы смеяться, но ничего не могла с собой поделать.

– Вы чертовски красивы, Лаура Шан! – закричал он с дорожки. – Бог мне свидетель, вы очень красивы.

Потом он торопливо исчез во тьме. Проклиная свой смех, она вошла в дом и переделалась в пижаму. Было только двадцать один час двадцать минут.

Даниэль был самым беспомощным и милым парнем из тех, которых она встречала после смерти отца.

В 21.30 зазвонил телефон. Даниэль сказал:

– Вы когда-нибудь снова согласитесь провести со мной вечер?

– Я думала, что вы никогда не позвоните.

– Вы так думали?

– Конечно.

– Обед и кино? – спросил он.

– Звучит неплохо.

– Мы больше не пойдем в этот ужасный французский ресторан. Прошу прощения за это.

– Мне все равно куда мы пойдем, – сказала она, – но если мы сядем за столик, обещайте мне, что мы там и останемся.

– Со мной иногда бывает такое. Как я уже сказал... Я всегда чувствовал себя неловко в обществе красивой женщины.

– Такой, как ваша мама.

– Это так. Она отвергала меня. Отвергала моего отца. Я никогда не чувствовал материнского тепла от этой женщины. Она ушла от нас, когда мне было одиннадцать лет.

– Должно быть, это было тяжело.

– Вы гораздо красивее ее и пугаете меня до смерти.

– Вы мне льстите.

– Прошу прощения, но это правда. Дело в том, что даже при вашей красоте вы вдвое менее красивы своих рассказов, и это пугает меня еще больше. Что может такой гений, как вы, найти в таком парне, как я – разве что комика?

– Один вопрос, Даниэль.– Данни.

– Один вопрос, Данни. Какой вы к черту биржевой маклер? Неужели вам это удастся?

– Я первоклассный маклер, – сказал он с такой очевидной гордостью, что она поняла – он говорит правду.– Мои клиенты молятся на меня и у меня есть немного ценных бумаг, которые поднялись в цене уже в три раза. Как биржевой аналитик, брокер и советник, я никогда не даю ветру шанса вывернуть мой зонтик наизнанку.

ГЛАВА 2

В полдень, перед взрывом в Здании института, Стефан предпринял свое предполагаемое последнее путешествие по

Дороге Молнии. Это была незнакомая поездка в 10 января 1988 года, не отмеченная в официальном расписании и никак не связанная с целями его коллег.

Светлый снег падал в горах Сан-Бернардино, когда он прибыл туда, но он был одет по погоде – в резиновых сапогах, кожаных перчатках и морском бушлате. Он спрятался за поваленным стволом сосны, намереваясь дожидаться, когда прекратятся мощные вспышки молний.

Он посмотрел на свои часы в ярком свете вспышки был удивлен тем, как поздно он прибыл. У него оставалось меньше сорока минут, чтобы спасти Лауру, прежде чем она будет убита. Если он промедлит и опоздает, другого случая не представится.

Хотя последние яркие вспышки молний продолжали вспарывать небо, а раскаты грома эхом отдавались в горах, он торопливо вышел из-за деревьев и побрел по белому полю, где снег достигал колен. Снег проваливался под ногами и замедлял движение, как будто ему приходилось брести по глубокой воде. Он дважды падал, снег забивался в сапоги, а сильные порывы ветра обрушивались на него, как будто хотели специально сбить его с ног. Когда он пересек поле и вышел на дорогу, его штаны и бушлат промокли насквозь, ноги замерзли и он потерял еще пять минут.

Дорога была чистой от снега, не считая небольших наносов, вызванных порывами ветра. Шторм начинал усиливаться. Хлопья снега стали меньше, чем когда он только прибыл,

но падали в два раза быстрее. Скоро дорога тоже будет тяжело проходимой. Стефан заметил знак на обочине – указатель: Озеро Арроухед, 1 миля – и был потрясен, обнаружив, что был гораздо дальше от Лауры, чем предполагал.

Вглядевшись на север, он увидел свет электрического фонаря, едва заметный в этот серый, промозглый полдень; в 300 ярдах от него стояло одноэтажное здание с припаркованными автомобилями. Он немедленно отправился туда, нагнув голову, чтобы защитить лицо от ледяных зубов ветра.

Он должен был найти машину. Лауре оставалось жить меньше получаса, а она находилась в 10-ти милях от него.

ГЛАВА 3

Через пять месяцев после первой встречи – в субботу 16 июля 1977 года, через шесть недель после окончания университета, Лаура вышла замуж за Данни Пакарда. Единственными двумя гостями на свадьбе, оба из которых были свидетелями, были отец Данни, Сэм Пакард, и Тельма Акерсон.

Сэм был приятным, седовласым, пятидесятилетним мужчиной, карликового роста по сравнению с сыном. Во время короткой церемонии он заплакал, Данни повернулся и спросил:

– Ты в порядке, папа?

На что Сэм кивнул, шмыгнул носом и сказал им не обращать на него внимания, но через минуту заплакал снова. Священник объявил:

– Сын мой, слезы твоего отца – это слезы радости, позвольте на этом и закончить – у меня еще три церемонии.

Даже если бы отец жениха не проявлял столь бурно свои эмоции, а сам жених не был бы великаном с сердцем олененка, их свадьба была бы запоминающейся из-за Тельмы. Ее волосы были подстрижены в странном лохматом стиле со свисающим со лба локоном, который был окрашен в пурпурный цвет. В середине лета – и на свадьбе тоже – она была в высоких красных сапогах, узких черных слаксах и разлохмаченной черной блузке, специально разлохмаченной, собранной в поясе обычной стальной цепью, которая служила поясом. Ее глаза были подкрашены ярко-пурпурными тенями, а губы окрашены ярко-красной помадой, в одном ухе висела серьга в виде рыболовного крючка.

После церемонии, когда Данни разговаривал с глазу на глаз со своим отцом, Тельма отвела в сторону Лауру и объяснила свою внешность:

– Это панк-мода, последняя мода в Британии. Здесь еще никто не носит такого. В действительности, в Англии тоже немного ее поклонников, но через несколько лет все будут одеваться так. Она очень подходит для моей работы. Я выгляжу причудливо, поэтому люди смеются, как только я выхожу на сцену. Для меня это тоже хорошо. В этом стиле

есть две великие вещи – яркий макияж и волосы, которые скрывают лицо так, что никто не может сказать, насколько я некрасива. Господи, Шан, Данни такой здоровый парень. Ты так много рассказывала о нем по телефону, но никогда не говорила, что он такой огромный. Надень на него костюм Годзиллы, привези в Нью-Йорк – и фильм готов, ты сможешь снимать фильмы без постройки дорогих декораций. Значит, ты его любишь, да?

– Я обожаю его, – сказала Лаура. – Он так же добр, как и высок, может быть, из-за того насилия, которое он видел во Вьетнаме, а может быть, он всегда был с добрым сердцем. Он хороший, Тельма, он считает меня лучшим писателем из тех, которых читал.

– Когда он начал дарить тебе жаб, ты наверняка посчитала его психопатом.

– Я жестоко ошибалась.

Два полицейских офицера прошли через вестибюль здания суда, ведя под руки бородатого молодого человека. Заключенный бросил взгляд на Тельму и сказал:

– Эй, крошка, пойдем со мной!

– Это и есть очарование Акерсон, – сказала Тельма Лауре. – В то время как ты выходишь за парня с фигурой греческого Бога, я получаю жалкие

предложения от отбросов общества. Но когда я об этом думаю, мне иногда кажется, что мое время еще не пришло.

– Ты недооцениваешь себя, Тельма. Ты всегда недоцени-

ваешь себя. Какой-нибудь необыкновенный парень поймет, какое ты сокровище на самом деле...

– Это будет Чарльз Мэнсон, когда его освободят под залог.

– Нет. Однажды ты станешь счастлива так же, как я. Я знаю это. Это судьба, Тельма.

– Великие небеса, Шан, ты стала настоящим оптимистом! А как насчет молнии? Как насчет всех наших споров, которые мы вели в Касвелле? Ты помнишь? Тогда мы решили, что жизнь – это нелепая комедия, время от времени прерывающаяся трагическими событиями, которые ее балансируют и которые похожи на гром и молнию среди ясного неба.

– Быть может, он прогремел последний раз в моей жизни, – сказала Лаура.

Тельма посмотрела на нее тяжелым взглядом.

– Я знаю тебя, Шан, я знаю, что тебе пришлось пережить, чтобы стать счастливой. Я надеюсь, ты права, малыш. Держу пари, что права. Держу пари, что в твоей жизни больше не будет молний.

– Спасибо, Тельма.

– Я думаю, что твой Данни хороший парень, настоящая жемчужина. Но я скажу тебе кое-что, что должно значить больше моего мнения: Рути он тоже бы понравился; Рути признала бы его современным.

Они крепко обнялись, став на какое-то мгновение снова маленькими девочками, чувствовавшими в себе одновременно и уверенность, и ужас перед слепой судьбой, которая

была так несправедлива к ним в юности.

В воскресенье 24 июля, когда они вернулись из недельного свадебного путешествия в Санта-Барбару, они отправились в бакалейную лавку, а потом вместе приготовили обед – салат, хлеб, отбивные и спагетти – в доме Данни. Лаура выехала из своей квартиры за несколько дней до свадьбы. В соответствии с планом, который разработали, они собирались прожить в его квартире два, может быть, три года. (Они говорили о своем будущем так часто и в таких подробностях, что в сознании обоих засело одно и то же слово – план, как будто они говорили о каком-то неземном управляющем, который появился с их свадьбой и на которого можно было положиться в их дальнейшей жизни в качестве мужа и жены.) После этих двух, может быть, трех лет они смогут купить свой собственный дом, не транжиря ценные бумаги Данни.

Супруги обедали за маленьким столиком в кухне, откуда могли видеть пальмы в саду, которые освещало золотое полуполуденное солнце, и обсуждали ту часть плана, по которой Данни должен был зарабатывать деньги, пока Лаура будет сидеть дома и писать свой первый роман.

– Когда ты станешь ужасно богатой и известной, – сказал он, наматывая спагетти на вилку, – я оставлю свою работу и буду распоряжаться нашими деньгами.

– А что, если я так и не стану богатой и известной?

– Ты будешь ею.

– Что, если меня даже не опубликуют?

– Тогда я разведусь с тобой. Лаура швырнула в него кусок хлеба.

– Скотина.

– А ты сварливая баба.

– Ты хочешь еще мяса?

– Нет, если ты собираешься швырнуть его в меня.

– Мой гнев прошел. Не правда ли, я готовлю прекрасные отбивные?

– Превосходные, – согласился он.

– Это стоит отпраздновать, что у тебя такая хорошая жена, как ты думаешь?

– Определенно стоит.

– Тогда давай трахаться. Данни ухмыльнулся.

– Во время обеда?

– Нет, в кровати.

Она отодвинула стул и встала.

– Идем. Обед всегда можно подогреть.

В течение первого года они делали это часто. В этих интимных минутах Лаура находила нечто большее, чем просто сексуальное удовлетворение, что-то большее, чего она ожидала. Лежа в постели в с Данни, она чувствовала его таким близким, что временами казалось, что они – это один человек: одно тело, одно сознание, один дух и одна мечта. Она любила его всем сердцем, да, но это чувство единения в одного человека было больше, чем просто любовь, или, по

крайней мере, оно не было похоже на любовь. К их первому совместному Рождеству она поняла, что давно не чувствовала себя принадлежащей семье; она поняла, – теперь у нее есть муж и когда-то у них будут дети – в соответствии с планом через два-три года. У нее есть семья, в которой она наконец обрела покой и мир.

Она думала, что жизнь и работа в постоянном счастье, гармонии и безопасности день за днем приведут к умственной апатии, что ее сочинения тоже будут страдать от такого избытка счастья, что ей нужна уравновешенная жизнь с грустными днями и несчастьями, которые будут сохранять остроту мысли для ее книг. Но мысль о том, что писателю нужны страдания для хорошей работы, была причудой молодости и неопытности. Чем счастливее она была, тем лучше писала.

За шесть недель до их первой годовщины свадьбы, Лаура закончила роман «Ночи в Джериче» и послала копию нью-йоркскому литературному агенту, Спин-серу Кину, который предварительно был извещен письмом еще месяц назад. Через две недели Кин позвонил и сказал, что выпустит эту книгу, ожидая быстрой распродажи, а это значило, что Лауру могло ждать замечательное будущее выдающейся писательницы. С быстротой, которая удивила даже агента, он продал право на публикацию книги первой же фирме, «Викинг», в которую обратился, за не самую крупную, но отличную сумму – в пятнадцать тысяч долларов. Контракт был заключен

в пятницу, 14 июля 1978 года, за два дня до годовщины свадьбы Лауры и Данни.

ГЛАВА 4

Место, которое он увидел с дороги, оказалось небольшим рестораном с таверной, стоявшим в тени огромных сосен. Деревья были до двухсот футов высотой, украшенные тяжелыми лапами с шестидюймовыми иглами, с потрескавшейся корой и с большими шапками снега, нанесенного предыдущими штормами. Одноэтажное здание было сделано из бревен; с трех сторон оно было окружено деревьями и на его крыше было больше сосновых иголок, чем снега. Окна покрылись морозными узорами, которые красиво преломляли свет, струившийся изнутри.

На стоянке перед зданием стояли два «джипа», два грузовика и один «тандерберд». Почувствовав облегчение от того, что никто не сможет увидеть его через окна таверны, Стефан пошел прямо к одному из «джипов», попробовал открыть дверь и, обнаружив, что она не заперта, сел за руль.

Он достал вальтер ППК/С-380 из кобуры, которую он носил под мышкой, и положил на соседнее сиденье.

Его ноги ужасно замерзли, и он хотел сделать паузу, чтобы вытряхнуть снег из сапог, но он прибыл поздно, в его распоряжении было мало времени, поэтому решил не терять ни

минуты. Кроме того, если он чувствовал боль, значит, его ноги не были отморожены.

Ключей в замке не было. Он нагнулся, залез руками под приборную доску, нашел нужные провода, и через минуту мотор взревел.

Стефан выпрямился, когда владелец «джипа», дыша пивным перегаром, появился в дверях таверны. – Эй, какого черта ты делаешь, приятель? Стоянка была пуста. Они были одни. Лаура умрет через двадцать пять минут. Владелец «джипа» схватил его, и он позволил вытащить себя из-за руля, не забыв прихватить пистолет, в действительности, он бросил себя в объятия владельца, воспользовавшись моментом, чтобы повалить своего соперника на скользкую поверхность стоянки. Они упали. Когда они ударились о землю, Стефан оказался наверху и сунул дуло пистолета под подбородок парня.

– Господи, мистер! Не убивайте меня.

– Теперь поднимаемся. Спокойно, черт тебя возьми, никаких резких движений.

Когда они встали на ноги, Стефан зашел за спину парня, быстро перехватил вальтер за дуло и ударил рукояткой достаточно сильно, чтобы парень потерял сознание, но не получил никаких сильных повреждений. Владелец «джипа» снова упал на землю и затих.

Стефан бросил взгляд на таверну. Больше никого не было видно.

Он не слышал, чтобы по дороге кто-нибудь подъезжал, хотя вой ветра мог заглушить рев мотора.

Когда снегопад усилился, он сунул пистолет в глубокий карман своего бушлата и оттащил потерявшего сознание парня за «тандерберд». Машина была не заперта, и он взгромоздил парня на заднее сиденье, закрыл дверь и поспешил обратно к «джипу».

Мотор заглох. Он снова завел его.

Когда он развернул машину и выскочил на дорогу, ветер начал хлестать в заднее стекло. Падающий снег все усиливался, облака вчерашнего снега взметались с земли и завихрялись сияющими спиралями. Гигантские, покрытые снегом сосны, казалось, дрожали под натиском ветра.

Лауре оставалось жить чуть больше двадцати минут.

ГЛАВА 5

Они праздновали контракт на «Ночи в Джеричо» и свою первую годовщину свадьбы, проводя время в любимом месте – Диснейленде. Небо было голубым и безоблачным, воздух сухим и жарким. Не замечая толпы, они катались на «Карибских пиратах», снимались на фоне вместе с Микки Маусом, головокругительно вертелись в чайных чашках Мэд Хаттера, рисовали свои портреты у карикатуристов, ели хот-доги, мороженое и облитые шоколадом ломтики заморожен-

ных бананов, танцевали в диксиленде на площади Нью-Орлеанс.

Парк стал еще более магическим после наступления темноты, и они в третий раз отправились в плавание на пароходе Марк Твена вокруг острова Тома Сойера, стоя обнявшись на верхней палубе. Данни сказал:

– Знаешь, почему мы так любим это место? Потому что этот мир еще не запачкан другим миром, как и наша женитьба.

Позже за клубничным мороженым с орехами в Карнацион Павильон, за столом, стоящим под деревьями, украшенными рождественскими гирляндами, Лаура сказала:

– Пятнадцать тысяч долларов за годовую работу... не совсем удачно.

– Но это и не рабская зарплата.

Он отодвинул свое мороженое, нагнулсь вперед, отодвинул ее мороженое и взял за руки.

– Деньги меня не беспокоят, потому что ты мой бриллиант. Меня беспокоит только то, чтобы у тебя было что-то особенное. Нет. Я не совсем это имел в виду. Тебе не нужно что-то особенное, потому что ты сама необыкновенная. Каким-то образом я все понимаю, но не могу объяснить, я знаю, что ты принесешь другим людям надежду и радость, как ты принесла их мне.

Смахнув неожиданные слезы, она сказала:

– Я люблю тебя.

«Ночи в Джеричо» была опубликована десять месяцев спустя, в мае 1979 года. Данни настоял, чтобы Лаура использовала свою девичью фамилию, потому что он знал о ее тяжелых годах в Маклярой и Касвелл-Холле, когда она хотела поскорее вырасти и сделать что-то в память своему отцу и, может быть, матери, которой она не знала. Книга вышла небольшим тиражом, и продано было всего несколько экземпляров.

– Не имеет значения, – сказал ей Данни.– Еще не время. Всеу свое время. Только оставайся сама собой.

Потом она погрузилась во второй роман «Шадрач». Работая по десять часов в день, шесть дней в неделю, она закончила его в июле.

В пятницу она послала одну копию Спенсеру Кину в Нью-Йорк, а оригинал дала Данни. Он первый прочитал роман. Он рано пришел с работы и начал читать в час дня в пятницу, сидя в кресле в гостиной. Потом он перешел в спальню, поспал всего четыре часа и к десяти утра в субботу снова сидел в кресле, прочитав уже две трети романа. Он не говорил ничего, ни слова.

– Подожди пока прочту. Это будет несправедливо по отношению к тебе, анализировать и критиковать, пока я не закончу, пока я не уловлю всего смысла содержания, это будет несправедливо и ко мне, потому что в обсуждениях ты можешь выкинуть из романа какой-нибудь кусок.

Лаура продолжала наблюдать за ним. Она видела, как Дан-

ни хмурился, улыбался и по-разному реагировал на рассказ, но ей всегда казалось, что его реакция была неправильной, какой бы абзац он в это время не читал. К половине одиннадцатого в субботу она больше не могла оставаться дома, поэтому поехала в Саус Коаст Плаза, съела ранний ленч, хотя вовсе не была голодна, потом поехала в Вестминстер-Малл, где побродила по магазинам и съела йогурт, потом поехала в Оранж-Малл, где заглянула в несколько магазинов и купила плитку шоколада, половину которой тут же съела. «Шан, – говорила она себе, – иди домой, иначе к обеду станешь вдвое толще Орсона Велласа».

Когда она подъехала к дому, то увидела, что машина Дanni исчезла. Войдя в дом, она позвала его, но никто не ответил.

Роман лежал на обеденном столе.

Лаура поискала записку, но ее не было.

– О Господи! – сказала она.

Книга была плохой. От нее воняет. Она дурно пахнет. Это коровье дерьмо. Бедный Дanni отправился пить пиво, чтобы набраться мужества и посоветовать ей стать водопроводчицей, пока она еще молодая и может сделать карьеру на другой работе.

Ее затошнило. Она бросилась в ванную, но тошнота прошла. Лаура вымыла лицо холодной водой.

Это не книга, а коровье дерьмо.

О'кэй, ей придется с этим смириться. Она думала, что

«Шадрач» была на порядок выше «Ночей в Джеричо», но, очевидно, она ошибалась. Нужно писать новую книгу.

Лаура пошла на кухню и открыла бутылку коорс. Она сделала всего два глотка, когда в дом вошел Данни с большой подарочной коробкой под мышкой. Он поставил ее на обеденный стол рядом с рукописью и печально посмотрел на нее.

– Это тебе.

Не обращая внимания на коробку, Лаура сказала:

– Скажи мне.

– Сначала открой подарок.

– О Господи, неужели она так плоха? Неужели она так плоха, что ты даже решил смягчить потрясение подарком? Скажи мне. Я выдержу. Подожди! Дай я сяду.– Она выдвинула из-под стола стул и села на него.– А теперь бей меня, здоровяк. Я выживу.

– Тебе нужно было стать драматической актрисой, Лаура.

– Что ты говоришь? Книга очень драматична?

– Не книга, а ты. По крайней мере, сейчас. Ради Бога, может, ты перестанешь ломать комедию и откроешь подарок?

– Хорошо, хорошо, если я должна открыть подарок прежде, чем ты скажешь, я открою его.

Лаура поставила коробку на колени (она была тяжелой) и стала развязывать ленточку, Данни сел на стул напротив нее и наблюдал.

Коробка была из дорогого магазина, но она не была готова

к ее содержимому – к большой великолепной вазе; она была изумрудного цвета с двумя ручками, сделанными в виде двух прыгающих лягушек.

Лаура подняла расширенные глаза:

– Данни, я никогда не видела ничего подобного. Это самая красивая вещь.

– Значит, она тебе понравилась?

– Господи, сколько же она стоит?

– Три тысячи.

– Данни, мы не можем себе позволить такого.

– Можем.

– Нет, не можем. Это потому, что я написала дрянную книгу, а ты хочешь приподнять мой дух.

– Ты не писала дрянной книги. Ты написала книгу, которая заслуживает этой вазы. Теперь мы можем позволить себе это. Твоя книга прекрасна, Лаура, намного лучше первой, она так же прекрасна, как ты. Эта книга похожа на тебя, от нее исходит такое же сияние.

В своем возбуждении и страстном желании обнять его Лаура чуть не уронила вазу за три тысячи долларов.

ГЛАВА 6

Свежий снег теперь покрывал дорогу. У «джипа» было четыре ведущих колеса, а резина была снабжена цепями, по-

этому Стефану не составляло труда ехать, несмотря на погодные и дорожные условия.

Но не все было так хорошо.

Он прикинул, что таверна, откуда он угнал «джип» была в одиннадцати милях от дома Пакардов, который стоял несколькими милями южнее Бич-Биа. Горные дороги были узкими и скользкими, с крутыми подъемами и спусками, плотный снег ухудшал видимость, и его скорость была около сорока миль в час. Он не мог рисковать ехать более быстро или неосмотрительно, потому что будет бесполезно для Лауры, Данни и Криса, если он потеряет управление и разобьется. Но при данной скорости он должен был приехать на место по меньшей мере через десять минут после их ухода.

Его целью было задержать их дома, пока не минует опасность. Этот план был теперь невыполним.

Январское небо так низко висело под тяжестью штормовых облаков, что оно казалось не выше верхушек деревьев, которые стояли по обочине дороги. Ветер раскачивал деревья и содрогал «джип». Снег прилипал к стеклу и превращался в лед, поэтому он включил обогреватель и прильнул к рулю, вглядываясь в едва прозрачное стекло.

Когда он посмотрел на часы, то увидел, что у него осталось меньше пятнадцати минут. Лаура, Данни и Крис, может быть, уже садятся в свой «чеви блазер». Они, может быть, даже уже выезжают на дорогу.

Он должен был перехватить их раньше, чем до них добе-

рется смерть.

Он попытался немного прибавить скорости, но так, чтобы его не занесло и не выбросило в пропасть.

ГЛАВА 7

Через пять недель после того, как Данни купил вазу, 15 августа 1979 года, в полдень, Лаура подогревала куриный бульон на кухне, когда ей позвонил Спенсер Кин, ее литературный агент в Нью-Йорке. «Викингу» понравилась книга, и он предложил сто тысяч.

– Долларов? – спросила она.

– Конечно, долларов, – ответил Спенсер. – А ты что думаешь, русских рублей? На что тогда тебе хватило бы? Может быть, на шляпку?

– О Господи! – Она прислонилась к кухонному буфету, так как неожиданно почувствовала слабость в ногах.

Спенсер сказал:

– Лаура, дорогая, только ты можешь знать, что для тебя лучше, но я хочу, чтобы ты подумала об отказе.

– Отказаться от ста тысяч долларов? – спросила она неуверенно.

– Я хочу послать ее в шесть, может быть, в восемь фирм и посмотреть, что будет. Я думаю, я знаю, что произойдет, Лаура, я думаю, им всем понравится книга так же, как и мне.

С другой стороны... Может, быть, и нет. Это трудное решение, и ты должна подумать, прежде чем дать ответ.

Когда Спенсер попрощался и повесил трубку, Лаура позвонила на работу Данни и рассказала ему о предложении.

Он сказал:

– Если они не поднимут цену, откажись.

– Но, Данни, разве мы можем позволить себе такое? Я хочу сказать, что моей машине уже одиннадцать лет и она разваливается по частям. Твоей тоже уже почти четыре года...

– Послушай, что я тебе говорил про эту книгу? Разве я не говорил тебе, что она похожа на тебя, что она твое отражение?

– Ты очень мил, но...

– Откажись. Послушайся, Лаура. Ты думаешь, что, отказываясь, отворачиваешься от фортуны и призываешь на свою голову ту молнию, о которой ты говорила. Но твоя книга стоит больше, и судьба не станет обманывать тебя.

Она позвонила Спенсеру Кину и сообщила ему свое решение.

Возбужденная и взволнованная, отказавшись от ста тысяч долларов, она села за свою печатную машинку и устала на незавершенный рассказ, пока не почувствовала запах куриного бульона, который остался на плите. Лаура бросилась в кухню и обнаружила, что больше половины бульона выкипело, а пригоревшая лапша прилипла к дну кастрюли.

В четырнадцать часов десять минут, семнадцать часов де-

сять минут по нью-йоркскому времени, Спенсер позвонил снова и сказал, что «Викинг» согласен на дополнительные проценты от распродажи.

– Теперь ты можешь согласиться на опубликование «Шадрач». Думаю, что она выйдет 26 сентября. Это будет успех, Лаура. Я чувствую это.

Остаток дня она пыталась расслабиться, но не могла развеять свое беспокойство. «Шадрач» была большим успехом, несмотря на то, что ждет ее после публикации. У нее не было причин для беспокойства, но оно держало ее в крепких объятиях.

В этот день Данни пришел с работы с бутылкой шампанского, букетом роз и коробкой шоколадных конфет. Они сидели на диване, ели конфеты, пили шампанское и говорили о будущем, которое казалось им светлым, хотя ее беспокойство так и не улеглось.

Наконец она сказала:

– Я не хочу ни шоколада, ни шампанского, ни роз, ни сто тысяч долларов. Я хочу тебя. Отнеси меня в постель.

Они долго занимались любовью. Последние лучи солнца промелькнули в окне и начали сгущаться сумерки, когда они с неохотой разомкнули объятия. Лежа в темноте, Данни страстно целовал ее груди, шею, ее глаза и губы. Лаура поняла, что наконец ее беспокойство улеглось. Но не сексуальное удовлетворение изгнало ее страх. Надежды и мечты были ее настоящими целителями: большое и доброе чувство

семьи, которое она чувствовала с ним, было ее талисманом, который парировал превратности хладнокровной судьбы. В среду 26 сентября Данни взял отгул, чтобы быть рядом с Лаурой, когда придут новости из Нью-Йорка.

В семь часов тридцать минут утра, десять тридцать по нью-йоркскому времени, позвонил Спенсер Кин и сообщил, что Рандом Хаус сделал предложение – «сто двадцать пять тысяч, и это еще не все».

Через два часа Спенсер позвонил снова.

– Сейчас все отправились на ленч, поэтому будет небольшой перерыв. Но уже сейчас мы имеем триста пятьдесят тысяч, а шесть фирм продолжают повышать ставки.

– Триста пятьдесят тысяч долларов, – повторила Лаура.

Данни, моющий посуду в кухне, уронил тарелку. Когда она повесила трубку и посмотрела на Данни, он усмехнулся и сказал:

– Я не ошибаюсь, ты говорила только что о книге, которую назвала коровьим дерьмом?

Через четыре с половиной часа, когда они сидели в гостиной и допивали бутылку рома, Спенсер Кин позвонил снова. Данни пошел за ней в кухню, чтобы послушать разговор.

Спенсер сказал:

– Может, тебе лучше сесть, дорогая?

– Я готова, Спенсер. Мне не нужен стул. Скажи мне.

– Все окончено. Книгу взяли Симон и Шустер. Один миллион двести двадцать пять тысяч долларов.

Ослабев от потрясения, она разговаривала со Спенсером еще десять минут и когда повесила трубку, то не была уверена в цене, которую услышала. Данни выжидательно смотрел на нее, и она поняла, что он не знает, что происходит. Она сказала ему название фирмы и цену.

Какой-то момент они молча пялились друг на друга.

Потом Лаура произнесла:

– Я думаю, что теперь мы можем позволить себе ребенка.

ГЛАВА 8

Стефан выехал на холм и уставился на полумильный отрезок занесенной снегом дороги, где это должно было случиться. Слева круто вниз опускался склон горы, покрытый деревьями. Справа возвышалась невысокая насыпь около четырех футов шириной, за которой снова была глубокая пропасть. Ниже не было видно металлического ограждения, которое защищало бы путешественников от смертельного падения вниз.

Внизу дорога сворачивала налево и терялась из виду. От поворота до холма, на который он только что въехал, дорога была пустынна.

Судя по времени, Лаура должна погибнуть через минуту. В лучшем случае через две.

Он неожиданно понял, что ему не нужно было пытаться

доехать до Пакардов, особенно после того, как он прибыл так поздно. Вместо этого ему нужно было бросить идею остановить Пакардов, а попытаться остановить автомобиль Робертсона позади на дороге к Арроухед. Это бы сработало.

Теперь слишком поздно.

У Стефана не было времени возвращаться назад, не мог он рисковать и ехать дальше навстречу Пакардам. Он не знал точного времени их гибели до секунд, но эта катастрофа быстро приближалась. Если он даже попытается проехать эти полмили и остановить их перед роковым склоном, он может разминуться на поворотах, так что у него потом не будет времени развернуться и догнать их раньше, чем грузовик Робертсона врежется им в лоб.

Он медленно скатился вниз и остановил «джип» на самом широком участке склона так близко к насыпи, что не мог вылезти через водительскую дверь. Его сердце болезненно забилося, когда он поставил «джип» на ручной тормоз, выключил мотор, перелез через сиденье и вылез в дверцу пассажира.

Ледяные крошки снега ударили в лицо, ветер завывал на несколько голосов, возможно, голосами трех сестер из греческой мифологии, которые распоряжались людскими судьбами и которые хотели теперь помешать его попытке предотвратить то, что предсказали они.

ГЛАВА 9

Получив редакторские предложения, Лаура провела легкое исправление «Шадрача», отправив окончательную версию рукописи в середине декабря 1979 года. Симон и Шустер подписали книгу к изданию в сентябре 1980 года.

Это был такой сумасшедший год для Лауры и Данни, что она лишь поверхностно знала об иранских заложниках и президентской кампании, и даже была не более осведомлена о бесчисленных пожарах, крушениях самолетов, токсичных отравлениях, кровавых убийствах, наводнениях, землетрясениях и других бедствиях, о которых сообщалось в новостях. Это был год, когда в ней умер трус. Это был год, когда они купили свой первый дом в испанском стиле с четырьмя спальнями и двумя ваннами и переехали из Тастина. Она начала свой третий роман «Золотой орел», и когда Данни спрашивал, как идут дела, она отвечала, что это не роман, а коровье дерьмо, на что он говорил, что это великолепно. Первого сентября, после получения чека за право на экранизацию «Шадрача», которое купила МГМК, Данни бросил работу на бирже и стал ее финансовым менеджером. В воскресенье 21 сентября, через три недели после появления книги в магазинах, «Шадрач» появился в списке бестселлеров в «Нью-Йорк Таймс» на двенадцатом месте.

5 октября 1980 года, когда Лаура родила Кристофера Ро-

берта Пакарда, «Шадрач» был переиздан в третий раз и занял восьмое место в списке «Таймс», в том же номере газеты роману была посвящена вся пятая страница, на которой было опубликовано то, что Спенсер Кин назвал «чудовищно хорошим отзывом».

Мальчик появился на свет в четырнадцать часов двадцать три минуты в большом кровоизлиянии, которое превышало обычное количество крови, сопровождавшее выход ребенка из темноты материнского чрева. Ослабевшей Лауре было сделано три переливания после родов и вечером. Она провела более спокойную ночь, чем ожидалось, и на утро все еще чувствовала боль и слабость, но была уже в безопасности.

На следующий день, во время часов посетителей, Тельма Акерсон пришла посмотреть на ребенка и новоиспеченную мать. Все еще одетая в стиле панк – длинные локоны с белой полосой, свисавшие на левую сторону головы, и короткая стрижка на правой, – она ворвалась в отдельную палату Лауры, подскочила к Данни, обняла его и сказала:

– Господи, какой ты здоровый. Ты просто мутант. Судя по тебе, твоя мать была обычным человеком, но отец был медведем гризли.

Она подошла к постели, где Лаура лежала на трех подушках, поцеловала ее в лоб и щеку.

– Я ходила в детскую комнату и посмотрела на Кристофера Роберта через стекло, он очарователен. Но боюсь, вам понадобятся все миллионы, которые вы получаете за свои кни-

ги, ребята, чтобы этот парень пошел в отца, и вам придется тратить на еду не меньше тридцати тысяч в месяц. Если вы будете его плохо кормить, он съест всю вашу мебель.

– Я рада, что ты пришла, Тельма, – сказала Лаура.

– Разве я могла не прийти? Если бы я только играла в мафиозном клубе «Байон» в Нью-Джерси и мне пришлось бы прервать спектакль, чтобы успеть на самолет, только в этом случае я могла не приехать, потому что стоит прервать контракт с этими ребятами, как они тут же отрежут вам пальцы. Но я была на западе Миссисипи, когда получила эти новости, и только ядерная война или вечеринка с Полом Маккартни могла задержать меня.

Почти два года назад Тельма наконец получила постоянное место на сцене Импрув, и она пользовалась успехом. Она наняла агента и прекратила игру во второстепенных клубах. Лаура и Данни дважды ездили на ее представления в Лос-Анджелес, и это было действительно весело. Она писала свои собственные сценарии, а потом воплощала их в комических спектаклях на сцене. Ее игра имела один необычный аспект, который должен был сделать ее либо национальным феноменом, либо объяснить полную неизвестность; в ее шутках чувствовалось сильное влияние меланхолии и трагичности жизни, которые она высмеивала с удивительным успехом. В действительности это было похоже на романы Лауры, но, в отличие от читателей, люди, которые приходили на представления Тельмы, хотели смеяться.

Тельма наклонилась над кроватью, посмотрела на Лауру и сказала:

– Эй, ты побледнела. И эти круги вокруг глаз...

– Тельма, дорогая, мне не хотелось бы разрушать твоих иллюзий, но на самом деле детей не приносит аист. Мать должна вытолкнуть его из своего чрева, и это довольно трудно.

Тельма тяжело посмотрела на нее, потом перевела свой тяжелый взгляд на Данни, который подошел к другой стороне кровати, взял Лауру за руку и спросил:

– Что случилось?

Лаура вздохнула, сморщилась от неудобства и тихо поменяла позу. Она сказала Данни:

– Я же говорила тебе, что это настоящая ищейка.

– Беременность не была легкой? – спросила Тельма.

– Она была довольно легкой, – сказала Лаура, – чего нельзя сказать о родах.

– Ты не... могла умереть или что-нибудь еще, Шан?

– Нет, нет, нет, – сказала Лаура, Данни еще крепче сжал ее руку. – Ничего такого драматичного. Мы знали с самого начала, что будут трудности, но мы нашли лучшего доктора, и он не отходил от меня. Только... Я не смогу больше иметь детей. Кристофер будет нашим единственным ребенком.

Тельма посмотрела на Данни, на Лауру и тихо сказала:

– Прошу прощения.

– Все в порядке, – сказала Лаура, выдавливая улыбку. – У

нас теперь есть маленький Крис, и он прекрасен.

Воцарилось неловкое молчание, после которого Данни сказал:

– Я еще не завтракал и проголодался. Я собираюсь сходить в кафе на полчаса.

Когда Данни ушел, Тельма сказала:

– Ведь он не голоден, так? Он просто знает, что нам надо поговорить с глазу на глаз.

Лаура улыбнулась.

– Он такой хороший.

Тельма убрала с одной стороны кровати стойку и сказала:

– Если я запрыгну сюда и сяду рядом с тобой, я ведь не потревожу твои внутренности? Ты не станешь неожиданно обливать меня кровью, а, Шан?

– Я постараюсь не делать этого.

Тельма запрыгнула на высокую больничную кровать. Обими руками она взяла руку Лауры.

– Послушай, я прочла «Шадрач», и она чертовски хороша.

Ты сделала то, что пытаются сделать все писатели.

– Ты очень добра.

– Я грубая и циничная шлюха. Послушай, я говорю серьезно о книге. Она великолепна. Я увидела в ней и Бовин Боумайн, и Тамми, и Буна – приютского психиатра. Я увидела в ней таких разных людей. Тебе удалось их прекрасно описать, Шан. Господи, ты их как будто снова вернула в мою жизнь, меня даже охватил такой озноб, что мне пришлось

отложить книгу и пойти прогуляться под солнцем. В то же время я смеялась как ненормальная.

Лаура чувствовала слабость в каждом мускуле и в каждом суставе. У нее не было сил привстать с подушек и обнять свою подружку. Она только сказала:

– Я люблю тебя, Тельма.

– Угря там, конечно, не было.

– Я припасла его для другой книги.

– И меня тоже, черт возьми. Меня нет в книге, хотя я самый яркий персонаж из тех, кого ты когда-либо знала!

– Я посвящу тебе отдельную книгу, – сказала Лаура.

– Ты что-то сказала?

– Да. Я посвящу тебе следующую книгу.

– Послушай, Шан, тебе лучше сделать меня красавицей, иначе я надеру тебе задницу. Ты слышишь меня?

– Я слышу тебя.

Тельма пожевала свою губу и сказала:

– Ты собираешься...

– Да. Я собираюсь посвятить ее и Рути тоже. Они замолчали, держа друг друга за руки. Неожиданные слезы затуманили глаза Лауры, но она заметила, что Тельма тоже часто заморгала.

– Не надо. Это смоем твой искусный панковский макияж.

Тельма подняла одну ногу.

– Как тебе эти сапоги? Черная кожа, острые носки, подкованные каблуки. Они делают меня настоящей королевой,

не правда ли?

– Когда ты вошла, я сразу же подумала о том количестве мужчин, которых ты окрутила.

Тельма вздохнула и громко шмыгнула носом.

– Шан, послушай меня хорошенько. Твой талант может быть гораздо драгоценнее, чем ты думаешь. Ты можешь выразить людские жизни на бумаге, и когда люди исчезают, их жизни остаются в твоих книгах. Ты можешь выражать в книгах чувства, и каждый, кто читает их, чувствует те же самые ощущения, ты можешь затронуть сердце, ты можешь напомнить нам, что значит быть человеком в мире, который делает все, чтобы мы это забыли. Это настоящий талант, ради которого ты заслуживаешь жить больше, чем кто-либо другой... я знаю, как бы ты хотела иметь семью... троих или четверых детей, как ты и говорила... поэтому я знаю, как тебе сейчас плохо. Но у тебя есть Данни, Кристофер и этот удивительный талант, а это уже очень много.

Голос Лауры дрожал:

– Иногда... я так чего-то боюсь.

– Чего ты боишься, малыш?

– Я хотела иметь большую семью... и я боюсь потерять то, что у меня есть.

– Никто не собирается ничего забирать у тебя.

– С Данни и маленьким Крисом... с ними... может что-нибудь случиться.

– С ними ничего не случится.

– Тогда я останусь одна.

– Ничего не случится, – повторила Тельма.

– Что-то всегда может случиться. Это жизнь. Тельма забралась дальше на кровать, вытянулась

возле Лауры и положила свою голову на плечо Лауры.

– Когда ты сказала, что роды были тяжелыми... когда я увидела, как ты бледна... я испугалась. У меня много друзей в Лос-Анджелесе, но все из них люди из шоу-бизнеса. Ты единственный близкий мне человек, хотя мы видимся так редко, и эта мысль о том, что у тебя есть близкий человек...

– Но я не такой человек.

– Ты именно такой, – сердито засмеялась Тельма.– Дьявол, Шан, ты думаешь, что сирота остается сиротой навсегда?

Лаура прижалась к ней и растеребила ее волосы.

Вскоре после первого дня рождения Криса Лаура закончила «Золотого орла». Книга была опубликована десять месяцев спустя, и ко второй годовщине мальчика книга заняла первое место в списке бестселлеров в «Тайме».

Данни распоряжался гонорарами Лауры с таким усердием, вниманием и успехом, что в течение нескольких лет, несмотря на большие расходы, они стали не почти богатыми, а по-настоящему богатыми людьми. Лаура не знала, что думать насчет всего этого. Она никогда не ожидала, что станет богатой. Когда она рассматривала свое завидное матери-

альное положение, то думала, что это должно заставить ее трепетать, но она ничего не чувствовала. Она была рада той безопасности, которую обеспечивали деньги. Они не собирались переезжать из своего уютного домика с четырьмя спальнями, хотя могли позволить себе более роскошные апартаменты. Деньги же для нее были не жизнью; ее жизнь заключалась в Данни, Крисе и ее книгах.

С маленьким ребенком у нее больше не было возможности и желания работать по шестьдесят часов в неделю. Крис болтал, бегал и не выражал никаких разумных действий и мыслей, что описывали книги о детском воспитании, как нормальное поведение для ребенка его лет. Он был красивым и любознательным ребенком. Она проводила с ним так много времени, сколько могла позволить себе без риска разбаловать его.

«Очаровательные близнецы Эпплбай», ее четвертый роман, были опубликованы в октябре 1984 года, через два года после публикации «Золотого орла», но Лаура не потеряла своих читателей, что часто случалось, когда писатель не публиковался каждый год. Она по-прежнему получала высокие гонорары. 1 октября она сидела с Данни и Крисом на диване в гостиной и смотрела по видеомагнитофону старые мультфильмы про Род Раннера.

«Вууум, вууум!» – говорил Кристофер каждый раз, как только Род Раннер срывался с места со своей великолепной скоростью, когда Тельма, вся в слезах, позвонила из Чика-

го. Лаура взяла трубку в кухне, но по телевизору в смежной комнате койот пытался взорвать своего врага, но взорвался сам, поэтому Лаура сказала. «Данни, я лучше возьму трубку в кабинете».

За четыре года после рождения Криса карьера Тельмы все улучшалась. Она выступала в двух лучших казино Лас-Вегаса. («Эй, Шан, должно быть, я неплохо выгляжу, ведь официантки в казино практически голые, а парни смотрят все время на меня. Может быть, я действительно такая привлекательная»). За последний год она получила место в шоу МГМ с Дином Мартином, кроме того, она участвовала в четырех представлениях с Джонни Карсоном. Были разговоры о ее съемках в кино и даже телевизионных сериалах, и, казалось, ее ожидала прекрасная карьера комедианта. Теперь она была в Чикаго и открывала шоу в самом роскошном клубе.

Возможно, Лаура испугалась за целую цепь позитивных успехов в их жизнях, когда она услышала плач Тельмы. Раньше ей всегда казалось, что скорее небеса рухнут на землю, чем печаль застигнет неунывающую подругу. Она опустилась в кресло, стоящее за столом ее кабинета, и сжала трубку.

– Тельма? Что случилось?

– Я просто прочла... новую книгу.

Лаура не могла предположить, что ее «Очаровательные близнецы Эпплбай» могли так затронуть Тельму, она тут же подумала о том, что неверно описала характеры Кэрри и Саидры. Хотя основные события рассказа не отражали жизни

Рути и Тельмы, Эпплбай были конечно основаны на Акерсонах. Обе героини были описаны с большой любовью и добрым юмором: ничто в них не должно было огорчить Тельму, но Лаура что-то в панике пыталась объяснить.

– Нет, нет, Шан, ты безнадежная дурочка, – говорила Тельма сквозь слезы. – Я ничуть не огорчена. Я не могу перестать плакать, потому что ты написала действительно прекрасную книгу. Кэрри Эпплбай в твоей книге это Рути, но ты дала ей большую жизнь. Ты дала Рути жизнь, Шан, и ты сделала это лучше Бога, который сотворил жизнь на земле. Они проговорили час, вспоминая Рути, без слез, но очень эмоционально. Недоумевающие Данни и Крис пару раз появлялись в дверях кабинета, и Лаура посылала им воздушные поцелуи, но она продолжала разговор с Тельмой, потому что бывают моменты, когда воспоминания об усопшем более важны, чем стремление к живым.

За две недели до Рождества 1985 года, когда Крису было уже пять лет, начался калифорнийский дождевой сезон. Ливни сплошным потоком лились на пальмовые листья, сбивали последние остатки цветков и затопляли улицы. Крис не мог играть на улице. Его отец отправился на биржу узнать реальное положение дел со вкладами, и Крис решил побеспокоить Лауру, сидящую в своем кабинете. К одиннадцати часам утра ей пришлось оставить работу над новой книгой. Она послала его на кухню доставать чашки, пообещав, что

даст ему возможность помочь ей в приготовлении шоколадного печенья.

Прежде чем отправиться к нему, Лаура достала миниатюрные башмачки сэра Томми Тода, маленький зонтик и крошечный шарфик из ящика своей тумбочки, где они хранились для такого дня, как этот. По пути на кухню она положила все эти вещи возле входной двери.

Позже, когда она сунула противень с печеньем в духовку, она послала Криса посмотреть, принес ли почтальон посылку, которую она ожидала. Крис вернулся розовый от возбуждения.

– Мама, иди сюда, посмотри.

В вестибюле он показал ей свои находки, и она сказала:

– Кажется, это принадлежит сэру Томми. А разве я не рассказывала тебе про жильца, который снимает у нас комнату? Чудесная великосветская жаба из Англии приехала сюда по королевским делам.

Ей было восемь, когда отец придумал сэра Томми, и она воспринимала вымышленную жабу как забавную фантазию, но Крису было всего пять и он воспринял все более серьезно.

– А где он будет спать? В пустой спальне? А что мы будем делать, когда придет дедушка?

– Мы сняли сэру Томми комнату на чердаке, – сказала Лаура, – и мы не должны беспокоить его, не должны никому рассказывать о нем, кроме папы, потому что сэр Томми приехал по секретным делам Ее Высочества.

Он посмотрел на нее расширенными глазами, и она чуть не рассмеялась. У него были каштановые волосы и карие глаза, как у нее и Данни, но его черты лица были более мягкими и больше походили на материнские. Несмотря на его невысокий рост, в нем было что-то, что заставляло ее думать – он будет таким же высоким и широкоплечим, как Данни. Он подошел ближе и прошептал:

– А может, сэр Томми шпион?

Весь день, пока они готовили печенье, мыли посуду и играли в «старую няню», Крис задавал вопросы о сэре Томми. Лаура обнаружила, что дети также требовательны к сказкам, как взрослые – к романам.

Когда Данни вернулся домой, он закричал приветствия еще из коридора, соединяющего дом с гаражом.

Крис выскочил из-за обеденного стола, где они играли в карты, и сердито зашипел на отца.

– Тс-с-с, папа, сэр Томми наверное спит сейчас, у него было долгое путешествие, он королева Англии, он шпионит у нас на чердаке!

Данни нахмурился.

– Я ухожу из дома всегда на несколько часов, а наш дом в это время захватывают мерзкие, земноводные шпионы?

Той же ночью, после того как Лаура так страстно любила Данни, что это удивило даже ее, Данни спросил:

– Что сегодня с тобой? Весь вечер ты была так... энергична.

Прижимаясь к нему под одеялом и наслаждаясь ощущением его обнаженного тела, она сказала:

– Я не знаю, может быть, потому, что я жива,

Крис жив, ты жив и мы все вместе. И еще этот Томми 'Год.

– Он забавляет тебя?

– Да, забавляет. Но есть что-то большее. Это... как-то заставляет меня чувствовать, что жизнь продолжается, что она всегда продолжается, что этот цикл вечен. Наверное, это звучит ненормально? Я чувствую, что жизнь продолжается для всех нас и что она будет продолжаться долгое время.

– Да, я думаю, что ты права, – сказал он. – Но если ты будешь также энергична в постели все время, то ты убьешь меня через три месяца.

В октябре 1986 года, когда Крису исполнилось шесть, пятый роман Лауры «Бесконечная река» прошел оценку критиков и был принят к публикации за самый высокий гонорар, выше того, что она получала. Ее редактор предвещал большой успех: «С юмором, напряжением и трагедией в нем перемешаны все превратности судьбы, но он не так печален, как предыдущие, и это делает его особенным».

Вот уже два года Лаура и Данни брали Крису в горы Сан-Бернардино по меньшей мере раз в месяц. Они ездили на озеро Арроухед в Бич Би летом и зимой, чтобы он мог увидеть все прелести Оранж Кантри. Благодаря ее процветающей карьере и успешным денежным вкладам Данни, они ре-

шили доставить себе удовольствие и купили второй дом в горах.

Одиннадцати комнатный дом из камня и красного дерева стоял на тридцатиакровом участке в нескольких милях к югу от Бич Би. Это был более дорогой дом, чем тот, в котором они жили в городе. Окружающие окрестности были покрыты западными видами можжевельника и сосен, дом ближайших соседей был за пределами видимости. Во время их первого уик-энда в горах, когда они лепили снежную бабу, на окраине леса, в двадцати ярдах от них, появились три оленя, которые осторожно смотрели на людей.

Крис был поражен появлением оленей и до самой ночи бубнил, что это олени Санта-Клауса. Ведь по легенде Санта-Клаус приезжал с северного полюса на оленях.

«Ветер и Звезды» вышел в свет в октябре 1987 года и произвел еще больший фурор, чем предыдущие романы. Экранизация «Бесконечной реки» побила все рекорды фильмов этого года.

В пятницу 8 января 1988 года, когда «Ветер и звезды» занимал уже пятую неделю первое место в списке бестселлеров в «Таймс», они выехали в Бич Би сразу после того, как Крис пришел из школы.

Во вторник Лауре исполнялось тридцать три года, и они собирались отпраздновать ее день рождения втроем высоко в горах, где снег был так похож на мороженое и где ветер словно пел песни.

В субботнее утро в двадцати футах от дома появился олень. Но Крису было теперь семь и он знал, что Санта-Клаус не был настоящим. Он знал, что это был самый настоящий олень.

Уик-энд был замечательным, может быть, самым лучшим из тех, которые они провели в горах, но им пришлось уехать раньше. Они собирались уехать в шесть утра в понедельник, чтобы приехать как раз ко времени начала занятий в школе. Тем не менее, сильный шторм нагрянул в воскресенье, в полдень, и хотя они были всего в девяноста минутах езды от мягкого прибрежного климата, по радио обещали двухфутовые снежные заносы на дорогах. Не желая рисковать оказаться отрезанными и пропустить школьные занятия Криса – такой снежный покров был чересчур даже для их четырехприводного «блэзера», – они закрыли свой дом и выехали в несколько минут пятого.

Южная Калифорния была одним из редких мест в мире, где вы могли попасть из снежного заноса в субтропическую жару меньше чем за два часа. Лауре всегда это нравилось. Все трое были одеты по-зимнему – шерстяные носки, зимние сапоги, теплое нижнее белье, толстые слаксы, теплые свитера, лыжные куртки, – но через час с четвертью они окажутся совсем в другом климате, где будут обливаться потом под своими зимними одеждами.

Лаура вела машину, в то время как Данни, сидящий на переднем сиденье, и Крис, сидящий позади него, играли в

игру слов, которую они сами придумали во время предыдущих поездок. Быстро падающий снег заносил даже те отрезки дороги, которые с обеих сторон были защищены зарослями деревьев.

Тяжелую дорогу еще осложняли сильные порывы горного ветра, который швырял в лобовое стекло миллионы снежинок. Лаура осторожно вела машину, не заботясь о том, что обычная двухчасовая поездка может занять три или четыре часа, так как они выехали рано и у них было время в запасе.

Когда они выехали из-за поворота в нескольких милях к югу от их дома и начали подниматься по крутому полумильному подъему, Лаура увидела красный «джип», стоящий на правой обочине, и мужчину в морском бушлате, стоящего посреди дороги. Он спускался по склону и размахивал руками, чтобы их остановить.

Нагнувшись вперед и вглядываясь в лобовое стекло, Данни сказал:

– Похоже, он сломался, ему нужна помощь.

– Патруль Пакардов идет на помощь! – сказал Крис с заднего сиденья.

Когда Лаура замедлила движение, парень на дороге начал показывать знаками, чтобы они прижались к правой обочине.

Данни взволнованно сказал:

– Какой-то он странный...

Да, странный. Это был ее ангел-спаситель. Его появление

после стольких лет потрясло и испугало Лауру.

ГЛАВА 10

Едва он вылез из угнанного «джипа», внизу из-за поворота показался «блазер». Когда он бросился навстречу, то увидел, что Лаура замедлила ход «блазера» на трети подъема, но они все еще были на середине дороги, поэтому он начал сигналить им прижаться как можно ближе к правой насыпи. Сначала она продолжала медленно ехать вперед, как бы неуверенная в том, что это был обычный водитель, попавший в беду, но когда они подъехали достаточно близко, чтобы она могла рассмотреть его лицо и, возможно, узнать, то немедленно повиновалась.

Когда Лаура проехала мимо него и припарковала «блазер» в двадцати футах от «джипа» Стефана, тот бросился к машине, крича, чтобы она немедленно открыла дверцу:– Мне кажется, оставаться на дороге опасно. Вылезайте на насыпь, быстрее!

– Эй, подождите, – сказал Данни.

– Делай что он говорит! – крикнула Лаура.– Крис, вылезай из машины!

Стефан схватил Лауру за руку и помог ей вылезти из машины. Когда Данни и Крис тоже вылезли из машины, Стефан услышал сквозь завывание ветра шум мотора. Он по-

смотрел на холм и увидел огромный грузовик, который начал спускаться к ним. Таща Лауру за собой, он обежал «блазер» спереди.

Ее спаситель сказал:

– Наверх, на насыпь, – и начал карабкаться по твердому хрустящему снегу к ближайшим деревьям.

Лаура посмотрела на холм и увидела в четверти милях от них грузовик, который скользил по скользкому спуску. Если бы они не остановились, если бы ее спаситель не задержал их, они несомненно столкнулись бы с грузовиком, который потерял контроль.

Позади нее, с Крисом, висевшим за спиной, Данни увидел эту очевидную опасность. Водитель грузовика не мог справиться со скользившей машиной и должен был неминуемо врезаться в «джип» и «блазер». Держа на себе Крису, он стал карабкаться по покрытой снегом насыпи, крича Лауре торопиться.

Она взбиралась по насыпи, хватаясь руками за выступы, снег был таким скользким и плотным, что она дважды чуть не сорвалась обратно на дорогу. Когда она наконец достигла своего спасителя, Данни и Крису, стоявших в расщелине возле деревьев, ей показалось, что прошло несколько минут. В действительности ее чувство времени было притуплено страхом, так как грузовик продолжал скользить по склону в двести футах от них.

Он приближался сквозь сильный снегопад как в замедленной съемке, судьба в виде нескольких тонн стали. Водитель очевидно положился на свой опыт и не поставил цепи на колеса грузовика. Огромную машину бросало из стороны в сторону, ее колеса, казалось, вовсе не вращались, а только скользили.

Лаура видела водителя, отчаянно боровшегося с рулем, и кричащую женщину возле него. Она подумала: «О Господи, бедные люди!»

Как будто прочитав ее мысли, ее спаситель закричал сквозь вой ветра:

– Они пьяны, оба, и у них нет цепей на колесах. «Если ты так много знаешь о них, – подумала

Лаура, – ты должен знать, кто они. Так почему же ты не остановил их, почему ты их тоже не спасешь?»

С ужасным треском грузовик врезался в бок «джипа». Непристегнутая ремнем безопасности женщина почти вылетела через лобовое стекло, повиснув частью тела в кабине, частью – снаружи.

Лаура вскрикнула:

– Господи!

Она видела, как Данни снял Крису со спины и прижал к себе лицом.

Столкновение не остановило грузовик: он набрал скорость, а его колеса продолжали скользить. Удар все-таки сделал свое дело: грузовик занесло в сторону, но потом он с еще

большой силой врезался в перед «блэзера», сокрушив лобовое стекло. Удар был так силен, что «блэзер» отбросило на десять футов по склону, несмотря на то, что он стоял на ручном тормозе.

Глядя на крушение в безопасности, Лаура все же схватила руку Данни, ужаснувшись от мысли, что бы с ними стало, если бы они решили остаться спереди или позади своей машины.

Окровавленная женщина снова упала в кабину, грузовик после удара с «блэзером» отскочил в сторону и покатился по склону медленнее, но все так же бесконтрольно. Его развернуло на триста шестьдесят градусов, и в своем смертельном танце он неумолимо перескочил через сугроб и через насыпь в пустоту.

Чтобы не видеть этого ужаса, Лаура закрыла руками лицо, слыша ужасный лязг падающего с высоты нескольких сотен футов грузовик. Водитель и его напарница наверняка будут мертвы прежде, чем машина долетит до дна пропасти. Сквозь вой ветра она слышала, как грузовик ударялся о выступы скал. Но через несколько секунд все стихло, и остался только сумасшедший вой ветра.

Ошеломленные, они соскользнули с насыпи на дорогу между «джипом» и «блэзером», где осколки стекла и куски железа усеяли снег. Пар поднимался из-под «блэзера», так как горячая охлаждающая жидкость из радиатора лилась на замерзшую землю, весь передок машины был смят от удара.

Крис плакал. Лаура подошла к нему. Он бросился в ее объятия и она взяла его на руки. Он рыдал, прижавшись к ее шее.

Удивленный Данни повернулся к их спасителю.

– Кто... кто вы, Бога ради?

Лаура уставилась на своего спасителя, словно не веря, что он здесь. Она не видела его больше двадцати лет, с тех пор, как ей исполнилось двенадцать, когда она заметила его в зарослях деревьев, наблюдающим за похоронами ее отца. Она не видела его так близко почти двадцать пять лет, с того дня, когда он убил грабителя в бакалейной лавке ее отца. Когда он не спас ее от Угря, когда он предоставил ей самой справиться с этим, она потеряла веру в него: это чувство еще более усилилось, когда он не сделал ничего, чтобы спасти Нину Доквейлер и Рути. После стольких лет он стал сном, скорее, мифом, чем реальностью, и последние несколько лет она вообще не думала о нем, разочаровавшись в нем так же, как Крис разочаровался в Санта-Клаусе. Она все еще хранила записку, которую он оставил ей в день похорон ее отца. Но она давно заверяла себя, что она была написала в действительности не магическим спасителем, а, возможно, Корой или Томом Ланс, друзьями ее отца. Теперь он снова спас ее, и Данни хотел узнать его имя, что хотелось знать и самой Лауре.

Самым странным было то, что он выглядел так же, как тогда в бакалейной лавке. Точно так же. Она тут же узнала его, даже после стольких лет, потому что он ничуть не по-

старел. Ему по-прежнему было чуть за тридцать. Это было невероятно, но годы никак не отпечатались на нем, ни единого седого волоска в его светлых волосах, ни одной морщины на его лице. Хотя он был примерно одних лет с отцом в тот кровавый день в бакалейной лавке, теперь он был почти ее одногодок.

Прежде чем незнакомец смог ответить Данни или увернуться от ответа, на вершине холма появилась машина, которая начала спускаться к ним. Это была последняя модель «пontiака», снабженная защитными цепями на колесах. Водитель очевидно заметил поврежденные «джип» и «блазер» и свежие следы грузовика, которые еще не занесло снегом. Он замедлил движение так, что цепи на его колесах забренчали, и неожиданно остановился в пятнадцати футах от них, рядом с «джипом». Когда распахнулась дверца, из машины вышел водитель – высокий мужчина в темном одеянии, держа что-то в руках. Лаура узнала автомат.

– Кокошка! – сказал ее спаситель.

Когда он произнес это имя, Кокошка открыл огонь.

Хотя Данни был во Вьетнаме пятнадцать лет назад, но среагировал с инстинктом солдата. Когда пули срикошетили от красного «джипа» и «блазера», Данни схватил Лауру, толкая ее и Крису на землю между двумя автомобилями.

Когда Лаура упала на землю, то видела, как пуля ударила в спину Данни. Он был ранен раз или два, и она вскрикнула так, как будто пули попали в нее. Он упал на колени впереди

«блазера».

Лаура закричала и, держа Крису одной рукой, бросилась к своему мужу.

Он был еще жив, его лицо стало белым, как падающий снег, ее охватило ужасное чувство, что она смотрит скорее на привидение, чем на живого человека.

– Лезьте под «джип», – сказал Данни, отталкивая ее руку. Его голос был низким и вялым, как будто что-то оборвалось в горле. – Быстрее!

Одна из пуль пробила его тело навывлет. Ярко-красная кровь струилась по голубой лыжной куртке.

Когда она заколебалась, он подполз к ней на четвереньках и толкнул к «джипу».

Новая автоматная очередь всколыхнула зимний воздух.

Вооруженный незнакомец без сомнения, не опасаясь, подойдет к «джипу» и перебьет их всех. Им некуда было бежать. Если они бросятся на насыпь к деревьям, он пристрелит их раньше, чем они вскарабкаются на нее; если они попытаются перебежать дорогу, он убьет их раньше, чем они достигнут противоположной стороны, хотя там не было никакого укрытия, кроме крутого горного спуска, на котором они стали бы для него отличной мишенью. Раздалась новая автоматная очередь. Стекла «джипа» разлетелись вдребезги. Пули рикошетили от листового металла с ужасным звуком.

Притаившись с Крисом за «джипом», Лаура увидела, как ее спасатель нырнул в узкое пространство между машиной

и насыпью. Он притаился там вне видимости человека, которого он назвал Кокошкой. В своем страхе он не казался больше магическим, он не был больше ангелом-спасителем, а был обыкновенным человеком; в действительности, он и вовсе перестал быть их спасителем, став ангелом смерти, чье присутствие привлекло убийцу.

По требованию Данни она нырнула под «джип». Крис больше не плакал, полагаясь на смелость своего отца. Он нырнул за ней, но не видел, что отец был ранен, так как Лаура прижимала его лицо к своей груди. Казалось, бесполезно прятаться под «джип», так как Кокошка найдет их и там. Он не мог быть настолько глупым, чтобы не заглянуть под «джип», поэтому их укрытие давало им лишь еще несколько дополнительных минут жизни.

Когда она прижала к себе Крису, чтобы ее тело могло дать ему хоть какую-то дополнительную защиту, она услышала голос Данни:

– Я люблю тебя.

Боль пронзила ее сердце, так как она поняла, что это были его прощальные слова.

Стефан нырнул между «джипом» и грязным снегом, покрывающим насыпь. Здесь было очень мало места, недостаточно для него, чтобы вылезти из машины, когда он припарковал ее, но достаточно для того, чтобы проползти к заднему бамперу, где Кокошка не ожидает увидеть его, где он сможет

сделать один хороший выстрел, прежде чем Кокошка нажмет на курок автомата.

Кокошка. Ничто его так не удивляло в жизни, как тот момент, когда Кокошка вылез из «пontiака». Это значило, что они знают о его предательской деятельности в институте. Они так же знали, какое он имел отношение к Лауре и ее настоящей судьбе. Кокошка отправился по Дороге Молнии, чтобы расправиться с предателем и с Лаурой.

Прижав голову, Стефан пробирался между «джипом» и насыпью. Раздалась очередь, и стекла над его головой разлетелись на куски. Спиной он прижимался к насыпи, острые выступы которой больно врезались в тело. Ветер врывался в это узкое пространство, завывая между металлом и снегом так, что Стефану казалось, что он здесь не один, а в компании какого-то невидимого существа, которое бьет и царапает его лицо.

Он видел, что Лаура и Крис спрятались под «джипом», но он знал, что это обеспечит лишь одну дополнительную минуту безопасности, если не меньше. Когда Кокошка подойдет к «джипу» и не найдет их, он заглянет под машину и откроет огонь, разорвав их в клочья.

А что будет с Данни? Он был таким здоровым парнем, что вряд ли поместился под «джипом». К тому же он ранен и, должно быть, окоченел от боли. Кроме того, Данни был не из тех, кто прятался от опасности, даже от такой, как эта.

Наконец Стефан добрался до заднего бампера. Он выгля-

нул и увидел в восьми футах припаркованный «понтак» с открытой водительской дверцей и работающим мотором. Кокошки не было видно. Держа вальтер ГПК/С-380 в руке, он осторожно зашел за «джип». Он притаился возле запасного колеса и снова выглянул.

Кокошка шел по середине дороги к переду «джипа», где, по его мнению, прятались все. Для этой операции он выбрал безотказный «узи» с длинным магазином. Когда Кокошка вошел в пространство между «джипом» и «блазером», он снова открыл огонь, ведя автомат слева направо. Пули рикошетили от металла и вонзались в снежную насыпь.

Стефан выстрелил в Кокошку, но промахнулся.

Неожиданно, с отчаянным мужеством, Данни Пакард бросился к Кокошке, выскочив из-за «джипа», где автоматная очередь не могла его достать. Он был ранен, но по-прежнему быстр и силен, и в какой-то момент показалось, что ему удастся добежать до Кокошки и сбить его с ног. Кокошка в это время отвел дуло автомата в другую сторону, и ему необходимо было развернуться. Если бы он был на несколько футов ближе к «джипу», ему бы никогда не удалось это сделать.— Данни, нет! — закричал Стефан, трижды выстрелив в Кокошку, хотя Пакард уже приближался к тому.

Но Кокошка был на безопасном расстоянии. Он развернул дуло автомата на Данни, когда их разделяло всего три фута. Данни упал на землю, изрешеченный очередью.

В этот момент Кокошка был тоже ранен. Одна пуля про-

била его левое бедро, вторая – левое плечо. Падая на землю, он выпустил автомат из рук.

Прятавшаяся за «джипом» Лаура закричала.

Стефан выскочил из-за машины и бросился к Кokoшке, который лежал на земле возле «блазера». Он корчился на снегу, пытаясь подняться.

Смертельно раненный Кokoшка увидел приближающегося Стефана. Он пополз к «узи», который валялся возле заднего колеса «блазера».

Стефан выстрелил трижды на бегу, но такая стрельба была довольно затруднительной, и он промахнулся в этого сукина сына. Мгновение спустя Стефан поскользнулся и так тяжело упал на землю, что острая боль пронзила бедро.

Кokoшка добрался до автомата.

Понимая, что времени бежать дальше нет, Стефан встал на колени и поднял вальтер, держа его обеими руками. Он был в двадцати футах от Кokoшки, не так уж далеко. Но даже хороший снайпер мог бы промахнуться с двадцати футов при таких обстоятельствах: состояние паники, острый угол стрельбы, неожиданные порывы ветра.

Лежа на земле, Кokoшка, как только добрался до «узи», открыл огонь прежде, чем развернул автомат, и первая очередь вспорола обшивку «блазера».

Когда Кokoшка развернул дуло автомата, Стефан выстрелил последние три пули, зная, что в случае промаха, у него не будет времени перезарядить пистолет.

Первая пуля пролетела мимо.

Кокошка продолжал разворачивать автомат, и очередь приближалась к «джипу». Лаура пряталась с Крисом под «джипом», а Кокошка стрелял с земли, поэтому очередь могла прошить пространство под машиной.

Стефан выстрелил снова. Пуля пробила тело Кокошки, и автомат замолчал. Последняя пуля Стефана разmozжила голову Кокошки. Все было кончено.

Из-под «джипа» Лаура видела отчаянный поступок Данни, видела, как он упал на спину, и поняла, что он мертв. Ужасная боль сжала ее сердце, когда она, как при вспышке молнии, увидела свое будущее без Данни. Это видение было таким отчетливым, что она почти потеряла сознание.

Потом она подумала о Кресе, который был еще жив и прижимался к ней. Она отогнала боль, зная, что вернется к ней снова – если выживет. Теперь было важно спасти Крису, не дать ему увидеть изрешеченный пулями труп отца.

Тело Данни заслоняло часть обзора, но она видела, что Кокошка снова начал стрелять. Она видела, что ее спаситель мчится к этому проклятому убийце, и на какой-то момент ей показалось, что худшее позади. Но потом ее спаситель поскользнулся, и автоматная очередь вспарывала снег все ближе к «джипу». Несколько пуль пролетело так близко, что их смертоносный шепот заглушил все остальные звуки в мире.

После нескольких выстрелов воцарилась мертвая тишина. Сначала она даже не слышала вой ветра и приглушенные ры-

дания Криса. Эти звуки словно утонули в ней.

Она видела, что ее спаситель жив, и это дало ей некоторое чувство облегчения, но в то же время она чувствовала ярость к нему за то, что он привел за собой Кокошку, который убил Данни. С другой стороны, Данни и она с Крисом были бы убиты при столкновении с грузовиком, если бы спаситель не подоспел вовремя. Кто он, черт возьми? Откуда он? Почему он так заинтересован в ней? Она была напугана и потрясена, но в ее сердце смешались печаль и ненависть.

Гримасничая от боли, ее спаситель поднялся на ноги и поковылял к Кокошке. Лаура посмотрела в этом направлении, но ей мешала голова Данни. Она не видела, что делал ее спаситель, хотя, кажется, он рылся в одежде Кокошки.

Через некоторое время он появился снова, держа что-то в руках. Когда он подошел к «джипу», то нагнулся и посмотрел на нее.

– Вылезайте. Все кончено.

Его лицо побледнело, и за несколько минут он, казалось, постарел на все двадцать пять лет. Он откашлялся. Его голос был тихим, и в нем слышалась неподдельная печаль.

– Мне жаль, Лаура. Мне очень жаль.

Она поползла на животе к задку «джипа», прижимая к земле голову. Все это время она прижимала к себе Криса, чтобы он не мог увидеть своего отца. Ее спаситель помог им вылезти. Лаура села спиной к бамперу «джипа» и обняла Криса.

Дрожащим голосом мальчик сказал:

– Я хочу к папе.

«Я тоже хочу к нему, – подумала Лаура.– О, малыш, я тоже хочу к нему, я очень хочу к нему, все, чего я хочу, – это к твоему папе».

Шторм был в полном разгаре, снег падал на землю сплошной пеленой. Наступали сумерки, серый день должен был скоро смениться беспроглядной зимней ночью.

В такую погоду мало кто путешествовал, но он был уверен, что скоро кто-нибудь появится. Прошло не больше десяти минут с тех пор, как он остановил «блазер» Лауры, но даже в такой шторм это уже был большой перерыв в движении по этой дороге. Он должен был еще о многом поговорить с ней и исчезнуть раньше, чем будет втянут в последствия этих кровавых событий.

Сев на корточки рядом с «джипом», Стефан сказал:

– Лаура, я должен уйти отсюда, но я скоро вернусь, через пару дней...

– Кто ты? – зло спросила она.

– На это нет времени.

– Я хочу знать, черт тебя возьми. У меня есть на это право.

– Да, оно у тебя есть и я скажу все через несколько дней.

Но сейчас мы должны продумать твой рассказ, как мы сделали это в бакалейной лавке. Помнишь?

– Иди ты к дьяволу. Но он продолжал:

– Это нужно только тебе, Лаура. Ты не можешь рассказать властям всю правду потому, что это выглядит нереально, не

так ли? Они могут подумать, что ты все выдумала. Особенно когда ты увидишь мое исчезновение... Если ты расскажешь им о нем, они точно сочтут тебя за соучастницу в убийстве или за сумасшедшую.

Она посмотрела на него и ничего не сказала. Он не винил ее за гнев. Возможно, она даже хотела его смерти, но он понимал ее. Единственные эмоции, которые она видела в нем, были любовь, жалость и уважение.

Он сказал:

– Ты расскажешь им, что когда вы с Данни выехали из-за поворота, то увидели на склоне три машины: «джип», припаркованный у насыпи, «понтиак» посередине дороги и еще один автомобиль у обочины. Там было... четыре человека, двое из них были вооружены, и они, казалось, пытались столкнуть «джип» с дороги. Короче, вы появились не вовремя. Пригрозив оружием, они остановили вас и заставили выйти из машины. Вы что-то мельком слышали о кокаине... как-то здесь были замешаны наркотики, вы не знаете, как, но они спорили о наркотиках и, кажется, гнались за человеком из «джипа»...

– Торговцы наркотиками здесь, посреди леса и гор? – насмешливо спросила она.

– У них здесь может быть лаборатория где-нибудь в лесу. Но послушай, если история будет иметь хоть какой-то смысл, они купятся на нее. Настоящая история слишком неправдоподобна, поэтому ты не можешь положиться на нее. Итак, ты

скажешь им, что грузовик Робертсонов появился на холме – конечно, ты не знаешь их имен, а дорога была перегорожена этими машинами, они начали тормозить, но их понесло по скользкому склону...

– У тебя акцент, – сказала она зло. – Он едва заметный, но я слышу его. Откуда ты?

– Я расскажу тебе все через несколько дней, – сказал он нетерпеливо, посмотрев вверх и вниз на дорогу. – Я сделаю это, но сейчас ты должна пообещать мне, что расскажешь им эту выдуманную историю и никогда не скажешь им правду. – У меня нет другого выбора, не так ли?

– Нет, – сказал он, почувствовав облегчение.

Она крепче прижала сына и ничего не сказала.

Стефан снова почувствовал боль в своих замерзших ногах. Теперь он был неподвижен, и мороз продолжал свое дело. Он протянул ей пояс, который снял с Кокошки.

– Сунь это в карман куртки и никому не показывай. Когда попадешь домой, спрячь где-нибудь.

– Что это?

– Позже. Я попытаюсь вернуться через несколько часов. Всего лишь несколько часов. Только обещай мне, что спрячешь это. Никому не показывай его и, ради Бога, не нажимай желтую кнопку.

– Почему?

– Потому что ты попадешь туда, куда бы ты не захотела попасть.

Она заморгала в недоумении.

– Попаду?

– Я объясню тебе, но не сейчас.

– Почему ты не можешь взять это с собой?

– Два пояса на одном теле – это аномалия, которая приведет к разрыву энергетического поля, и одному Богу известно, где я окажусь и в каком виде.

– Я не понимаю. О чем ты говоришь?

– Позже. Но, Лаура, если по каким-то причинам я не смогу вернуться, ты должна быть настороже.

– В каком смысле?

– Ты должна вооружиться. Им нет причины приходить за тобой, если они возьмут меня, но они могут это сделать. Для того, чтобы преподать мне урок, чтобы причинить мне боль. Они разживаются на мести. И если они придут за тобой... их будет несколько и они будут хорошо вооружены.

– Кто же ты, черт возьми?

Не ответив, он встал ни ноги, сморщившись от боли в коленке. Он бросил на нее последний долгий взгляд и отвернулся, оставив ее на земле, в холоде и снегу, около изрешеченного пулями «джипа», с испуганным ребенком на руках и мертвым мужем.

Медленно он вышел на середину дороги, где, казалось, белый снег излучал больше света, чем небо. Она позвала его, но он не обратил внимания на ее крик.

Он сунул разряженный пистолет в кобуру под бушлат. Он

потянулся рукой под рубашку, нащупал желтую кнопку на своем поясе и заколебался.

Они послали Кокошку, чтобы тот остановил его. Теперь они, должно быть, с нетерпением ждут его. Его сразу же арестуют. Возможно, ему никогда больше не удастся попасть на Дорогу Молнии и вернуться к Лауре, как он обещал.

Соблазн остаться был велик.

Если он останется, они пришлют еще кого-нибудь убить его, и он проведет остаток жизни в бегах то от одного наемного убийцы, то от другого – в то время, как изменения в мире будут так ужасны. С другой стороны, если он вернется, у него будет шаткий шанс уничтожить институт. Доктор Пенловски и другие, очевидно, знают все об его вмешательстве в естественный поток событий в жизни этой женщины, но возможно они ничего не знают о взрывчатке на чердаке и на первом этаже института. В этом случае, если они дадут ему возможность войти в его кабинет на секунду, он может нажать потайную кнопку и взорвать все к дьяволу. Но скорее всего они уже обнаружили взрывчатку. Но пока был хоть какой-то шанс навсегда покончить с этим проектом и закрыть Дорогу Молнии, он обязан вернуться в институт, даже если больше никогда не увидит Лауру.

С наступлением сумерек шторм, казалось, все усиливался. На склонах гор ветер гнул и ломал ветви сосен, его завывания были похожи на рев огромного существа, карабкавшегося по горному склону. Снег стал сухим и мелким, пре-

вратившись в лыдинки, которые, казалось, сотрут с земли все живое, оставив лишь бескрайнюю пустынную равнину.

Не вынимая руки из-под рубашки, Стефан трижды нажал на желтую кнопку. С отвращением и страхом он вернулся в свое время.

Держа рыдающего Криса, Лаура сидела на земле за «джи-пом» и смотрела на своего спасителя, который ковылял по снегу мимо «пontiака» Кокошки.

Он остановился на середине дороги и долго стоял к ней спиной, пока не случилось невероятное. Сначала воздух стал тяжелым: она чувствовала страшное давление, чего она не ощущала никогда раньше, как будто атмосфера Земли была уплотнена каким-то космическим катаклизмом. Неожиданно стало трудно дышать. Воздух наполнился странным запахом, и через несколько секунд она поняла, что пахло разогревшимися электрическими проводами и горелой изоляцией. Такой запах стоял в их кухне несколько недель назад, когда перегорел тостер; этот запах смешивался с резким запахом озона, который присутствовал в воздухе при любом сильном шторме. Давление все росло, пока она не почувствовала себя придавленной к земле, воздух клокотал и бурлил, словно вода. Со звуком, похожим на звук вылетающей из шампанского пробки, ее спаситель исчез в пурпурно-серых зимних сумерках. С этим хлопком одновременно налетел сильный порыв ветра, как будто кто-то включил гигантский вентилятор. На какое-то мгновение она почувствовала

себя словно в вакууме, было почти нечем дышать. Потом это страшное давление исчезло, в воздухе снова запахло снегом и соснами, все стало на свои места.

Но для нее не все можно было вернуть на свое место.

Ночь была очень темной. Без Данни, это была темнейшая ночь в ее жизни. Только один луч света оставлял слабую надежду на счастье: Крис. Он был единственным светом во тьме.

Вскоре на холме появилась машина. Фары едва пробивали плотный поток снега.

Она с трудом встала на ноги, и, держа Крису, вышла на дорогу. Она махала рукой, призывая на помощь.

Когда машина притормозила, она неожиданно испугалась, что появится еще один убийца с автоматом.

Никогда больше она не будет чувствовать себя в безопасности.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ВНУТРЕННИЙ ОГОНЬ

ГЛАВА 1

Всубботу, 13 августа 1988 года, через семь месяцев после гибели Данни, Тельма Акерсон приехала в домик в горах на четыре дня.

Лаура тренировалась в стрельбе на заднем дворе из своего «смит» и «весона» 38-го калибра. Она перезарядила револьвер, поставила барабан на место и изготавилась к стрельбе по мишени, когда услышала шум приближающегося по дороге автомобиля. Она подняла бинокль с земли и посмотрела на машину, чтобы удостовериться, что это не был неожиданный незнакомец. Увидев за рулем Тельму, она положила бинокль и продолжила стрельбу по мишени – в виде человеческого торса и головы.

Сидя рядом на траве, Крис достал еще шесть патронов из коробки и приготовился протянуть их ей, когда она выстрелит последний патрон из барабана.

День был жарким, ясным и сухим. Сотни диких цветов росли по краю двора, где мох уступил место дикорастущей траве и деревьям. Еще недавно на траве пели и резвились птицы, но выстрелы спугнули их.

Смерть мужа должна была ассоциироваться с домом в горах, но вместо этого она продала дом в Оранж Кантри и переехала с Крисом в Сан-Бернардино.

Она знала, что случившееся с ними в январе на дороге могло произойти снова где угодно. Дом не был виноват в этом; ошибка лежала в ее судьбе, в таинственных силах, которые принесли беду в ее жизнь. Интуитивно она знала, что если бы спаситель не спас ее на заснеженной дороге, он вошел бы в ее жизнь в любой другой кризисный момент. И в этот момент появился бы ужасный Кокошка с автоматом, и трагические события могли бы быть хуже.

Их другой дом хранил больше воспоминаний о Данни, чем этот каменный дом в Бич Би. Ей было легче пережить скорбь в горах, чем в Оранж Кантри.

Кроме того, как ни странно, в горах она чувствовала себя в большей безопасности. В густонаселенных пригородах Оранж Кантри, где жило больше двух миллионов человек, враг мог бы затеряться в толпе и подойти слишком близко. В горах, тем не менее, странник был заметным издали, так как дом стоял почти в центре тридцатиакрового пустого пространства.

И она не забыла предупреждения своего спасителя: «Возвращись. Будь готова. Если они придут за тобой... их будет несколько».

Когда Лаура выстрелила последний патрон и выбросила пустые гильзы, Крис протянул ей еще шесть патронов. Он

снял свою шапку и побежал к мишени, чтобы проверить ее меткость.

За мишенью находилась высокая насыпь, которой раньше не было. Позади нее начинался молодой сосновый лес, ее собственность, поэтому особой необходимости в насыпи не было, но она не хотела кого-нибудь застрелить случайно.

Крис прикрепил новую мишень и вернулся к Лауре со старой.

– Четыре попадания из шести, мама. Два смертельных попадания и две раны, но, кажется, ты слишком берешь влево.

– Я попробую исправиться.

– Ты просто устала, и это все, – сказал Крис. Трава вокруг нее была усеяна стопятидесятью пустыми гильзами. Ее запястья, руки, плечи и шея ныли от многочисленной отдачи, но она хотела разрядить еще один барабан, чтобы закончить на сегодня.

Возле дома хлопнула дверца машины Тельмы.

Крис снова надел шапку, предохраняющую его уши, и поднял бинокль, в который он смотрел на мишень в то время, как мать стреляла.

Печаль снова нахлынула на Лауру, когда она посмотрела на сына, не потому, что он остался без отца, а потому, что ребенку, которому через два месяца исполнялось восемь лет, уже была известна опасность, что несла в себе его жизнь. Она старалась изо всех сил сделать его жизнь веселее: они по-прежнему играли в выдуманного сэра Томми Тода, хотя

Крис больше не верил, что Томми существовал на самом деле; они читали книги из огромной персональной библиотеки Криса; и даже стрельбу по мишени она пыталась сделать игрой, а не необходимостью для своей защиты. Их жизнь, опечаленная невозвратимой потерей, еще больше обострялась страхом перед неизвестностью. Этой реальности она не могла спрятать от Криса, и жизнь наложила на него свой отпечаток.

Крис опустил бинокль и посмотрел на нее, так как она не стреляла. Она улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ. Его открытая улыбка всегда разбивала ей сердце.

Она повернулась к мишени, подняла револьвер, держа его обеими руками, и нажала на курок.

Когда Лаура сделала четыре выстрела, Тельма подошла к ней сзади. Она стояла, заткнув уши пальцами и морщась.

Лаура выстрелила еще два раза и сняла наушники. Крис бросился к мишени. Эхо выстрелов все еще отдавалось в горах, когда она повернулась к Тельме и обняла ее.

– К чему эта пальба? – спросила Тельма. – Ты собираешься писать сценарий для Клинта Иствуда? Нет, лучше напиши женский эквивалент Клинта – Дирти Харриет. А я сыграю ее так круто, что Богарт наложит в штаны.

– Я приму это во внимание, – сказала Лаура, – но, честно говоря, Клинт мне нравится больше.

– Эй, да у тебя еще есть чувство юмора, Шан.

– А ты думала иначе? Тельма нахмурилась.

– Я не знаю, что и думать, когда ты палишь из револьвера со зверской физиономией.

– Это самозащита, – сказала Лаура. – Каждая порядочная девушка должна знать ее.

– И как часто ты это делаешь? – спросила Тельма, увидев множество гильз, сверкающих на траве.

– Три раза в неделю по два часа. Крис вернулся с мишенью.

– Привет, тетя Тельма. Мама, ты попала в яблочко четыре из шести, одно ранение и один промах.

– В яблочко? – сказала Тельма. – Я все еще беру влево? – спросила Лаура мальчика.

Он показал мишень.

– Уже не так много, как в последний раз. Тельма сказала:

– Эй, Кристофер Робин, это все что я заслуживаю – «Привет, тетя Тельма»?

Крис положил мишень на целую стопку старых мишеней, подошел к Тельме, обнял ее и поцеловал. Не увидев обычного панковского стиля, он спросил:

– Что с тобой случилось, тетя Тельма? Ты выглядишь нормальной.

– Я выгляжу нормальной? Что это – комплимент или оскорбление? Ты должен запомнить, малыш, что даже если твоя старая тетка Тельма и выглядит нормальной, она не такая. Она гениальный комик, ослепительная умница и живая легенда. Как бы то ни было, я решила, что время панков про-

шло.

Они попросили Тельму помочь им собрать пустые гильзы.

– Мама прекрасный стрелок, – сказал Крис с гордостью.

– Еще бы, здесь столько латуни, что хватит отлить пуговицы на все мундиры целой армии амазонских воинов.

Когда они вошли в дом, Лаура заперла кухонную дверь на два засова. Она опустила жалюзи на окнах так, что их никто не мог видеть.

Тельма с интересом наблюдала за ее деятельностью, но ничего не сказала.

Крис поставил по видеомэгнитофону «Охотников за исчезнувшим ковчегом», сел перед телевизором с коробкой хрустящих палочек и бутылкой кока-колы. В смежной кухне Лаура с Тельмой сидели за обеденным столом и пили кофе, после чего Лаура разобрала револьвер и принялась его чистить.

Кухня была большой, но ее делало меньшей большое количество темного дуба, большой медный вытяжной шкаф и медные котлы, висевшие на крючьях. Пол был покрыт кафельной плиткой. Это был тот тип кухни, в которой герои телевизионных сериалов переживали свои семейные неурядицы в тридцатиминутном шоу каждую неделю. Даже для Лауры это казалось неподходящим местом для чистки оружия, предназначенного для убийства.

– Ты действительно боишься? – спросила Тельма.

– Конечно.

– Но Данни был убит только потому, что вы случайно оказались в одном месте с этими торговцами наркотиками. Те люди ведь исчезли?

– Может быть, нет.

– Но если бы они боялись, что ты узнаешь их, они давно бы уже попытались тебя убить.

– Я не давала им шансов для этого.

– Ты должна успокоиться, малышка. Ты не можешь жить до конца своих дней, ожидая, что кто-нибудь нападет на тебя из кустов. Конечно, ты можешь хранить оружие в доме. Возможно, это мудро. Но разве ты не собираешься больше появляться в обществе? Ты ведь не можешь повсюду таскать с собой револьвер.

– Могу. У меня есть разрешение.

– Разрешение на ношение этой пушки?

– Я ношу револьвер в своей сумочке.

– Господи, откуда у тебя это разрешение?

– Мой муж был убит при странных обстоятельствах неизвестными людьми. Те головорезы пытались убить и меня с сыном – и они по-прежнему на свободе. В довершение ко всему, я богатая и известная писательница. Было бы странно, если бы я не получила этого разрешения.

Тельма некоторое время молчала, пила кофе и смотрела, как Лаура чистила револьвер. Наконец она сказала:

– Ты так серьезно говоришь об этом и так напряженно. Прошло семь месяцев с тех пор... как погиб Данни. Но ты

так взвинчена, словно в тебя стреляли вчера. Ты не сможешь выдержать такого напряжения. Это приведет к сумасшествию. К паранойе. Ты должна понять, что не сможешь быть начеку всю свою жизнь, каждую минуту.

– Я смогу, потому что должна быть такой.

– Да? А что же сейчас? Твой револьвер разобран. Что, если какие-то варвары с наколками начнут выламывать кухонную дверь.

Кухонные стулья стояли на мягком паласе, поэтому когда Лаура соскочила со стула, она беззвучно очутилась возле холодильника. Из одного из ящиков она достала точно такой же револьвер 38-го калибра. Тельма произнесла:

– Так, значит, я сижу в настоящем арсенале? Лаура положила второй револьвер обратно в ящик.

– Пойдем на экскурсию.

Тельма пошла за ней в кладовую. На обратной стороне двери в кладовую висел автомат «узи».

– Но ведь это автомат. Разве его разрешено иметь?

– Получив одобрение федеральных властей, ты можешь купить его в оружейном магазине, хотя разрешается иметь только полуавтомат; автоматическое оружие запрещено.

Тельма посмотрела на нее и вздохнула.

– И это, конечно, автомат?

– Да. Это полностью автоматическое оружие. Он куплен не в магазине, а у подпольных торговцев оружием.

– Ты с ума сошла, Шан. Точно.

Она повела Тельму в столовую и показала револьвер, который был прикреплен ко дну стола. В гостиной еще один револьвер был прикреплен ко дну маленького столика, стоявшего возле дивана. Второй автомат «узи» висел на обратной стороне двери в прихожей. Револьверы были также спрятаны в ящике стола в кабинете на первом этаже, в кабинете на втором этаже, в шкафчике в ванной и в тумбочке в спальне. В спальне находился и третий «узи».

Вытаращившись на «узи», который Лаура достала из-под кровати, Тельма сказала:

– Если бы я не знала тебя так хорошо, Шан, я бы сочла тебя душевнобольной. Но теперь я понимаю, что, значит, у тебя действительно есть причины бояться. Но как Крис относится ко всем этим пушкам?

– Он знает, что их нельзя трогать, и ему можно доверять. Многие шведские семьи держат дома оружие, так как мужское население должно быть готово к защите своей страны, и тем не менее у них самое маленькое в мире количество несчастных случаев, связанных с огнестрельным оружием. Потому что оружие связано с их жизнью. Детей учат уважать его с малых лет. Я верю Крису.

Когда Лаура снова положила «узи» под кровать, Тельма сказала:

- Как тебе удалось найти подпольного торговца оружием?
- Я богата, ты помнишь это?
- И за деньги можно купить все? О'кэй, может, это и так.

Но как такая великосветская дама, как ты, вышла на торговца оружием? Мне кажется, они не посещают балета?

– Мне приходилось изучать теневой мир для своих романов Тельма. Я узнала, как найти то, что хочешь.

Тельма молчала, когда они вернулись на кухню. Из комнаты Криса доносилась героическая музыка, которая сопровождала Индиана Джонса в его подвигах. Пока Лаура сидела за столом и продолжала чистить револьвер, Тельма приготовила для них еще кофе.

– Давай поговорим начистоту, малыш. Если действительно существует опасность, которая требует такого количества оружия, то тебе не справиться с ней одной. Почему ты не наймешь телохранителей?

– Я никому не верю. Никому, кроме тебя и Криса. За исключением еще отца Данни, но он во Флориде.

– Но ты не можешь оставаться одна...

Чистя шомполом ствол револьвера, Лаура сказала:

– Да, я боюсь, но я чувствую себя гораздо лучше, когда я готова к этому. Всю свою жизнь я теряю людей, которых люблю. Я ничего не делала и только страдала. К дьяволу все. Теперь я буду сражаться. Если кто-то захочет отнять у меня Криса, ему придется иметь дело со мной, а уж я постараюсь устроить ему настоящую войну.

– Лаура, я знаю, через что ты прошла. Но послушай, если ты была бы психиатром, я бы сказала тебе, что ты можешь сражаться против реальной угрозы, но против рока ты бес-

помощна. Ты не сможешь обмануть провидение, малыш. Ты не можешь играть в покер с Богом и надеяться на выигрыш только потому, что в твоей сумочке лежит револьвер 38-го калибра. Да, твой Данни погиб, и ты могла сказать, что Нина Доквейлер не умерла б, если бы кто-нибудь пристрелил Угря раньше, но в жизни не так много случаев, когда ты можешь помочь тем, кого любишь, с револьвером в руках. Твоя мать умерла при родах. Твой отец умер от сердечного приступа. Рути сгорела в огне. То, что ты научилась защищать себя, это хорошо, но ты должна смотреть в будущее, не должна терять чувство юмора, не должна замыкаться, иначе можешь попасть в заведение, где обитатели разговаривают с деревьями и пожирают пуговицы от своих рубашек. Прости Господи, но если Крис заболит раком? Ты готова пристрелить любого, кто коснется его, но ты не сможешь убить рак из револьвера. Я боюсь, что ты так помешалась на его защите, что при любой другой опасности, которой ты не ожидаешь, растеряешься, и я беспокоюсь за тебя, малыш.

Лаура кивнула и почувствовала прилив нежности к своей подруге.

– Ты права, Тельма. У тебя здравый рассудок. Тридцать три года я только страдала и теперь решила сражаться, как только умею. Если рак поразит меня или Крису, я найму лучших в мире специалистов, я буду искать самые лучшие способы лечения. Но если все будет напрасно, если, например, Крис умрет от рака, это будет моим поражением. Борьба не

исключает страданий. Я могу сражаться, но если я потерплю поражение, я буду по-прежнему страдать.

Долгое время Тельма смотрела на нее. Наконец она кивнула.

– Это то, что я надеялась услышать. О'кэй. Конец дискуссии. Вернемся к другим вещам, о которых я надеялась услышать. Когда ты планируешь купить танк, Шан?

– Их пришлют в понедельник.

– А бомбы, гранаты и базуки?

– Во вторник. Как насчет фильма с Эдди Мерфи?

– Мы заключили контракт два дня назад, – сказала Тельма.

– Прекрасно. Оказывается, моя Тельма собирается сниматься в одном фильме с Эдди Мерфи?

– Твоя Тельма собирается промелькнуть в фильме с Эдди Мерфи. Мне пока не дают главной роли.

– Ты была четвертой в списке ролей в фильме со

Стивом Мартином, третьей – в картине с Чевии Чейзом. На этот раз ты будешь второй, так? А сколько раз ты была хозяйкой ночного шоу? Раз восемь, не так ли? Смирись с этим. Ты звезда.

– Ты, может быть, чуть преувеличила. Но разве это не судьба, Шан? Мы обе вышли из ничего, из приюта Маклярой, и добрались до каких-то вершин. Странно?

– Ничего странного, – сказала Лаура. – Проходя через жизненные трудности, становишься опытной, а опыт – это успех.

И жизнь.

ГЛАВА 2

Стефан покинул снежную ночь в горах Сан-Бернардино и мгновение спустя очутился внутри цилиндра на другом конце Дороги Молнии.

Этот цилиндр напоминал те, что были популярны в парках развлечений, только его внутренние стены были сделаны из полированной меди вместо дерева и он не вращался под ногами Стефана. Цилиндр был восемь футов в диаметре и двенадцать футов высотой. Он спустился по ступенькам в главную лабораторию института, где ожидал увидеть вооруженных людей.

Лаборатория была пуста.

Удивленный, он стоял в своем мокром бушлате посреди лаборатории и озирался, не веря своим глазам. Три стены из четырех были заняты от пола до потолка множеством приборов, которые светились и щелкали. Основной свет был выключен, и в комнате было довольно мрачно. Огромные ворота в цилиндр, стоящий посреди множества вспышек светло-зеленых и оранжевых огней, никогда не закрывались; если их закрыть, то для открытия понадобится большое количество энергии и времени, хотя закрыть их можно было относительно легко. В эти дни, когда основная работа сфоку-

сирована на самой машине времени, институтский персонал посещал главную лабораторию только для текущего обслуживания приборов. Если бы все было иначе, Стефану никогда не удалось бы держать все в секрете, ему не удалось бы осуществлять эти путешествия во времени, чтобы вмешаться в жизнь Лауры. Однако это все равно было необычно – застать лабораторию совершенно пустой, особенно сейчас, когда они послали Кокошку вслед за ним и, конечно, когда должны были ждать сообщений от Кокошки. Они должны были предусмотреть провал Кокошки и возвращение не того человека из 1988 года, во всяком случае, они должны были оставить охрану до разрешения воздавшейся ситуации. Где же секретная полиция в своей черной униформе? Где же те ружья, с которыми он готовился встретиться?

Он посмотрел на большие часы на стене и увидел, что было шесть минут двенадцатого по местному времени. Так и должно было быть. Он отправился в путешествие без пяти минут одиннадцать утра и каждое путешествие длилось одиннадцать минут. Никто не знал, почему, но независимо от того, сколько путешественник находился в другом времени, по местному времени проходило только одиннадцать минут. Он находился в Сан-Бернардино почти полтора часа, но это заняло только одиннадцать минут его собственной жизни. Если бы он даже остался с Лаурой на несколько месяцев, прежде чем нажал бы желтую кнопку, включающую маяк, то вернулся бы в институт через одиннадцать минут после вре-

мени отбытия.

Но где же власти, ружья и обозленные коллеги? Узнав о его вмешательстве в жизнь Лауры и послав за ним и за Лаурой Кокошку, почему они не могли подождать всего одиннадцать минут, чтобы узнать результат конфронтации?

Стефан снял сапоги, бушлат, наплечную кобуру и запихал все это за оборудование. Он оставил свой лабораторный халат в укромном месте, прежде чем отправился в другое время, и теперь он облачился в него.

Смущенный отсутствием враждебных встречающих он вышел в коридор, где его, возможно, и ждали неприятности.

ГЛАВА 3

В полтретьего воскресного утра Лаура сидела за печатной машинкой в своем кабинете, смежном со спальней. Одетая в пижаму и халат, она пила яблочный сок и работала над своей новой книгой. Единственный свет в комнате излучала настольная лампа, сфокусированная на отпечатанных еще вчера страницах. Рядом с машинкой на столе лежал револьвер.

Дверь в темный коридор была открыта. Она никогда не закрывала двери, кроме двери в ванную, потому что закрытые двери могли заглушить шаги врагов. Дом был снабжен надежной новейшей сигнализацией, но все же она оставляла двери открытыми, на всякий случай.

Она слышала шаги Тельмы по коридору и обернулась как раз тогда, когда Тельма появилась в дверях.

– Прости, если я произвела шум, который побеспокоил тебя.

– Ничего. Я часто работаю в ночных клубах. Я уже выпалась. А что с тобой? Ты все время встаешь в это время?

– Я не могу спать дольше. Мне хватает четыре-пять часов. Вместо того чтобы просто лежать в постели, я встаю и пишу.

Тельма придвинула стул, села и закинула ноги на стол Лауры. Ее любовь к цветастым ночным сорочкам осталась с детства: на ней была просторная шелковая пижама с красными, зелеными, синими и желтыми абстрактными квадратами и кружочками.

– Мне нравится, что ты по-прежнему носишь кроличьи шлепанцы, – сказала Лаура. – Это доказывает твое постоянство как личности.

– Такая уж я. Постоянная. Я не нашла кроличьих шлепанцев моего размера, поэтому купила пару взрослых шлепанцев и пару детских, оторвала глаза и уши от детских и пришила к взрослым. Что ты пишешь?

– Очередную скучную книжонку.

– Наверное, с ней будет весело провести уик-энд на пляже?

Лаура вздохнула и расслабилась на стуле с высокой спинкой.

– Это роман о смерти, о несправедливости смерти. Это

дурацкая затея потому, что я взялась объяснять то, что не подлежит объяснению. Я пытаюсь объяснить смерть своим читателям потому, что, может быть, только тогда я пойму ее сама. Эта книга о том, что мы должны сражаться даже тогда, когда смерть неотвратима, о том, что мы должны сражаться и страдать. Это черная, тусклая, печальная скорбная и волнующая книга.

– У нее будет много поклонников? Лаура засмеялась.

– Может быть, вообще не будет. Но когда идея очередного романа охватывает писателя... это словно внутренний огонь, который сначала греет тебя и доставляет удовольствие, но потом он начинает пожирать тебя живьем, сжигает все твое внутренности. Ты не можешь уйти от этого огня; он будет продолжать гореть. Единственная возможность загасить его, это – написать эту проклятую книгу. Как бы то ни было, когда я закончу эту книгу, то начну милую маленькую детскую книжку, в которой напишу все о сэре Томми Тоде.

– Ты сумасшедшая, Шан.

– А кто из нас носит кроличьи шлепанцы? Они говорили о том и об этом с обычным юмором,

который был свойственен им обоим. Возможно, причиной тому послужило одиночество Лауры, которое стало еще тяжелее, чем в первые дни после смерти Данни, может быть, причиной был страх перед неизвестностью, но по какой-то причине она заговорила о своем необыкновенном ангеле-спасителе. Во всем мире она могла рассказать об этом

только Тельме. В действительности, Тельма была очарована, она опустила ноги со стола и сидела выпрямившись, не выражая недоверия к истории, которая началась с выстрела в бакалейной лавке и закончилась исчезновением спасителя в горах.

Когда Лаура погасила этот внутренний огонь, Тельма сказала:

– Почему ты не рассказала мне об этом... спасителе несколько лет назад? Тогда, в Маклярой?

– Я не знаю. Это похоже на какое-то... волшебство. Мне казалось, что если раскрою его секрет, он никогда не появится снова. После того, как он предоставил мне самой разобраться с Угрем, после того, что он ничего не сделал ради спасения Рути, я почти потеряла веру в него. Я никогда не рассказывала о нем Данни, потому что к тому времени мой спаситель стал для меня не более реальным, чем Сайта Клаус. Затем неожиданно... он снова появился на этой дороге.

– Той ночью в горах он сказал, что объяснит все через несколько дней?

– Но я не видела его с тех пор. Я ждала семь месяцев, но боялась, что вместо моего спасителя материализуется еще один Кокошка с автоматом.

Рассказ взбудоражил Тельму, и она дергалась, как на электрическом стуле. В конце концов она встала и заходила по комнате.

– А что насчет Кокошки? Полиция что-нибудь узнала о

нем?

– Ничего. О нем нигде нет никаких сведений. Его «понтиак» был угнан, так же как и красный «джип». Его отпечатки пальцев сравнили с карточкой, но все тщетно. Труп они не могут допросить. Они не знают, кто он, откуда и почему хотел убить нас.

– У тебя было много времени подумать об этом. Есть какие-нибудь идеи? Кто этот спаситель? Откуда он появился?

– Я не знаю.– Все-таки одна мысль у нее была, но она была безумной, к тому же не было фактов, которые бы подтверждали эту теорию. Она утаила ее от Тельмы не потому, что она казалась сумасшедшей, но потому, что казалась сверхъестественной.– Я не знаю.

– А где этот пояс, который он оставил тебе?

– В сейфе, – сказала Лаура, кивнув в угол комнаты, где под ковром был спрятан потайной сейф.

Вместе они отвернули край ковра, раскрыли сейф в виде цилиндра двенадцати дюймов в диаметре. В нем хранилась только одна вещь, и Лаура достала ее.

Они вернулись к столу, чтобы рассмотреть магический пояс при лучшем свете. Лаура включила еще одну лампу.

Пояс был четыре дюйма шириной и сделан из гибкого черного пластика, возможно, нейлона, сквозь который проходили медные провода, образующие сложные и страшные орнаменты. Из-за своей ширины пояс имел две пряжки, которые были сделаны из меди. В дополнение ко всему слева от

пряжек была прикреплена коробка размером с сигаретную пачку, которая тоже была из меди. Даже при более подробном осмотре не был ясен способ открывания этой коробочки, на которой находилась одна-единственная желтая кнопка в нижнем левом углу.

Тельма потрогала странный материал, из которого был сделан пояс.

– Скажи мне еще раз, что должно случиться, если нажать желтую кнопку?

– Он сказал мне, чтобы я ни в коем случае не нажимала ее. Когда я спросила почему, он ответил: «Ты попадешь туда, куда бы ты не хотела попасть».

Они стояли рядом при тусклом свете ламп и смотрели на пояс, который держала Тельма. Было четыре часа утра, и в доме стояла такая тишина, какая, должно быть, была в мертвом лунном кратере.

Наконец Тельма сказала:

– Тебе когда-нибудь хотелось нажать эту кнопку?

– Нет, никогда, – сказала Лаура без колебаний. – Когда он упоминал место, в котором я могу оказаться... в его глазах было ужасное выражение. И я знаю, что он возвращался туда с неохотой. Я не знаю, откуда он появился, Тельма, но если я правильно поняла выражение его глаз, то это место в двух шагах от ада.

В воскресенье они надели шорты и рубашки с короткими рукавами, расстелили пару одеял на заднем дворе и устро-

ились на длительный и ленивый пикник с салатом из помидор, холодным мясом, сыром, свежими фруктами, хрустящим картофелем и сладкими булочками. Они играли с Крисом в разные игры, и ему это очень нравилось, потому что Тельма своей иронией и энергией могла запросто зажечь восьмилетнего мальчишку.

Когда Крис увидел белок, прыгающих в конце двора возле деревьев, он ал хотел накормить их. Лаура дала ему булочку и сказала:

– Раскроши ее на мелкие крошки и бросай им. Они не подпустят тебя близко. И не уходи далеко от меня, ты слышишь?

– Конечно, мама.

– Не подходи близко к деревьям. Он отбежал на тридцать футов от одеял, чуть больше, чем половину расстояния до деревьев, и сел на колени. Он отрывал кусочки булочки и бросал их белочкам, заставляя этих быстрых и осторожных зверьков каждый раз все ближе подбираться к нему.

– Он хороший ребенок, – сказала Тельма.

– Самый лучший, – Лаура придвинула «узи» поближе.

– Но он всего в десяти ярдах от нас, – сказала Тельма.

– Но он ближе к деревьям, чем ко мне, – сказала Лаура, изучая тени под мохнатыми соснами.

Закинув щепотку хрустящего картофеля в рот, Тельма сказала:

– Никогда не была на пикнике с кем-нибудь, кто носит ав-

томат. Мне даже это нравится. Не надо беспокоиться о медведях.

– Муравьи тоже не страшны.

Тельма растянулась на одеяле, положив голову на согнутую руку, но Лаура продолжала сидеть, скрестив под собой ноги. Оранжевые бабочки, такие же яркие, как солнце, проносились в теплом августовском воздухе.

– Малыш, кажется, смирился, – сказала Тельма.

– Более-менее, – согласилась Лаура.– Самое тяжелое время позади. Он много плакал, его эмоции не были постоянными. Но это прошло. Дети податливы в его годы, быстро адаптируются и приспосабливаются. Но хотя кажется, что с ним все в порядке... Я боюсь, что в его душе остался мрак, которого не было раньше и который не собирается исчезнуть.

– Нет, – сказала Тельма, – он не исчезнет. Это как тень на сердце... Но он будет жить, он найдет счастье, и наступит время, когда эта тень больше не будет его тревожить.

Пока Тельма смотрела на Крису, кормящего белок, Лаура изучала профиль своей подруги.

– Ты все еще скучаешь по Рут?

– Каждый день на протяжении двадцати лет. А ты разве не скучаешь по отцу?

– Конечно, – сказала Лаура.– Но когда я думаю о нем, мне кажется, я чувствую не то, что ты чувствуешь. Потому что мы ожидаем, что наши родители умрут раньше нас, и даже когда они умирают преждевременно, мы смиряемся с этим,

потому что это должно случиться рано или поздно. Но все по-другому, когда умирает жена, муж, ребенок... или сестра. Мы не ожидаем, что они умрут раньше нас. Поэтому с этим трудно смириться. Особенно если умирает сестра-близнец.

– Когда я получаю хорошие новости – о своей карьере, я имею в виду, – первое, о чем я всегда думаю, это о том, как бы счастлива была Рути за меня. Ну, а как ты, Шан? Ты смирилась?

– Я плачу по ночам.

– Сейчас это нормально. Но через год это уже не будет нормально.

– Я лежу ночью в кровати и прислушиваюсь к ударам своего сердца, этот звук кажется таким одиноким. Спасибо Богу за Крису. Он дал мне цель. И за тебя. У меня есть ты и Крис, и мы как семья, разве не так?

– Мы настоящая семья. Ты и я – сестры. Лаура улыбнулась, протянула руку и потрепала волосы Тельмы.

– Но, – сказала Тельма, – хоть мы и сестры, не думай, что я буду давать тебе займы свою одежду.

ГЛАВА 4

В коридорах и сквозь открытые двери институтских кабинетов и лабораторий Стефан видел своих работающих сотрудников, но никто не проявлял к нему интереса. Он под-

нялся на лифте на третий этаж, где столкнулся с доктором Владиславом Янушкой, который был долгое время протеже доктора Владимира Пенловски и который был вторым главным руководителем проекта путешествий во времени, что изначально назывался проектом «Коса», но уже несколько месяцев носил закодированное название «Дорога Молнии».

Янушке было сорок лет, он был на десять лет моложе своего наставника, но выглядел старше бодрого энергичного Пенловски. Низкорослый, толстый и лысый, с прыщавым лицом, с двумя золотыми передними зубами и в толстых очках, которые делали его глаза размером с яйцо. Янушка мог бы вполне стать клоуном. Но его значительный вес в обществе и рвение к работе делали его менее комичным: к тому же он был одним из самых скандальных людей, привлеченных к работе над Дорогой Молнии.

– Стефан, дорогой Стефан, – сказал Янушка. – Я давно собирался поблагодарить тебя за то своевременное предложение о дополнительном генераторе для машины времени. Твоя дальновидность спасла проект. Если бы мы до сих пор питались только от общей сети... машина уже взорвалась бы раз десять, и мы отстали б от графика.

Вернувшись в институт в ожидании ареста, Стефан был озадачен тем, что его предательство осталось незамеченным, и еще более поражен этой благодарностью. Он предложил подключить к машине времени второй независимый генератор не потому, что хотел успешного продвижения проекта, а

потому, что не хотел, чтобы его путешествия к Лауре были прерваны неожиданным отключением общей сети.

– Еще год назад я не мог предположить, что мы придем к такой ситуации, когда нельзя будет доверять муниципальным властям, – сказал Янушка, печально качая головой. – Они нам все больше мешают.

– Да, это темные времена, – сказал Стефан, имея в виду совсем не то, о чем говорил Янушка.

– Но мы победим, – вдохновенно сказал Янушка. В его глазах появилось то безумное выражение, которое Стефан знал слишком хорошо.

– Мы закончим Дорогу Молнии и победим.

Он хлопнул Стефана по плечу и пошел по коридору.

Когда ученый подошел к лифту, Стефан сказал:

– Доктор Янушка?

Толстяк обернулся и посмотрел на него.

– Да?

– Вы видели сегодня Кокошку?

– Сегодня? Нет.

– Он должен быть здесь?

– Думаю, да. Он работает дольше всех, ты знаешь. Он трудолюбивый человек. Если бы у нас было больше таких как Кокошка, мы бы давно победили. Ты хочешь с ним поговорить? Если я встречу его, мне послать его к тебе? – Нет, нет, – сказал Стефан. – Ничего важного. Мне бы не хотелось отрывать его от работы. Я увижу его рано или поздно.

Янушка нажал кнопку лифта, а Стефан вошел в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

Он подошел к одному из шкафов, который он чуть передвинул в сторону, чтобы закрыть часть отверстия вентиляционной шахты.

В узком пространстве за шкафом был виден пучок медных проводов, выходящих в отверстие шахты. Провода были присоединены к обыкновенному цифровому таймеру, который был подключен в настенную розетку позади шкафа. Ничто не было отключено. Он мог протянуть руку за шкаф, установить таймер от одной минуты до пяти, и через это время институт был бы взорван.

«Какая чертовщина здесь происходит?» – удивился он.

Он сел ненадолго за свой стол и посмотрел на небо, которое можно было видеть через два окна его кабинета; по небу плыли косматые облака.

Наконец он вышел из кабинета, направился к северной лестнице и быстро поднялся на чердак. Дверь открылась с коротким скрипом. Он включил свет и стал как можно тише пробираться по деревянному настилу. Он проверил три заряда взрывчатки, которые спрятал на чердаке две ночи назад. Взрывчатки были на месте.

Не было необходимости проверять заряды на первом этаже. Он вернулся в свой кабинет.

Очевидно, никто не знал ни о его намерении взорвать институт, ни о его попытках спасти жизнь Лауре от целого ряда

опасностей. Никто, кроме Кокошки. Кокошка только знал об атом, иначе бы он не появился на горной дороге с «узи».

Но почему Кокошка никому не рассказал?

Кокошка был офицером секретной полиции штата и настоящим фанатиком, послушным и ревностным слугой правительства, который лично отвечал за безопасность Дороги Молнии. Узнав о предателе в институте, Кокошка должен был без колебаний позвонить своим людям, окружить институт, поставить охрану и задерживать каждого.

Конечно, он не должен был позволить Стефану спасти Ляуру на этой горной дороге, поэтому он отправился вслед за ним с намерением убить их всех. Но по одной причине он мог бы не убивать Стефана – чтобы узнать, есть ли в институте еще заговорщики.

Кокошка узнал о вмешательстве Стефана в жизнь этой женщины. Но, вероятно, он не обнаружил взрывчатки в институте, иначе несомненно обезвредил бы ее. По каким-то своим причинам он действовал не как полицейский, а как частное лицо. Этим утром он последовал за Стефаном в январь 1988 года, чего Стефан не мог понять.

В этом не было смысла. Тем более после того, что случилось.

Чего добивался Кокошка?

Возможно, он никогда не узнает этого.

Теперь Кокошка остался мертвым в 1988 году, и скоро кто-нибудь в институте поймет, что он исчез.

В два часа дня, по расписанию, Стефан должен был совершить путешествие во времени под руководством Пенловски и Янушки. Он намеревался взорвать институт в час дня, за час того, как отправится в путешествие по расписанию. Сейчас было одиннадцать часов сорок три минуты, и он решил поторопиться, пока не было замечено исчезновение Кокошки.

Он подошел к самому высокому шкафу в кабинете, выдвинул пустой нижний ящик и вытащил его совсем из шкафа. К задней стенке ящика был прикреплен пистолет «Кольт Коммандор 9 мм Парабеллум» с девятизарядным магазином, приобретенный во время одного из ранних путешествий и тайно принесенный в институт; из-за другого ящика он вытащил два новейших глушителя и четыре заряженных магазина. За столом, быстро работая, пока никто не постукал, он накрутил один из глушителей на пистолет и поставил предохранитель, другой глушитель и магазины он сунул в карман своего халата.

Собираясь покинуть институт в машине времени, он не был уверен, что взрыв убьет Пенловски, Янушку и других ученых. Взрыв разрушит здание и без сомнения уничтожит все приборы и документы, но что, если один из главных разработчиков останется жить? В головах Пенловски и Янушки оставались знания, необходимые для восстановления проекта, поэтому Стефан намеревался убить их и еще одного человека, Волкова, прежде чем установить таймер взрывателя

и вернуться к Лауре.

С накрученным глушителем «Коммандор» не влезал полностью в карман халата, поэтому Стефан запахнул халат так, чтобы этот карман был спрятан под полой. Держа палец на курке, он открыл дверь и вышел в коридор.

Его сердце бешено стучало. Это была самая опасная часть плана – убийство, потому что много непредвиденных обстоятельств могло случиться прежде, чем он сможет вернуться в свой кабинет и установить таймер.

Лаура сейчас была далеко, и он мог никогда не увидеть ее снова.

ГЛАВА 5

В понедельник днем Лаура и Крис надели серые спортивные костюмы. После того как Тельма помогла им вытащить толстые гимнастические маты на задний двор, Лаура и Крис сели рядом и начали делать дыхательные упражнения.

– Когда придет Брюс Ли? – спросила Тельма.

– В два, – сказала Лаура.

– Он не Брюс Ли, тетя Тельма, – возмущенно сказал Крис. – Ты называешь его Брюс Ли, а Брюс Ли умер.

Мистер Такахами приехал ровно в два часа. На нем был темно-синий спортивный костюм, на спине которого был написан лозунг его школы военного искусства: «Изо всех сил».

Когда он был представлен Тельме, он сказал:

– Вы очень смешная дама. Я люблю альбом с вашими записями.

Растаяв от комплимента, Тельма сказала:

– Я могу честно вам сказать, что всегда хотела, чтобы Япония выиграла войну.

Генри рассмеялся.

– Я думаю, мы ее и так выиграли.

Сидя в шезлонге и попивая холодный чай, Тельма наблюдала за тем, как Генри обучал Лауру и Криса самообороне.

Ему было сорок лет, у него было прекрасно развитое тело и гибкие ноги. Он был мастером по дзюдо, каратэ и кик-боксингу; его система самообороны была поставлена на различных военных искусствах. Дважды в неделю он приезжал из Риверсайда и проводил трехчасовые занятия с Лаурой и Крисом.

Удары и броски проводились довольно мягко, чтобы не вызвать повреждений, но с достаточной силой, чтобы чему-нибудь научить. Уроки Криса были менее энергичными и трудными, чем Лауры, и Генри давал мальчику достаточно передышек, чтобы отдышаться. К концу занятий Лаура всегда была в поту и измучена.

Когда Генри уехал, Лаура послала Криса в ванную, пока она с Тельмой убирала маты.

– Он очень милый, – сказала Тельма.

– Генри? Думаю, да.

– Может быть, я займусь дзюдо или каратэ.

– И ты не боишься разочаровать своих поклонников?

– А вот это уже удар ниже пояса, Шан.

– Все идет в ход, когда враг сильный и безжалостный.

На следующий день, когда Тельма складывала чемоданы в багажник своего «комаро», готовясь вернуться в Беверли Хиллс, она сказала:

– Эй, Шан, ты помнишь ту первую попечительскую семью, в которую ты попала?

– Тигель, – сказала Лаура. – Флора, Хазель и Майк.

Тельма прислонилась к нагретому солнцем капоту автомобиля.

– Помнишь, что ты говорила о любви Майка к газетным статейкам?

– Я помню Тигель так, как будто жила с ними вчера.

– Хорошо, – сказала Тельма. – Я много думала о том, что случилось с тобой, – об этом спасителе, о том, что он никогда не стареет, о том, как он растворяется в воздухе, – и потом я подумала о Тигель, и все показалось мне смешным. Теми ночами в Маклярой мы смеялись над глупым старым Майком Тигель... а теперь ты словно сама вышла из экзотических новостей.

Лаура тихо засмеялась.

– Может быть, мне переменить мнение в рассказах о пришельцах, тайно живущих в Кливленде?

– Мне кажется, что я пытаюсь сказать... что жизнь полна

невероятных сюрпризов. Некоторые из них приятные сюрпризы, да, но иногда они такие мрачные, как мозги политиканов. Временами мне кажется, что мы все существуем по каким-то причинам. Это не бессмыслица. Если бы это было бессмыслицей, в этом не было бы ничего мистического.

Лаура кивнула.

– Послушай меня! Подними выше голову.

– Я постараюсь.

– Мистика, – сказала Тельма. – Ты сейчас живешь в ней, Шан, и если сейчас это темные времена... то скоро наступят светлые.

Они молча обнимались у машины, когда Крис выбежал из дома с рисунком, который он нарисовал для Тельмы, чтобы она забрала его с собой в Лос-Анджелес. На нем был нарисован Томми Тод, который стоял возле кинотеатра и смотрел на афишу с именем Тельмы.

На глазах Криса были слезы.

– Тебе на самом деле надо уезжать, тетя Тельма? Ты не можешь остаться еще на один день?

Тельма обняла его и взяла рисунок с такой осторожностью, как будто это была бесценная картина известного художника.

– Я бы хотела остаться, Кристофер Робин, но не могу. Мои поклонники уже плачут без меня. Кроме того, на мне висит большая закладная.

– Что такое закладная?

– Это то, что лучше всего в мире заставляет работать, – сказала Тельма, целуя Криса. Она села в машину, включила двигатель, опустила боковое стекло и подмигнула Лауре.

– Экзотические новости, Шан.

– Мистика.

– Тайна.

Лаура подняла два пальца в приветствии из фильма «Стар Трек».

Тельма засмеялась.

– Ты справишься, Шан. Несмотря на все эти пушки, которые я видела у тебя, я сейчас меньше беспокоюсь за тебя, чем раньше.

Крис и Лаура стояли рядом и смотрели вслед машине Тельмы, которая вскоре исчезла из вида.

ГЛАВА 6

Огромный кабинет доктора Владимира Пенловски находился на четвертом этаже института. Когда Стефан вошел в приемную комнату, она была пуста, но он слышал голоса из соседней комнаты. Он распахнул внутреннюю дверь и увидел Пенловски, диктовавшего что-то своей секретарше, Анне Каспер.

Пенловски удивленно посмотрел на Стефана. Он, должно быть, заметил напряженное выражение лица Стефана, пото-

му что нахмурился и сказал:

– Что-нибудь случилось?

– Это случилось давно, – сказал Стефан, – но теперь, я думаю, все будет прекрасно.

Пенловски нахмурился еще сильнее. Стефан вытащил из кармана халата кольт «Коммандор» и дважды выстрелил в грудь ученого. Анна Каспер соскочила со стула, роняя карандаш и блокнот, крик готов был сорваться с ее уст.

Он не любил убивать женщин – он не любил убивать вообще, – но сейчас выбора не было, поэтому он трижды выстрелил в нее, прежде чем она выдавила из себя крик.

Мертвая, она сползла по стулу и рухнула на пол. Выстрелы прозвучали не громче шипения разозленного кота, а шум падающего тела был недостаточным, чтобы привлечь чье-нибудь внимание.

Пенловски обмяк в кресле с открытыми глазами и ртом. Одна из пуль, должно быть, пробила его сердце, так как на рубашке выступило только маленькое пятнышко крови; его смерть была мгновенной.

Стефан вышел из комнаты и закрыл дверь. Он пересек приемную комнату, выскользнул в коридор и закрыл вторую дверь.

Его сердце продолжало бешено колотиться. Этими двумя убийствами он отрезал себя от своего времени и от своих людей. С этого момента он мог жить только во времени Лауры. Обратной дороги не было.

Спрятав пистолет в карман, он направился к кабинету Янушки. Когда он приблизился к двери, двое его коллег вышли из нее. Они приветствовали его, проходя мимо, и он остановился, чтобы посмотреть, не направлялись ли они в кабинет Пенловски. Если они пойдут туда, ему придется убить их тоже.

Он вздохнул с облегчением, когда они остановились возле лифта. Чем больше трупов он будет оставлять за собой, тем большая вероятность того, что кто-нибудь наткнется на один из них и поднимет тревогу, которая помешает ему установить таймер и отправиться в последнее путешествие по Дороге Молнии.

Он вошел в кабинет Янушки, в котором тоже была приемная комната. За столом сидела секретарша, так же, как и Анна Каспер, приставленная секретной полицией. Она подняла глаза и улыбнулась.

– Доктор Янушка у себя? – спросил Стефан.

– Нет. Он в архиве вместе с доктором Волковым. Волков был третьим человеком, чье участие в проекте заслуживало смерти. Это казалось добрым предзнаменованием, что он и Владислав Янушка были вместе.

В архиве хранились книги, газеты, журналы и другие материалы, которые путешественники во времени приносили с собой из путешествий. В эти дни люди, которые принимали участие в проекте Дороги Молнии, проводили анализы ключевых событий, вмешательства в которые могли изменить те-

чение истории в том направлении, в котором они хотели.

Спускаясь в лифте, Стефан заменил глушитель на новый. Первый мог бы выдержать еще дюжину выстрелов, прежде чем был бы серьезно поврежден. Но он не хотел рисковать. Новый глушитель был надежнее. Он так же быстро сменил полупустой магазин.

Первый этаж был многолюдным местом, люди сновали из одной лаборатории в другую. Держа руки в карманах, он пошел прямо к архиву.

Когда Стефан вошел, Янушка и Волков склонились над дубовым столом, на котором лежал журнал, и о чем-то горячо, но тихо спорили. Они подняли головы, но тут же вернулись к спору, полагая, что он пришел по своим делам.

Стефан дважды выстрелил в спину Волкова.

Янушка был шокирован, когда Волков рухнул на стол, сраженный выстрелами из бесшумного пистолета.

Стефан выстрелил Янушке в лицо, повернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Не веря, что он сможет разговаривать с кем-нибудь из своих коллег, сохраняя самоконтроль и последовательность, он попытался изобразить задумчивость, надеясь, что это отсоветует им подходить к нему. Он подошел к лифту так быстро, как мог, поднялся на третий этаж, протянул руку за шкаф и установил таймер на пять минут, за которые он должен был успеть добраться до машины времени и оказаться далеко отсюда, прежде чем институт превратится в огненный шквал.

ГЛАВА 7

К тому времени как начался учебный год, Лаура получила разрешение на обучение Криса дома с репетитором. Ее звали Ида Паломар, и она напоминала Лауре Маджори Майн – старую актрису из фильмов Киттла. Ида была крупной женщиной, немного грубоватой, но очень доброй. Она была хорошей учительницей.

К началу осенних каникул Лаура и Крис не только не чувствовали себя заключенными, но они уже привыкли к изоляции, в которой жили. В действительности, они наслаждались той необыкновенной близостью, которая существовала между ними как результат того, что в их жизни было так мало других людей.

В день Благодарственного Молебна Тельма позвонила из Беверли Хиллс, чтобы пожелать им счастья. Лаура взяла трубку на кухне, в которой витал аромат жареной индейки. Крис сидел в гостиной и читал Шела Силверстейна.

– Кроме пожелания вам счастья, – сказала Тельма, – я позвонила, чтобы пригласить вас провести Рождество со мной и Джесоном.

– Джесоном? – спросила Лаура.

– Джесон Гэйнс, режиссер, – сказала Тельма. – Он режиссер фильма, в котором я снимаюсь. Я проведу Рождество с

ним.

– А он уже знает об этом?

– Послушай, Шан, здесь я шучу.

– Прости.

– Он говорит, что любит меня. Может, он ненормальный?

Такой приличный парень, всего на пять лет старше меня, вроде не мутант, известный кинорежиссер, который зарабатывает миллионы и который мог бы окрутить любую красотку, и вдруг хочет меня. Очевидно, он тронутый, хотя вроде не заметно. Он говорит, ему нравится, что у меня есть мозги...

– А он знает о том, что их не так уж много?

– Ты опять за свое, Шан. Он говорит, что любит мои мозги и мое чувство юмора, а мое тело вызывает у него постоянную эрекцию.

– У тебя прекрасное тело.

– Да, я тоже начинаю считать его не таким уж плохим, как я думала раньше. Оно ничего, если считать костлявость признаком красоты женщины. Но когда я смотрю на свое тело в зеркало, меня начинает смущать эта физиономия, которая венчает его.

– У тебя красивое лицо. Особенно сейчас, без обрамления из зеленых и пурпурных волос.

– Но это не твое лицо, Шан. Наверное, я сумасшедшая, что пригласила вас на Рождество. Когда Джесон увидит тебя, я отойду на задний план. Ну, так что? Вы приедете? Мы сни-

маем фильм в окрестностях Лос-Анджелеса и к 10 декабря должны закончить начальную стадию. Потом у Джесона будет масса работы с отснятым материалом, но к Рождеству мы все бросим. Мы бы очень хотели, чтобы вы приехали. Скажи, что приедешь.

– Я бы, конечно, хотела познакомиться с этим чудачком, который полюбил тебя, но я не знаю. Я чувствую... себя в безопасности здесь.

– Ты думаешь, что мы опасны?

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Ты можешь взять с собой «узи».

– А что подумает Джесон?

– Я скажу ему, что ты член левой партии и закоренелый радикал, который повсюду таскает с собой «узи», боясь, что революция грянет без предупреждения. Он купится на это. Это же Голливуд, детка. Многие актеры, с которыми он работает, помешаны на политике.

Через открытые двери Лаура видела Криса, свернувшегося в кресле с книжкой в руках.

Она вздохнула.

– Может быть, настало время, когда нам нужно ненадолго выйти в мир. Это будет тяжелое Рождество, первое для нас с Крисом без Данни. Но я чувствую себя беспокойно...

– Прошло уже десять месяцев, Лаура, – мягко сказала Тельма.

– Но я не собираюсь расслабляться.

– А тебе и не нужно этого делать. Я ведь серьезно насчет «узи». Можешь захватить весь свой арсенал, если так ты будешь чувствовать себя спокойнее. Только приезжайте.

– Хорошо... приедем.

– Фантастика! С нетерпением буду ждать, когда ты познакомишься с Джесоном.

– Кажется, этот чокнутый голливудский пожиратель женских сердец не остается без твоего внимания или я ошибаюсь?

– Я без ума от него, – призналась Тельма.

– Я рада за тебя. Тельма. Ничто не доставляло мне такого удовольствия за последние месяцы.

Все, что она сказала, было правдой. Но когда она повесила трубку, то заскучала о Данни больше, чем когда-нибудь.

ГЛАВА 8

Установив таймер, Стефан вышел из своего кабинета и спустился на первый этаж в главную лабораторию. Было двенадцать часов четырнадцать минут, до назначенного путешествия во времени оставалось почти два часа, поэтому главная лаборатория была пуста. Окна были занавешены, а основной свет погашен, как это было чуть больше часа назад, когда он вернулся из Сан-Бернардино. Цифры и шкалы на приборах светились зеленым и оранжевым светом. Погру-

женная во мрак машина времени ждала его.

До взрыва оставалось четыре минуты. Он направился напрямиком к главной программирующей панели и аккуратно набрал цифры, установив нужное местоположение и время: Южная Калифорния, окрестности Бич Би, восемь вечера 10 января 1988 года, всего через несколько часов после смерти Данни Пакарда. Он сделал все необходимые расчеты еще день назад, записав их на листок бумаги, который сейчас держал в руках, поэтому программирование заняло у него всего минуту.

Если бы он мог отправиться в полдень 10-го числа, предотвратить катастрофу и сразу пристрелить Кокошку, то мог бы спасти Данни. Тем не менее, путешественник во времени не мог вернуться в одно и то же место, если его второе путешествие следовало незадолго до предыдущего: это был естественный механизм, который предохранял путешественника от возможной встречи с самим собой. Он мог вернуться в Бич Би сразу после того, как оставил Лауру тем январским вечером, так как это не грозило столкновением со своим двойником. Но если он установит время на время своего отбытия из того вечера, он опять-таки может столкнуться с самим собой, в результате чего он просто окажется снова в институте, как будто никуда и не отправлялся. Это был один из таинственных аспектов путешествий во времени, о котором они узнали, работая над проектом, но который они не понимали,

Когда он закончил вводить программу, он сравнил данные компьютера, чтобы быть уверенным, что он попадет в то место. Потом он посмотрел на время своего прибытия, которое показывало восемь часов вечера, 10 января 1989 года вместо 1988-го. Машина времени перенесет его теперь в Бич Би не через несколько часов после смерти Данни, а через год.

Он был уверен в правильности своих расчетов; у него было достаточно времени сделать их и перепроверить за последние две недели. Очевидно, он был очень взвинчен и сделал ошибку, когда вводил программу. Он мог перепрограммировать машину.

До взрыва оставалось меньше трех минут.

Он смахнул пот со своих глаз и посмотрел на цифры на листе бумаги, конечный продукт его интенсивных расчетов. Когда он протянул палец к кнопке, которая стирала набранную команду, на первом этаже сработал сигнал тревоги. Крики доносились со стороны архива.

Кто-то обнаружил тела Янушки и Волкова.

Он снова услышал крики и бегущие шаги.

Нервозно взглянув на дверь зала, он решил, что времени на введение другой программы не осталось. Ему придется смириться с возвращением к Лауре, после того как он оставил ее, через год.

Держа кольт «Коммандор» в правой руке, он отошел от программирующей панели и направился к цилиндру из полированной стали, стоящему на медных брусках. У него да-

же не было времени переодеться в бушлат, который он оставил за приборами час назад.

Крики в коридоре стали громче.

Когда он был всего в двух шагах от цилиндра, двери в лабораторию распахнулись с такой силой, что с треском ударились о стену.

– Стой где стоишь!

Стефан узнал голос, но он не хотел верить тому, что услышал. Он поднял пистолет, повернувшись к своему противнику: человек, который ворвался в лабораторию, был Кокошка.

Невозможно. Кокошка был мертв. Кокошка последовал за ним в Бич Би 10 января 1988 года, когда Стефан и убил его на той горной дороге.

Ошарашенный, Стефан выстрелил дважды и дважды промахнулся.

Кокошка выстрелил в ответ. Одна пуля попала в левую руку Стефана, отбросив его к машине. Он остался стоять на ногах и трижды выстрелил в Кокошку, заставив этого ублюдка искать укрытия за лабораторным столом.

До взрыва оставалось меньше двух минут.

Стефан не чувствовал боли, потому что был в шоке. Но его левая рука бездействовала; она висела вдоль его тела. Темная пелена начала застилать глаза.

В комнате горело лишь несколько ламп, но неожиданно даже они погасли, оставив зал в бледном свете мерцающих цифр и шкал.

Сначала Стефан решил, что теряет сознание, но потом понял, что свет был, очевидно, снова отключен какими-то саботажниками, так как он не слышал никаких сирен, предупреждающих о воздушной атаке.

Кокошка дважды выстрелил из темноты, открыв вспышками свое укрытие, и Стефан выстрелил в этом направлении последние три патрона, хотя не было никакой надежды, что пули пробьют мраморный лабораторный стол.

Признательный запасному генератору, благодаря которому машина работала, Стефан выбросил пистолет и схватился здоровой рукой за поручни цилиндра. Он втянул себя внутрь и пополз к небольшой окружности на полу, где должен был пересечь энергетическое поле и отправиться в Бич Би в 1989 год.

Ползя на четвереньках по мрачной полости цилиндра, он вдруг понял, что таймер в его кабинете был подключен к основной сети. С отключением света он тоже отключился.

С ужасом он понял, почему Кокошка не был мертвым в Бич Би в 1988 году. Кокошка еще не отправился в это путешествие. Кокошка только сейчас узнал о предательстве Стефана, когда обнаружил тела Янушки и Волкова. Прежде чем электричество будет включено, Кокошка отыщет кабинет Стефана, найдет детонатор и обезвредит взрывчатку. Институт не будет взорван.

Стефан заколебался, подумав о возвращении.

Позади он слышал голос в лаборатории, другие люди из

службы безопасности прибежали на помощь Кокошке.

Он полз вперед.

А что же с Кокошкой? Шеф службы безопасности, очевидно, отправится в 10 января 1988 года, пытаясь убить Стефана на горной дороге. Но ему удастся убить только Дanni, прежде чем он сам будет убит. Стефан был уверен в неотвратимости смерти Кокошки, но ему нужно будет подумать больше о парадоксах путешествий во времени, чтобы понять, есть ли у Кокошки возможность избежать смерти в 1988 году. Смерти, причиной которой был Стефан.

Превратности путешествий во времени смущали даже тогда, когда о них думаешь с ясной головой. В его же состоянии, когда он был ранен и боролся за сознание, такие мысли вызывали у него только головокружение. Позже. Он побеспокоится об этом позже.

В темной лаборатории позади него кто-то начал стрелять по машине, надеясь убить его раньше, чем он доберется до круга на полу.

Он прополз последних два фута. Навстречу Лауре. Навстречу новой жизни в далеком времени. Но он надеялся навсегда закрыть мост между временем, которое он покидал, и временем, в которое он отправлялся. А вместо этого ворота во времени останутся открытыми. И они смогут пройти сквозь время, чтобы убить его... и Лауру.

ГЛАВА 9

Лаура и Крис провели Рождество с Тельмой в доме Дже-сона в Беверли Хиллс. Двадцатидвух-комнатный особняк в стиле Тудора раскинулся на шести акрах земли, чья стоимость за акр давно уже превысила разумную стоимость. Во время строительства в сороковых годах – он был построен режиссером комедийных и военных фильмов – такую роскошь еще можно было позволить, а отделка комнат теперь стоила раз в десять больше первоначальной стоимости: на потолке были сложены кессоны, сделанные из дуба и меди; лепные украшения представляли собой трудоемкие завитки; широкие окна с затемненными стеклами были так глубоко вставлены в толстые стены, что человек мог комфортабельно сидеть на подоконнике; внутренние перемычки окон и дверей были украшены ручной лепкой в виде виноградных гроздьев и роз, херувимов и стягов, бегущих оленей и птиц с ленточками в клювах; внешние перемычки были устланы из разноцветного гранита. Вокруг особняка раскинулся большой парк с извилистыми каменными дорожками, петляющими между пальмами, фикусами, азалиями с яркими красными цветами, папоротниками и другими цветами, названия которых Лаура даже не знала.

Когда Лаура и Крис приехали в субботу, за день до Рождества, Тельма долго водила их по дорогам сада и по дому, по-

сле чего они пили горячий кокосовый сок и ели моллюсков, приготовленных поварами сервированных служанкой на заливной солнцем веранде, которая выходила к плавательному бассейну.

– Это похоже на сумасшедшую жизнь, Шан? Ты можешь поверить, что девчонка, которая провела десять лет в таких домах, как Маклярой и Касвелл, окончит свои дни здесь, живя как принцесса?

Дом был таким внушительным, что мог заставить владельца чувствовать себя большим человеком, его элегантность и импозантность производили впечатление. Но когда Джексон Гэйнс вернулся домой в четыре часа, он оказался очень скромным человеком, что было удивительно для человека, который семнадцать лет работал в шоу-бизнесе. Ему было тридцать восемь лет, он был на пять лет старше Тельмы и напоминал Роберта Вагна в молодости. Уже через полчаса после его появления они с Крисом заперлись в одной из игровых комнат усадьбы, где играли с электрическим поездом, который носился по игрушечным деревьям, холмам, туннелям и мостам.

Этой ночью, когда Крис спал в смежной комнате с Лаурой, Тельма навестила ее. В своих пижамах они сидели скрестив ноги на кровати, как будто снова были девочками, хотя ели фисташки и пили шампанское, вместо булочек и молока.

– Самое интересное, Шан, что я чувствую себя здесь как дома. Я ничуть не чувствую себя как не в своей тарелке.

Да, она не выглядела «как не в своей тарелке». Хотя это была Тельма Акерсон, она очень изменилась за несколько последних месяцев. На ее голове была модная прическа; она держалась как настоящая леди, а не как комик, пытающийся рассмешить аудиторию своими жестами и позами. На ней была менее вычурная и сексуальная пижама из однотонного розового шелка. Но ни ней были все те же кроличьи шлепанцы.

– Кроличьи шлепанцы, – сказала она, – напоминают мне о том, кто я такая. Ты никогда не задерешь голову, если носишь кроличьи шлепанцы. Ты не потеряешь чувства реальности и не станешь корчить из себя звезду или богатую даму, если на тебе кроличьи шлепанцы. Кроме того, кроличьи шлепанцы придают мне уверенность, потому что они такие смешные. Они словно говорят: «Ничто в мире не заведет меня так далеко, что я перестану быть глупой и легкомысленной». Если я умру и попаду в ад, то я смогу перенести мучения, если на мне будут кроличьи шлепанцы.

Рождество было похоже на прекрасный сон. Джесон оказался сентиментальным человеком с ребяческими замашками. Он настоял, чтобы они собрались под рождественской елкой в пижамах и халатах, чтобы вскрывали подарки, завернутые в огромное количество бумаги и ленточек, чтобы пели рождественский гимн, чтобы ели только пироги, конфеты, фрукты и сладости. Он показал себя гостеприимным хозяином, который не только ради приличия поиграл с Кри-

сом в железную дорогу. На протяжении всего праздника он играл с мальчиком в разные игры то дома, то в саду. Было ясно, что он по-настоящему любит детей. К обеду Лаура поняла, что Крис смеялся за этот день больше, чем он смеялся за последние одиннадцать месяцев.

Когда она укладывала мальчика в постель, он сказал:

– Какой был чудесный день, да, мама?

– Один из самых чудесных, – согласилась она.

– Все, что я хочу, – сказал он, готовясь ко сну, – это, чтобы папа мог поиграть с нами.

– Я хочу того же, дорогой.

– Но он как будто был здесь, потому что я все время думал о ней. Я всегда буду помнить его, мама. Я ведь не смогу его забыть через много-много лет?

– Я помогу тебе не забыть его, малыш.

– Потому что иногда я не все уже помню о нем. Мне приходится долго думать, чтобы вспомнить. Но я не хочу забывать, потому что он был моим папой.

Когда он заснул, Лаура направилась в смежную спальню. Она с облегчением вздохнула, когда через несколько минут появилась Тельма, потому что без нее она бы ворочалась в постели несколько часов.

– Если у меня будут дети, Шан, – сказала Тельма, забираясь на кровать Лауры, – ты думаешь, у них будет шанс жить в обществе или их поместят в колонию для прокаженных?

– Не говори глупости.

– Конечно, я смогу сделать им пластические операции. Я имею в виду, что смогу сделать их хоть чуточку похожими на людей.

– Иногда твои шутки в свой адрес злят меня.

– Прости. Для рождения ребенка нужны отец и мать, а я все еще рассуждаю как сирота.– Она замолчала на минутку, потом рассмеялась и сказала: – Эй, ты знаешь? Джесон хочет жениться на мне. Сначала я думала, что им овладел демон и он не ведает, что говорит, но он заверил меня, что ему не нужны врачи, хотя, очевидно, у него все-таки был удар. Так что ты думаешь?

– Что я думаю? Разве это имеет значение? Но если ты хочешь знать, он чудесный парень. Ты ведь собираешься повиснуть на нем?

– Боюсь, что он слишком хорош для меня.

– Ты достойна его. Выходи за него замуж.

– Боюсь, ничего не выйдет, и я буду опустошена.

– А если ты не попытаешься, – сказала Лаура, – ты будешь не просто опустошена – ты будешь одинока.

ГЛАВА 10

Стефан почувствовал знакомый неприятный звон в ушах, который сопровождал путешествие во времени – характерную вибрацию, которая проникала сквозь кожу в плоть

и дальше сквозь кости, потом медленно обратно из костей в плоть, а из плоти в кожу. С громким хлопком он исчез из цилиндра и в то же время оказался на заснеженном склоне горы в Калифорнии, в ночи 10 января 1989 года.

Он споткнулся, упал на раненый бок и скатился по склону ко дну ущелья, где ткнулся в ствол поваленного дерева. Боль пронзила его тело, впервые с того момента, как он был ранен. Он вскрикнул и откинулся на спину, прикусив язык, чтобы не закричать вновь, и глядя на волнующую ночь.

Еще один раскат грома разверз небо вспышкой молнии. При ярком свете, отраженном безупречно белым снегом, Стефан увидел, что он лежит на опушке леса. Лишенные листьев черные деревья протягивали свои голые ветви к сверкающему небу, как будто они были фанатичными идолопоклонниками, взывающими к Богу. Вечнозеленые сосны с шапками снега стояли, как молчаливые сторонники другой религии.

Появляясь в другом времени, путешественник вызывал разрушение природных сил, что было следствием излучения чудовищной энергии. Дисбаланс в природе вызывал шторм, который сопровождался молниями, вследствие чего проект и был позднее назван Дорогой Молнии. По непонятным причинам возвращение путешественника в свое время не сопровождалось этой великолепной иллюминацией.

Молнии утихали, как это было всегда, постепенно превращаясь в отдаленные и слабые вспышки света. Через минуту

ночь вновь стала черной и спокойной.

Когда раскаты грома утихли, его боль усилилась. Казалось, что вся энергия небес перешла в его грудь, левое плечо и левую руку, наполнив тело такой мощью, которую оно не могло вынести.

Он встал на колени и медленно поднялся на ноги, сомневаясь, что ему удастся выбраться из леса живым. Ночь была темной и промозглой, несмотря на отсутствие ветра, было очень холодно, и он был в одном лабораторном халате, накинута поверх рубашки и брюк.

Хуже того, он был в нескольких милях от дороги или какого-нибудь селения, по которым мог определить свое местопребывание. Если машину времени можно было сравнить с пушкой, то ее точность была великолепной, но далекой от совершенства. Путешественник обычно появлялся в другом времени плюс-минус десять-пятнадцать минут от назначенного времени и не в совсем точной местности. Иногда он попадал в нужное место с точностью до сотен ярдов, но чаще всего за десять-пятнадцать миль, как это было 10 января 1988 года, когда он появился, чтобы спасти Лауру, Криса и Данни от грузовика Робертсонов.

Во время предыдущих путешествий он всегда брал с собой карту местности и компас, на такой случай, как этот. Но, оставив бушлат в лаборатории, он лишился и карты и компаса, а затянутое облаками небо лишало возможности сориентироваться по звездам.

Он стоял по колено в снегу в ботинках, зная, что нужно немедленно идти, иначе ноги примерзнут к земле. Он посмотрел вокруг, надеясь на интуицию, но в конце концов выбрал направление наугад и направился влево, отыскивая след оленя или другую тропинку, которая помогла бы ему выйти через лес. Весь левый бок от шеи до пояса пронзала острая боль. Он надеялся, что пуля не задела артерии и что небольшая потеря крови позволит ему добраться до Лауры и увидеть ее лицо раньше, чем он умрет.

Первая годовщина смерти Данни выпала на вторник, и хотя Крис не придавал значения этой печальной дате, он был взволнован. Мальчик был необычно тихим. Он провел большую часть этого мрачного дня молча, играя на компьютере в своей комнате в игру, имитирующую выстрелы ядерного оружия, лязг мечей и рев космических кораблей. Потом он перебрался на кровать и принялся за чтение комиксов. Он отвергал все усилия Лауры вывести его из этой замкнутости, которая, возможно, была к лучшему; каждая ее попытка развеселить его заканчивалась провалом, и он лишь дальше погружался в депрессию, вызванную их невозполнимой потерей.

Тельма, которая звонила всего несколько дней назад, чтобы сообщить о своем решении выйти замуж за Джесона Гэйнса, позвонила снова вечером, чтобы сказать, что она помнила эту дату.

Лаура подняла трубку в кабинете, где она все еще боролась с той книжкой, которую писала уже год.

– Эй, Шан, ты представляешь? Я встретила Пола Маккартни! Он приехал в Лос-Анджелес, чтобы обсудить контракт, и мы были на одной вечеринке в пятницу. Когда я увидела его, он сказал: «Привет», он был ужасно милый. Он сказал, что видел мои фильмы, и что я понравилась ему, мы разговаривали – ты веришь мне? – мы проболтали почти двадцать минут, и случилось невероятное.

– Ты обнаружила, что случайно раздела его во время разговора?

– Он по-прежнему очень хорошо выглядит, ты знаешь, то же лицо херувима, которым мы любовались двадцать лет назад, но теперь оно отмечено опытом, его печальные глаза все еще удивительные и очаровательные. Сначала мне, наверное, действительно хотелось сорвать с его одежду и предаться мечте. Но чем дольше мы разговаривали, тем меньше он казался мне Богом и тем больше становился похожим на обыкновенного человека. Шан, миф растворился, а он был всего лишь милым, привлекательным человеком. Что ты скажешь об этом?

– А что я должна сказать?

– Я не знаю, – сказала Тельма. – Я немного расстроена. Разве может живая легенда разочаровать тебя после двадцати минут общения? Я встречала многих звезд, которые не были похожи на божество, но ведь это был сам Пол Маккарт-

ни.

– Ну что же, если ты хочешь знать мое мнение, то в этом нет ничего страшного, напротив, это лишь положительно говорит о тебе. Это говорит о твоей зрелости, Акерсон.

– Ты хочешь сказать, что мне пора бросать смотреть каждое субботнее утро телесериал про «Трех подпевал»?

– Это смотреть ты можешь, но мультфильмы про овощи тебе уже поздновато смотреть.

Когда Тельма повесила трубку, Лаура стала чувствовать себя немного лучше, поэтому решила переключиться с грустного романа на детскую книжку про сэра Томми Тода. Она написала всего два предложения для детской книжки, когда ночь за окном прорезалась вспышкой молнии, похожей на ядерный взрыв. Последующий раскат грома сотряс дом от фундамента до крыши, как будто строительный снаряд ударил в одну из стен. Она удивленно вскочила на ноги. Вторая молния рассекла небо, сделав окна похожими на светящиеся экраны телевизоров, второй раскат грома был громче первого.

– Мама!

Она обернулась и увидела Крису, стоящего в дверях.

– Все в порядке, – сказала она. Он подбежал к ней. Лаура села на стул с высокой спинкой и посадила сына на колени.– Все в порядке. Не бойся, малыш.

– Но там нет дождя, – сказал он.– Как может быть гроза без дождя?

Снаружи невероятные вспышки молний и оглушительные раскаты грома продолжались еще ми-нуту потом затихли. Шторм был таким мощным, что Лаура не удивилась, если бы увидела на утро огромные осколки неба, лежащие на земле.

После пяти минут ходьбы от опушки леса Стефану пришлось остановиться и прислониться к толстому стволу сосны, ветви которой свисали над его головой. Ноющая рана заставила его вспотеть, хотя он стоял посреди холодного январского воздуха, боясь сесть и провалиться в бесконечный сон. Ветви огромной сосны, скрывающие его, казались ему полами черного наряда Смерти, из-под которого ему уже никогда не выбраться.

Прежде чем положить Крису в постель, Лаура сделала ему мороженое с кокосовым молоком и сиропом «Херши». Они ели на кухне, и депрессия малыша, казалось, с каждой минутой уменьшается. Может быть, чтобы положить конец этой печальной годовщине, необычное природное явление отвлекло малыша от мыслей о смерти своего отца, заставив его задуматься об удивительных явлениях в природе. Он говорил о молнии, что угодила в лабораторию доктора Франкенштейна в старом фильме Джеймса Уэйла, который он впервые увидел неделю назад, и о молнии, которую так боялся Дональд Дак из мультфильмов Дисней.

К тому времени когда она уложила его и поцеловала на

ночь, на его лице была улыбка, скорее полуулыбка, но она была все же лучше хмурого настроения, которое было у него целый день. Лаура сидела возле него, пока ребенок не уснул, хотя он больше не боялся и не просил ее остаться с ним. Она осталась просто потому, что ей вдруг захотелось посмотреть на него.

Лаура вернулась в свой кабинет в двадцать один час пятнадцать минут, но, прежде чем сесть за стол, остановилась у окна и посмотрела на покрытый снегом газон, на черную полосу дороги, ведущей в горы, и на беззвездное ночное небо. Эти молнии почему-то взволновали ее; не потому, что это было странно, а потому, что в этой чудовищной и сверхестественной мощности было что-то... знакомое. Ей казалось, что она уже была свидетельницей такого шторма, но не могла вспомнить, когда. Это было страшное чувство, и оно не проходило.

Она пошла в свою спальню и проверила контрольную панель, чтобы убедиться, что сигнализационная система на окна и двери была включена. Из-под кровати она достала «узи», в спаренном магазине которого было четыреста маленьких, легких и смертоносных пуль. Она взяла автомат с собой и положила его на пол рядом со своим стулом.

Только она хотела сесть, как молния вновь прорезала ночь, напугала ее, последующий раскат грома отдался эхом в ее теле. Небо опять задрожало от чудовищных раскатов грома и молниеносных вспышек. Когда новое необыкновен-

ное природное явление потревожило ночь, Лаура поспешила в комнату Криса, чтобы успокоить его. К ее удивлению, несмотря на то, что гроза была мощнее первой, мальчик не проснулся, может быть, потому, что видел сон, в котором гроза играла свою роль.

Дождя по-прежнему не было.

Шторм вскоре утих, но ее тревога стала сильнее.

Он увидел страшные очертания в темноте, какие-то существа промелькнули между деревьями и посмотрели на него глазами, которые были чернее их тел, но хотя они ошеломили его и напугали, он знал, что они не настоящие и это лишь плод его поврежденного болью рассудка. Он продолжал брести вперед, несмотря на внешний холод, внутренний жар, острые иглы сосен и ледяную землю, которая словно ускользала из-под его ног. Боль в груди, плече и руке была такой сильной, что ему казалось, что острые зубы крыс разрывают его изнутри, хотя он не мог понять, как они туда попали.

Проплутав около часа – этот час показался ему многими часами, даже днями, хотя солнце еще ни разу не появлялось, – он вышел на окраину леса, за которой находился занесенный снегом двор, посреди которого стоял дом. Сквозь зашторенные окна проливался свет.

Он стоял, не веря своим глазам, так как дом сначала показался ему не более реальным, чем те существа в лесу. Он по-

брел к этому миру, который оказался вовсе не сном. Когда он сделал несколько шагов, вспышка молнии осветила небо. За ней тут же последовал раскат грома, который с каждым разом становился все мощнее.

Тень Стефана то появлялась на снегу, то исчезала, пока он стоял, парализованный страхом. Иногда это были даже две тени, когда молнии освещали его сразу с двух направлений. Значит, натренированные охотники уже пустились за ним по Дороге Молнии, надеясь остановить его раньше, чем он сможет предупредить Лауру.

Он оглянулся на деревья, из которых вышел. При вспышках молний сосны, казалось, то приближаются к нему, то отступают. Охотников он не видел.

Когда гроза стихла, он, шатаясь, побрел к дому. Он дважды падал, поднимался, снова шел, боясь упасть так, чтобы потом не встать или хотя бы закричать достаточно громко, чтобы его услышали.

Глядя на рукопись о сэре Томми Тоде, Лаура неожиданно вспомнила, когда она раньше слышала и видела такой чудовищный шторм: в тот день, когда отец ей впервые рассказал о сэре Томми Тоде, в тот день, когда грабитель зашел в лавку, в тот день, когда она впервые увидела своего спасителя, в то лето, когда ей исполнилось восемь лет.

Она выпрямилась на стуле.

Ее сердце забило тяжело и быстро.

Эта молния сверхестественной мощности значила опасность для нее. Она не помнила молнии в тот день, когда погиб Данни или когда ее спаситель появился на кладбище во время похорон ее отца. Но с абсолютной уверенностью, которой она не могла объяснить, она знала, что это явление имело ужасное значение для нее; это было недоброе предзнаменование.

Она схватила «узи», проверила все окна и посмотрела на Крису, убедившись, что все было так, как должно было быть. Потом она спустилась на первый этаж.

Когда Лаура вошла в кухню, что-то стукнуло по задней двери. С возгласами удивления и страха она развернулась в этом направлении и почти открыла огонь.

Но это было не похоже на то, что кто-то ломал дверь. Несильный стук повторился вновь. Ей показалось, что чей-то слабый голос звал ее по имени.

Тишина.

Лаура подкралась к двери и прислушалась.

Ничего.

Дверь представляла из себя две толстые панели из дуба, между которыми еще находился толстый стальной лист, поэтому она не боялась быть застреленной сквозь дверь. И все-таки Лаура не решалась подойти ближе и заглянуть в глазок, потому что она боялась увидеть с другой стороны глаз, смотревший на нее. Когда Лаура наконец набралась мужества и посмотрела на задний двор через глазок, то увидела распро-

стертого на земле мужчину, который, очевидно, упал на спину, после того как постучал в дверь.

Ловушка, подумала Лаура, западня.

Она включила наружный свет и подошла к окну над рабочим столом. Осторожно она приподняла одну пластину жалюзей. Человек, лежащий на земле, был ее спасителем. Его ботинки и брюки были все в снегу. На нем было что-то вроде белого лабораторного халата, на котором расплзлось пятно крови.

Насколько она видела, никого больше не было ни возле крыльца, ни во дворе, но Лаура не исключала возможности, что кто-то специально подкинул его тело, чтобы выманить ее из дома. Открывать дверь ночью, при таких обстоятельствах, было глупо.

Тем не менее, Лаура не могла оставить его там. Только не ее спасителя. Тем более, если он был ранен и умирал.

Лаура отключила сигнализацию, отперла засовы и неохотно шагнула в зимнюю ночь с «узи» наготове. Никто в нее не выстрелил. На мрачном заснеженном дворе, на всем протяжении до леса никого не было видно.

Подойдя к спасителю, Лаура опустила на колено возле него и прощупала пульс. Он был жив. Она открыла одно его веко и поняла, что ее спаситель находится без сознания. Рана в левой груди выглядела серьезной, хотя и не кровоточила.

Ее тренировки с Генри Такахами и регулярные упражнения сделали ее намного сильнее, но недостаточно, что-

бы поднять раненого мужчину одной рукой. Она положила «узи» на порог и обнаружила, что не может поднять спасителя даже двумя руками. Опасно было тащить человека с такой раной волоком, но еще опаснее было оставлять его среди ночи, особенно если его кто-то преследовал. Лаура втащила его в кухню, где оставила лежать на полу. С облегчением она подняла «узи», заперла дверь и включила сигнализацию.

Он был очень бледный и холодный, поэтому необходимо было сначала стянуть ботинки и носки, промокшие насквозь. Когда Лаура сняла правый ботинок и принялась за левый, он пробормотал что-то на непонятном языке, а потом на английском что-то о взрывчатке, машине времени и «миражах в лесу».

Хотя Лаура знала, что он вряд ли поймет ее, но мягко и тихо заговорила:

– Спокойнее, расслабься, с тобой все будет в порядке; как только я сниму с тебя замерзшую одежду, я вызову врача.

При упоминании о докторе спаситель пришел в себя. Он слабо взял ее за руку и посмотрел тревожным испуганным взглядом.

– Не надо врача. Я уйду... я сейчас уйду...

– Ты не в состоянии куда-либо идти, – сказала она ему.–

Если только на «скорой» в больницу.

– Уходи отсюда. Быстро. Они придут... скоро придут...

Лаура посмотрела на «узи».

– Кто придет?

– Убийцы, – сказал он взволнованно.– Из-за мести они убьют меня. Убьют тебя и Криса. Они идут.

Сейчас он не бредил. Его бледное лицо исказилось от ужаса.

Все ее тренировки с оружием и в военных искусствах оказались теперь не напрасными.

– О'кэй, – сказала она, – мы уйдем, как только я осмотрю твою рану.

– Нет! Сейчас. Уходите сейчас.

– Но...

– Сейчас, – настаивал он. Его взгляд выражал такой ужас, что Лаура почти поверила, что убийцы, о которых он говорил, были не простыми людьми, а какими-то сверхъестественными существами, безжалостными демонами.

– О'кэй, – сказала она.– Мы уходим сейчас же.

Его рука отпустила ее руку, а взгляд затуманился, и он снова начал бормотать что-то непонятное.

Когда Лаура бросилась к лестнице, намереваясь разбудить Криса, она услышала, как ее спаситель сказал что-то о «большой черной машине смерти», значение его слов она не поняла, но тем не менее они ее напугали.

Книга вторая

ПОГОНЯ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

АРМИЯ ТЕНЕЙ

ГЛАВА 1

Лаура включила свет и разбудила Криса.

– Одевайся, дорогой, быстрее.

– Что случилось? – спросил он сонно, потирая глаза маленькими кулачками.

– Плохие люди идут сюда, и мы должны уйти раньше, чем они придут. Поторопись.

Крис провел этот год не только в тоске по своему отцу, но и в подготовке к тому моменту, когда относительно мирные события повседневной жизни будут потревожены хаосом, который лежал в сердце самого человеческого существования, хаосом, который время от времени взрывался, как действующий вулкан, как это было в ночь гибели его отца. Крис видел, как его мать становилась первоклассным стрелком, как она собирала арсенал, кроме того, он обучался

с ней самообороне, и, несмотря на его внешность и размеры ребенка, он выглядел старше своих лет, может быть, из-за необъяснимой меланхолии, которая началась со дня смерти отца. И сейчас, в момент опасности, он реагировал как восьмилетний ребенок; он не задавал лишних вопросов; он не спорил и не медлил. Он отбросил одеяло, вскочил с постели и заторопился к шкафу.

– Я буду в кухне, – сказала Лаура.

– О'кэй, мама.

Она гордилась его разумной реакцией и знала, что он не задержит их, но в то же время она была опечалена тем, что в свои восемь лет он слишком много понимал о жестокости жизни и относился к опасности с хладнокровностью взрослого.

На ней были джинсы и голубая фланелевая рубашка. Когда она вошла в свою спальню, ей только оставалось натянуть шерстяной свитер, скинуть домашние туфли «Рокпорт» и надеть пару прорезиненных сапог с отвернутым голенищем.

Лаура избавилась от одежды Данни, поэтому у нее не было пальто для раненого мужчины. Однако у нее было полно одеял, и она вытащила из шкафа два из них.

Задумавшись на секунду, Лаура вернулась в свой кабинет, открыла сейф и достала странный черный пояс с медной коробочкой, который дал ей спаситель год назад. Она сунула его в свою сумочку.

На первом этаже она остановилась около шкафа в прихожей, из которого достала голубую лыжную куртку и «узи», который висел на задней стороне дверцы. Двигаясь по дому, она прислушивалась к звукам – голосам в ночи или шуму автомобильного двигателя, – но все было тихо.

В кухне Лаура положила «узи» рядом с другим автоматом и встала на колени возле спасителя, который снова был без сознания. Она расстегнула его мокрый лабораторный халат, потом рубашку и осмотрела огнестрельную рану на груди. Она была выше сердца, что было хорошим признаком, но он потерял много крови; вся его одежда пропиталась ею.

– Мама? – Крис стоял в дверях, одетый в зимнюю одежду.

– Возьми один из этих «узи», забери третий, который висит на двери в кладовую, и положи их в «джип».

– Это он? – спросил Крис, расширив от удивления глаза.

– Да, он. Он тяжело ранен. Кроме «узи», возьми еще два револьвера – один вон в том ящике, другой в столовой. И будь осторожен.

– Не беспокойся, мама, – сказал он, отправившись по поручению.

Как можно аккуратнее Лаура перевернула спасителя на правый бок – он застонал, но не очнулся, – чтобы посмотреть выходное отверстие на спине. Да. Пуля прошла насквозь и вышла под лопаткой. Его спина тоже была вся в крови, но раны больше не кровоточили; при серьезном кровотечении она не смогла бы ему помочь.

Под одеждой он носил пояс. Она расстегнула его. Пояс не поместился в главном отделении, поэтому она сунула его в боковое отделение сумочки, вытащив оттуда обычные туалетные принадлежности, которые она все время носила с собой.

Лаура снова застегнула его рубашку, но заколебалась насчет мокрого халата. Она решила, что его будет нелегко стянуть с рук. Осторожно перекатывая его с бока на бок, она завернула его в шерстяное одеяло.

Пока Лаура возилась с раненым, Крис дважды сбегал к «джипу» с оружием, пользуясь внутренней дверью, которая соединяла комнату для стирки белья с гаражом. Потом он вернулся с плоскими санками в два фута шириной и четыре фута длиной – что-то вроде плоской деревянной платформы на роликах, – которые случайно были оставлены мебельными грузчиками почти полтора года назад. Катясь на них, как на скейтборде к кладовой, он сказал:

– Нам нужно взять коробку с патронами, но она слишком тяжелая. Я поставлю ее вот на это.

Обрадованная его инициативностью и сообразительностью, Лаура сказала:

– У нас двенадцать патронов в двух револьверах и тысяча двести патронов в трех «узи», поэтому нам вряд ли понадобятся еще. Вези тележку сюда. Быстрее. Я как раз думала о том, как перевезти его к машине, не потревожив сильно. Это то, что надо.

Они двигались очень быстро, как будто были всегда готовы к неожиданной опасности, хотя все же Лауре казалось, что они слишком много разговаривали. Ее руки дрожали, а в животе появилась неприятная пустота. Она каждую минуту ждала стука в дверь.

Крис держал тележку, пока Лаура втаскивала на нее раненого. Положив на тележку его голову, плечи, спину и ягодицы, она взяла его за ноги и стала толкать тележку вперед. Крис держал спасителя за правое плечо, чтобы тот не соскользнул с тележки. По пути у них возникла маленькая неприятность с преодолением порога из прачечной, но все же им удалось перевезти его в гараж размером на три автомобиля.

Слева стоял «мерседес», справа – «джип», место посередине пустовало. Они подвезли спасителя к «джипу».

Крис открыл заднюю дверцу. Он уже постелил в машине маленький гимнастический мат, который мог послужить прекрасным матрацем. – Ты чудесный ребенок, – сказала она ему. Вместе они перегрузили раненого с тележки в заднюю часть «джипа».

– Принеси еще одно одеяло и его ботинки с кухни, – сказала она Крису.

Когда мальчик вернулся, Лаура уже уложила спасителя как следует на гимнастическом мате. Они завернули его обмороженные ноги одеялом и положили ботинки рядом с ним.

Закрыв заднюю дверцу машины, она сказала:

– Крис, садись на переднее сиденье и пристегнись.

Она быстро вернулась в дом. Ее сумочка, в которой находились все кредитные карточки, лежала на столе; она повесила ее через плечо, взяла «узи» и направилась обратно к гаражу, но прежде чем она сделала три шага, в заднюю дверь последовал чудовищный удар.

Она развернулась, держа наготове автомат.

Что-то снова ударило в дверь, но крепкую дверь и надежные засовы было не так легко взломать.

Потом начался ночной кошмар.

Раздалась автоматная очередь, и Лаура бросилась за холодильник, который прикрыл ее. Они пытались сбить замки, но стальной лист невозможно было прострелить. Тем не менее дверь задрожала, и пули пробили неукрепленную дверную коробку.

Вторая автоматная очередь разнесла вдребезги окна гостиной и кухни. Металлические жалюзи задрожали от роя пуль. Некоторые пластинки жалюзей согнулись, и несколько пуль влетело в дом. Пули расщепляли двери в кабинет, откалывали куски штукатурки и рикошетили от медного вытяжного шкафа, который гудел под их ударами. Свисавшие с потолка медные котлы приняли на себя большинство пуль, они издавали различные звуки, которые напоминали гул колоколов. Одна из ламп разлетелась вдребезги. Жалюзи на одном из окон наконец были сорваны, и полдюжины пуль воткну-

лись в холодильник всего в нескольких дюймах от нее.

Ее сердце бешено колотилось, приток адреналина почти до боли обострил чувства. Лаура хотела бежать в гараж и выехать, пока они не поняли, что она готова к побегу, но основной инстинкт воина подсказывал ей остаться. Она сжалась за холодильником вне досягаемости выстрелов, надеясь, что в нее не попадет рикошетом.

«Кто эти люди, черт возьми?» – зло удивлялась она.

Стрельба прекратилась, и ее инстинкт был правильным: вслед за обстрелом появились сами стреляющие. Они начали штурмовать дом. Первый показался в разбитом окне над кухонным столом. Она вышла из-за холодильника и открыла огонь, отшвырнув его обратно на улицу. Второй человек, одетый во все черное, как и первый, прорвался сквозь изрешеченную пулями дверь гостиной. Она увидела его секундой раньше, чем он ее. Она развернула «узи», разбивая вдребезги кофеварку, откалывая куски штукатурки от кухонных стен и изрешечивая незнакомца пулями. Она тренировалась с «узи», но не так часто, и была удивлена простотой обращения с ним.

Она была удивлена так же той неохотой, с которой убивала их, хотя они пытались убить и ее и ее сына; тошнота волной подкатывала к горлу, но она пыталась проглотить этот ком. Третий человек появился в гостиной, и она была готова убить его тоже, как и еще сотни ему подобных, несмотря на свою тошноту, но он отпрянул назад от линии огня, увидев

сраженного пулями напарника.

Теперь к «джипу».

Лаура не знала, сколько убийц было на улице, может быть, только трое, двое из которых были уже мертвы, может быть, четверо, или десять, или сто, но сколько бы их не было, они не ожидали такой прочности дома и тем более такого огневого отпора от женщины и маленького мальчика, так как наверняка знали, что ее спаситель был ранен и не вооружен. Теперь они были ошеломлены и искали укрытия, чтобы продумать свои следующие действия. Это, может быть, был ее первый и последний шанс прорваться к «джипу». Она бросилась через прачечную к гаражу.

Лаура видела, что Крис запустил двигатель, услышав стрельбу; голубые клубы дыма вырывались из выхлопных труб. Когда она подбежала к «джипу», ворота гаража начали подниматься вверх; Крис, очевидно, использовал дистанционное управление, заметив ее.

Когда она сели за руль, ворота гаража открылись на треть. Она включила скорость.

– Пригнись!

Когда Крис повиновался, скользнув вниз сиденья, Лаура отпустила педаль сцепления. Она выжала газ до упора, и «джип» с ревом вылетел в ночь в дюйме от все еще поднимающихся ворот, сорвав радиоантенну.

На колесах «джипа» не было цепей, но стояла мощная зимняя резина с шипами. Шипы врезались в снег и землю,

выбрасывая из-под себя куски камней и льда.

Слева она заметила темную фигуру, человек в черном бежал по газону в сорока-пятидесяти футах от машины, его черты были такими неопределенными, что он казался просто тенью, хотя сквозь рев двигателя она слышала шум его стреляющего автомата. Пули врезались в обшивку «джипа» и разнесли вдребезги заднее стекло, но лобовое окно не было задето, и Лаура прибавила скорости, будучи теперь в нескольких секундах от безопасности. Она молилась, чтобы ни одно из колес не было пробито, и слышала, как пули продолжали стучать по металлу или, может быть, это стучали камни и лед, вылетающие из-под колес «джипа».

Когда она выехала на дорогу, то удостоверилась, что была вне досягаемости выстрелов. Резко затормозив, чтобы повернуть налево, она посмотрела в зеркало заднего вида и увидела в открытом гараже пару горящих фар. Убийцы пришли к дому без автомобиля – только Бог знает, как они появились, может быть, с помощью этих странных поясов. Теперь они решили воспользоваться ее «мерседесом» для погони.

Сначала она намеревалась свернуть на главную дорогу мимо Бегущих Ручьев и мимо поворота на озеро Арроухед в Сан-Бернардино, где было много людей, и где люди, одетые в черное и с автоматами, не могли преследовать ее так нагло и где она могла найти необходимую медицинскую помощь своему спасителю. Но когда она увидела эти фары, то реши-

ла свернуть направо, к озеру Бич Би.

Если бы они свернули налево, им бы пришлось проехать по тому склону, где год назад погиб Дании; и Лаура интуитивно чувствовала – каким-то шестым чувством, – что самым опасным местом в мире для них в этот момент был этот крутой склон. Она и Крис могли погибнуть дважды на этом холме: первый раз, когда грузовик Робертсонов вышел из-под контроля; второй, когда Кокошка открыл по ним огонь. Она верила в предзнаменование, и хотя у них не было причины ожидать смерти на склоне по дороге к Бегущим Ручьям, в душе она знала, что смерть ждет их там.

Когда они свернули на дорогу к Бич Би, по обеим сторонам в небо устремились высокие сосны. Крис сел и посмотрел назад.

– Они едут за нами, – сказала ему Лаура, – но мы опережим их.

– Это те люди убили папу?

– Да, думаю, эти. Но мы не знали ничего о них и не были готовы.

«Мерседес» тоже выехал на дорогу, но чаще всего не был виден из-за постоянных подъемов, спусков и поворотов. Машина с преследователями была примерно в двухстах ярдах позади, но у «мерседеса» был более мощный мотор, чем у «джипа».

– Кто они? – спросил Крис.

– Я не знаю, дорогой. И я не знаю, почему они хотят вре-

дить нам. Но я знаю, какие они. Это головорезы, каких я видела еще давно в Касвелл-Холле, и с этими подонками нужно бороться их же оружием.

– Ты была великолепна, мама.

– Ты сам был хорош, малыш. Ты поступил очень умно, когда завел «джип», слышав стрельбу, и когда открыл ворота гаража. Это спасло нас.

«Мерседес» сократил дистанцию до ста ярдов. Это была марка 420 SEL, которая для горной дороги была лучше «джи́па».

– Они быстро приближаются, мама.

– Я знаю.

– Очень быстро.

Недалеко от озера Лаура нагнала грузовик «додж» с одним разбитым габаритным сигналом и с помятым бампером, на котором было написано – «Торможу при виде блондинок». Он тащился сочень маленькой скоростью – тридцать миль в час. Если бы Лаура заколебалась, «мерседес» мог бы сократить разрыв; если они подъедут очень близко, то смогут открыть огонь. Они ехали по участку, где были запрещены обгоны, но она достаточно далеко видела пустую дорогу, чтобы пойти на рискованный маневр; она поравнялась с грузовиком, нажала до упора газ, обогнала грузовик и тут же свернула вправо. Впереди показался «бьюик», который ехал со скоростью сорок миль в час. Лаура обогнала и его, въехав на участок дороги, где «мерседесу» будет слишком трудно

обойти старый грузовик.

– Они отстали! – сказал Крис.

Лаура прибавила скорость до пятидесяти пяти миль в час, что было многовато для некоторых поворотов, но достаточно, чтобы увеличить разрыв. Но вскоре дорога раздвоилась, и оба грузовика свернули к городу, оставив дорогу позади «джипа» пустой; «мерседес» тут же начал снова сокращать разрыв.

Теперь всюду появлялись дома, они стояли и слева и справа от дороги. Некоторые из них были темные, возможно, это были те дома, которые использовали только во время зимних уик-эндов и летом, но в других домах был виден свет.

Лаура могла подъехать к любому из этих домов, где их с Крисом наверняка бы приняли. Люди открыли бы двери без колебаний. Это был не город; в маленьких горных поселениях люди не относились с подозрением к неожиданным ночным гостям.

«Мерседес» снова приблизился на сто ярдов и постоянно моргал дальним светом, как будто говоря: эй, вот и мы, Лаура, мы достанем тебя, потому что никому и никогда не уйти от нас.

Если бы она попыталась найти убежище в одном из домов, убийцы могли бы убить не только ее и Криса, но и невинных людей, которые приютят их. Подонки могли бы заколебаться в центре Сан-Бернардино или Риверсайда, где им бы пришлось столкнуться с полицией, но их вряд ли могли испу-

гать жители маленького городка, даже если бы их оказалось слишком много, бандиты могли бы нажать желтые кнопки на своих поясах и исчезнуть, как исчез ее спаситель год назад. Она не знала, куда они исчезнут, но подозревала, что полиция их не сможет там достать. Она не могла рисковать невинными людьми и поэтому мчалась мимо домов, не замечая скорости.

«Мерседес» был уже в пятидесяти ярдах и продолжал приближаться.

– Мама.

– Я вижу их, дорогой.

Она направлялась к городу Бич Би, но, к сожалению, он не оправдал своего названия. Он был слишком мал не только для города, но даже для деревни, его едва ли можно было назвать деревушкой. Здесь не было улиц, на которых она могла оторваться от преследователей, и вряд ли здешние полицейские были готовы к встрече с парой фанатиков, вооруженных автоматами.

Мимо них мелькали фары встречных машин, и вскоре Лаура нагнала серый «вольво», за которым был виден лишь небольшой участок дороги, но у нее не было выбора, так как «мерседес» был уже в сорока ярдах. Убийцы обогнали «вольво» с такой же беззаботностью.

– Как там наш пассажир? – спросила она. Не отстегивая ремня безопасности, Крис повернулся на сиденье.

– Он неплохо выглядит, но его швыряет из стороны в сто-

рону.

– С этим я ничего не могу поделать.

– Кто он, мама?

– Я не много знаю о нем, – сказала она. – Но когда мы выберемся из этой передраги, я расскажу тебе все, что знаю. Я не рассказывала тебе раньше потому, что... я не знала, что происходит, и боялась, что это может быть опасно для тебя. Но что может быть опаснее того, что происходит сейчас? Поэтому я расскажу тебе позже.

Но будет ли это позже?

Когда она мчалась вдоль озера, с «мерседесом», ехавшим позади в тридцати пяти ярдах, то увидела впереди развилку. Эта горная дорога вела мимо Кларк Салемит. Насколько она помнила, эта дорога была заасфальтирована на протяжении двух миль с обоих концов, шесть или семь миль в середине были простой и грязной проселочной дорогой. В отличие от «джипа», «мерседес» не имел привода на все четыре колеса; кроме того, его зимняя резина не была снабжена цепями. Люди в «мерседесе» вряд ли знают, что асфальт скоро сменится проселочной дорогой.

– Держись! – сказала она Крису.

Лаура затормозила в последний момент, и «джип» быстро свернул на горную дорогу, закрипев тормозами. Машина задрожала, как старая лошадь, которая была вынуждена сделать страшный прыжок.

«Мерседес» свернул с меньшим усилием, хотя его води-

тель не знал, что собиралась делать Лаура. На подъеме разрыв между машинами сократился до тридцати ярдов.

Извилистые молнии вдруг рассекли небо на юге. Они были достаточно близко, чтобы превратить ночь в день вокруг них. Даже сквозь рев мотора она могла слышать раскаты грома.

Глядя на всполохи молний, Крис сказал:

– Мама, что происходит?

– Я не знаю, – сказала она или, скорее, закричала, чтобы он слышал ее сквозь кокофонию ревущего мотора и гремевших небес.

Она не слышала выстрелов, но слышала удары пуль об обшивку «джипа», одна из пуль проделала дырку в лобовом стекле, другая застряла в сиденье, на котором они сидели. Она начала крутить руль, бросая машину из стороны в сторону, чтобы сделать их цель более трудной, хотя для нее это было не так легко во вспышках света. Или головорезы прекратили огонь, или они начали мазать, но она больше не слышала ударов пуль. Как бы то ни было, эти виражи замедлили движение и «мерседес» приблизился еще быстрее.

Хотя большая часть лобового стекла осталась нетронутой, от дырки разошлись трещины, которые мешали обзору.

До «мерседеса» было пятнадцать ярдов, десять.

Молнии и гром утикли.

Она выехала на холм и увидела, что асфальт кончается через полмили вниз по склону. Она прекратила виражи и

нажала на газ. Когда асфальт кончился, «джип» заурчал на мгновение, как будто удивленный переменной дорожной покрытием, но потом устремился вперед по покрытой снегом замерзшей грязи. Они перескочили несколько борозд, проехали узкое ущелье, где над ними нависали деревья, и поднялись на следующий холм.

В боковое зеркало Лаура видела, как «мерседес» проехал ущелье и начал подниматься на холм. Но когда она поднялась на вершину холма, машина преследователей начала терять управление. Ее водитель повернул руль в противоположную от заноса сторону, вместо того чтобы повернуть его в сторону заноса. Колеса «мерседеса» вращались вхолостую. Автомобиль заскользил вниз и в сторону по склону, пока не ткнулся правым передним боком в снежную насыпь на обочине дороги.

– Их вынесло на обочину! – сказал Крис.

– Им понадобится полчаса, чтобы выбраться. Лаура проехала вершину холма и начала спускаться по склону горной дороги.

Хотя она оторвалась от преследователей и могла немного расслабиться, ее страх ничуть не уменьшился. У нее было предчувствие, что они еще не были в безопасности, а она научилась верить своим предчувствиям еще больше двадцати лет назад, когда ожидала, что Белый Угорь навестит ее той ночью, когда она осталась одна в комнате в Маклярой, той ночью, когда он оставил «Тутси Роллс» под ее подушкой.

Предчувствие было чем-то вроде неподсознательного мышления, которое непрерывно работало.

Что-то было не так. Но что?

Они ехали со скоростью двадцать миль в час по узкой, извилистой, заснеженной дороге с бороздами замерзшей грязи. Сперва они ехали по скалистым холмам, где не было ни одного деревца, потом спустились на равнину, где по обеим сторонам дороги стояли такие густые заросли деревьев, что свет фар, казалось, отражался от этой плотной стены стволов сосен.

Ее спаситель, лежавший на полу «джипа», начал бредить. Она волновалась за него, она хотела бы ехать быстрее, но не могла.

Две мили, после того как они оторвались от погони, Крис молчал. Наконец он сказал:

– Там, в доме... ты убила кого-нибудь из них? Она заколебалась.

– Да. Двоих.

– Хорошо.

Встревоженная его мрачным удовольствием, которое он выразил одним этим словом, Лаура сказала:

– Нет, Крис, убивать нехорошо. Меня тошнило от этого.

– Но они заслужили это, – сказал он.

– Да, заслужили. Но это не значит, что их приятно убивать. Это не так. В этом нет никакого удовлетворения. Просто... чувствуешь отвращение к этой необходимости. И раз-

дражение.

– Я бы хотел убить хоть одного из них, – сказал он с холодным гневом, который был ужасен для мальчика его лет.

Она посмотрела на него. Он выглядел старше – с лицом, скрытым тенью и освещенным бледным и желтым светом приборной доски.

Вскоре равнинная дорога снова стала подниматься в горы. Она не отрывала глаз от неровной дороги.

– Дорогой, мы поговорим об этом позже. Сейчас я хочу, чтобы ты попытался понять кое-что. В мире много плохих философий. Ты знаешь, что такое философия?

– Нет... я не уверен.

– Иногда люди верят в то, во что им трудно поверить. Но есть две категории людей, которых считают самыми опасными и самыми худшими. Некоторые люди считают, что насилие – это лучший способ для решения всех проблем; они избивают или убивают тех, кто с ними не согласен.

– Как эти парни, которые преследуют нас.

– Да. Очевидно, эти люди принадлежат к этой категории. Это плохой способ мышления, потому что насилие ведет к еще большему насилию. Кроме того, если ты улаживаешь проблемы при помощи оружия, в этом нет справедливости, нет мира и надежды. Ты понимаешь меня?

– Думаю, да. Но какой второй опасный способ мышления?

– Пацифизм, – сказала она. – Он противоположный первому способу. Пацифисты призывают никогда не поднимать

руки против другого человека, чтобы он ни делал или ни собирался сделать. Если пацифист стоял бы рядом со своим братом и видел, что кто-то хочет убить его, он бы скорее пожелал брату убежать, но никогда не взял бы в руки оружия и не остановил бы убийцу.

– И он позволил бы убийце преследовать его брата? – спросил Крис удивленно.

– Да. И что хуже всего, он скорее бы позволил убить своего брата, чем поступился бы своими принципами и стал бы сам убийцей.

– Это ужасно.

Они перевалили через хребет, и дорога спустилась в дру- гую долину. Ветви сосен висели так низко, что они царапали крышу, роняя снег на капот и лобовое стекло.

Лаура включила дворники и сосредоточилась на дороге, используя перемену в местности для того, чтобы прервать разговор и продумать свое объяснение получше. Они видели много насилия за последний час; еще больше насилия несо- мненно ждало их впереди, и она должна была подготовить Криса. Она не хотела, чтобы он считал оружие и мускулы ис- ключительными мерами защиты. С другой стороны, она не хотела, чтобы он считал насилие главным способом решения проблем.

Наконец она сказала:

– Некоторые пацифисты просто трусы, но некоторые дей- ствительно считают, что лучше допустить убийство невинно-

го человека, чем убить или остановить убийцу. Они не правы потому, что не предотвращая преступления, становятся его соучастниками. Они хуже того, кто нажимает курок. Может быть, это тебе еще не понять и может быть, тебе нужно много думать, чтобы понять это, но ты должен понять, что нужно жить в середине между убийцами и пацифистами. Ты должен пытаться избежать насилия. Ты не должен его начинать. Но если его начал кто-то другой, ты должен защищать себя, друзей, семью, каждого, кто в опасности. Когда я стреляла в этих людей в доме, меня тошнило. Я не герой. Я не горжусь тем, что убила их, но я не чувствую стыда за это. Я не хочу, чтобы ты гордился мною за это или думал, что это приносит удовлетворение, что месть заставляет меня чувствовать лучше. Это не так.

Он молчал. Она сказала:

– Я говорю что-нибудь непонятное?

– Нет. Но мне нужно подумать немного, – сказал он. – Кажется, сейчас я думаю неправильно потому, что хочу, чтобы они умерли, все, кто имеет какое-нибудь отношение... к тому, что случилось с папой. Но я попробую измениться, мама. Я постараюсь быть лучше.

Она улыбнулась.

– Я знаю, что это тебе удастся, Крис.

Во время разговора с Крисом и в течение нескольких минут тягостного молчания Лауру не переставало покидать чувство грозящей им опасности. Они проехали около семи

миль по горной дороге, а впереди, возможно, была еще миля проселочной дороги, две мили асфальта, прежде чем они выедут на тридцать восьмой маршрут. Чем дальше она ехала, тем увереннее становилась в том, что не предусмотрела чего-то и что опасность была близко.

Она неожиданно остановилась на вершине холма перед спуском вниз. Она заглушила двигатель и выключила фары.

– Что случилось? – спросил Крис.

– Ничего. Мне нужно подумать и посмотреть нашего пассажира.

Она вылезла из машины и обошла «джип». Она открыла заднюю дверь, изрешеченную пулями. Осколки стекла упали к ее ногам. Она залезла в машину и проверила пульс раненого. Он был очень слабым, слабее, чем раньше, но постоянным. Она положила руку на его лоб и обнаружила, что он больше не был холодным; кажется, у него был жар. По ее просьбе Крис подсветил фонариком, который он достал из бардачка. Она отвернула одеяло, чтобы посмотреть, не возобновилось ли кровотечение. Его рана выглядела плохо, но свежей крови не было, несмотря на ту тряску, которую ему пришлось перенести. Она снова завернула его в одеяло, вылезла из «джипа» и закрыла дверь.

Она выломала остатки стекла заднего окна и маленького бокового окна со стороны водителя. Без осколков стекла повреждения машины были менее заметны и меньше привлекали внимание полицейских или кого-нибудь другого.

Некоторое время она стояла на холодном воздухе и смотрела в темноту, пытаясь найти связь между своим инстинктом и реальностью. Почему она была так уверена в приближающейся беде и в том, что насилие еще не закончилось?

Облака на небе неслись на восток, их гнал ветер, который не достиг еще земли, где воздух был относительно спокойным. Лунный свет едва пробивался сквозь облака и тускло освещал покрытые снегом холма, заснеженные вершины сосен и горные хребты.

Лаура посмотрела на юг, где в нескольких милях отсюда горная дорога соединялась с тридцать восьмым маршрутом, все в этом направлении казалось спокойным. Она посмотрела на запад, восток, потом на север, откуда они приехали, и во всех направлениях гор Сан-Бернардино не было и признака присутствия человека, ни одного огонька; всюду был мир и спокойствие.

Она задавала себе те же вопросы и давала те же ответы, которые звучали во внутреннем диалоге уже год. Откуда появляются люди с этими поясами? С другой планеты, из другой галактики? Нет. Они были такими же людьми, как она. Тогда, может быть, они приезжают из России. Может быть, их пояса действуют как передатчики, как приборы телепортации из старого фильма «Муха». Это может объяснить акцент ее спасителя – если он телепортировался из России, – но это не объясняет его внешности, не изменившейся за двадцать пять лет; кроме того, она никогда серьезно не верила

в то, что Советский Союз или кто-то еще мог изобрести такие передатчики, которые позволяли бы путешествовать во времени.

Она думала об этом несколько месяцев, хотя была так не уверена в своих домыслах, что даже многого не сказала об этом Тельме. Но если спаситель вторгнулся в ее жизнь в самые опасные моменты, используя путешествия во времени, он мог предпринять все эти путешествия за один месяц или неделю его собственного времени, в то время как в ее жизни проходили многие годы, поэтому он и не состарился. Пока она не спросит его и не узнает правды, теория о путешествиях во времени казалась единственной; спаситель путешествовал к ней из какого-то будущего времени; и, очевидно, это было неприятное будущее, потому что, говоря о по-ясе, он сказал:

– Он перенесет тебя туда, куда бы ты никогда не захотела попасть, – и в его глазах был испуг. Она не имела понятия, почему путешественник во времени не появлялся из будущего для ее защиты от всех людей, от вооруженного грабителя и потерявшего управление грузовика.

Ночь была тихой, темной и холодной.

Они направлялись прямиком к беде.

Она знала это, но она не знала, что это была за беда и откуда исходит.

Когда она снова залезла в «джип», Крис сказал:

– Что-то случилось?

– Ты так любишь «звездный переход» и «звездные войны», что можешь стать моим главным советчиком, когда я начну новый роман.

Мотор «джипа» молчал, и салон машины освещался только тусклым лунным светом. Но она могла видеть лицо Криса, потому что за несколько минут ее глаза адаптировались к темноте. Он недоуменно смотрел на нее.

– О чем ты говоришь?

– Крис, как я сказала раньше, я собираюсь рассказать тебе все о человеке, который лежит там, о его странных появлениях в моей жизни, но сейчас у нас нет на это времени, поэтому не задавай мне, пожалуйста, вопросов, о'кэй? Но я предполагаю, что он мой спаситель – так я думаю о нем потому, что он защищал меня от ужасных вещей. Я предполагаю, что он путешественник во времени из будущего. Я думаю, что он не прилетел в какой-нибудь огромной неуклюжей машине. Возможно, вся машина заключается в поясе, который он носит на теле, под его одеждой, и он материализуется из простого воздуха, когда прилетает из будущего. Ты мне веришь?

Крис смотрел широко раскрытыми глазами.

– И это он?

– Может быть.

Мальчик отстегнул ремень безопасности, залез коленями на сиденье и посмотрел на человека, лежащего на мате позади них.

– Полное дерьмо. – Учитывая необычные обстоятельства, – сказала она, – я прощаю тебе твоё выражение.

Он жалостно посмотрел на неё.

– Прости. Но путешественник во времени?!

Если бы она разозлилась на него, злость не сохранилась бы долго, когда она увидела бы его возбуждение и мальчишеский интерес, какого не мог вызвать у него даже Джесон Гэйнс во время рождественских праздников. Мысль о путешественнике во времени неожиданно наполнила его надеждой и весельем. Это был самый выдающийся момент в его жизни: хотя он был жестоким, он был также мистичным; иногда мистичное казалось миражом, а стремление к миражу могло вселить в человека стремление к жизни, но несбывшиеся надежды могли ранить мальчика так, что ничто бы уже не залечило его меланхолии.

Она сказала:

– О'кэй, давай предположим, что когда он хочет вернуться в своё время, то нажимает кнопку на необычном поясе.

– Можно мне посмотреть этот пояс?

– Позже, Помнишь, ты обещал не задавать сейчас много вопросов?

– О'кэй.

Он снова посмотрел на спасителя, повернулся и сел, обратив все внимание к матери.

– Когда он нажимает кнопку – что происходит?

– Он просто исчезает.

– Уау! А когда он прилетает из будущего, он просто появляется из воздуха?

– Я не знаю. Я никогда этого не видела. Но мне почему-то кажется, что в этот момент сверкает молния и гремит гром.

– Молния была сегодня вечером!

– Да, но молния не всегда бывает. Хорошо. Предположим, что он появляется в нашем времени, чтобы помогать нам, чтобы защищать нас от определенной опасности.

– Как от того грузовика.

– Мы не знаем, почему он защищает нас, и не узнаем, пока он не скажет сам. Как бы то ни было, в будущем возможно есть другие люди, которые не хотят, чтобы он нас защищал. Их поведение мы тоже не можем объяснить. Но одним из них был Кокошка, человек, который застрелил твоего отца.– Те парни, которые ворвались в наш дом, – сказал Крис, – тоже из будущего.

– Думаю, да. Они намеревались убить спасителя, тебя и меня. Но мы сами убили двоих, а двое других застряли в «мерседесе». Итак... что они собираются делать дальше, малыш? Теперь ты мой советчик. У тебя есть какие-нибудь идеи?

– Дай мне подумать.

Лунный свет тускло освещал грязный капот «джипа».

В салоне становилось холодно; из их ртов вылетали облачка пара, и окна начали затягиваться дымкой. Лаура завела мотор, включила обогреватель, но не зажгла фар.

Крис сказал:

– Раз их миссия провалилась, они не будут оставаться здесь. Они вернутся в будущее, откуда прилетели.

– Это те два парня в нашей машине?

– Да. Они, может быть, уже нажали кнопки на поясах убитых тобой бандитов, послали тела в будущее, и в доме нет больше трупов, нет доказательств того, что там были путешественники во времени. Кроме, может быть, крови. Поэтому, когда оставшиеся двое или трое головорезов вылетели на обочину, они бросили свою затею и вернулись домой.

– Значит, они нас больше не преследуют? Значит, может быть, они не станут возвращаться с Бич Би, красть другую машину и пытаться найти нас?

– Вряд ли. Это слишком трудно. Я имею в виду, что у них есть более простой способ найти нас, чем ездить и искать, как это бы делали обычные люди.

– Какой способ?

Мальчик повернулся к лобовому стеклу и посмотрел на снег, мерцающий в лунном свете.

– Понимаешь, мама, как только они потеряли нас, то могли нажать кнопку на своих поясах, вернуться в будущее и предпринять новое путешествие в наше время, чтобы поставить нам другую ловушку. Они знали, что мы поехали по этой дороге. Поэтому они могли сделать новый прыжок в наше время, но чуть раньше, и поставить западню на другом конце дороги, где они и ждут нас сейчас. Да, они там! Держу

пари, что они там.

– Но почему они не могли вернуться раньше своего первого путешествия и атаковать нас раньше, чем мой спаситель предупредит нас?

– Парадокс, – сказал мальчик. – Знаешь, что это значит?

Слово казалось слишком сложным для мальчика его лет, но она сказала:

– Да, я знаю, что такое парадокс. То, что неестественно, но возможно.

– Понимаешь, мама, в путешествиях во времени полно всевозможных парадоксов. То, чего не может быть, может произойти. – Сейчас он говорил тем возбужденным голосом, которым описывал героев своих любимых фильмов и комиксов, но с той напряженностью, которой она не слышала никогда раньше, наверное, потому, что это была реальность, которая удивительнее даже вымысла.

– Например, ты могла бы вернуться во времени и жениться на своем дедушке. Понимаешь, тогда ты была бы своей бабушкой. Если путешествие во времени возможно, ты бы могла сделать это, но тогда – как бы ты тогда родилась, если бы твоя настоящая бабушка никогда бы не вышла замуж за твоего дедушку? Парадокс! Или, что было бы, если бы ты вернулась в прошлое, встретила бы со своей мамой, когда она была ребенком, и случайно бы убила ее? Но если бы ты перестала существовать, тогда – как бы ты тогда вернулась обратно? Парадокс! Парадокс!

Глядя на него сквозь темный салон «джипа», Лауре показалось, что она видела совсем другого мальчика, а не того, которого всегда знала. Конечно, она знала о его увлечениях космическими историями, которыми увлекались почти все дети его лет. Но прежде она никогда не заглядывала так глубоко в его сознание, обостренное влиянием этого увлечения. Очевидно, американские дети конца двадцатого века жили более богатыми фантазиями, чем дети других времен, но они не верили в эльфов, фей и приведений, с которыми имело дело раннее поколение, что не думало о пространстве, космосе и времени, которые были за пределами их сознания и эмоций. Ей казалось, что она одновременно разговаривала и с маленьким мальчиком, и с ученым. Она смущенно сказала:

– Итак... когда этим людям не удалось убить нас в первый раз, почему бы им не предпринять второе путешествие во времени до их первой попытки и не попытаться убить нас раньше, чем мой спаситель предупредит нас?

– Понимаешь, твой спаситель уже прошел сквозь время, чтобы предупредить нас. Поэтому если они вернутся до того, как он предупредил нас, – как он нас тогда уже предупредил, как мы смогли быть здесь, где мы есть, живыми? Парадокс!

Он засмеялся и захлопал в ладоши, как гном, испытывающий радость от того удивительного впечатления, которое он произвел своими чарами.

В отличие от его юмора, Лаура испытывала головную боль, пытаясь понять всю сложность и запутанность этих ве-

щей.

Крис сказал:

– Некоторые люди не верят, что путешествия во времени возможны вообще из-за этих парадоксов. Но другие считают, что они возможны, пока не сталкиваются с парадоксом. Если это правда, понимаешь, тогда убийцы не могут вернуться во время, предшествующее их первому путешествию, потому, что двое из них были убиты. Они не могут сделать этого потому, что они уже мертвы, и это было бы парадоксом. Но те парни, которых ты не убила, и, может быть, еще другие могут предпринять еще одно путешествие, чтобы встретить нас в конце этой дороги.— Он подался вперед и посмотрел сквозь испещренное трещинами лобовое стекло.

– Вот что значат эти молнии, когда мы начали юлить по дороге, чтобы затруднить им стрельбу, – из будущего прилетели другие ребята. Да, держу пари, что они ждут нас где-то там, в темноте.

Потирая виски пальцами, Лаура сказала:

– Но если мы повернем и поедem обратно, если мы не поедem в уготованную западню, они поймут, что мы раскусили их. И они предпримут третье путешествие во времени, вернуться к «мерседесу» и подстрелят нас, когда мы будем возвращаться. Они достанут нас в любом случае, куда бы мы ни поехали.

Он отрицательно покачал головой.

– Нет. Пока они это поймут, пройдет полчаса или час, и

мы уже проедем мимо «мерседеса».– Мальчик возбужденно закружился на сиденье.– Поэтому если они попытаются предпринять третье путешествие, чтобы вернуться на начало дороги и устроить нам там ловушку, они не смогут сделать этого потому, что мы уже проедем это место и будем в безопасности. Парадокс! Понимаешь, они вынуждены играть по правилам, мама. Они не волшебники. Они должны играть по правилам, и их можно победить!

За свои тридцать три года она ни разу не испытывала головной боли, которая превратилась из тихой в жесточайшую так быстро. Чем больше она пыталась понять трудности, которые испытывали путешественники во времени, тем сильнее становилась эта боль.

Наконец она сказала:

– Я пас. Думаю, мне нужно было смотреть «Космический перевал» и читать Роберта Хейнлейна все эти годы, вместо того чтобы быть серьезной, взрослой, потому что я не способна понять всего этого. Поэтому я скажу тебе вот что. Я собираюсь положиться на твою сообразительность, чтобы перехитрить их. Ты должен пытаться сделать шаг раньше их. Они хотят убить нас. Так как они смогут убить нас, чтобы избежать этих парадоксов? Где они окажутся в следующий раз? Сейчас мы поедem назад, к «мерседесу», и если ты прав, то никто не будет нас там ждать. Где они окажутся после этого? Увидим ли мы их еще сегодня? Подумай об этих вещах, и если у тебя будут идеи, дай мне знать.

– Хорошо, мама.

Он замер на своем сиденье, широко улыбнувшись, а потом начал кусать губу, погружаясь все глубже в игру.

Только это была не игра. На кону были их жизни. Убийцы со сверхчеловеческими способностями противостояли воображению восьмилетнего мальчишки.

Лаура включила заднюю скорость и проехала около двухсот ярдов, пока не нашла достаточно широкое для разворота место. Они ехали туда, откуда приехали, к «мерседесу», стоявшему на обочине, к Бич Би.

Она не испытывала ужаса. В их ситуации было так много неизвестного и непонятного, что ужасу не было места. Ужас не был ни счастьем, ни депрессией, это было состояние, которое по своей природе не могло продолжаться долго. Ужас проходил быстро. Иначе бы он напугал вас до смерти; вы бы кричали от ужаса, пока ваш мозг не разорвался бы. Она не кричала, и, несмотря на головную боль, ее мозг был далек от того, чтобы разорваться. Она испытывала лишь слабый и непонятный страх, который был чуть сильнее тревоги.

Какой это был день? Какой год? Какая жизнь?

Экзотические новости.

ГЛАВА 2

Они проехали мимо «мерседеса» и добрались до конца

горной дороги, не встретив людей с автоматами. На пересечении с дорогой к озеру Лаура остановилась и посмотрела на Криса.

– Теперь что?

– Пока мы едем в то место, в котором никогда не были, – сказал он, – мы будем в безопасности. Они не смогут найти нас, если не будут знать, где мы. Понимаешь, теперь, когда мы ускользнули от этих парней, они вынуждены вернуться в будущее и посмотреть записи, которые у них есть о нас, мама, о нашей истории. Тогда они узнают, где ты покажешься снова, может, ты захочешь снова жить в нашем доме. Или, если ты спрячешься на год и напишешь другую книгу, они появятся в том месте, где ты будешь писать книгу, потому что это будет запись в будущем, они будут знать, что смогут найти тебя в этом месте в определенное время.

Она нахмурилась.

– Ты хочешь сказать, что единственный путь избежать их до конца моей жизни – это сменить имя, быть постоянно в бегах и не оставлять никаких следов, то есть исчезнуть из общественной истории?

– Да. Я думаю тебе придется сделать это, – сказал он возбужденно.

Он был достаточно сметлив, чтобы найти способ защиты от головорезов, путешествующих во времени, но не достаточно взрослый, чтобы понять, как будет тяжело им расстаться со всем, что у них есть, и начать с наличными, кото-

рые есть у них в карманах. Сейчас он размышлял в одном узком направлении и был ограничен в других. В теории путешествий во времени он был мудр не по годам, в других случаях ему было все те же восемь лет. Она сказала:

– Я никогда не смогу написать другой книги, потому что я должна держать связь с редакторами и агентами хотя бы по телефону. Значит, будут телефонные записи, которые могут быть следами. Я не смогу забрать свои авторские гонорары и остальные деньги в банках потому, что рано или поздно мне придется сделать это самой, что снова останется в истории. У них будет эта запись в будущем, и они могут появиться в этот момент в банке, чтобы расправиться со мной, когда я появлюсь. Как же мне забрать деньги, которые у нас есть? Как я смогу расплачиваться в магазинах без предъявления кредитной карточки, которая снова станет записью в будущем? – Она, моргая, смотрела на него. – Господи, Крис, мы в ловушке!

Теперь мальчик был поставлен в тупик. Он смотрел на нее, не совсем понимая значение денег в их будущем и трудностей, связанных с ними.

– Ну, пару дней мы могли бы ездить вокруг, ночевать в отелях.

– Мы сможем ночевать в отелях, если только я буду платить наличными. По записи в кредитной карточке они смогут найти нас. Им останется только вернуться в ночь, когда я использовала кредитку, и убить нас в отеле.

– Да, значит, мы должны пользоваться наличными. Эй, мы можем есть в Мак-Дональде все это время! Там невысокие цены и хорошая еда.

Они спустились с гор и въехали в Сан-Бернардино, не встретив головорезов. Она должна была найти врача для спасителя не только потому, что была обязана ему жизнью, но и потому, что без него она никогда не узнает правды о том, что происходит, и, может быть, никогда не найдет выхода из ловушки, в которой они оказались.

Она не могла отвезти его в больницу, где делали запись, потому, что эта запись могла дать ее врагам возможность найти их. Она должна была найти такую тайную медицинскую помощь, где бы у ее не стали спрашивать имя или что-либо о пациенте.

Незадолго до полуночи она остановилась возле телефонной станции. Телефонная будка стояла в стороне от станции, что было идеально, так как она не могла рисковать тем, чтобы служащий заметил разбитые стекла «джипа» или раненого.

Крис поднялся сегодня на час раньше обычного времени и, несмотря на возбужденное состояние, дремал в машине. На матрасе, позади переднего сиденья, ее спаситель тоже спал, но его сон не был естественным. Он больше не бредил, но дыхание стало тяжелым.

Она оставила «джип» в парке с работающим двигателем и направилась к телефонной будке. Там она открыла телефон-

ную книгу с адресами врачей.

Взяв карту Сан-Бернардино у служащего станции, она начала поиски врача, который бы оперировал вне клиники и медицинских заведений, но многие врачи в маленьких городах имели вместе и дом и врачебный кабинет. Она не стала искать долго, так как это уменьшало шансы на спасение раненого.

В четверть первого она подъехала ко двору с двухэтажным белым домом в викторианском стиле. Рядом с ним стоял двухместный гараж, затененный ольховыми деревьями, стоявшими без листьев, что создавало впечатление, будто этот дом вместе с ландшафтом был перенесен с Востока. В соответствии со страницами, которые она вырвала из телефонной книги, это был дом доктора Картера Бренкшоу, маленькая табличка на дверях подтвердила правильность адреса.

Она доехала до конца квартала и припарковала машину к обочине. Она вылезла из «джипа», захватила горсть свежей зелени из цветочной клумбы близлежащего дома и замазала оба номера машины.

Когда она вытерла руки о снег и залезла в «джип», Крис проснулся, но был словно пьяный после двух часов сна. Она похлопала его по щеке и откинула волосы со лба, помогая просыпаться. Холодный ночной воздух, проникавший в салон через разбитые стекла, помог ему окончательно проснуться.

– О'кэй, – сказала она, увидев его проснувшимся, – слу-

шай меня внимательно, Я нашла доктора. Ты можешь изобразить больного?

– Конечно.– Он напряг лицо, словно собирался вскрикнуть, и застонал.

– Не переиграй, – и объяснила, что они собирались делать.

– Хороший план, мама.

– Ничего хорошего, но другого нет.

Она развернула машину и вернулась к дому Бренкшоу, где припарковала машину на дорожке к запертому гаражу, который стоял в стороне от дома. Крис выскользнул через водительскую дверцу, и она взяла его на руки, прижав его голову к своему плечу. Он сам держался за нее, поэтому ей оставалось лишь поддерживать его левой рукой, так как он был довольно тяжелым; ее ребенок больше не был ребенком. В свободной руке она сжимала револьвер.

Когда она несла Криса к дому мимо обнаженных ольховых деревьев, где не было никакого света, кроме уличного фонаря, стоявшего на обочине дороги, она надеялась, что никто сейчас не смотрит в окна других близлежащих домов. С другой стороны, не было ничего необычного в том, что кто-то посещает доктора среди ночи в поисках медицинской помощи.

Она поднялась на крыльцо и трижды быстро нажала на дверной звонок, как это бы сделала взволнованная мать. Через несколько секунд она позвонила еще трижды.

Через пару минут, когда она позвонила в третий раз и уже

решила, что никого нет дома, на крыльце загорелся свет. Она увидела мужчину, изучающего ее через узкое окошечко во входной двери.

– Пожалуйста, – сказала она страстно, держа револьвер так, чтобы его не было видно, – мой, мальчик отравился, он проглотил яд!

Мужчина распахнул дверь, которая открывалась наружу, так что Лауре пришлось отойти в сторону.

Ему было около шестидесяти пяти лет, седые волосы, ирландский тип лица, прямой и большой римский нос и темно-карие глаза. На нем был коричневый халат, белая пижама и шлепанцы. Глядя на нее сквозь толстые стекла очков, он сказал:

– Что случилось?

– Я живу в двух кварталах от вас, мой мальчик отравился.

Отбросив истерику, она отпустила Крису, и он отошел в сторону, когда она приставила дуло револьвера к животу доктора.

– Я выпущу вам кишки, если вы позовете на помощь.

Она не собиралась стрелять в него, но, очевидно, ее голос звучал искренне, так как он кивнул и ничего не сказал.

– Вы доктор Бренкшоу?

Он кивнул снова, и она сказала:

– Кто еще в доме, доктор?

– Никого. Я один.

– А ваша жена?

– Я вдовец.

– Дети?

– Они выросли и разъехались.

– Не лгите мне.

– У меня нет привычки лгать, – сказал он. – Из-за этого у меня было много неприятностей, но с правдой легче жить. Послушайте, на улице холодно, а на мне всего лишь тонкий халат. Вы могли бы продолжать меня пугать в доме.

Она переступила порог, толкнув доктора револьвером внутрь дома. Крис вошел за ней.

– Дорогой, – прошептала она, – проверь дом. Тихо. Начни со второго этажа и не пропускай ни одной комнаты. Если кого-нибудь увидишь, скажи им, что у доктора пациент, который требует неотложной медицинской помощи.

Крис направился к лестнице, а Лаура продолжала держать Картера Бренкшоу под дулом револьвера. Рядом с ними тихо пикали настенные часы.

– Знаете, – сказал он, – я всегда любил читать триллеры.

Она нахмурилась.

– Что вы хотите этим сказать?

– Мне часто приходилось читать сцены, в которых очаровательная разбойница наставляла револьвер на героя книги. Чаще всего это заканчивалось дракой, а потом дикой и страстной сценой любви.

Со мной случилось такое же, но, наверное, я слишком стар для заключительного действия.

Лаура улыбнулась в ответ, так как ей вовсе не хотелось выглядеть опасной.

– Замолчите.

– Вы могли бы выбрать кого-нибудь получше меня.

– Замолчите, хорошо? Замолчите.

Он не побледнел и не задрожал. Он улыбался. Крис спустился со второго этажа.

– Никого, мама. Бренкшоу сказал:

– И много у вас таких опасных маленьких бандитов, которые называют вас мамой?

– Не злите меня, доктор. Я не в духе.

Крис исчез в комнатах первого этажа, включив повсюду свет.

Лаура сказала Бренкшоу:

– У меня в машине раненый человек.

– Огнестрельная рана, конечно.

– Я хочу, чтобы вы помогли ему и держали свой рот на замке, иначе мы можем вернуться однажды и пристрелить вас.

– Это просто великолепно, – сказал он почти радостным тоном.

Крис вернулся и выключил свет.

– Никого, мама.

– У вас есть носилки? – спросила Лаура доктора.

Бренкшоу посмотрел на нее.

– У вас действительно есть раненый?

– А какого дьявола я бы делала здесь?

– Как странно. Хорошо, у него сильное кровотечение?

– Сначала было сильное, но теперь не очень. Он без сознания.

– Если у него сейчас нет сильного кровотечения, мы можем привезти его в дом. У меня в кабинете есть инвалидное кресло на колесах. Могу я накинуть пальто? – сказал он, показав на шкаф. – Или вы настолько безжалостны, что заставите старика мерзнуть в пижаме?

– Одевайте пальто, доктор, но, черт возьми, не пытайтесь выкинуть какую-нибудь шутку. – Да, – сказал Крис. – Она уже прикончила двух парней сегодня. – Он изобразил выстрелы из «узи». – Она пристрелила их, и у них уже никогда не будет шанса пристать к ней снова.

В голосе мальчика звучала такая угроза, что Бренкшоу как-то иначе посмотрел на Лауру.

– В шкафу нет ничего, кроме одежды, зонтов и пары галош. Я не храню там оружие.

– Будьте осторожны, доктор. Никаких резких движений.

– Никаких резких движений – да, я знал, что вы скажете это.

Хотя ему по-прежнему казалась эта ситуация странной, он не относился к ней так легкомысленно, как раньше.

Когда он надел пальто, они прошли с ним в левую по коридору дверь. Не включая света, полагаясь на тусклый свет из прихожей и на знание дома, доктор Бренкшоу повел их че-

рез приемную для пациентов, где стояло несколько стульев и пара столов. Следующая дверь вела в его кабинет, где стоял рабочий стол, три стула и шкаф с медицинскими книгами. Он включил свет и прошел в другую дверь, которая вела в кабинет.

Лаура увидела что-то вроде древнего медицинского кабинета с картины Нормана Роквелла, но все было новым. Здесь было даже диагностическое электронное устройство, а на еще одной двери был нарисован знак рентгеновского излучения и табличка: Держать дверь закрытой.

– У вас есть рентген? – спросила она.

– Конечно. Он уже не такой дорогой, как был раньше. Сейчас в каждой клинике есть рентген.

– В каждой клинике конечно, но у одного.

– Может, я и выгляжу как Барри Фитцджеральд, который играет доктора в старом фильме, и, может, для меня подходит более древний медицинский кабинет, но я не оказываю своим пациентам медицинскую помощь только ради забавы. Я бы даже сказал, что я больше похож на врача, чем вы на бандитов.

– Зря вы так думаете, – сказала она резко, пытаясь выглядеть хладнокровной.

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Я подыграю вам. Так будет намного смешнее. – Крису он сказал: – Когда мы проходили через кабинет, ты не заметил на столе большой красной коробки? В ней полно конфет, если хочешь.

– Спасибо! – сказал Крис.– Ух... я могу взять конфеты, мама?

– Не больше двух, – сказала она, – а то будет плохо.

Бренкшоу сказал:

– Когда я даю сладости своим юным пациентам, я придерживаюсь старых взглядов. Они могут есть их сколько угодно, в них нет отравы, но если у детей начинают болеть после этого зубы, это уже проблемы их дантистов.

Пока он говорил, он достал из угла кресло, разложил его и выкатил на середину комнаты. Лаура сказала:

– Дорогой, оставайся здесь, пока мы сходим к «джипу».

– О'кэй, – сказал Крис из соседней комнаты, где выбирал конфеты в красной коробке.

– Ваш «джип» стоит во дворе? – спросил Бренкшоу.– Тогда давайте выйдем через заднюю дверь. Так будет менее подозрительно, я думаю.

Держа револьвер на докторе и чувствуя себя в дурацком положении, Лаура вышла за ним из лечебного кабинета через заднюю дверь дома, из которой вел пологий спуск, так что им не нужно было спускаться по ступеням.

– Так будет намного легче, – сказал Бренкшоу тихо через плечо, толкая кресло вокруг дома. Его шлепанцы шуршали по бетонной дорожке.

У доктора был большой двор, поэтому рядом не было соседних домов. В отличие от переднего двора, засаженного ольховыми деревьями, задний двор был усажен фикусами и

соснами, которые были зелеными круглый год. Несмотря на свисавшие ветви и темноту, Лаура видела пустые окна соседнего дома, поэтому могла заметить, если бы кто-нибудь наблюдал за ними.

Мир имел свои особенности в это время – между полночью и восходом. Если бы она даже не знала, что сейчас около двух часов ночи, все равно могла бы определить время с точностью до получаса. Несмотря на отдаленный городской шум, здесь было очень тихо, и она чувствовала себя женщиной, которая выполняла какое-то секретное задание.

Дорожка вела вокруг дома, пересекая другую дорожку, которая, очевидно, вела в глубь двора. Они прошли между домом и гаражом и вышли к машине.

Бренкшоу остановился позади «джипа» и ухмыльнулся:
– Грязь на номерах, – прошептал он. – Мудрое предостережение.

Когда она открыла заднюю дверцу, он залез в машину и осмотрел раненого.

Она оглянулась на улицу. Все было тихо.

Но если полицейский патруль Сан-Бернардино проедет мимо, он наверняка остановится, чтобы посмотреть, что происходит в доме доктора Бренкшоу...

Бренкшоу вылез из машины.

– Господи, у вас здесь действительно раненый человек.

– Что, черт возьми, вас так удивляет? Вы думали, что я шутила все это время?

– Давайте привезем его в дом. Быстрее, – сказал Бренкшоу.

Он не мог поднять раненого один. Чтобы помочь ему, Лауре пришлось сунуть револьвер за пояс.

Бренкшоу не сделал попытки сбежать или сбить ее с ног и вырвать оружие. Вместо этого он тут же повез раненого к дому тем же путем, которым они пришли.

Она взяла «узи» с переднего сиденья и последовала за Бренкшоу. Она не намеревалась воспользоваться автоматом, но с ним чувствовала себя увереннее.

Пятнадцатью минутами позже Бренкшоу отвернулся от рентгеновского снимка, который висел на лампе в его лечебном кабинете.

– Пуля прошла насквозь. Она не задела костей, поэтому особенно волноваться не стоит.

– Отлично, – сказал Крис, сидя на стуле и счастливо жуя конфету. Несмотря на теплый дом, Крис был все еще в своей куртке, как и Лаура, которая хотела, чтобы они были готовы ускользнуть в любой момент.

– Он в состоянии комы? – спросила Лаура доктора.

– Да, он в коматозном состоянии. Но оно не связано с инфекцией, занесенной через рану. Для этого слишком рано. Если рану обработать, ему, возможно, вообще не грозит инфекция. Состояние комы вызвано потерей крови и шоком. Его нельзя было перевозить.

– У меня не было выбора. Он выкарабкается?

– Возможно. В его случае кома – это своего рода реакция тела для сохранения энергии и заживления раны. Он потерял не так много крови, у него нормальный пульс, поэтому такое состояние, возможно, не продлится долго. Когда вы увидели рубашку и халат, насквозь пропитанные кровью, вы подумали, что он потерял много крови, но это не так. Но ее и немало вытекло. Он был на грани. Но главное, кровеносные сосуды не задеты, иначе он бы чувствовал себя намного хуже. Все-таки его нужно отвезти в больницу.

– Мы уже думали об этом, – нетерпеливо сказала Лаура. – Мы не можем отвезти его в больницу.

– Какой банк вы ограбили? – спросил доктор насмешливо, но с меньшим юмором, чем во время своих предыдущих шуток.

Пока проявлялся снимок, он очистил рану, промыл ее йодом, посыпал порошком антибиотика и приготовил бинт. Потом он достал иглу, еще один инструмент, назначение которого она не знала, толстую нить из шкафа и положил все это на стальной поднос рядом с хирургическим столом. На столе лежал раненый, он был без сознания, на правом боку его удерживали несколько подушек.

– Что вы делаете? – спросила Лаура.

– Пулевые отверстия слишком большие, особенно входное. Если вы не хотите везти его в госпиталь, но хотите видеть его живым, я должен для этого кое-что сделать.

– Хорошо, только побыстрее.

– Вы думаете, что полиция может ворваться в дверь в любую минуту.

– Есть кое-что похуже, – сказала она, – гораздо хуже.

С тех пор как они приехали в дом Бренкшоу, она ожидала неожиданных вспышек молнии и раскатов грома, похожих на стук копыт гигантского кентавра, которые означали бы появление других хорошо вооруженных путешественников во времени. Пятнадцать минут назад, когда доктор делал рентгеновский снимок груди раненого, ей показалось, что она слышала отдаленные раскаты грома, которые были так далеко, что были едва различимы. Она торопливо подошла к окну, чтобы рассмотреть отдаленные вспышки молний, но ничего не увидела сквозь просветы между деревьями, может быть, потому, что небо над городом было освещено городскими огнями, а может быть, это был вовсе не гром. Наконец она решила, что гром ей померещился из-за ее возбужденного состояния.

Бренкшоу зашил рану и перерезал нить:

– Швы рассосутся, – потом перебинтовал грудь раненого широким бинтом.

Острый запах лекарств вызывал тошноту у Лауры, но ничуть не беспокоил Криса. Он сидел в углу и продолжал жевать конфеты.

Ожидая проявления снимка, Бренкшоу сделал также укол пенициллина. Потом он подошел к высоким белым металлическим шкафам и достал две бутылочки.

– У меня есть наркотики здесь, которые я продаю бедным пациентам, чтобы они не взламывали аптеки в их поиске.

– Что ж это? – спросила Лаура, когда он подошел к ней и протянул эти две бутылочки.

– В этой пенициллин. Три раза в день с едой, если он, конечно, сможет есть. Думаю, он скоро придет в себя. Если он не придет в себя, то начнется обезвоживание, нужно будет сделать внутривенное вливание. Не давайте жидкость через рот. Когда он в состоянии комы – он захлебнется. В другой бутылочке еще один антибиотик. Только при необходимости и не больше двух раз в день.

– Дайте мне еще. А лучше давайте весь свой запас.– Она показала на шкаф, где были сотни таких бутылочек.

– Ему не понадобится так много. Он...

– Может быть, и не понадобится, – сказала она, – но я не знаю, какие проблемы нас еще ждут впереди. Может быть, антибиотики понадобятся мне или моему мальчику.

Бренкшоу долгое время смотрел на нее.

– Во что вы, Бога ради, влипли? Это похоже на одну из ваших книг.

– Просто дайте мне, – Лаура замолчала, пораженная тем, что он сказал.– На одну из моих книг? Одну из моих книг! О Господи, вы знаете, кто я!

– Конечно. Я узнал вас сразу же, когда вы стояли на крыльце. Я читал триллеры, как я сказал, и хотя ваши книги несколько другого жанра, они трогают душу, поэтому я их

читал тоже, а ваша фотография есть на задней обложке. Поверьте мне, миссис Шан, ни один мужчина не забудет ваше лицо, увидев его хоть однажды, даже если он увидит его на фотографии и даже если он будет также стар, как я.

– Но почему вы не сказали?

– Сначала я принял все за шутку. Посудите сами, та театральность, с которой вы появились на крыльце ночью, револьвер, грубый разговор... все казалось розыгрышем. И поверьте мне, что многие из моих коллег, которые знают вас, сочли бы все это за шутку и подыграли бы вам.

Показав на своего спасителя, она сказала:

– Но когда вы увидели его.

– Я понял, что это не шутка, – сказал доктор. Крис заторопился к матери, вытаскивая изо рта конфету.

– Мама, если он расскажет о нас...

Лаура вытащила из-за пояса револьвер. Она начала поднимать его, но опустила руку, поняв, что он больше не пугает Бренкшоу; в сущности, он никогда не пугал его. Она поняла, что он был не из тех, кого можно было напугать, а она больше не была для него безжалостной и опасной женщиной, потому что он знал ее.

На хирургическом столе ее спаситель застонал и попытался пошевелиться в бессознательном сне, но Бренкшоу положил руку ему на грудь и успокоил его.

– Послушайте, доктор, если вы расскажете кому-нибудь о том, что случилось сегодня ночью, если вы не сможете со-

хранить это в тайне до конца ваших дней, это повлечет за собой мою смерть и смерть моего мальчика.— Закон требует от каждого врача отчета о всех огнестрельных ранах.

— Но это особенный случай, — страстно сказала Лаура.— Я не в бегах от закона, доктор.

— От кого же вы бежите?

— Как это ни странно... от тех же людей, которые убили моего мужа, отца Криса.

Он был удивлен.

— Ваш муж был убит?

— Вы могли узнать это из газет, — сказала она печально.— Это была сенсационная история, которые так любит пресса.

— К сожалению, я не читаю газет и не смотрю телевизионных новостей, — сказал Бренкшоу.— Там говорят только о войнах, катастрофах и сумасшедших террористах. Мне жаль вашего мужа. И если эти люди, которые убили его, кто бы они ни были, хотят теперь убить вас, вы должны идти напрямиком в полицию.

Лауре нравился этот человек, и она с симпатией относилась к нему. Он казался разумным. У нее была маленькая надежда уговорить Бренкшоу держать рот на замке.

— Полиция не сможет защитить меня, доктор. Никто не сможет защитить меня, кроме меня самой и этого человека, чьи раны вы залечиваете сейчас. Эти люди, которые преследуют нас... беспощадны и безжалостны, они выше закона.

Он покачал головой.

– Никто не выше закона.

– Они выше, доктор. Мне нужно время, чтобы объяснить это, но и тогда вы можете не поверить мне. Но я молю вас, если только вы не хотите быть причиной нашей смерти, молчите о том, что случилось сегодня. Молчите не несколько дней, а всегда.

– Хорошо...

Изучая его, она поняла, что все тщетно. Она вспомнила, что он сказал ей в прихожей, когда она предупредила его не лгать о присутствии в доме других людей: он не лгал, сказал он потому, что правда упрощает жизнь; он не имел привычки лгать. Спустя сорок пять минут она знала его достаточно хорошо, чтобы понять, что он был необыкновенно честным человеком. Даже сейчас, когда она умоляла его сохранить их визит в секрете, он не мог сказать ложь, которая успокоила бы ее. Он смотрел виновато на нее и не мог позволить своему языку произнести ложь. Он выполнит свой долг, когда она уйдет; он доложит обо всем в полицию. Полицейские обыщут ее дом в Бич Би, где они могут обнаружить кровь, если не тела путешественников во времени, и где они найдут сотни следов от пуль, разбитые окна, изрешеченные стены. Завтра или на следующий день в газетах появится новая история...

Гул, который она слышала полчаса назад, все-таки мог оказаться далекими раскатами грома, которые гремели в пятнадцати или двадцати милях отсюда.

Снова ночная гроза без дождя.

– Доктор, помогите мне одеть его, – сказала она, показывая на спасителя, лежащего на столе.– Сделайте как можно больше для меня, если вы уже решили предать меня потом.

Он сморщился при слове предать.

Еще раньше она послала Криса на второй этаж, чтобы он взял одну из рубашек Бренкшоу, свитер, жакет, слаксы, пару носков и ботинки. Доктор не был таким же мускулистым, как ее спаситель, но они были примерно того же роста.

В этот момент на раненом были только окровавленные брюки, но Лаура знала, что у них нет времени переодеть его сейчас.

– Помогите мне надеть на него жакет, доктор. Остальную одежду я возьму с собой и переодену его позже. Жакета будет достаточно, чтобы защитить его от холода.

Неохотно усаживая бессознательного спасителя на хирургическом столе, доктор сказал:

– Его нельзя шевелить.

Игнорируя Бренкшоу и пытаясь просунуть руку раненого в рукав теплого полосатого жакета, Лаура сказала:

– Крис, иди в комнату для посетителей. Там темно. Не включай свет. Подойди к окну и хорошенько осмотри улицу и, Бога ради, не дай никому заметить тебя

– Ты думаешь, они здесь? – бесстрашно спросил мальчик.– Если еще нет, то скоро будут, – сказала она, продевая руку раненого в другой рукав.

– О чем вы говорите? – спросил Бренкшоу, когда Крис исчез во мраке смежной комнаты.

Лаура не ответила.

– Помогите посадить его в кресло.

Вместе они подняли раненого с хирургического стола, посадили в кресло на колесах и пристегнули ремень вокруг пояса.

Когда Лаура собрала одежду, положила в нее несколько бутылочек с наркотиками и завязала все в один узел, Крис прибежал из комнаты для посетителей.

– Мама, они только что подъехали, это, должно быть, они, две машины, полные людей, на той стороне улицы, их шесть или восемь. Что мы будем делать?

– Черт, – сказала она, – теперь мы не можем прорваться к «джипу». Мы не можем выйти из боковой двери, потому что они все равно нас увидят.

Бренкшоу направился в кабинет.

– Я позвоню в полицию.

– Нет! – Она положила одежду и наркотики на ноги спасителя, положила туда же свою сумочку и взяла в руки «узи» и револьвер.

– У нас нет времени, черт вас возьми. Они будут здесь через пару минут и убьют нас. Вы должны помочь мне вывезти кресло к задней двери.

Очевидно, ее ужас наконец передался доктору, так как он перестал колебаться и делать что-то наперекор ей. Он схва-

тил кресло и повез его через дверь, соединяющую коридор с лечебным кабинетом. Лаура и Крис последовали за ним по темному коридору, потом по кухне, освещаемой только зеленым табло электронных часов микроволновой печи. Кресло ткнулось в порог кухни, причинив боль раненому, но его ждало нечто худшее, чем это.

Повесив «узи» через плечо и сунув револьвер за пояс, Лаура бросилась помогать Бренкшоу. Она взяла кресло за перед, помогая спустить его на бетонную дорожку.

Она посмотрела в пространство между домом и гаражом, ожидая увидеть вооруженных людей, и прошептала Бренкшоу:

– Вам придется пойти с нами. Они убьют вас, если вы останетесь, я уверена в этом.

Он не стал спорить и пошел за Крисом в глубь двора, к калитке в ограде из красного дерева. Сняв «узи» с плеча, Лаура шла последней, готовая повернуться и открыть огонь при появлении шума позади себя.

Когда Крис подошел к калитке, она открылась перед ним, и в ней показался человек, одетый во все черное, он был темнее чем ночь, окружавшая его, не считая бледного лица и белых рук. Кажется, он был удивлен не меньше их. Он должен был обойти дом вокруг и прикрыть своих сзади. В его левой руке тускло сверкал автомат, он был опущен, но начал подниматься вверх. Лаура не могла выстрелить в него, так как задела бы своего сына, но Крис сделал то, чему Генри

Такахами учил его несколько месяцев. Мальчик подпрыгнул и ударил ногой по руке убийцы, выбив автомат. Он упал на газон с мягким и влажным звуком. Затем снова ударил ногой, на этот раз в пах своему противнику, тот хрюкнул от боли отлетел к забору.

В этот момент Лаура выскочила из-за кресла и встала между сыном и убийцей. Она перевернула «узи», подняла его над головой и обрушила на череп убийцы. Тот рухнул на газон, не успев издать ни звука.

События начали разворачиваться быстро, слишком быстро. Крис уже проходил в калитку, когда Лаура опомнилась и последовала за ним туда, где они увидели второго человека в черном, с глазами, похожими на дыры на белом лице, но этот был вне досягаемости приемов каратэ, поэтому ей пришлось выстрелить, пока не выстрелил он. Она выпустила поверх головы Криса длинную очередь, которая пронзила грудь, шею и глотку убийцы, отбросив его назад на аллею. Бренкшоу устремился в калитку вслед за ними, толкая перед собой кресло, и Лаура почувствовала себя виноватой в том, что втянула его в это, но обратной дороги не было. Узкая улица была окружена фасадами зданий по обеим сторонам, несколькими гаражами и кучами пустых пивных банок. Ее освещали уличные фонари, стоявшие в обоих концах, на самой улице фонарей не было. Лаура сказала Бренкшоу:

– Везите его вдоль улицы, найдите какие-нибудь открытые ворота и втащите его во двор. Крис, ты пойдешь с ними.

– А ты?

– Я приду через секунду.

– Мама.

– Иди, Крис! – сказала она, показав в сторону доктора, который уже был в ста футах от них.

Когда мальчик неохотно последовал за доктором, Лаура вернулась к открытой калитке забора, окружающего двор Бренкшоу. Она подоспела как раз вовремя, чтобы заметить две темные фигуры, показавшиеся между домом и гаражом в тридцати ярдах от нее, их можно было заметить только потому, что они двигались. Они бежали пригнувшись, один из них направлялся к крыльцу, другой к газону, так как они не знали точно, где случилась беда и откуда стреляли.

Она прошла через калитку и открыла огонь прежде, чем они увидели ее, осыпав их пулями. Хотя она неясно видела свою цель, она была близко от них – в девяносто футах, – и они пригнулись, ища укрытия. Она не была уверена, что попала, но прекратила стрельбу, так как даже четыреста патронов в магазине «узи» можно было расстрелять очень быстро, а это был единственный автомат, который у нее остался. Она вернулась к калитке и бросилась бежать за Крисом и Бренкшоу.

Они как раз входили в железные ворота одного из дворов на другой стороне улицы. Когда она вбежала во двор вслед за ними, то обнаружила, что старые кусты можжевельника росли вдоль железной ограды по обеим сторонам от ворот,

поэтому их было не легко заметить с улицы, если только они не стояли прямо против ворот.

Доктор продолжал толкать кресло к задней стене дома. Дом был в стиле Тудора, а не в викторианском, как дом Бренкшоу, но он также был построен не меньше сорока или пятидесяти лет назад. Доктор обошел дом со стороны и направился к выходу на главную улицу.

Свет зажегся во всех соседних домах. Она была уверена, что лица людей прижались к окнам, кроме тех домов, где свет не зажегся, но она не думала, что кто-то много увидит.

Она догнала Криса и Бренкшоу перед фасадом дома и остановила их в тени высоких кустов.

– Док, я хочу, чтобы вы переждали здесь вместе с пациентом, – прошептала она.

Он дрожал, и она надеялась, что у него не случится сердечного приступа, хотя он продолжал играть.

– Я останусь здесь.

Она вышла с Крисом на улицу, где возле обочины было припарковано много автомобилей. В голубом свете уличных фонарей мальчик выглядел плохо, но не так ужасно, как она того боялась. Он не был так напуган, как доктор, он начинал привыкать к окружавшему их ужасу. Она сказала:

– О'кэй, давай пытаться открыть двери. Ты смотри эти автомобили, я посмотрю дальше. Если дверца откроется, поищи ключи под передним сиденьем и за солнцезащитным козырьком.

– Я понял.

Делая однажды исследовательскую работу для книги, в которой героем был угонщик автомобилей, кроме других вещей она узнала, что многие водители оставляли ключи в своих автомобилях, поставленных на ночь. Она надеялась, что это еще чаще встречается в таком тихом городке, как Сан-Бернардино, тогда как в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе или другом большом городе только пьяный мог оставить ключи в машине. В этих городах среди американцев было меньше доверчивых людей.

Она старалась не спускать глаз с Криса, который осматривал машины на другой стороне улицы, но вскоре все же потеряла его из вида. Из первых восьми автомобилей четыре было открыто, но в них не было ключей.

Вдали раздался вой сирен.

Вероятно, это заставит этих парней в черном убраться отсюда. Хотя они могли все еще обыскивать улочку позади дома Бренкшоу, двигаясь медленно и боясь неожиданных выстрелов.

Лаура спешила, не обращая внимания на то, что ее могли заметить жители окружающих домов. Вдоль улицы стояли высокие пальмы, которые частично заслоняли ее. Как бы то ни было, если кто-то встал в этот поздний час, то смотрел не на свою улицу сквозь пальмы, а на соседнюю, где стоял дом Бренкшоу и откуда доносилась стрельба.

Девятым автомобилем оказался старый «котлас» с клю-

чами под сиденьем. Как только она завела мотор и закрыла дверцу, Крис открыл дверцу со стороны пассажира и показал ей ключи, которые нашел.

– От новой «тойоты», – сказал он.

– Некогда, – сказала она. Сирены выли все ближе.

Крис выбросил ключи, залез в машину и поехал вместе с ней к дому на другой стороне улицы, где их ждал доктор в тени кустов. Огней в доме не было. Может, им повезло, и в доме никого не оказалось в это время. Они подняли ее спасителя с кресла и положили на заднее сиденье «котласа».

Сирены выли совсем близко, и полицейская машина показалась в конце квартала. Сверкая красным маячком, она направлялась к дому Бренкшоу.

– С вами все будет в порядке, доктор? – спросила она, когда тот закрыл заднюю дверцу «котласа».

Он сел в кресло на колесах.

– Удара не будет, если вы это имеете в виду. Что за чертовщина с тобой происходит, девочка?

– Нет времени, док. Я должна ехать.

– Послушайте, – сказал он, – может, я ничего не расскажу им.

– Вы расскажете, – сказала она. – Вы думаете, что не расскажете, но вы расскажете им все. Если бы вы не рассказали, в газетах не появилось бы полицейского рапорта, а без этой записи в будущем эти люди не смогли бы найти нас.

– О чем вы говорите?

Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

– У меня нет времени на объяснения, док. Спасибо за помощь. Простите, но я хотела бы взять это кресло с собой.

Он свернул его и сунул в багажник. Она села за руль и закрыла дверцу.

– Пристегнись, Крис.

– Уже пристегнулся, – сказал он.

Она свернула налево в конце улицы и поехала в сторону от дома Бренкшоу к улице, по которой только что проехала полицейская машина. Она решила, что если полиция получила сообщение об автоматных очередях, они приедут из разных районов города, из разных участков, поэтому, может быть, на этом направлении полицейской машины больше не будет. Улица была пустой, не считая еще одной машины, на крыше которой не было красного маячка. Она свернула направо, подальше от дома Бренкшоу, думая о том, где найти убежище.

ГЛАВА 3

Лаура приехала в Риверсайд в три пятнадцать утра, угнала «бьюик» с тихой боковой улочки, перетащила своего спасителя в него вместе с креслом и бросила «котлас». Крис спал все это время, и его тоже пришлось перетаскивать из одной машины в другую.

Через полчаса она остановилась в другом районе и, используя отвертку, найденную в бардачке «бьюика», скрутила номера с «киссана». Она прикрутила номера с «киссана» на «бьюик», а номера с «бьюика» бросила в багажник, потому что их наверняка будет разыскивать полиция.

Пройдет, может быть, пару дней, прежде чем владелец «киссана» заметит отсутствие номеров, и если он даже заявит о краже в полицию, полиция не придаст этому большего значения, чем украденному автомобилю. Номера обычно снимали шалящие дети, они прибавляли забот и без того перегруженной делами полиции, у которой было полно других преступлений. Это была еще одна полезная вещь, которую она узнала, работая над книгой, где одну из основных ролей играл угонщик автомобилей.

Она сделала довольно долгую паузу, чтобы одеть на своего спасителя шерстяные носки, ботинки и свитер, которые должны были защитить его от холода. Однажды он открыл глаза, посмотрел на нее и назвал ее имя, она решила, что он пришел в себя, но он снова потерял сознание, пробормотав перед этим что-то на языке, которого она не могла определить, так как не слышала ни одного слова отчетливо.

Из Риверсайда она поехала в Ерба Линда, где в четыре пятьдесят остановилась на углу супермаркета «Ральф». Она заглушила двигатель, выключила фары и отстегнула ремень безопасности. Крис был все еще пристегнут, он спал, приклонившись к дверце. Ее спаситель лежал без сознания на

заднем сиденье, его дыхание уже не было таким слабым, как до визита к Картеру Бренкшоу. Лаура сомневалась, что сможет заснуть, она надеялась собраться с мыслями и дать отдых глазам, но через минуту она уже спала.

После убийства по меньшей мере трех человек, после двух перестрелок, после угонов автомобилей, после опасной погони, ей должна была сниться смерть, кровь и тела, а холодный лязг автоматных очередей должен был сопровождать ночные кошмары. Ей могла бы присниться потеря Криса, так как он был одним из двух светлых пятен в окружавшем ее мраке, но и Тельма, она не представляла себе жизни без него. Но вместо этого ей приснился Дании, и это были прекрасные сны, а не ночные кошмары. Дании был снова жив, и они получали за «Шадрача» авторский гонорар больше одного миллиона долларов, Крис тоже был там и ему было восемь лет, хотя на самом деле он еще не родился в это время, они праздновали удачный гонорар в Диснейленде, где все трое снимались с Микки Маусом, где в Красном павильоне Дании признавался ей в вечной любви, в то время как Крис хвастался, что он научился хрюкать, чему его научил Карл Доквейлер, сидящий за соседним столом с Ниной и с отцом Лауры, за другим столом очаровательные близняшки Акерсон ели клубничное мороженое...

Она проснулась через три часа в восемь часов двадцать шесть минут, чувствуя себя отдохнувшей скорее из-за привычного состояния подсознания, чем от самого сна. Солнеч-

ный свет с безоблачного неба отражался от хромированной поверхности автомобиля и проникал в салон через заднее стекло. Крис все еще спал. Раненый на заднем сиденье не подавал признаков жизни.

Она рискнула быстро подойти к телефонной будке возле маркета, которая стояла в пределах видимости. Используя мелочь, которая была в ее сумочке, она позвонила Иде Паломар, репетитору Криса, живущей в Лэйк Арроухед, чтобы предупредить ее о том, что их не будет дома до конца недели. Она не хотела, чтобы бедная Ида неожиданно попала в изрешеченный пулями и залитый кровью дом в Бич Би, где полицейские эксперты уже несомненно делали свою работу. Она не сказала Иде, откуда звонила, хотя не собиралась надолго оставаться в Ерба Линда.

Вернувшись в машину, она села, потирая и массируя шею, когда ранние покупатели входили и выходили из маркета в двухстах футах от них. Она была голодна, с заспанными глазами и кислым запахом изо рта. Крис проснулся через десять минут, и она дала ему денег, чтобы он сходил в маркет и купил несколько сладких булочек и два пакета апельсинового сока. Это был не бог весть какой завтрак, но он придаст им энергии.

– А что с ним? – спросил Крис, показывая на ее спасителя.

Она вспомнила предупреждение доктора Бренкшоу о риске обезвоживания у пациента. Но она помнила и то, что могла влить в него жидкость. Пока он в коматозном состоянии,

он мог захлебнуться.

– Хорошо... принеси три пакета апельсинового сока. Может, мне удастся привести его в сознание.

Когда Крис вылез из машины, она сказала:

– И купи что-нибудь для ленча, что-нибудь из того, что не надо варить, скажем, буханку хлеба и банку арахисового масла. Возьми еще банку дезодоранта и бутылку шампуня.

Он усмехнулся.

– Почему ты не разрешила мне так же есть дома?

– Потому что без хорошего питания у тебя в голове был бы ветер вместо мозгов, малыш.

– Даже в бегах от наемных убийц я удивляюсь, что ты не взяла с собой микроволновую печь, свежие овощи и бутылку витаминов.

– Ты хочешь сказать, что я заботливая мать? Комплимент принят. Теперь иди.

Он закрыл дверцу. Она сказала:

– И, Крис...

– Я знаю, – сказал мальчик. – Будь осторожен. Пока Криса не было, она завела двигатель и включила приемник, чтобы послушать девятичасовые утренние новости. Она услышала историю о самой себе: о сцене в ее доме в Бич Би и о перестрелке в Сан-Бернардино. Как и все истории в новостях, она была неточной, бессвязной и неправдоподобной. Но из нее следовало, что полиция разыскивает ее по всей Южной Калифорнии. В соответствии с сообщением, власти ожида-

ли ее скорого задержания, в основном благодаря ее широко известной личности.

Она была потрясена прошлой ночью, когда Картер Бренкшоу узнал в ней Лауру Шан, известную писательницу. Она не думала о себе, как о знаменитости; она была только писательницей, сочинительницей историй. Она сделала всего лишь одно публичное представление одного из своих ранних романов и больше не повторяла этого. Она не была постоянным гостем на телевизионных шоу. Она никогда не участвовала в телевизионном бизнесе, никогда не высказывала своих политических взглядов, избегая быть вовлеченной в политические интриги. За свои 33 года она добилась репутации необыкновенной женщины, но никогда не могла себе представить такой известности, как о том говорила полиция.

Сейчас ее раздражала собственная известность, которая не только упрощала работу полиции, но которая в современной Америке равносильна потере способности к самокритике и частичному снижению артистических возможностей. Лишь немногим удалось быть сразу и общественной фигурой, и хорошим писателем, но и их в конце концов избаловала общественная признательность. Лаура боялась этого меньше ареста.

Неожиданно, с некоторым удивлением, она поняла, что если ее беспокоит известность и потеря собственной артистичности, то она еще может надеяться на безопасное будущее, когда сможет написать еще несколько книг. Она была

готова сражаться до смерти, защищать своего сына до последней капли крови, но в то же время она чувствовала что их ситуация была безнадежна, их враги слишком могущественны и непобедимы. Теперь же что-то изменилось в ней, и она чувствовала больше оптимизма.

Может, это был всего лишь сон.

Крис вернулся с кульком сладких булочек, тремя литровыми пакетами апельсинового сока и другими покупками. Они ели булочки, пили сок, и ничто не могло быть вкуснее.

Когда они закончили завтрак, Лаура перебралась на заднее сиденье и попыталась привести своего спасителя в сознание. Все было тщетно.

Она дала третий пакет с соком Крису и сказала:

– Оставь это ему. Может быть, он скоро очнется.

– Если он не может пить, мы не можем дать ему пенициллин, – сказал Крис.

– Он ему не понадобится еще несколько часов. Доктор Бренкшоу ввел ему большую дозу, она все еще работает.

Но Лаура была обеспокоена. Если он не придет в сознание, они могут никогда не узнать правды о той опасности, в которую были вовлечены. И им, может быть, никогда не удастся выбраться из этого.

– Что дальше? – спросил Крис.

– Мы найдем оружейный магазин и купим патроны для «узи» и револьвера. Потом... мы начнем искать мотель, в котором могли бы спрятаться.

Сейчас они были в ста милях от дома доктора Бренкшоу, где враги в последний раз нашли их. Но имело ли это расстояние какое-нибудь значение для людей, которые совершали путешествия во времени?

Окрестности Санта-Аны Анахима и другие прилегающие районы предлагали огромное количество мотелей тех типов, которые она искала. Она не хотела современного сверкающего Ред Лион Инн или Говард Джонсон Мотор Лодж с цветными телевизорами в номерах, коврами и теплыми плавательными бассейнами, потому что это требовало регистрации кредитной карточки, что могло навести на ее след полицию или наемных убийц. Вместо этого она искала мотель, может быть, не очень чистый и не очень привлекательный для туристов, но в котором никто не мешал бы заниматься своим делом, там можно было расплачиваться наличными и где никто не задавал вопросов.

Она знала, что будет трудно найти комнату, и не была удивлена тем, что первые двенадцать отелей не устраивали ее. Чаще всего в подобные отели входили и выходили мексиканские женщины с детьми на руках или с целыми выводками позади и молодые или более зрелые мексиканские мужчины в спортивных тапочках, шароварах, фланелевых рубашках и цветных жакетах, на некоторых из них были широкополые ковбойские шляпы или бейсбольные кепки, все они были весьма подозрительными личностями. Большинство из этих ветхих отелей стали убежищем для нелегаль-

ных иммигрантов, сотен тысяч тех, кто не нашел подходящего убежища в Оранж Кантри. Целые семьи жили в одном номере, пять, шесть или даже семь человек ютились на узком пространстве, где стояла одна кровать и два стула, где водопровод едва функционировал, и за все это они платили сто пятьдесят или больше долларов в неделю. Но они скорее бы согласились на такие условия жизни и мизерную оплату труда, чем на возвращение на родину, где правило «революционное народное правительство».

В тринадцатом отеле «Птица счастья», хозяин, очевидно, все еще надеялся привлечь туристов и не рассчитывал на последние гроши бедных иммигрантов. Некоторые из двадцати четырех комнат были, очевидно, все же сданы иммигрантам, но в номерах были свежие полотенца, телевизоры и даже подушки. Как бы то ни было, служащий взял наличные и не спросил кредитки, избегая смотреть Лауре в глаза, что было печальным доказательством того, что через год «Птица счастья» станет еще одним памятником политической глупости и человеческой жадности, чем полон был этот район, как полно надгробными камнями старое городское кладбище.

Здание мотеля было построено в П-образной форме со стоянкой для автомобилей посередине, их номер находился в конце правого крыла. Возле двери в номер стояла большая пальма, которая цвела даже посреди зимы, стоя на маленьком клочке земли, ограниченном бетонными дорожка-

ми, словно природа специально выбрала ее, чтобы показать о своем стремлении снова завоевать землю, когда время человечества пройдет.

Лаура и Крис разложили кресло и усадили в него раненого, не скрывая своих действий, как будто они просто заботились об инвалиде. Прилично одетый, без пятен крови, ее спаситель мог сойти за паралитика – и только его голова беспомощно свисала на плечо.

Маленькая комната была довольно чистой. Потертый ковер был вычищен, а слой пыли на мебели был далек от толщины в палец. Цветастое покрывало на кровати было лишь слегка помято, но его цветной рисунок не мог скрыть два жирных пятна, простыни были достаточно свежими и накрахмаленными до хруста. Они перетащили спасителя с кресла на кровать и положили под его голову две подушки.

Небольшой телевизор был накрепко прикручен к изрезанной и облупленной поверхности полированного стола, ножки стола были привинчены к полу. Крис сел на один из жестких стульев, включил телевизор и стал переключать каналы в поисках мультфильмов или кино. Он выбрал фильм «Хитрец», который был «слишком глуп, чтобы быть смешным», и Лаура подумала о том, сколько еще мальчишек его возраста придут в конце концов к этому выводу.

Она села на другой стул.

– Почему бы тебе не принять душ?

– Чтобы потом одеться в то же самое белье? – спросил он

с сомнением.

– Я знаю, что это звучит глупо, но попробуй. Я уверяю тебя, что ты почувствуешь себя чище, даже без свежего белья.

– Лезть в душ, чтобы потом натягивать мягое белье?

– Когда это ты стал таким порядочным, что не любишь мягое белье?

Он усмехнулся, встал со стула и поплелся в ванную, поняв всю тщетность дальнейшего спора.

– Король и королева были бы шокированы, увидев меня в эту минуту.

– Мы заставим одеть их черные повязки на глаза, если они придут, – сказала она.

Он вернулся из ванной через минуту.

– В раковине валяетсядохлый клоп. Я думаю, что это таракан, но я не уверен.

– Ты думаешь, мы должны известить об этом его родственников?

Крис засмеялся. Господи, она так любила его смех.

– Что ж мне делать – смыть его?

– Можешь выловить его, положить в спичечную коробку и похоронить на цветочном газоне. Он снова засмеялся.

– Нет. Я похороню его в море. – В ванной он фыркнул. – Какая гадость, – и смыл таракана.

Пока мальчик мылся, по телевизору начался фильм «Гарлемские путешественники на острове Гилличан». Лаура в действительности не смотрела телевизор, но вскоре на экра-

не стали происходить такие вещи, которых не могла выдержать даже женщина в бегах, поэтому она быстро переключила канал на какой-то журнал.

Она посмотрела на своего спасителя, но его неестественный сон расстроил ее. Не вставая со стула, она отдернула шторы, чтобы видеть стоянку, но никто на земле не знал, где она; она была вне опасности. Она бессмысленно уставилась на экран телевизора, но внезапно была загипнотизирована тем, что по нему шло. Ведущий журнала брал интервью у молодого актера, который рассказывал что-то о себе. Слушая его монотонную речь, Лаура задремала.

– Мама?

Она заморгала, выпрямилась и посмотрела на Криса, стоящего в дверях ванной. Он только что вылез из-под душа. Его волосы были мокрыми, на нем были только трусы. Вид его худого мальчишеского тела – острых ребер, локтей и коленей – тронул ее сердце, он выглядел таким невинным и безупречным. Он был таким маленьким и хрупким, что она удивилась, как он мог вообще защищать себя и бороться со страхом.

– Мам, он говорит, – сказал Крис, показывая на человека, лежащего на кровати. – Ты не слышала его? Он говорит.

– Воды, – слабым голосом сказал раненый. – Воды.

Она быстро подошла к кровати и нагнулась над ним. Он не был больше в коматозном состоянии. Он пытался сесть, но ему не хватало сил. Его голубые глаза были открыты и

хотя белки были красными, эти глаза смотрели на нее с рас-
судком.

– Жажда, – сказал он. Она сказала:

– Крис...

Он уже стоял рядом со стаканом воды в руке. Она села на кровать позади своего спасителя, подняла его голову, взяла стакан у Криса и помогла раненому пить. Она дала выпить ему только несколько маленьких глотков, так как не хотела, чтобы он захлебнулся. Его губы потрескались, а язык был белым, словно он ел пепел.

Положив его голову обратно на подушку, она попробовала его лоб.

– Уже не такой горячий, как раньше.

Он повернул голову из стороны в сторону, пытаясь рассмотреть комнату. Несмотря на воду, его голос оставался сухим и надтреснутым.

– Где мы?

– В безопасности, – сказала она.

– Нигде... нет безопасности.

– Мы смогли больше понять в этой сумасшедшей ситуации, чем ты думаешь, – сказала она ему.

– Да, – сказал Крис, садясь на кровать, рядом с матерью. – Мы знаем что ты путешественник во времени!

Раненый посмотрел на мальчика, пытаясь улыбнуться, но сморщился от боли.

– У меня есть наркотики, – сказала Лаура. – Обезболива-

ющие.

– Нет, – сказал он.– Не сейчас. Позже, может быть. Еще воды.

Лаура снова подняла его голову и позволила выпить все оставшееся содержимое стакана. Она вспомнила о пенициллине и дала его ему вместе с последними глотками воды.

– Из какого ты года? – возбужденно спросил Крис, забыв о каплях воды, стекавших по его лицу.– Из какого?

– Дорогой, – сказала Лаура, – он очень слаб, и мы не должны беспокоить его вопросами.

– Он может сказать нам хотя бы это, мама.– Крис снова обратился к раненому.– Из какого ты года?

Он посмотрел на Криса, потом на Лауру.

– Из какого ты года? А? Из 2100? 3000? Сухим голосом спаситель сказал:

– Из 1944-го.

Столь незначительная активность, очевидно, уже утомила его, взгляд стал тяжелым, а голос слабел. Лаура была уверена, что он снова теряет сознание.– Из какого? – переспросил Крис, удивленный ответом.

– Из 1944-го.

– Это невозможно, – сказал Крис.

– Берлин, – сказал спаситель.

– Он бредит, – сказала Лаура Крису.

Его голос превратился в шепот и совсем затих, но он довольно отчетливо произнес:

– Берлин.

– Берлин? – сказал Крис. – Ты имеешь в виду – Берлин, Германию?

Сон свалил раненого, это был не неестественный сон комы, а нормальный сон, о чем говорило тихое и спокойное дыхание. Но прежде чем впасть в этот сон, он успел еще выдать из себя:

– Нацистская Германия.

ГЛАВА 4

По телевизору шла «Жизнь во имя жизни», но ни Лаура, ни Крис не проявляли никакого интереса к мыльной опере. Они поставили стулья к кровати, откуда могли наблюдать за спящим человеком. Крис оделся, и его волосы почти высохли, хотя на шее еще остались капли воды. Лауре очень хотелось принять душ, но она не могла оставить раненого, который мог вновь проснуться и заговорить. Она и мальчик переговаривались шепотом.

– Крис, до меня дошло, что если бы эти люди были из будущего, то они бы появились с лазерными пушками или чем-нибудь в этом роде, как ты думаешь?

– Они бы не захотели, чтобы кто-нибудь узнал о том, что они из будущего, – сказал Крис – Они бы не взяли с собой оружие и одежду, которые бы не подходили ко времени. Но,

мама, он сказал, что он из...

– Я знаю, что он сказал. Но это звучит неправдоподобно, не так ли? Если бы они изобрели машину времени в 1944 году, мы знали б об этом, так?

В тринадцать тридцать спаситель снова очнулся и выглядел гораздо лучше. Он просил воды, и Лаура помогла ему напиться. Он сказал, что чувствует себя лучше, хотя был очень слаб и очень хотел спать. Он попросил поднять его повыше. Крис достал из шкафа еще две подушки и помог матери приподнять раненого.

– Как тебя зовут? – спросила Лаура.

– Стефан. Стефан Кригер.

Она тихо повторила имя, которое звучало не очень мелодично, но довольно твердо. Это не было имя ангела-спасителя, и она удивилась, что после стольких лет и после некоторого разочарования в нем, она все еще ожидала услышать неземное имя.

– И ты действительно появился из...

– 1944 года, – повторил он. Его лоб вспотел, возможно, от усилий, которых требовало его полусидячее положение, а может быть, от воспоминаний о том месте и времени, из которого он появился.

– Берлин, Германия. Там появился великий польский ученый, Владимир Псилевски, которого считали сумасшедшим – я думаю, он и был таким, – но он оказался гением. Он жил в Варшаве и работал над теорией об относительности време-

ни уже двадцать пять лет, когда Россия и Германия объединились для оккупации Польши в 1939 году...

Псиловски, по рассказу Стефана Кригера, симпатизировал нацистам и приветствовал войска Гитлера. Возможно, он знал, что получит от Гитлера средства на свои исследования, которых он не получил бы от более разумного человека. Под персональной опекой самого Гитлера Псиловски и его ближайший помощник Владислав Янушка отправились в Берлин, чтобы организовать институт для дальнейших исследований, он был таким секретным, что даже никак не назывался. Он просто назывался институтом. Там, во взаимодействии с германскими учеными, менее мудрыми, чем он, и благодаря потоку финансов из Третьего рейха, Псиловски нашел способ проникать в пространство и время.

– Блитцштрассе, – сказал Стефан.

– Блитц – значит молния, – сказал Крис. – Как Блитцкриг – война молний – в этих старых фильмах.

– В этом случае Дорога Молний, – сказал Стефан. – Дорога сквозь время. Дорога в будущее.

Литературно это можно было бы назвать Зукун-фтиштрассе, или Дорога в будущее, объяснил Стефан, так как Владимир Псиловски не нашел способа посылать людей в прошлое с помощью той машины, которую он изобрел. Они могли путешествовать только в будущее и автоматически возвращаться в свою эру.

– Вероятно, существует какой-то космический механизм,

который не позволяет путешествовать в прошлое, чтобы путешественники во времени не могли изменить настоящих событий. Понимаете, если бы они могли путешествовать в свое собственное прошлое, они породили бы определенные...

– Парадоксы! – возбужденно сказал Крис. Стефан был удивлен словом, услышанным от мальчика.

Улыбаясь, Лаура сказала:

– Как я уже говорила, мы вели с ним дискуссию по поводу вашего происхождения, и путешествия во времени показались нам наиболее логичными. А в этом Крис является моим советчиком.

– Парадокс, – согласился Стефан. – Это слово одинаково звучит и по-немецки, и по-английски. Если бы путешественник во времени мог вернуться в свое прошлое и повлиять на некоторые события истории, последствия могли бы быть ужасными. Это могло изменить будущее, из которого он появился. Может быть, он даже не смог бы вернуться в мир, который покинул...

– Парадокс! – сияя, сказал Крис.

– Парадокс, – согласился Стефан. – Очевидно, природа избегает парадоксов и не позволяет путешественникам во времени порождать их. И спасибо Господу за это. Потому что... предположим, например, что Гитлер посылает убийцу в прошлое, чтобы убить Франклина Рузвельта и Уинстона Чер-

чилля задолго до того, как они заняли свои посты, в результате чего на выборах победили бы другие люди, которые могли оказаться менее разумными и которые могли привести к триумфу Гитлера в 1944 году или даже раньше.

Он говорил со страстью, которая была непозволительна в его состоянии, и каждое слово отбирало у него силы. Пот почти высох на его бровях, но теперь, хотя он даже не жестикулировал, новые капли пота заблестели на его лбу. Черные круги вокруг глаз стали еще темнее. Но она не могла остановить его и приказать отдыхать, потому что сама хотела услышать все до конца и потому что он не послушался бы ее.

– Предположим, что фюрер мог послать убийц, чтобы убить Дуайта Эйзенхауэра, Джорджа Патюна и маршала Монтгомери, убить их в колыбелях, когда они были еще детьми, убить их и все лучшие военные умы, которые противостояли нацистам. Тогда весь мир принадлежал бы ему к 1944 году, если бы эти убийцы убили всех людей, которые были бы уже мертвы к этому времени и не могли бы противостоять ему. Парадокс, как вы видите. И спасибо Богу, что природа не допускает таких парадоксов, что она не позволяет путешественникам во времени возвращаться в прошлое, иначе Адольф Гитлер превратил бы весь мир в концентрационный лагерь и крематорий.

Они замолчали, как будто возможность такого ада поразила каждого из них. Даже Крис содрогнулся от той картины, которую нарисовал Стефан, так как за свои восемь лет он

насмотрелся фильмов, в которых врагами были пришельцы с далеких звезд или нацисты. Свастика, этот символ смерти, черная униформа СЕ и этот странный фанатик с маленькими усиками особенно страшили его потому, что они были порождениями человечества, в котором он жил. Лаура знала, что все услышанное ребенком становилось для него не менее реальным, чем хлеб, который он ел.

Стефан сказал:

– Итак, из этого института мы могли путешествовать только в будущее, но это тоже можно было использовать. Мы могли заглянуть вперед, чтобы увидеть, что ждало Германию и что можно было изменить. Конечно, мы знали о том, что Третий рейх потерпел крах. Но разве этого нельзя было изменить со знанием будущего? Конечно, Гитлер мог кое-что сделать для спасения Третьего рейха даже в конце 1944 года. Знание будущего могло помочь выиграть войну...

– Конечно, – сказал Крис, – атомные бомбы.

– Или знание об их создании, – сказал Стефан. – Вы знаете, что Третий рейх уже вел исследовательскую разработку ядерной бомбы, и если бы им удалось закончить ее быстрее...

– Они бы выиграли войну, – сказал Крис. Стефан попросил воды и выпил полстакана. Он попробовал держать стакан здоровой рукой, но она дрожала; вода расплескалась на одеяло, и Лаура помогла ему.

Когда Стефан заговорил снова, его голос немного дрожал:

– Так как путешественник во времени существует вне времени во время своего путешествия, он способен двигаться не только во времени, но и географически. Представьте его висящим над землей, неподвижным, тогда как она вертится под ним. Все происходит, конечно, не так, но это проще представить, чем представить его парящим в другом измерении. Раз он висит в воздухе, а земля вертится под ним, то, если его прыжок в будущее рассчитан верно, он может путешествовать в определенное время, в которое он окажется в Берлине, в том же городе, из которого он оправился в будущее несколько лет назад. Но если он выберет для путешествия другое время, земля повернется под ним в меньшей или большей степени, и он появится в совсем другом месте. Расчеты, связанные с точным местом прибытия в будущее, очень затруднительны в моем времени, в 1944-м...

– Но они просты в наше время, – сказал Крис, – при помощи компьютеров.

Передвинувшись на подушках, которые поддерживали его в полусидячем положении, и положив дрожащую правую руку на раненое плечо, как будто для того, чтобы снять боль этим прикосновением, он сказал:

– Целые команды немецких ученых, сопровождаемые гестапо, были тайно посланы в различные города Европы и Соединенных Штатов в 1985 год для сбора информации, связанной с созданием ядерного оружия. С их знаниями, полученными из исследований, нужный им материал было не так

трудно найти. Остальное они могли дополнить информацией из научных публикаций, которые имелись в библиотеке каждого университета в 1985 году. За четыре дня до моего последнего путешествия из института эти команды вернулись из 1985 года в март 1944-го с материалом, который позволит Третьему рейху создать ядерное оружие до осени того же года. Несколько недель им понадобится на изучение материала и на его внедрение в исследования немецких ученых. Тогда я понял, что должен уничтожить институт и все, что в нем есть, – от персонала до документации, чтобы предотвратить кошмарное будущее, уготованное Адольфом Гитлером.

Лаура и Крис внимательно слушали, как Стефан Кригер установил взрывчатку в институте, как он застрелил Псиловски, Янушку и Волкова, и как отправился в будущее.

Но в последнюю минуту что-то произошло. Питание сети отключилось. Русские бомбили Берлин еще с января этого года, а американские бомбы начали сыпаться с шестого марта, поэтому питание часто отключалось, не столько из-за повреждений, вызванных бомбардировками, сколько из-за действий саботажников. На такой случай машина времени была снабжена своим генератором. Стефан не слышал разрывов бомб в тот день, когда, раненый Кокошкой, он заполз в машину, очевидно, питание было отключено саботажниками.

– Таймер взрывчатки остановился. Машина времени не была уничтожена. Она действует, и они могут прийти за на-

ми. И... они все еще могут выиграть войну.

У Лауры снова разболелась голова. Она коснулась пальцами висков.

– Но подожди. Гитлер не может создать ядерную бомбу и выиграть вторую мировую войну, иначе мы бы не жили в том мире, где это случилось. Тебе не нужно беспокоиться. Несмотря на полученные знания, им, по всей видимости, не удалось создать ядерное оружие.

– Нет, – сказал он. – Они потерпели некоторую неудачу, но мы не можем допустить, что они будут терпеть неудачи дальше. Тем людям в институте, в Берлине в 1944 году, прошлое неподвластно, как я уже сказал. Они не могут путешествовать в прошлое и изменять его. Но они могут изменить свое будущее и наше, потому что оно им подвластно. – Но их будущее, это наше прошлое, – сказала Лаура. – И если прошлое нельзя изменить, как они могут изменить наше прошлое?

– Да, – сказал Крис. – Парадокс. Лаура сказала:

– Послушай, я не прожила свои тридцать четыре года в мире, в котором правят Адольф Гитлер и его наследники, значит, несмотря ни на что, Гитлеру не удалась его затея.

Выражение лица Стефана стало печальным.

– Если бы машина времени была изобретена в 1989 году, то прошлое, о котором ты говоришь, – вторая мировая война и все остальные последующие события, – были бы неизменны. Их нельзя было бы изменить потому, что природа запрещает путешествия в прошлое, и снова возникли бы пара-

доксы. Но машина времени была изобретена не сейчас. Путешественники во времени из института, из Берлина 1944 года, могут изменить свое будущее, и хотя этим самым они изменяют ваше прошлое, законы природы не остановят их. В этом самый большой парадокс, который природа, кажется, упустила из виду.

– Ты хочешь сказать, что они все еще создают ядерное оружие там, получив информацию из 1985 года, – сказала Лаура, – и могут выиграть войну?

– Да. Если только институт не будет уничтожен.

– И что тогда? Вокруг нас все неожиданно изменится, и мы будем жить при нацизме?

– Да. И ты даже не узнаешь, что произойдет, потому что ты будешь не тем человеком, каким являешься сейчас. Твоего теперешнего прошлого никогда не будет. Ты проживешь другое прошлое и никогда не вспомнишь того, что случилось с тобой в этой жизни, потому что этой жизни никогда не будет существовать. Ты будешь думать, что мир всегда был таким, что никогда не существовало мира, в котором Гитлер потерпел поражение.

То, что он говорил, ужасало ее, потому что мир казался еще более хрупким, чем она всегда думала. Мир под ее ногами неожиданно стал казаться нереальным, этаким миром снов; он мог раствориться без предупреждения и ввергнуть ее в большую и мрачную пустоту.

С растущим ужасом она сказала:

– Если они изменяют мир, в котором я выросла, я могу никогда не встретиться с Дании и никогда не выйти замуж.

– Значит, я могу вообще не родиться, – сказал Крис.

Она взяла Криса за руку не для того, чтобы заверить его, но для того, чтобы заверить себя в его твердости духа.

– Я могу сама не родиться. Все, что я видела, хорошее и плохое, что было в мире с 1944 года... все это исчезнет, и новая реальность займет это место.

– Новая и худшая реальность, – сказал Стефан, в конце измученный усилиями, которые ему пришлось приложить, чтобы объяснить все то, что было в ставке, на которую шла игра.

– В этом новом мире я могу никогда не написать своих книг.

– Или, если ты их напишешь, – сказал Стефан, – они могут отличаться от тех, которые ты написала, это будут книги, написанные человеком, живущим под деспотическим правительством, под железным кулаком нацистской цензуры.

– Если эти ребята из 1944 года сделают атомную бомбу, – сказал Крис, – мы все можем превратиться в пыль.

– Не очень литературно, но все может быть именно так, – согласился Стефан Кригер. – Мы можем исчезнуть бесследно, как будто нас вовсе не существовало.

– Мы должны остановить их, – сказал Крис.

– Если бы мы могли, – согласился Стефан. – Но сначала нам нужно выжить в этой реальности, что может оказаться

не так легко.

Стефану нужно было облегчиться, и Лаура помогла ему добраться до ванной, поддерживая его, как сиделка, приставленная на помощь больному человеку. Когда она помогла ему вернуться в кровать, то снова почувствовала беспокойство за него, так как, несмотря на его мускулистое тело, он был пугающее слаб.

Она коротко рассказала ему о перестрелке у дома Бренкшоу, которую он пережил в коматозном состоянии.

– Если эти убийцы появляются из прошлого, а не из будущего, откуда они знают, где нас искать? Как они узнали в 1944 году, что мы будем у доктора Бренкшоу через сорок пять лет?

– Чтобы найти вас, – сказал Стефан, – они сделали два путешествия. Сначала они отправились чуть дальше, на пару дней, возможно, в надвигающийся уик-энд, чтобы посмотреть, не показались ли вы где-нибудь к тому времени. Если вы не показались – как, очевидно, и было, – то они стали просматривать публичные записи. Например, газетные заметки. Они прочитали о перестрелке в вашем доме прошлой ночью, и о том, что вы привезли раненого человека в дом доктора Бренкшоу в Сан-Бернардино. Тогда они просто вернулись в 1944 год и предприняли второе путешествие – на этот раз в сегодняшнее утро одиннадцатого января к дому доктора Бренкшоу.

– Они так и скачут вокруг нас, – сказал Крис Лауре. – Сна-

чала они прыгают в недалекое будущее, чтобы обнаружить место, где мы появимся, потом они выбирают самое подходящее место для засады. Это похоже на то... что если мы были ковбоями, а индейцы были физиками.

– Кто был Кокошка? – хотел знать Крис.– Кто был человек, который убил моего папу?

– Начальник службы безопасности института, – сказал Стефан.– Он считал себя далеким родственником Оскара Кокошки, известного австрийского художника-экспрессиониста, но я сомневаюсь, что это правда, потому что наш Кокошка не имеет никаких намеков на склонность к искусству. Штандартенфюрер – то есть полковник Генрих Кокошка был квалифицированным убийцей гестапо.

– Гестапо, – Крис был поражен новостью.– Секретная полиция?

– Государственная полиция, – сказал Стефан.– Ее существование было широко известно, но деятельность была секретной. Когда он появился на горной дороге в 1988 году, я был удивлен не меньше вашего. Тогда не было молнии. Должно быть, он появился далеко от нас, в пятнадцати или двадцати милях, в другой окрестности Сан-Бернардино, поэтому молнию невозможно было заметить. Молния, сопутствующая путешествиям во времени, была в действительности явлением, ограниченным в пространстве, – как объяснил Стефан.– После того как Кокошка появился на моей дороге, я думал, что вернусь в институт, где все мои коллеги

уже будут знать о моем предательстве, но когда я появился там, никто не обратил на меня особого внимания. Я был ошеломлен. После того как я убил Псилоовски и остальных и готовился к своему последнему путешествию в будущее, в лабораторию ворвался Генрих Кокошка и ранил меня. Он не был мертв! Он не остался мертвым на этой дороге в 1988 году. Потом я понял, что Кокошка, очевидно, только сейчас узнал о моем предательстве, когда обнаружил убитых мною ученых. Он отправился в 1988 год и попытался убить меня – и всех вас. Это значит, что машина времени осталась невредимой и моя попытка уничтожить ее потерпела провал. По крайней мере, в этот раз.

– Господи, это вызывает невероятную головную боль, – сказала Лаура.

Однако Крис, казалось, не испытывал никаких трудностей в понимании запутанного клубка событий, связанных с путешествиями во времени. Он сказал:

– Значит, после того, как ты направился в наш дом прошлой ночью, Кокошка отправился в 1988 год и убил моего папу. Господи! Значит, ты убил Кокошку через 43 года после того, как он ранил тебя в лаборатории... хотя ты убил его раньше, чем он ранил тебя. Наверное, это звучит для тебя дико, мама? Но разве это не здорово?

– В этом что-то есть, – согласилась она. – А как Кокошка нашел тебя на этой горной дороге?

– Когда он узнал, что я убил Псилоовски, и после того как

я сбежал в другое время, Кокошка, должно быть, обнаружил взрывчатку на чердаке и первом этаже. Затем он, должно быть, посмотрел все записи об использовании машины времени, которые фиксируются автоматически. В институте все были заняты другими делами, вот почему все мои путешествия в твою жизнь, Лаура, оставались прежде незамеченными. Как бы то ни было, Кокошка должен был сам много путешествовать в будущее, чтобы тайно следить за мной и за моими вторжениями в твою жизнь. Должно быть, он наблюдал за мной тогда, на кладбище, в день похорон твоего отца, должно быть, он следил за мной и тогда, когда я избил Шинера, но я никогда не видел его. Значит, из всех путешествий, которые я делал в твою жизнь, из всех случаев, когда я наблюдал за тобой и предпринимал попытки к твоему спасению, он выбирал место, чтобы убить нас. Он хотел убить меня потому, что я был предателем, он хотел убить тебя и твою семью потому... потому, что он понимал, что вы были так важны для меня.

«Почему? – подумала она. – Почему я так важна для тебя, Стефан Кригер? Почему ты врвался в мою судьбу, пытаешься сделать мою жизнь лучше?»

Она хотела задать эти вопросы, но он должен был больше рассказать о Кокошке. Его силы, казалось, быстро таяли, и он испытывал некоторые трудности с сохранением последовательности своих мыслей. Она не хотела перебивать и смущать его.

Он сказал:

– С часов и графиков на программном дисплее, Кокошка мог узнать цель моего последнего путешествия: прошлая ночь, ваш дом. Но, понимаете, на самом деле я намеревался вернуться в ту ночь, когда погиб Дании, как я вам и обещал, а вместо этого я вернулся на год позже из-за какой-то ошибки при введении расчетов в машину. После того как я отправился раненный в будущее, Генрих Кокошка мог найти эти расчеты. Он мог понять мою ошибку и узнать, где найти меня не только прошлой ночью, но и той ночью, когда погиб Дании. Значит, когда я спас вас от грузовика год назад, я привел за собой и убийцу Дании. Я чувствую вину за это, хотя Дании погиб случайно. По крайней мере, вы с Крисом остались живы. До сих пор.

– Почему же Кокошка не отправился за тобой сразу же в 1989 год в прошлую ночь? Он знал, что ты ранен и с тобой было легче расправиться.

– Но он также знал, что я буду ожидать его, он боялся, что я буду вооружен и буду готов к встрече с ним. Поэтому он отправился в 1988 год, где я не ждал его и где он имел преимущество в неожиданности. Возможно, Кокошка рассчитывал убить меня в 1988 году, чтобы я не смог вернуться в институт с той горной дороги и убить Псиловски. Вне всяких сомнений, он рассчитывал предотвратить убийство и спасти разработчиков проекта, но, конечно, он не мог этого сделать, потому что тем самым изменил бы свое прошлое,

что невозможно. Псиловски и остальные были уже мертвы и остались бы мертвыми. Если бы Кокошка лучше понимал законы путешествий во времени, он бы знал, что я убью его в 1988 году, потому что к тому времени, как он решил спасти Псиловски, я уже вернулся в институт из той ночи невредимым! Крис спросил:

– С тобой все в порядке, мама?

– Мне бы сейчас фруктовую таблетку экседрина, – сказала она.

– Я знаю, что это трудно понять, – сказал Стефан.– Но таков Генрих Кокошка. Вернее, таким он был. Он обезвредил взрывчатку, которую я заложил. Из-за него и из-за этого отключения питания, вследствие чего остановился таймер взрывателя, институт остался, машина по-прежнему работает, а агенты гестапо пытаются убить нас в нашем же времени.

– Зачем? – спросила Лаура.

– Из-за мести, – сказал Крис.

– Они перешагнули через сорок пять лет, чтобы только из-за мести убить нас? – сказала Лаура.– Наверняка есть более веская причина.

– Есть, – сказал Стефан.– Они хотят убить нас потому, что мы единственные люди, которые могут найти способ уничтожить машину времени прежде, чем они выиграют войну и изменят будущее. И в этом они правы.

– Но как? – спросила она удивленно.– Как мы можем уничтожить институт, который существует сорок пять лет на-

зад?

– Пока я не уверен, – сказал он. – Но я подумаю над этим.

Она хотела было задать еще вопросы, но Стефан покачал головой. Он был очень утомлен и скоро вновь погрузился в сон.

Крис приготовил поздний ленч из сэндвичей с арахисовым маслом. У Лауры не было аппетита.

Видя, что Стефан проспит несколько часов, она приняла душ. После этого она почувствовала себя лучше, даже в мятом белье.

Весь день по телевизору шли разные глупости: мыльные оперы, спортивные шоу, опять мыльные оперы, повторение «Острова фантазий», шоу Донахью, бегающего по студии и ищущего среди аудитории сочувствующих бедственному положению дантистов.

Она зарядила магазин «узи» патронами, купленными в оружейном магазине еще утром.

На улице сгушались сумерки, темные облака затянули голубое небо. Пальма, одиноко стоящая возле угнанного «бьюика», казалось, поджала свои листья в ожидании шторма.

Она села на один из стульев, закинула ноги на край кровати и задремала. Ее разбудил плохой сон, в котором она обнаружила, что была сделана из песка и медленно растворялась под дождем. Крис спал на другом стуле, Стефан тихо сопел на кровати.

За окном шел дождь, громко стуча по крыше отеля и об-

разуя лужи на стоянке, хотя день был довольно холодным. Это был типичный для Южной Калифорнии шторм, почти тропический, но без грома и молний. Иногда все-таки раскаты грома аккомпанировали дождю в этой части страны, но они были менее часты, чем где бы то ни было. Сейчас Лаура была более чем благодарна этому факту потому, что если бы был гром и молнии, она бы терялась в догадках, были ли они естественными или сигнализировали о появлении агентов гестапо из другой эры.

Крис проснулся в семнадцать часов пятнадцать минут, а Стефан Кригер очнулся пяти минутами позже. Оба сказали, что голодны, а в дополнение к аппетиту Стефан выказывал другие признаки выздоровления. Его глаза стали ясными, белки больше не были красными и водянистыми. Он мог уже сесть на кровати, помогая себе здоровой рукой. Его левая рука, которая была онемевшей, теперь что-то чувствовала, он мог шевелить пальцами и сжимать их в кулак.

Вместо обеда ей хотелось бы услышать ответы на свои вопросы, но она должна была беспокоиться о своем пациенте. Когда они приехали утром в мотель, Лаура заметила китайский ресторан на другой стороне улицы. С неохотой оставляя Криса и Стефана, она пошла туда, чтобы купить что-нибудь на обед.

Револьвер она сунула под жакет, а «узи» оставила на кровати рядом со Стефаном. Хотя автомат был слишком тяжелым и мощным для Криса, Стефан мог бы справиться с ним

одной своей здоровой правой рукой, но отдача несомненно причинила бы ему сильную боль.

Когда она вернулась, вымокшая под дождем, они положили картонную коробку с едой на кровать, за исключением двух банок с куриным бульоном для Стефана, которые она поставила на ночной столик рядом с кроватью. Зайдя в ароматно пахнущий ресторан, она обнаружила, что у нее появился аппетит, и она заказала множество еды: курицу с лимоном, отбивную с апельсиновыми дольками, вареные креветки и ветчину с рисом.

Пока они с Крисом поглощали все это при помощи пластиковых вилок и запивали пищу кока-колой, купленной ею в гостиничном автомате, Стефан пил свой бульон. Он думал, что не сможет есть более тяжелую пищу, но, выпив бульон, осторожно попробовал ветчину и курицу с лимоном.

По просьбе Лауры он рассказал им о себе, пока они ели. Он родился в 1909 году в Германии, в городке Гиттелд, что стоит в горах Харц, следовательно, ему было тридцать пять лет.

– С другой стороны, – сказал Крис, – если считать сорок пять лет, которые ты перепрыгнул во времени с 1944-го по 1989 год, тебе сейчас восемьдесят лет! – Он засмеялся, довольный собой. – Парень, ты неплохо выглядишь для восьмидесятилетнего старикашки!

После того, как их семья переехала в Мюнхен во время первой мировой войны, отец Стефана, Франц Кригер, стал

поддерживать Гитлера с 1919 года, став членом Германской рабочей партии, когда Гитлер начал свою политическую карьеру в этой организации. Он даже вместе с Гитлером и Антоном Дрекслером писал платформу этой группировки, которая переросла в настоящую политическую партию, став позже национал-социалистической партией.

– Я стал одним из первых членов гитлерюгенда в 1926 году, когда мне исполнилось семнадцать лет, – сказал он. – Через год я вступил в Штурмабтеилонг, коричневые рубашки, первую военную организацию партии, настоящую армию. В 1928 году я стал членом Шутцстаффель.

– СС! – сказал Крис с ужасом, смешанным с отвращением, как будто он говорил о вампирах или оборотнях. – Ты был членом СС? Ты носил черную униформу и череп с перекрещенными костями?

– Я не горжусь этим, – сказал Стефан Кригер. – Конечно, в то время я гордился. Я был дураком. Мой отец тоже был дураком. Сначала СС была малочисленной группой, элитой, и в наши цели входила защита фюрера ценой собственных жизней, если понадобится. Нам всем было от восемнадцати до двадцати двух, мы были молоды и имели горячие головы. В свою защиту я могу сказать, что я не был так фанатично предан фюреру, как остальные. Я делал то, что хотел отец, хотя это, конечно, не снимает с меня вины.

Ветер бросал капли дождя в окна и шумно стучал по карнизам за стеной, возле которой стояла кровать.

Проснувшись, Стефан выглядел гораздо лучше, и куриный бульон придал ему сил. Но сейчас, когда он вспомнил молодость, проведенную в организации, сеющей ненависть и смерть, он снова побледнел, его глаза, казалось, потемнели под нависшими бровями.

– Я никогда не выходил из СС, потому что так было легче не вызывать подозрений, когда я окончательно потерял веру в нашего почитаемого лидера. Год за годом, месяц за месяцем, день за днем я все больше ненавидел то, что меня окружало, я ненавидел это безумие, убийства и террор.

Ни вареные креветки, ни курица с лимоном не доставляли больше прежнего удовольствия; во рту Лауры так пересохло, что рис прилип к гортани. Она с трудом проглотила пищу, запив кока-колой.

– Но если ты никогда не выходил из СС... когда ты учился, как ты оказался вовлеченным в научные исследования?

– О, – сказал он, – я не был в институте в качестве исследователя. У меня нет высшего образования. Кроме... двух лет, когда я интенсивно изучал английский, пытаюсь разговаривать с приемлемым американским акцентом. Я был частью проекта, по которому сотни тайных агентов отправлялись в Англию и Соединенные Штаты. Но мне так и не удалось скрыть свой акцент, поэтому меня никогда не отправляли за моря; кроме того, благодаря тому, что мой отец был ранним сторонником Гитлера, я заслужил их доверие, поэтому мне нашли другое применение. Я получил особое назначение в

Ставке Гитлера, где был чем-то вроде связного между ссорящимися фракциями правительства. Это была прекрасная возможность для сбора полезной для Англии информации, которую я начал собирать с 1938 года.

– Ты был шпионом? – возбужденно спросил Крис.

– Своего рода да. Я делал свой маленький вклад в борьбу против Третьего рейха, частью которого и был сам. Я пытался искупить вину, которую, кажется, невозможно искупить. Потом осенью 1943 года, когда Псиловски сделал некоторые успешные шаги к созданию машины времени, посылая животных Бог весть куда и возвращая их обратно, я был направлен в институт в качестве персонального наблюдателя фюрера. Я был тоже подопытным кроликом, первым человеком, посланным в будущее. Понимаете, когда они готовы были отправить в будущее человека, они не хотели рисковать Псиловски, Янушкой, Волковым, Миттером или Шенком, или другими учеными, чья гибель могла бы повлиять на дальнейшую разработку проекта. Никто не знал, в каком виде вернется человек, да и вернется ли вообще.

Крис печально кивнул.

– Путешествие во времени могло быть болезненным или вызвать расстройство желудка, или еще что-нибудь. Кто мог знать?

«Кто мог знать?» – подумала Лаура. Стефан сказал:– Они хотели также, чтобы это был надежный человек, который сохранил бы все в тайне. Я подходил идеально.

– Офицер СС, шпион, да еще и первый путешественник во времени, – сказал Крис. – Уау, какая великолепная жизнь.

– Может, Бог даст тебе не менее насыщенную событиями жизнь, – сказал Стефан Кригер. Потом он посмотрел на Лауру более открыто, чем раньше. Его прекрасные голубые глаза отражали душевную боль. – Лаура..... что ты теперь думаешь о своем спасителе? Он оказался далеко не ангелом, а приспешником Гитлера и подонком из СС.

– Ты не подонок, – сказала она. – Твой отец, твоё время и твоё общество пытались сделать из тебя подонка, но они не смогли согнуть твою силу воли. Ты не подонок, Стефан Кригер, и никогда им не был.

– Но я не ангел, – сказал он. – Далеко не ангел, Лаура. После смерти мне уготовано маленькое местечко в аду.

Стучащий по крыше дождь, казалось, отсчитывал миллионы минут, часов, дней и лет, которые стекались в один большой поток и уносились прочь.

После того как она собрала остатки обеда и выбросила их в мусорный бак, стоящий рядом, после того как она принесла из автомата еще три банки кока-колы для каждого из них, Лаура наконец задала своему спасителю вопрос, который она хотела задать с того самого момента, когда он очнулся из комы:

– Почему? Почему ты заострил свое внимание на мне и на моей жизни, почему ты помогаешь мне, почему спасал меня сейчас и тогда? Скажи, ради Бога, как моя судьба связана с

нацистами, путешественниками во времени и с судьбой мира?

Во время своего третьего путешествия в будущее, объяснил он, он попал в Калифорнию в 1984 год. Два предыдущих путешествия в Калифорнию – на две недели в 1954 году и на две недели в 1964 год – показали ему, что Калифорния становилась культурным и научным центром самой развитой в мире нации. Он выбрал 1984 год, так как это было ровно сорок лет от его времени. К тому времени он уже не был единственным: четверо других людей отправились в будущее, как только выяснилась безопасность таких путешествий. В свое третье путешествие Стефан продолжал изучать будущее, узнавать войны. Он также искал научные разработки последних сорока лет, которые могли помочь Гитлеру победить в войне, не потому, что он хотел помочь Третьему рейху, а потому, что надеялся саботировать их. В его исследования входил просмотр газет и телевизионных передач и вообще внедрение в американское общество конца двадцатого века.

Лежа на подушках, он рассказывал о своем третьем путешествии во времени уже не тем печальным голосом, каким он описывал свою мрачную жизнь до 1944 года.

– Вы не представляете себе, что я чувствовал, идя первый раз по улицам Лос-Анджелеса. Если бы я отправился на тысячу лет в будущее вместо сорока, все могло оказаться менее удивительнее того, что я увидел тогда. Машины! Машины

езде – среди них было так много немецких, что это могло означать определенно прощение новой Германии за развязанную когда-то войну.

– У нас есть «мерседес», – сказал Крис. – Хорошая машина, но «джип» мне нравится больше.

– Машины, – сказал Стефан, – и остальные удивительные изобретения: цифровые часы, домашние компьютеры, видеоманитофоны, благодаря которым можно смотреть кино не выходя из дома! Даже когда прошло пять дней с начала моего визита, я был все еще в удивительном шоке и каждое утро находил другие удивительные вещи. На шестой день я проходил мимо книжного магазина в Вествуде и увидел толпу людей, желавших получить автограф автора романа. Я вошел в магазин, чтобы посмотреть на столь популярную книгу, которая могла бы мне помочь понять американское общество. И там была ты, Лаура. Ты подписывала свой третий роман, который стал первым твоим настоящим успехом, «Рифы».

Лаура нагнулась вперед, как будто не могла удержаться на стуле от удивления.

– «Рифы»? Но я никогда не писала книги с таким названием.

Крис понял. – Эту книгу ты написала в той жизни, в которую не вмешался Кригер.

– Тебе было двадцать девять лет, когда я впервые увидел тебя в этом магазине, в Вествуде, – сказал Стефан. – Ты си-

дела в инвалидном кресле, потому что твои ноги были парализованы.

– Парализованы? – сказал Крис – Мама была инвалидом?

Лаура едва усидела на краю стула. Словам ее спасителя было трудно поверить, но она чувствовала, что это была правда. Каким-то примитивным чувством, инстинктом она чувствовала, что именно инвалидная коляска и парализованные ноги и были уготованы ей ее настоящей судьбой.

– Ты была такой с рождения, – сказал Стефан.

– Почему?

– Я узнал это только позже, когда вмешался в твою жизнь. Доктор, который принимал роды у твоей матери в Денвере, Колорадо, в 1955 году, – его звали Марквелл, – был алкоголиком. Роды были тяжелыми...

– Моя мать умерла при родах.

– Да, в этой реальности она тоже умерла. Но в той реальности Марквелл принимал роды и повредил твой позвоночник, что вызвало паралич.

Ее тело содрогнулось. Как бы в доказательство того, что ей удалось избежать уготованной ей судьбы, она встала и подошла к окну на своих здоровых ногах.

Крису Стефан сказал:

– Когда я увидел ее в тот день в инвалидной коляске, твоя мать была прекрасна. Она была очень красива. Ее лицо было конечно таким же, как сейчас. В ней чувствовалось мужество, она была веселой, несмотря на свой паралич. Каж-

дому человеку она не только подписывала книгу, но и улыбалась. Несмотря на прикованность к инвалидному креслу, твоя мать была удивительной. Я был тронут и очарован, как никогда раньше.

– Она великая, – сказал Крис. – Ничто не пугает мою маму.

– Твою маму пугает все, – сказала Лаура. – Даже этот сумасшедший разговор пугает твою маму до полусмерти.

– Ты никогда ни от чего не убегала и не пряталась, – сказал Крис, поворачиваясь к ней. Он покраснел, как будто смутившись своего восхищения. В обычных отношениях дети очень редко так открыто восхищались матерью при ее жизни или, по крайней мере, не в таком раннем возрасте. – Может быть, ты боишься, но ты никогда не выказываешь страха.

Она знала еще с детства, что проявление страха лишь делает человека уязвимее.

– Я купил твой роман в тот день, – сказал Стефан, – и взял его в свой отель. Я прочитал его за одну ночь, и он был так прекрасен, что местами я плакал... и так удивителен, что в других местах я смеялся. На следующий день я купил еще две твои книги «Серебряный локон» и «Ночные поля», которые были не менее прекрасны, чем «Рифы».

Странно было слышать прекрасный отзыв о книгах, которые ты никогда не писала. Но она меньше была заинтересована в содержании этих романов, чем в ответе на вопрос, который возник у нее.

– А в той жизни, которую я должна была прожить... я бы-

ла замужем?

– Нет.

– Но я встретила Дании и...

– Нет. Ты никогда не встречала Дании. Ты никогда не была замужем.

– Значит, я не родился! – сказал Крис. Стефан сказал:

– Всего этого не произошло потому, что я отправился в Денвер, Колорадо, в 1955 году и не позволил доктору Марквеллу принимать роды. Доктор, который занял место Марквелла, не мог спасти твою мать, но он не повредил твоего позвоночника. С тех пор все стало меняться в твоей жизни. Я изменил твое прошлое, которое было моим будущим. Я благодарю Бога за эту возможность путешествовать во времени, иначе я не смог бы спасти тебя от инвалидного кресла.

Новый порыв ветра хлестнул дождем в окно, возле которого стояла Лаура.

Ее снова охватило чувство, что эта комната, в которой она стояла, земля, на которой стоял отель, и вселенная, в которой вращалась земля, все могло растаять, как дым.– Я следил за твоей жизнью после этого, – сказал Стефан.– Между январем и мартом 1944 года я предпринял больше тридцати тайных путешествий в твою жизнь. Во время своего четвертого путешествия в 1964 год, я обнаружил, что ты уже год как мертва, ты и твой отец были убиты тем грабителем, который пришел в бакалейную лавку. Поэтому я отправился 1963 год и убил его раньше, чем он смог убить вас.

– Грабитель? – сказал Крис удивленно.

– Я расскажу тебе об этом позже, дорогой. Стефан продолжал.

– И до той ночи, когда Кокошка появился на той горной дороге, мне удавалось сделать твою жизнь спокойнее и лучше. Хотя мое вмешательство не повлияло на твое искусство и твои книги не стали менее прекрасными, чем те, которые ты написала в другой жизни. Это другие книги, но они не стали хуже.

Почувствовав слабость в ногах, Лаура села на стул.

– Но зачем? Зачем ты проделывал такие путешествия в будущее, чтобы изменить мою жизнь?

Стефан Кригер посмотрел на Крису, потом на нее, закрыл глаза и заговорил:

– Увидев тебя в инвалидной коляске и прочитав твои книги, я полюбил тебя... я полюбил тебя всем сердцем.

Крис заерзал на стуле, ошарашенный этим признанием его матери.

– Твой разум был еще прекраснее твоего лица, – тихо сказал Стефан. Его глаза были закрыты. – Я полюбил тебя за мужество, наверное, потому, что не видел настоящего мужества в своем мире фанатиков в униформе. Они творили зверства по отношению к людям и называли это мужеством. Они готовы были умереть за свою идею править миром и считали это мужеством, хотя на самом деле это было глупостью и идиотизмом. Я полюбил тебя за благородство, которого не имел

сам, за самоуважение, которое я увидел в тебе. Я полюбил тебя за сострадание, которым так богаты были твои книги, и которого я не видел в своем мире. Я полюбил тебя, Лаура, и понял, что могу сделать для тебя то, что сделал бы каждый мужчина для своей любимой, если бы он владел силой Богов, я постарался сделать твою жизнь лучше той, которая была предначертана тебе судьбой.

Наконец он открыл свои глаза.

В его прекрасных голубых глазах была боль.

Она была безмерно благодарна ему. Она не могла любить его ответно потому, что едва знала его. Но вся глубина его любви, вся страсть, которая толкнула его на изменение ее судьбы, его желание быть с ней, хотя их разделяли десятки лет, снова вернуло его в то волшебное состояние, в котором она уже однажды видела его. Снова он казался ей больше самой жизни, полубогом, если не Богом, вернувшимся к жизни благодаря своим глубоким чувствам к ней.

Этой ночью Крис спал рядом со Стефаном Крюгером на скрипучей жесткой кровати. Лаура пыталась заснуть на стуле, закинув ноги на кровать.

Шум дождя превратился в тихий монотонный шелест, который вскоре усыпил Криса. Лаура слышала его спокойное дыхание.

Просидев час в темноте, она тихо спросила:

– Ты спишь?

– Нет, – тут же ответил Стефан.

– Дании, – сказала она.– Мой Дании...

– Да?

– Почему ты...

– Не отправился в ту ночь в 1988 год и не убил Кокошку раньше, чем он убил Дании?

– Да. Почему ты не сделал этого?

– Потому что... понимаешь, Кокошка был из 1944 года, поэтому его убийство Дании и его собственная смерть были частью моего прошлого, которого я не могу изменить. Если бы я пытался снова отправиться в 1988 год, чтобы остановить Кокошку прежде, чем он убьет Дании, я бы остался на месте, в институте, закон природы не позволил бы мнеэтого сделать.

Лаура молчала. Стефан сказал:

– Ты поняла?

– Да.

– Ты смирилась с этим?

– Я никогда не смирюсь с его смертью.– Но ты веришь мне?

– Думаю, да.

– Лаура, я знаю, как ты любила Дании Пакарда. Если бы я мог спасти его, даже ценой своей жизни, я бы сделал это. Я не поколебался бы ни на секунду.

– Я верю тебе, – сказала она.– Потому, что без тебя... у меня бы никогда не было Дании.– Подумав, произнесла: – Угорь...

– Судьба борется против изменений в том, что должно быть, – сказал Стефан из темноты.– Когда тебе было 8 лет, я застрелил грабителя, чтобы он не изнасиловал и не убил тебя, но неизбежная судьба сталкивает тебя с другим подонком, который является потенциальным убийцей. Вилли Шинером. Угрем. Но та же судьба все-таки снова делает тебя писательницей, которая пишет прекрасные книги, несмотря на то, что я изменил твою жизнь. Это хорошая сторона борьбы за судьбу. Есть что-то пугающее и удивительное в той силе, с которой судьба стремится сделать то, что должно быть... Эта сила как будто исходит из вселенной, от того, в которого мы не все верим и которого называем Богом.

Некоторое время они прислушивались к шуму дождя и ветра за стеной. Она сказала:

– Но почему ты не расправился с Угрем ради меня?

– Я ждал его однажды ночью в его доме...

– Ты сильно избил его. Да, я знаю, что это был ты...

– Я избил его и предупредил, чтобы он держался подальше от тебя. Я сказал ему, что в следующий раз убью его.

– Но это избиение лишь больше разожгло в нем желание овладеть мною. Почему ты сразу не убил его?

– Я мог его убить. Но... я не знаю. Может быть, я слишком много видел убийств за свою жизнь... и решил, что в этом убийстве нет необходимости.

Она подумала о его мире войны, концлагерей, геноцида и поняла, почему он надеялся избежать убийства Шинера,

хотя тот едва ли заслуживал жизни.

– Но когда Шинер напал на меня в доме Доквейлеров, почему ты не остановил его?

– Когда я в следующий раз вторгся в твою жизнь, тебе было уже 13 лет, и ты уже сама убила Шинера и осталась живой, поэтому я решил не возвращаться и не вмешиваться.

– Да, тогда я осталась в живых, – сказала она. – Но Нина Доквейлер умерла. Может, если бы она не пришла домой и не увидела кровь и тело...

– Может быть, – сказал он. – А может быть, нет. Судьба борется за предначертанное изо всех сил. Может быть, она бы умерла иначе. Кроме того, я не мог защищать тебя от каждого потрясения, Лаура. Мне бы понадобилось тысячи раз путешествовать во времени, чтобы сделать это. Такое частое вмешательство могло бы оказаться не таким хорошим для тебя. Без некоторых начальных моментов своей жизни ты могла бы не стать той женщиной, которую я полюбил.

Снова воцарилась тишина.

Она прислушивалась к шуму ветра и дождя. Она прислушивалась к ударам своего сердца. Наконец она сказала:

– Я не люблю тебя.

– Я понимаю.

– Хотя, кажется, люблю – немного.

– Ты ведь даже не знаешь меня.

– Может быть, я никогда не смогу тебя полюбить.

– Я знаю.

– Несмотря на все то, что ты сделал для меня.

– Я знаю. Но если мы выживем... у нас будет много времени.

– Да, – сказала она, – я надеюсь, что у нас будет много времени.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

НОЧНОЙ КОМПАНЬОН

ГЛАВА 1

В субботу, 11 марта 1944 года, в главной лаборатории института оберштурмфюрер СС Эрих Клитманн и его трое натренированных людей готовились к прыжку в будущее, чтобы убить Кригера, женщину и мальчика. Они были одеты как обычно молодые люди в Калифорнии 1989 года: дорогие костюмы от Лаурента, белые рубашки, темные галстуки, черные ботинки, черные носки и темные очки, если понадобится; им сказали, что в будущем это называется «крутым стилем», и хотя Клитманн не знал, что это точно значит, ему это нравилось. Их одежды была принесена из будущего во время предыдущих путешествий; все вплоть до нижнего белья соответствовало времени.

Каждый из четверых держал в руке дипломат «Марк Кросс» из черной кожи с позолоченными замками. Дипломаты тоже были принесены из будущего, как и унифицированные автоматы «узи» с запасными магазинами, которые лежали в каждом дипломате.

Команда исследователей из института была на задании в Соединенных Штатах в тот год и месяц, когда Джон Хинкли

предпринял попытку покушения на Рональд Рейгана. Смотри по телевизору фильм о нападении, они были поражены компактным автоматическим оружием, которое находилось в дипломатах агентов Службы безопасности. Агенты могли достать автоматы и изготовиться к стрельбе за секунду-две. Теперь «узи» был на вооружении не только полиции и армии 1989 года, но и на вооружении команды СС, путешествовавшей во времени.

Клитманн опробовал «узи». Ему понравилось столь эффективное оружие, подобного которому он никогда не видел. Единственное, что его смущало, это то, что «узи» производился в Израиле. С другой стороны, в течение нескольких дней новые директора института могли внедрить «узи» в мир в 1944 году, и германские солдаты, вооруженные столь мощным оружием, могли бы дать достойный отпор врагам фюрера.

Он посмотрел на часы на программной панели и увидел, что прошло семь минут с тех пор, как команда исследователей отправилась в Калифорнию, в пятнадцатое февраля 1989 года. Они должны были исследовать публичные записи, точнее – газетные статьи, чтобы узнать, бежал ли Кригер, женщина и мальчик обнаружены полицией и задержаны для допроса за месяц, прошедший после перестрелки в Бич Би и Сан-Бернардино. Потом они должны вернуться в 1944 год и назвать Клитманну день, время и место, где можно найти Кригера и женщину. Так как путешественники во времени

возвращались из будущего точно через 11 минут после отправления, независимо от того, сколько времени они провели в будущем, Клитманну и его команде осталось ждать 4 минуты.

ГЛАВА 2

Четверг, 12 января 1989 года, был тридцать четвертым днем рождения Лауры, и они провели его в том же номере мотеля «Птица счастья». Стефану нужен был еще день, чтобы восстановить силы и дать пенициллину сделать свою работу. Ему также нужно было время подумать. Он должен был разработать план уничтожения, и эта проблема требовала многих часов интенсивной концентрации.

Дождь прекратился, но небо было затянуто тучами. Другой шторм мог последовать за первым к полуночи.

Они посмотрели пятичасовые телевизионные новости и увидели историю о ней, Крис и раненом незнакомце, которого они привезли к доктору Бренкшоу. Полиция все еще искала ее, предполагая, что торговцы наркотиками, которые убили ее мужа, теперь искали ее и сына потому, что боялись ее показаний в полиции или потому, что она сама была как-то замешана в торговле наркотиками.

– Моя мама торговец наркотиками? – сказал Крис! обиженный этой инсинуацией. – Куча кретинов!

Хотя никаких тел не было найдено ни в Бич Би, ни в Сан-Бернардино, эта история вызвала жгучий интерес у общественности. Репортеры упомянули об обнаруженной крови и отсеченной человеческой голове, которая была найдена позади дома Бренкшоу в куче пустых пивных банок.

Лаура вспомнила, как, выскочив из калитки, ведущей со двора Картера Бренкшоу, увидела второго удивленного убийцу и открыла по нему огонь из «узи». Пули попали в его голову и глотку, и сконцентрированная автоматная очередь отсекла его голову.

– Оставшиеся в живых эсэсовцы нажали кнопки на поясах мертвых, – сказал Стефан, – и послали тела обратно.

– Но почему они не убрали голову? – спросила Лаура, которую тошнило от такого разговора, но которая была слишком взволнована, чтобы не задавать вопросов.

– Должно быть, она откатилась от тела в кучу мусора, – сказал Стефан, – и они не успели ее найти за те несколько секунд, которые были в их распоряжении. Если бы они обнаружили ее, они могли бы положить ее на труп. Все, что находится у путешественника во времени, отправляется с ним обратно в прошлое. Но приближающийся вой сирен и темнота на улице... не дали им возможности найти голову.

Крис, который должно быть питал отвращение к такого рода подробностям, заерзал на стуле, скрестил ноги под собой и сидел молча. Может быть, отсеченная голова делала для него присутствие смерти более реальным, чем все пули,

которые направлялись в него.

Лаура обняла его, пытаясь заверить, что им удастся выбраться из всего этого живыми. Но эти объятия были больше нужны ей, чем ему, так как она не была уверена в том, что им удастся победить.

Для ленча и обеда она принесла еду из китайского ресторана, стоящего на другой стороне улицы. В прошлую ночь никто из служащих ресторана не признал в ней известную писательницу, поэтому она чувствовала себя в относительной безопасности. Хотя было глупо куда-то выходить и рисковать быть узнанной.

В конце обеда, когда Лаура убирала остатки пищи,

Крис достал два шоколадных пирожных, в каждое из которых было воткнуто по желтой свечке. Он купил пирожные и упаковку свечей в супермаркете «Ральф» вчерашним утром и прятал их до этого момента. Он торжественно вынес пирожные из ванной, где тайно воткнул в них свечи и поджег их, золотые огоньки пламени отражались в его блестящих глазах. Он усмехнулся, когда увидел, что удивил и обрадовал ее. В действительности она едва сдержала слезы. Она была тронута тем, что, несмотря на страх и опасность, в которой они находились, он подумал о ее дне рождения, хотя, наверное, такой была сущность отношений между детьми и матерями.

Они втроем съели пирожные, а в дополнение еще пять булочек с счастьем, которые она купила в ресторане.

Лежа на кровати, Стефан разломил свою булочку.

– Если бы только это была правда: «Ты будешь жить в мире и согласии».

– Это еще может стать правдой, – сказала Лаура. Она разломилла свою булочку.– О, думаю мне этого хватает: «Приключения будут сопутствовать вашей жизни».

Когда Крис разломил свою булочку, в ней не оказалось листочка с судьбой.

Страх пронзил сердце Лауры, как будто пустая булочка означала, что у Криса нет будущего. Суеверный нонсенс. Но она не могла скрыть своей неожиданной тревоги.

– Вот, – сказала она, быстро протягивая ему оставшиеся две булочки.– У тебя будет две судьбы.

Крис разломил первую булочку, прочитал записку про себя, рассмеялся, потом прочел ее вслух: «Тебя ждет известность и счастье».

– Когда ты разбогатеешь, ты поддержишь меня материально в старости? – спросила Лаура.

– Конечно, мама. Если... ты только будешь готовить мне свой замечательный овощной суп.

– Ты хочешь заставить свою старую мать зарабатывать таким способом на жизнь?

Улыбаясь спору между Лаурой и Крисом, Стефан Кригер сказал:

– Похоже, он очень жестокий человек?

– Он может заставить меня даже мыть полы, когда мне

будет восемьдесят, – сказала Лаура.

Крис разломил вторую булочку: «В жизни ты будешь получать удовольствие от книг, музыки и искусства».

Ни Крис, ни Стефан, казалось, не заметили, что две судьбы как бы противоречили друг другу, подтверждая в итоге отсутствие предназначения в пустой булочке.

«Эй, ты теряешь рассудок, Шан, – подумала она. – Это всего лишь булочки со счастьем. На самом деле они ничего не предсказывают».

Когда свет был выключен и Крис уже спал, Стефан заговорил с Лаурой из темноты:

– Я придумал план.

– Как уничтожить институт?

– Да. Но это сложно и нам понадобится очень многое. Я не уверен... но думаю, что все необходимое можно купить.

– Я достану все, что нужно, – сказала она уверенно. – У меня есть связи.

– Нам понадобится много денег.

– С этим сложнее. У меня осталось всего сорок долларов, и я не могу снять деньги со счета, потому, что это оставит запись...

– Да. Это наведет их на наш след. У тебя есть кто-нибудь, кому ты доверяешь, кто даст тебе денег и не расскажет никому, что видел тебя?

– Ты все знаешь обо мне, – сказала Лаура, – значит, ты знаешь о Тельме Акерсон. Но я не хочу впутывать ее в это.

Если что-нибудь случится с Тельмой...

– Она ничем не рискует, – настаивал он. На улице снова забарабанил дождь. Лаура сказала:

– Нет.

– Но она наша единственная надежда.

– Нет.

– Где еще ты найдешь деньги?

– Мы найдем другой способ, который не требует много денег.

– Будем мы действовать по этому плану или по другому, нам все равно понадобятся деньги. Твоих сорок долларов хватит еще на день. А у меня ничего нет.

– Я не хочу рисковать Тельмой, – сказала она твердо.

– Я уже сказал, что мы можем сделать это без риска, без...

– Нет.

– Тогда мы проиграем, – сказал он мрачно. Она слышала шум дождя, который превратился в ее мозгу в разрывы бомб второй мировой войны, а потом в дикий и молящий крик толпы. В конце концов она сказала:

– Но если мы даже сделаем все без риска для Тельмы, что, если СС следит за ней? Они наверняка знают, что она моя лучшая подруга – моя единственная настоящая подруга. Ведь они могли послать кого-нибудь в будущее, чтобы он следил за Тельмой, в надежде, что она приведет ко мне.

– Это довольно сомнительная возможность найти нас, – сказал он. – Им нужно только посылать людей в будущее, в

февраль, март, апрель, месяц за месяцем, чтобы просматривать газеты, пока мы где-нибудь не объявимся. Каждое такое путешествие занимает только одиннадцать минут их собственного времени, и рано или поздно такой метод срывает, потому, что мы не можем скрываться до конца своих дней.

– Хорошо.

Он долго ждал, потом сказал:

– Вы как сестры. И если ты не можешь обратиться за помощью к сестре в такое время, как это, кто еще поможет тебе, Лаура?

– Если мы сможем получить помощь от Тельмы без риска для нее... мы можем попробовать.

– Начнем с утра, – сказал он.

Это была дождливая ночь, которая навевала на нее сны, наполненные раскатами грома и вспышками молний. Она просыпалась в ужасе, но дождливый шторм в Санта-Але был лишен этих шумных предзнаменований смерти. Это был сравнительно мирный шторм, без грома, молнии и ветра, хотя она знала, что так будет не всегда.

ГЛАВА 3

Приборы щелкали и тикали.

Эрих Клитманн посмотрел на часы. Через три минуты ко-

манда исследователей вернется в институт.

Двое ученых, последователи Псиловски, Янушки и Волкова, стояли у программной панели, изучая светящиеся цифры и шкалы.

Комната была освещена неестественным светом, так как окна были затемнены на случай бомбардировки и для безопасности. Было душно.

Стоя в углу главной лаборатории возле машины времени, лейтенант Клитманн с возбуждением ожидал своего путешествия в 1989 год, не потому, что будущее было полно удивительных вещей, а потому что это задание давало ему возможность послужить фюреру так, как не мог послужить ему никто другой. Если ему удастся убить Кригера, женщину и мальчика, у него появится возможность лично встретиться с Гитлером, увидеть этого великого человека лицом к лицу, пожать ему руку и почувствовать эту чудовищную силу Германии, людей, истории и судьбы. Лейтенант был готов рисковать своей жизнью десять раз, тысячу раз только для того, чтобы его лично заметил фюрер, чтобы он заметил его не просто как офицера СС, а как личность, как Эриха Клитманна, человека, который спас рейх от уготованной печальной судьбы.

Клитманн не был истинным арийцем, и его волновало его происхождение. Его дед по матери был поляком, и эта отвратительная славянская помесь делала Клитманна лишь на три четверти немцем. Хотя его другой дед и родители были

голубоглазыми блондинами со скандинавскими чертами лица, у Эриха были карие глаза, темные волосы и крупные варварские черты его деда. Он ненавидел свою внешность и пытался компенсировать свой физический недостаток будучи ярким сторонником нацистов, мужественным солдатом и самым страстным во всем СС почитателем Гитлера. Прежде ему никогда не удавалось проявить себя, и теперь он был счастлив представившейся возможности.

Он хотел убить Стефана Кригера собственноручно не только потому, что мог добиться этим расположения фюрера, а потому, что Кригер был истинным арийцем, голубоглазым блондином со скандинавскими чертами лица и с отличным происхождением. Несмотря на свое происхождение, этот ненавистный Кригер предал фюрера, что вызывало ярость у Клитманна, над которым тяготело бремя варварской примеси в происхождении.

Когда до возвращения команды из 1989 года осталось две минуты, Клитманн посмотрел на троих человек, одетых в одежду другого времени, и почувствовал силу и сентиментальную гордость, которая почти заставила его прослезиться.

Все они были из бедных семей. Унтершарфюрер Феликс Хубач, сержант Клитманна, был сыном токаря-алкоголика и неряшливой матери, которых он презирал. Роттенфюрер Рудольф фон Манстейн был сыном бедного фермера, за чьи неудачи в жизни ему было стыдно. Роттенфюрер Мартин

Брачер был сиротой. Несмотря на то, что все четверо были из разных уголков Германии, двух капралов, сержанта и лейтенанта Клитманна, как братьев, объединяло одно: они питали истинные и глубокие чувства не к своим семьям, а к государству, к родине и к своему вождю, который воплощал в себе их родину; это чувство поднимало в них воинственный дух.

Клитманн как бы невзначай тронул пальцем уголки глаз, смахивая несуществующие слезы.

Через минуту команда вернется.

Приборы продолжали щелкать и тикать.

ГЛАВА 4

В три часа дня, января, белый грузовик подъехал к отелю и припарковался рядом с «бьюиком» с номерами, снятыми с «киссана». Грузовику было лет пять или шесть. На помятой дверце со стороны пассажира были видны пятна ржавчины. Владелец уже, очевидно, брался за ремонт своей машины, так как некоторые пятна были зачищены и заштукатурены, но не покрашены.

Лаура наблюдала за грузовиком из-за опущенных штор из окна гостиничного номера. В одной руке она держала «узи».

Фары грузовика потухли, и из выхлопной трубы перестали вылетать клубы сизого дыма, когда из машины вылезла женщина с кудрявыми светлыми волосами и направилась к

двери номера Лауры. Она постучала три раза.

Крис, стоящий возле двери, посмотрел на свою мать.

Лаура кивнула.

Крис открыл дверь и сказал:

– Привет, тетя Тельма. Какой шикарный на тебе парик.

Шагнув в комнату и крепко обняв Криса, Тельма сказала:

– Большое спасибо. А что ты скажешь на то, что твой настоящий нос, с которым ты родился, выглядит неестественнее, чем мой искусственный парик на мне? А? Что ты на это скажешь?

Крис хихикнул.

– Ничего, потому что я знаю, что у меня замечательный нос.

– Замечательный нос? Господи, малыш, ты не умрешь от скромности. – Она посмотрела на Стефана Кригера, сидящего на стуле перед телевизором, потом повернулась к Лауре.

– Шан, ты видела развалюху, на которой я приехала? Разве я не умна? Когда я садилась в свой «мерседес», я сказала себе, Тельма – я называю себя Тельмой, – я сказала, Тельма, а ты не привлечешь к себе слишком много внимания, если подъедешь к этому облезлому мотелю на автомобиле, который стоит шестьдесят пять тысяч долларов? Поэтому я решила взять напрокат машину дворецкого, но вы знаете, на чем он ездит? На «ягуаре». Это не Беверли Хиллс, а просто какая-то «Сумеречная Зона». Мне пришлось взять грузовик садовника. А что вы скажете о моей маскировке?

На ней был выющийся светлый парик, блестящий от капель дождя, большие очки в роговой оправе и вставная челюсть.

– Тебе идет, – сказала Лаура, усмехаясь. Тельма вытащила вставную челюсть.

– Послушай, как только я нашла машину, которая не привлекает внимания, я поняла, что привлекаю внимание сама, будучи звездой экрана. И как только стал известен факт, что мы с тобой подруги и мне начали задавать вопросы о тебе и об этих перестрелках, я решила приехать к тебе инкогнито. – Она бросила свою сумочку и вставную челюсть на кровать. – Этот образ я создала еще в ночном клубе, когда выступала в Лас-Вегасе. Он стал пощечиной обществу. Зрители плевались в меня. Шан, меня даже пытались арестовать за то, что я живу на одной планете с ними. О, они были грубыми и невоспитанными, Шан, они были...

Неожиданно она замолчала на середине фразы и разрыдалась. Она бросилась к Лауре и обняла ее.

– О Господи, Лаура, я была напугана, я была так напугана... Когда я услышала новости о Сан-Бернардино, об этих автоматных перестрелках, когда они нашли твой дом в Бич Би в таком состоянии, я подумала, что ты... или, может быть, Крис... я была так взволнована...

Обнимая Тельму так же крепко, Лаура сказала:

– Я расскажу тебе обо всем, но главное, что мы в порядке, и теперь нам нужно выбраться из всего этого.

– Почему ты не звонила мне, глупая скотина?

– Я позвонила тебе.

– Только этим утром! Через два дня после того, как газеты опубликовали эти истории. Я чуть не сошла с ума.

– Мне очень жаль. Я бы позвонила раньше, но я не хотела втягивать тебя в это.

Тельма неохотно разжала объятия.

– Я все равно втянута в это глубоко и безнадежно потому, что ты втянута в это.– Она вытащила «Клинекс» из кармана своей куртки и прикрыла глаза.

– У тебя есть еще? – спросила Лаура. Тельма дала ей «Клинекс», и они обе закурили. Сделав глубокую затяжку, Тельма сказала:

– Признавайся, Шан, куда ты складываешь отсеченные головы? В ванну? Я слышала, что ты оставила одну в Сан-Бернардино. Мокруха. Это твое новое хобби или ты всегда тайно тешилась красотой оторванных человеческих голов?

– Я хочу познакомить тебя кое с кем, – сказала Лаура.– Тельма Акерсон, а это Стефан Кригер.

– Рада встрече, – сказала Тельма.– Вы извините меня, если я не буду вставать, – сказал Стефан.– Я еще не совсем выздоровел.

– Если вы извините меня за этот парик, то я извиню вам все.– Лауре Тельма сказала: – Это и есть он?

– Да.

Тельма подошла к Стефану и поцеловала его в обе щеки.

– Я не имею понятия, откуда ты и кто ты, Стефан Кригер, но я люблю тебя за то, что ты помогал моей Лауре.– Она отошла и села на край кровати рядом с Крисом.

– Шан, он просто великолепен. Не смотри на него, он лакомый кусок. Держу пари, что ты специально прострелила его, чтобы он не смог сбежать. Он выглядит так, как должен выглядеть настоящий ангел-спаситель.

Стефан был смущен, но Тельма не останавливалась.

– Ты настоящий лакомый кусочек, Кригер. Я хочу все узнать о тебе. Но сначала вот деньги, которые ты просила, Шан.– Она открыла свою сумочку и достала толстую пачку столларовых банкнот.

Беря деньги, Лаура сказала:

– Тельма, я просила тебя четыре тысячи долларов. Здесь по меньшей мере в два раза больше.

– Десять или двенадцать тысяч, я думаю.– Тельма подмигнула Крису.– Когда мои друзья в беде, я хочу, чтобы они жили по первому классу.

Тельма выслушала историю, ни разу не выказав недоверия, Стефан был удивлен ее спокойствием, но она сказала:

– Эй, если бы ты прожил в Маклярой и Касвелл-Холл, тебя перестали бы удивлять даже черные дыры во вселенной. Путешественники во времени из 1944 года? Ха! В Маклярой я могла бы показать тебе женщину такую же большую, как диван, которая носила отвратительные платья из цветной ткани и которая получала приличную зарплату за то, что от-

носились к осиротевшим детям, как к сброду. Вот что должно вызывать удивление.

Она конечно была удивлена происхождением Стефана также, как напугана западней, в которой они оказались, но даже в таких обстоятельствах оставалась Тельмой Акерсон, которая находила смешное во всем.

В шесть часов вечера она снова вправила вставную челюсть и отправилась в мексиканский ресторан.

– Когда вы в бегах от закона, вам нужно хорошо питаться.

Она вернулась с пластиковыми пакетами, набитыми мексиканскими блюдами. Они разложили еду на кровати, на которой сидели Тельма и Крис, Лаура и Стефан сидели на стульях.

– Тельма, – сказала Лаура, – здесь хватит еды на десяти-рых.

– Я рассчитывала на нас и на тараканов. Если мы не накормим тараканов, они могут обозлиться, выскочить на улицу и перевернуть мой грузовик. У вас ведь есть здесь тараканы? Такое прекрасное местечко без тараканов, это все равно, что отель в Беверли Хиллс без крыс.

Пока они ели, Стефан обрисовал план, который придумал для уничтожения института и машины времени. Тельма перебивала его своими шутками, но когда он закончил, она была мрачна.

– Это чертовски опасно, Стефан. И, наверно, смело до идиотизма.

– Другого пути нет.

– Я уже поняла, – сказала она. – Так чем я могу помочь?

С набитым хрустящим картофелем ртом, Крис сказал:

– Ты должна купить нам компьютер, тетя Тельма.

Лаура сказала:

– IBM PC, последнюю модель, такой есть у меня дома, поэтому я знаю, как с ним обращаться. У нас нет времени на изучение операционных процедур других компьютеров. Я здесь все написала для тебя. Я бы могла сама купить все на твои деньги, но я боюсь быть узнанной.

– И нам нужно другое убежище, – сказал Стефан.

– Мы не можем оставаться здесь, – сказал Крис, наслаждаясь тем, что он был частью этого разговора, – если собирается работать с компьютером. Прислуга все равно увидит его, как бы мы не пытались его спрятать, и она все растреплет о людях, которые притащили компьютер в такую дыру, как эта.

Стефан сказал:

– Лаура сказала мне, что у вас с мужем есть второй дом в Палм-Спрингс.

– У нас есть дом в Палм-Спрингс, вилла в Монтерес, еще одна вила в Лас-Вегасе, и меня не очень бы удивило, если бы мы владели еще вулканом на Гавайях. Мой муж очень богат. Так что выбирайте. Мои дома – это ваши дома. Только не используйте полотенца для протирки колпаков на колесах вашей машины, и если будете жевать табак, то постарайтесь сплевывать его куда-нибудь в угол, а не посередине комнат.

– Я думаю, что дом в Палм-Спрингс нам подойдет, – сказала Лаура. – Ты говорила мне, что он стоит в уединении.

– Посреди большого двора с множеством деревьев, все наши соседи занятые люди, и они не будут напрашиваться на чашечку кофе. Никто не потревожит вас там.

– Хорошо, – сказала Лаура, – но есть еще некоторые вещи. Нам понадобится перемена белья, удобная обувь и некоторые другие предметы туалета. Я сделала список с размерами и со всем остальным. Когда все это кончится, я безусловно верну тебе все деньги, которые ты дала мне и которые ты истратишь на компьютер и остальные вещи.

– И не только эти, Шан. Я даю займы только под сорок процентов. Еженедельно. Плюс твой ребенок. Он станет моим.

Крис засмеялся.

– Моя тетя, оказывается, ростовщица.

– Ты перестанешь острить, когда станешь моим ребенком, Крис Тофер Робин. Ты будешь называть меня мамочкой.

– Хорошо, мамочка! – сказал Крис и отсалютовал ей.

В двадцать часов тридцать минут Тельма была готова отправиться за покупками со списком и наставлениями, которые дала ей Лаура относительно компьютера.

– Я вернусь завтра, как только смогу, – сказала она, обнимая на прощание Криса и Лауру. – С вами действительно все будет в порядке, Шан?

– Думаю, да. Если они узнали, что мы здесь, они не скоро

появятся.

Стефан сказал:

– Помни, Тельма, они путешественники во времени, если они обнаружат, где мы прятались, они могут вернуться к тому моменту, когда мы только приехали сюда. В действительности они не могли поджидать нас, когда мы приехали в мотель в среду. То, что мы так долго живем здесь незамеченными, доказывает, что не существует никаких публичных фактов о нашем убежище.

– Моя голова раскалывается, – сказала Тельма.– Читать мудреные студийные контракты куда проще!

Она вышла в ночь и дождь в своем парике и очках, но без вставной челюсти, которая лежала в кармане ее куртки.

Лаура, Крис смотрели ей вслед в большое окно, когда Стефан сказал:

– Она необыкновенная женщина.

– Очень, – сказала Лаура.– Я молю Бога, чтобы она не попала в опасность.

– Не беспокойся, мама, – сказал Крис.– Наша тетя Тельма крутая женщина. Она всегда так говорила.

Той же ночью в десять часов, вскоре после отъезда Тельмы, Лаура поехала к Толстяку Джеку в Алахим. Дождь уже не был таким сильным, как раньше, но он не прекращался. Бетонная площадка стоянки была покрыта лужами, которые казались маслянистыми в сумрачном свете уличных фонарей. Над землей стелилась узкая полоса тумана.

Ей не хотелось оставлять Стефана в мотеле. Но было бы глупо в его состоянии выходить в холодную, дождливую, январскую ночь. Кроме того, он ничем не мог помочь ей.

Хотя Стефан остался в мотеле, Крис был с Лаурой, так как она не хотела с ним расставаться с тех пор, как они оказались в опасности. Мальчик был с ней тогда, когда она впервые посетила Толстяка Джека год назад, когда она купила у него запрещенные модифицированные автоматы «узи», поэтому толстяк не будет удивлен, увидев его. Он не будет особенно обрадован, так как Толстяк Джек не любил детей, но он не будет и удивлен.

Когда она вела машину, то тревожно посматривала в зеркало заднего вида и боковые зеркала, изучая других водителей, что было необходимо для безопасности. Она не могла позволить себе попасть в аварию из-за какого-нибудь бесшабашного водителя, который едет слишком быстро для такого состояния дорожного покрытия. Полиция тут же приедет на место происшествия, сверит номера машины, и прежде чем она успеет арестовать ее, люди с автоматами материализуются из прошлого и убьют ее и Криса.

Она оставила свой «узи» Стефану, хотя он и протестовал. Она не могла оставить его без средств к самозащите. С собой она взяла револьвер тридцать восьмого калибра. Пятьдесят запасных патронов лежали в кармане ее лыжной куртки.

Возле Диснейленда, когда неоновая вывеска пиццерии Толстяка Джека проявилась в сгустившемся тумане, Лаура

вздохнула с облегчением. Она встала на тесную стоянку и заглушила двигатель. Щетки остановились, и капли дождя тут же забрызгали лобовое стекло. Оранжевый, красный, синий, желтый и зеленый цвета неоновой рекламы сияли сквозь эту пленку воды, напоминая ей почему-то старомодные неоновые вывески старых лет.

Крис сказал:

– Толстяк Джек навешал еще больше неоновых ламп с тех пор, как мы были здесь.

– Я думаю, ты прав, – сказала Лаура.

Они вылезли из машины и посмотрели на мерцающий, мигающий и сверкающий фасад Пицца Парти Палас Толстяка Джека.

Неоновыми лампами были обведены не только буквы названия местечка. Ими был украшен весь фасад здания, крыша, каждое окно и входная дверь. Кроме того, на крыше были установлены два огромных неоновых щита, окрашивающих яркими отблесками клубы тумана, вившиеся в воздухе. На одном щите светилась огромная неоновая пицца, на другом – улыбающееся лицо клоуна.

Неонового света было так много, что каждая капля дождя, падающая с неба, переливалась всеми цветами радуги, как будто они были частичками радуги, развалившейся на мелкие кусочки. Каждая лужа тоже сверкала радужными цветами. Эффект был ошеломляющим, но это было лишь подготовкой ко входу в интерьер пиццерии, где царил хаос, ко-

торый должен был сопутствовать формированию вселенной триллион лет назад. Официанты и официантки были одеты в костюмы клоунов, привидений, пиратов, космонавтов, ведьм, цыган и вампиров, а поющее трио в медвежьих шкурах прогуливалось от стола к столу, смеша детей гримасами. Старшие дети сгрудились возле видеоигр, электронное сопровождение которых смешивалось с песнями трио и криками детей.

– Сумасшедший дом, – сказал Крис.

У входной двери их встретил Доминик, главный партнер Толстяка Джека. Доминик был высоким, бледным, как мертвец, мужчиной с печальными глазами, что никак не увязывалось с веселой обстановкой в пиццерии.

Повысив голос, чтобы ее можно было слышать сквозь этот шум, Лаура спросила Толстяка Джека и сказала:

– Я звонила раньше. Я старая подруга его матери, – это был пароль, который значил, что нам нужно оружие, а не пицца.

Доминик нагнулся к ней, чтобы не повышать голоса:

– Кажется, вы уже были раньше.

– У вас хорошая память, – сказала она. – Год назад.

– Идите, за мной, – сказал Доминик загробным голосом.

Им не нужно было проходить сквозь хаос обеденной комнаты, что вполне устраивало Лауру, которая могла быть узнана кем-нибудь из посетителей. Они нырнули в одну из боковых дверей вестибюля, в коридор, который вел мимо кухни

и кладовой в личный кабинет Толстяка Джека. Доминик постучал в дверь, пропустил их внутрь и сказал Толстяку Джеку:

– Старые друзья вашей матери, – потом он оставил их наедине с крупным детиной.

Толстяк Джек подтверждал своей внешностью свое прозвище. Он был пять футов ростом и триста пятьдесят фунтов весом. В сером шерстяном костюме в обтяжку, он выглядел как те толстяки на фотографиях журналов, которых диеттики ставят на холодильник, чтобы бояться съесть лишний кусок еды; в действительности он сам был похож на холодильник.

Он сидел в широком кресле за массивным столом и не поднялся навстречу.

– Только послушайте этих маленьких бестий, – сказал он Лауре, игнорируя Криса. – Я специально расположил свой кабинет в глубине здания, чтобы сюда не долетали звуки, но их крики и вопли слышны так, как будто я сижу прямо посреди этого ада.

– Но это всего лишь смеющиеся дети, – сказала Лаура, стоящая с Крисом перед столом.

– Миссис О'Лири тоже была всего лишь старухой со старой неуклюжей коровой, но, однако, она спалила Чикаго, – мрачно сказал Толстяк Джек. Он жевал батончик «Марса». Где-то за стеной ревел нестройный гул детских голосов. – Чтоб вы подавились, маленькие тролли.

– Там настоящий сумасшедший дом, – сказал Крис.

– Тебя кто-нибудь спрашивал?

– Никто, сэр.

Серые глазки Джека были глубоко вдавлены в пухлое лицо. Он перевел их на Лауру и сказал:

– Вы видели мою новую неоновую рекламу?

– Вы имеете в виду клоуна?

– Да. Разве он не прекрасен? Я сам разработал его, изготовил и установил ночью так, что на следующее утро уже было поздно предъявлять мне претензии. Чертовы городские власти любят покаркать.

Толстяк Джек уже давно был в ссоре с городскими властями Анахима. Властям не нравилась его яркая неоновая реклама, которая затмевала сам Диснейленд. Толстяк Джек потратил десятки, если не сотни тысяч долларов на судебные разбирательства и штрафы, он даже провел какое-то время за решеткой за пререкания с судом. Он не был анархистом, но не терпел посягательств на свои права свободно думающей личности.

Он занимался незаконной торговлей оружием по той же самой причине, по которой устанавливал неоновые рекламы. Это был своего рода вызов властям, посягающим на свободу личности. Он мог часами говорить о дьявольском правительстве, каковым являлось, по его мнению, любое правительство, и на этот раз не о модифицированных «узи» говорил, а Лауре и Крису приходилось выслушивать бесконечные объяснения того, почему правительство не имеет права

даже издавать законы, преследующие убийства.

Лаура не питала большой любви к правительству, ни к правому, ни к левому, но она не питала особых симпатий и к Толстяку Джеку. Он никогда не признавал законности какой-либо власти.

Теперь, после того как она протянула Толстяку Джеку свой список, узнала цену и отсчитала деньги, он повел ее и Криса сквозь потайную дверь в задней стенке шкафа в его кабинете, по узкой лестнице, ведущей к его подпольному складу нелегального оружия. Хотя его ресторан и был сумасшедшим домом, в его арсенале царил почти идеальный порядок: коробки с различного вида оружием были расставлены по металлическим полкам, в соответствии с калибром и стоимостью; здесь было по меньшей мере тысяча единиц разного оружия. Он мог предложить ей два модифицированных автомата «узи».

– Чрезвычайно популярные автоматы, со времени попытки покушения на Рейгана, – сказал он. Предложил «чиф спешиал» тридцать восьмого калибра. Стефану нужен был кольт «Коммандор» девятимиллиметровый парабеллум с девятизарядным магазином и глушителем.

– У меня его нет, – сказал Толстяк Джек, – но я могу предложить вам кольт «Коммандор Марк IV» тридцать восьмой супер с девятизарядным магазином и парой глушителей к нему. У меня есть еще глушители к нему, если нужно.

Она уже знала, что он не может предложить нужную ей

амуницию, но когда он дожевал «Марс», то объяснил:

– У меня нет амуниции и взрывчатки. Послушайте, я не верю властям, но я не настолько безответственный. У меня целый ресторан орущих детей, и я не могу рисковать, разорвав их на кусочки, даже если от этого станет спокойнее на земле. Кроме того, я дорожу своей неоновой рекламой.

– Хорошо, – сказала Лаура, обнимая одной рукой плечо Криса. – Что насчет газа?

– Вы уверены, что вам нужен не слезоточивый газ?

– Уверена. Мне нужен вексон.

Стефан дал ей название газа. Он сказал, что это было одно из химических оружий, которое институт надеялся перенести в 1944 год, чтобы включить его в германский военный арсенал. Теперь его можно было использовать против нацистов.

– Нам нужно то, что быстро убивает. Толстяк Джек навалился задом на металлический стол, стоящий посреди склада, на который он выложил «узи», револьверы, пистолет и глушители. Стол чудовищно заскрипел.

– Этот газ стоит на вооружении армии и строго контролируется.

– Вы можете его достать?

– О, конечно, я могу достать вам вексон, – сказал Толстяк Джек.

Он отошел от стола, который на этот раз облегченно заскрипел, подошел к металлическим полкам и достал из од-

ной из коробок пару шоколадок «Херши». Он не предложил одну Крису, а положил ее в карман своих штанов и начал жевать другую.

– Здесь у меня его нет, его также опасно хранить, как и взрывчатку. Но я могу достать вам его завтра, если это удобно.

– Отлично.

– Это будет немало стоить.

– Я знаю.

Толстяк Джек ухмыльнулся. Куски шоколада застряли между его зубами.

– У меня не часто спрашивали такой газ, и меньше всего я ожидал услышать это от вас. Мне даже стало интересно, зачем он вам. Я, конечно, не жду, что вы скажете мне. Но обычно его спрашивают покупатели из Южной Америки или Среднего Востока, которым нужны нервно-паралитические газы. Их часто использовали последние годы Иран и Ирак.

– А какая разница между газами?

– Одни газы действуют через дыхательные пути; они убивают через секунды, как только попадают в легкие и проникают в кровь. От них защищают противогазы. Другие газы убивают еще быстрее, одним попаданием на кожу – как вексон. В этом случае не обязательно иметь противогаз или защитную одежду, достаточно принять пару таблеток перед его использованием, которые действуют как противоядие.

– Такие таблетки мне тоже понадобятся, – сказала Лаура.

– Вексон – это самый простой в использовании газ. Вы знающий покупатель, – сказал Толстый Джек.

Его внешность стала еще более примечательной с тех пор, как Лаура и Крис вошли в его кабинет полчаса назад. Она поняла, что стремление Толстяка Джека к политической анархии отражалось не только в атмосфере, окружавшей его пиццерию, но и в состоянии его тела, распухание которого нельзя было обуздать ни общественным, ни медицинским вниманием. Он, казалось, наслаждался своими размерами и с презрением отталкивал окружающий мир своим животом. Наверное, он готов был жиреть и громоздить свои неоновые вывески до тех пор, пока крыша не рухнет под тяжестью неоновых ламп, а его самого не разорвет на части.

– Газ будет завтра к пяти часам, – сказал он, складывая «узи», тридцать восемь «чиф спешал», кольт «Коммандор» и глушители в красочную коробку, которая скорее предназначалась для бумажных шляпок или хлопушек для ресторана. Он накрыл коробку крышкой и протянул ее Лауре, так как Толстяк Джек среди остальных вещей не верил и в галантность.

Когда Крис открыл дверь кабинета Толстяка Джека, пропуская мать в вестибюль, снова стали слышны дикие детские вопли. Лауре нравился этот шум, так как он был единственным нормальным звуком, который она услышала за прошедшие полчаса.

– Только послушайте этих маленьких кретинов, – сказал

Толстяк Джек за спиной.— Это не дети, а какие-то обритуе обезьяны.— Он захлопнул толстую дверь своего кабинета за Крисом и Лаурой.

В машине Крис сказал:— Когда все это кончится... что ты собираешься делать с Толстяком Джеком?

— Сдать его задницу полиции, — сказала Лаура.— Анонимно.

— Правильно. Он гадкий тип.

— Хуже, малыш. Он фанатик.

— А кто такой фанатик?

Она задумалась на секунду и потом сказала:

— Фанатик — это ублюдок, который во что-то верит.

ГЛАВА 5

Лейтенант Эрих Клитманн, СС, смотрел на секундную стрелку часов на программной панели, и когда она приблизилась к двенадцати, он повернулся и посмотрел на машину времени. Внутри цилиндра с шипением проявились силуэты четырех человек, стоящих один за другим. Исследовательская команда вышла из цилиндра в главную лабораторию, где ее встретили трое ученых, проверяющих программную панель.

Они вернулись из февраля 1989 года улыбаясь, что заставило сердце Клитманна забиться сильнее, потому что они

вряд ли улыбались бы, если бы не обнаружили Кригера, женщину и мальчика. Первые две группы убийц, которые были посланы в будущее – те, что атаковали дом в Бич Би и Сан-Бернардино, – состояли из офицеров гестапо. Их провал заставил фюрера настоять на том, чтобы третья группа состояла из эсэсовцев, и теперь Эрих был доволен улыбками исследователей, которые значили, что у его команды есть шанс доказать, что СС состоит из лучших людей, чем гестапо.

Провал двух предыдущих групп был не единственным темным пятном, легшим на гестапо. Генрих Кокошка, глава службы безопасности института, был офицером гестапо, который, очевидно, оказался предателем. Это подтверждало его путешествие в будущее 16 марта.

Вечером 16 марта Кокошка один отправился в горы Сан-Бернардино с намерением убить Стефана Кригера в будущем до того, как Кригер вернулся в

1944 год и убил Псиловски и других разработчиков проекта, что поставило под угрозу сам проект. Но Кокошка так и не вернулся. Некоторые утверждали, что Кокошка был убит в 1988 году Кригером – но это не объясняло того, что случилось с пятью другими работниками института тем же вечером: с двумя агентами гестапо, ожидавшими возвращения Кокошки, и тремя учеными, следившими за приборами программной панели. Все исчезли, а из лаборатории пропали пять поясов, что указывало на существование внутри института группы предателей, которые, очевидно, решили, что

Гитлер проиграет войну даже с тем фантастическим оружием, принесенным из будущего, и которые предпочли отправиться в другое время, чем оставаться в обреченном Берлине. Но Берлин не был обречен. Клитманн даже не думал о такой возможности. Берлин был новым Римом: Третий рейх будет существовать тысячи лет. Теперь, когда СС получила шанс найти и убить Кригера, мечта фюрера будет воплощена. Как только они уничтожат Кригера, который является главной угрозой машине времени, они займутся Кокошкой и остальными предателями. Куда бы они ни скрылись, в каком бы веке или месте ни нашли убежище, Клитманн и его команда эсэсовцев найдут их и покарают с большим удовольствием.

Доктор Теодор Ятнер – директор института с момента убийства Псиловски, Янушки и Волкова – повернулся к Эриху и сказал:

– Вероятно, Кригер обнаружен, оберштурмфюрер Клитманн. Готовьте своих людей.

– Мы готовы, доктор, – сказал Эрих. Готовы к будущему, подумал он, готовы к Кригеру, готовы к победе.

ГЛАВА 6

В пятнадцать часов сорок минут 14 января Тельма вернулась в «Птицу счастья» в помятом грузовике своего садовни-

ка. Она привезла две смены белья для каждого из них, чемоданы для всего этого барахла и две тысячи патронов для револьверов и «узи». В грузовике также лежал IBM PC, принтер, коробка дискет и все необходимое для работы системы.

Хотя со времени ранения прошло всего четыре дня, Стефан удивительно быстро поправлялся, но еще не мог выполнять тяжелую работу. Он оставался в номере отеля вместе с Крисом и паковал чемоданы, пока Лаура и Тельма перетаскивали коробки с компьютерной системой в багажник и на заднее сиденье «бьюика».

Шторм продолжался всю ночь. Косматые серые облака все еще заволакивали небо. Было довольно тепло; в воздухе пахло озоном.

Закрыв багажник, Лаура сказала:

– Ты ходила по магазинам в этом парике, в этих очках и с этими зубами?

– Конечно, нет, – сказала Тельма, вынимая вставную челюсть и ложа ее в карман своей куртки, так, как она мешала ей говорить. – Служащие могли бы узнать меня, так как я привлекаю меньше внимания со своей обычной внешностью. Но после покупок я отъехала на грузовике в конец пустынной улочки и снова переделала свою внешность, на случай если кто-нибудь засек меня. Знаешь, Шан, мне все это даже нравится. Может быть, я перевоплощение Мата Хари, потому что когда я думаю об оболыщении мужчин, чтобы узнать их секреты и потом продать эти «секреты» иностран-

ному правительству, у меня появляется зуд в коже.

– Зуд вызывает только та часть, которая касается обольщения, – сказала Лаура, – но не та, что касается продажи секретов. Ты не шпионка, а всего лишь распутница.

Тельма дала ей ключи от дома в Палм-Спрингс.

– Там нет прислуги. Мы вызвали службу быта для уборки дома всего за пару дней до того, как уехали. С тех пор я их больше не вызывала, поэтому вы найдете там пыль, но, во всяком случае, не отсеченные головы, которые ты оставляешь за собой.

– Ты просто душечка.

– Там есть садовник. Но он находится там не полный день, как в нашем доме в Беверли Хиллс. Этот парень появляется раз в неделю, по вторникам, чтобы убрать газоны и постричь кусты. Я советую вам держаться подальше от окон по вторникам, пока он не уйдет.

– Мы спрячемся под кроватями.

– Под кроватью вы можете найти кучу хлыстов и цепей, но не думайте, что мы с Джесоном извращенцы. Эти хлысты и цепи принадлежали его матери, и мы храним их как память.

Они вынесли из отеля упакованные чемоданы и положили их на заднее сиденье, рядом с теми вещами, которые не влезли в багажник «бьюика». После крепких объятий Тельма сказала:

– Шан, следующие три недели я буду лишь изредка появляться в ночных клубах, поэтому если я тебе понадобится,

ты можешь найти меня в Беверли Хиллс в любое время дня и ночи. Я буду сидеть возле телефона.— Она неохотно уехала.

Лаура почувствовала облегчение, когда грузовик затерялся в дорожном потоке; Тельма была в безопасности. Она оставила служащему ключи от номера и выехала на «бьюике» с Крисом на соседнем сиденье и Стефаном на заднем сиденье. Ей не хотелось уезжать из «Птицы счастья», где они чувствовали себя в безопасности четыре дня, так как у них не было гарантии, что они будут в безопасности в каком-нибудь другом уголке мира.

Сначала они остановились возле оружейного магазина. Так как Лауре не следовало часто появляться на глазах людей, Стефан пошел в магазин и купил коробку патронов для пистолета. Они не включили эти патроны в список, который давали Тельме, потому что не знали, будет ли у них девятимиллиметровый парабеллум, который нужен был Стефану. И действительно, вместо него им пришлось довольствоваться тридцать восьмым кольцом «Коммандор Марк IV».

После оружейного магазина они отправились к пиццерии Толстяка Джека, чтобы забрать два контейнера смертельного нервно-паралитического газа. Стефан и Крис ждали в машине, стоявшей под неоновыми огнями, которые уже были зажжены, но которые не производили такого впечатления, как ночью.

Контейнеры стояли на столе Джека. Они были размером с небольшой домашний огнетушитель, только стального цве-

та, вместо красного, и на них был нарисован череп с костями, под которым было написано «Вексон» (аэрозоль), предупреждение (смертельный нервно-паралитический газ), права на производство охраняются законом Соединенных Штатов, после чего следовало многочисленное перечисление всевозможных названий.

Указательным пальцем, размером с сардельку, Джек показал на циферблаты, размером с пол-долларовую монету, на вершине каждого из цилиндров.

– Это таймеры, прокалиброванные в минутах, один к шестидесяти. Если установить таймер и нажать кнопку в центре, то баллон превратится в бомбу замедленного действия. Но если вы хотите пользоваться баллонами вручную, тогда держите дно баллона одной рукой, а другой нажимайте эту рукоятку, как обычный курок. Клапан под давлением откроется, и вы можете за полторы минуты заполнить газом здание в пять тысяч квадратных футов быстрее, чем кондиционер освежает воздух. Под действием света и воздуха газ начинает распадаться на нетоксичные компоненты, но он остается смертельным на протяжении сорока-шестидесяти минут. Три миллиграмма, попавшие на кожу, убивают через тридцать секунд.

– А противоядие? – спросила Лаура. Толстяк Джек улыбнулся и похлопал рукой по небольшим пакетам из синего пластика, привязанным к рукояткам цилиндров.

– Десять капсул в каждом пакете. Две капсулы защищают

одного человека. В пакетах есть инструкции, но лучше вам запомнить, что капсулы нужно проглотить за час до использования газа. В этом случае они будут защищать вас от трех до пяти часов.

Он взял деньги и положил цилиндры с вексоном в картонную коробку из-под сыра «Мозарелла». Закрыв коробку крышкой, он засмеялся и покачал головой.

– В чем дело? – спросила Лаура.

– Меня это веселит, – сказал Толстяк Джек. – Такая симпатичная женщина, образованная, с маленьким мальчиком... если такая, как вы, попали в такое дерьмо, то, очевидно, общество летит ко всем чертям много быстрее, чем я мог надеяться. Может, я доживу до того дня, когда правительство будет низвергнуто анархистами, когда люди будут сами устанавливать себе законы и решать их в кулачных боях друг с другом.

Подумав, он снова поднял крышку и бросил в коробку несколько зеленых бумажек, которые взял со стола.

– Что это? – спросила Лаура.

– Вы хороший покупатель, – сказал Толстяк Джек, – поэтому я бросил вам несколько купонов на бесплатную пиццу.

Дом Тельмы и Джесона в Палм-Спрингс был действительно уединенным. Это была странная, но привлекательная смесь испанского и южно-западного архитектурных стилей. Дом стоял среди большого сада, окруженного высоким забором персикового цвета с широкими воротами и калиткой.

Сад был тесно засажен оливковыми деревьями, пальмами и фикусами, так что дом был скрыт с трех сторон и только его фасад был виден с дороги.

Хотя они приехали в восемь часов вечера в субботу, после поездки в Анахим к Толстяку Джеку, дом и сад были видны в деталях так, как их освещали прожектора, имевшие значение как для безопасности, так и для эстетики. Тени от пальм и остальных деревьев падали на высокий забор.

Тельма дала им дистанционное управление гаражными воротами, так что они, не вылезая из машины, въехали в гараж, рассчитанный на три машины, и вошли в дом через внутренние двери, соединяющие гараж с прачечной, после того, как включили охранную систему с помощью кода, который сообщила им Тельма.

Дом был гораздо меньше апартаментов Гэтиса в Беверли Хиллс, но в нем было десять комнат и четыре ванные комнаты. Необычный вкус Стива Чейза, дизайнера по интерьеру в Палм-Спрингс, чувствовался в каждой комнате: в тусклом освещении; простых цветах – преимущественно темно-абрикосовых и оранжево-розовых, – видневшихся там и здесь; стенах, обитых замшей; потолках, отделанных кедровым деревом; медных и гранитных столах, оригинально контрастирующих с удобной мебелью с обивкой различных оттенков.

На кухне Лаура обнаружила пустую кладовую, за исключением одной полки с консервированными продуктами. Они слишком устали, чтобы отправиться в магазин, поэтому при-

готовили ужин из того, что было под рукой. Если бы Лаура проникла в дом без ключей и не знала бы, кто его владелец, она бы поняла, что он принадлежит Тельме и Джесону, как только бы заглянула в кладовую, потому что она не знала никакой другой пары миллионеров, которые так по-детски запасались бы консервированным сладким сыром и спагетти. Крис был доволен. На десерт они съели по шоколадному мороженому, найденному в пустом холодильнике.

Лаура и Крис расположились на королевских размеров кровати в хозяйском спальне, а Стефан расположился на диване в гостиной. Хотя они включили охранную сигнализацию, которая защищала каждое окно и дверь, хотя на полу возле кровати лежал заряженный «узи», а на ночном столике лежал револьвер, хотя никто в мире, кроме Тельмы, не знал, где они, Лаура спала чутко. Каждый раз, когда она просыпалась, то садилась на кровати и прислушивалась к ночным звукам, боясь услышать крадущиеся шаги и перешептывающиеся голоса.

Ближе к утру, когда она уже не могла совсем уснуть, Лаура уставилась в темный потолок, думая о том, что сказал Стефан два дня назад, когда объяснял некоторые нюансы путешествий во времени и изменения, которые могли сделать путешественники в своем будущем: судьба борется за то, что должно было быть. Когда Стефан спас ее от грабителя в бакалейной лавке в 1963 году, судьба столкнула ее с другим подонком, Вилли Шинером, в 1967 году. Ее судьба была судь-

бой сироты, поэтому, когда она обрела новый дом с Доквейлерами, судьба сделала так, что Нина Доквейлер умерла от сердечного удара, оставив Лауру снова сиротой.

Судьба борется за то, что должно было быть. Что будет дальше?

В той ее судьбе, которая должна была быть, Крис никогда не был рожден. Может быть, судьба скоро подстроит его смерть, чтобы восстановить ту судьбу, которая ждала ее, если бы в нее не вмешался Стефан Кригер? Она провела бы свою жизнь в инвалидной коляске, если бы Стефан позволил доктору Полу Марквеллу принимать роды. Может, судьба сделает так, чтобы пули гестаповцев повредили ее позвоночник и сделали ее инвалидом в соответствии с настоящей судьбой?

Когда же судьба вмешивается в жизнь, после того как она была изменена? Крис жил уже восемь лет, Может, судьба сочтет это достаточным для его непредназначенного существования? Она жила уже тридцать четыре года без инвалидной коляски. Продолжала ли их судьба бороться за то, что должно было быть?

Судьба борется за то, что должно было быть.

Когда ночь за шторами начало сереть, предвещая рассвет, Лаура вздрогнула и перевернулась, чувствуя, как в ней растет гнев, но к кому? К судьбе? К тем, кто хочет убить их? К Богу? Но должна ли она гневаться на Бога или должна умолять его сохранить жизнь ее сыну и избавить ее от жизни в

инвалидной коляске?

Не найдя предмета своего гнева, Лаура почувствовала, как гнев начал перерастать в страх. Кажется, они в безопасности в этом доме в Палм-Спрингс. Проведя одну спокойную ночь в этом месте, они могли быть почти полностью уверены в том, что их присутствие здесь осталось вне публичного знания, иначе убийцы из прошлого уже несомненно бы появились. И все-таки Лаура испытывала страх.

Что-то должно случиться. Что-то очень плохое.

Беда приближалась, но она не знала, откуда.

Молния. Скоро.

ГЛАВА 7

Доктор Ян Ятнер ввел последние данные в программную панель, которая контролировала машину времени. Он сказал Эриху Клитманну:

– Вы и ваши люди отправитесь в Палм-Спрингс, Калифорния, в январь 1989 года.

– Палм-Спрингс? – Клитманн был удивлен.

– Да. Мы ожидали, что вам придется отправиться в Лос-Анджелес или Оранж Кантри, где ваша одежда была бы кстати, но вы все равно не привлечете много внимания. Хотя там и зима, ваши костюмы подходят к сезону. – Ятнер протянул Клитманну листок бумаги с инструкциями. – Здесь вы най-

дете женщину и мальчика.

Свернув лист и сунув его во внутренний карман пиджака, лейтенант сказал:

– А как насчет Кригера?

– Исследователи не нашли упоминания о нем, – сказал Ятнер, – но он может быть с женщиной и мальчиком. Если вы не найдете его, то спросите о нем у женщины и мальчика. Если понадобится, примените пытки. Если все-таки они не наведут вас на след Кригера, убейте их. Это поможет нам обнаружить его в будущем.

– Мы найдем его, доктор.

На Клитманне, Хубатче, фон Манстейне и Брачере были одеты пояса под костюмами от Лаурента. Держа в руках дипломаты «Марк Кросс», они вошли в цилиндр и направились к окружности, откуда должны были перенестись из 1944 года в 1989-й.

Лейтенант был напуган и возбужден. Он был железным кулаком Гитлера, от которого Кригер не сможет спрятаться даже в будущем через сорок пять лет.

ГЛАВА 8

В свой первый день в Палм-Спрингс, в воскресенье 15 января, они подключили компьютер, и Лаура научила Стефана пользоваться им. IBM PC был прост в обращении, и хотя

Стефан был далеко не специалистом по компьютерам, он мог понять принцип его действия и принцип работы с ним. Однако основная работа с компьютером падала на Лауру, которая имела достаточный опыт в обращении с ним. Он должен был объяснить ей расчеты, которые нужно было сделать, так как компьютер мог решить их проблемы гораздо быстрее их.

Стефан намеревался вернуться в 1944 год, используя пояс Кокошки. Пояса не являлись машинами времени. Сама машина осталась в 1944 году. Пояса лишь служили для связи с машиной и они возвращали путешественников во времени назад после нажатия кнопки, включающей эту связь.

– Как? – спросила Лаура, когда он объяснял назначение пояса.– Как он возвращает тебя назад?

– Я не знаю. А ты знаешь, как действует микро-чип внутри компьютера? Нет. Но это не мешает тебе работать на компьютере так же, как мне не мешает мое незнание пользоваться поясом.

Вернувшись в институт в 1944 году и ликвидировав охрану главной лаборатории, Стефан должен был сделать два решающих прыжка в будущее из марта 1944 года, чтобы подготовить уничтожение института. Эти два прыжка должны были быть тщательно запланированы, так как он должен был попасть в точное место и точное время. Такие расчеты были невозможны в 1944 году не потому, что там не было компьютеров, а потому, что тогда не все знали об угле и коэффициенте вращения Земли и о других планетных факторах,

которые влияли на прыжок, и из-за которых путешественники во времени прибывали в будущее со сдвигами во времени и местоположении. С точными расчетами, сделанными компьютером, он мог так запрограммировать машину времени, что она перенесла бы его в будущее с точностью до ярда и долей секунд.

Они пользовались книгами, которые купила Тельма. Это были не научные и не математические тексты, а книги по истории второй мировой войны, из которых они могли узнать нужные им цифры и даты.

Кроме сложных расчетов, они еще должны были побеспокоиться о лечении Стефана. Когда он вернется в 1944 год, он попадет в волчье логово, и хотя он будет вооружен нервно-паралитическим газом и новейшим оружием, он должен действовать быстро, чтобы не дать себя убить.

– Две недели, – сказал он. – Я думаю, что мое плечо окончательно затянется за две недели.

Займет ли его выздоровление две недели или десять, это не имело значения, так как, надев пояс Кокошки, он вернется в институт только через одиннадцать минут после того, как Кокошка исчез из него. Его время отправления из будущего не повлияет на время прибытия в прошлое.

Единственное, что их беспокоило, это то, что гестаповцы найдут их первыми и пошлют убийц в 1989 год, чтобы убить их раньше, чем Стефан сможет вернуться в свою эру, чтобы внедрить свой план. Это беспокоило их на протяжении

всего времени. С соответствующей осторожностью, постоянно ожидая неожиданных вспышек молнии и раскатов грома, они сделали перерыв и отправились за покупками. Лаура, которая могла стать объектом внимания, оставалась в машине, пока Крис и Стефан ходили в супермаркет. Молнии так и не было, и они вернулись домой с многочисленными покупками.

Распаковывая сумки на кухне, Лаура не обнаружила в третьей сумке ничего, кроме сладостей: конфет, шоколада, сладких булочек, воздушной кукурузы и других.

Стефан помогал ей, и она сказала:

– Похоже, ты большой любитель сладкого.

– Понимаешь, это одна из тех удивительных вещей, которую я обнаружил в вашем времени, – сказал он. – Я и представить себе не мог, что между шоколадом и мясом не будет никакой разницы в количестве питательных веществ, что витаминов и минералов в этих картофельных хлопьях не меньше, чем в зеленом салате. Можно есть один десерт и оставаться таким же здоровым, как человек, который ест мясо. Невероятно! Как вы этого достигли?

Лаура обернулась как раз вовремя, чтобы заметить Криса, выскальзывающего из кухни.

– Постой-ка, приятель. Сделав невинное лицо, он сказал:

– Кригер говорит какие-то смешные вещи о нашей культуре, не так ли?

– Я знаю, где он их набрался, – сказала она, – маленький

мошенник.

Крис вздохнул и изобразил раскаяние.

– Да. Но я думал, раз уже за нами охотятся агенты гестапо, мы можем есть сколько угодно сладостей, потому что они могут оказаться последними.– Он искоса посмотрел на нее, чтобы проверить, купилась ли она на его оправдание.

В действительности в словах мальчика было достаточно правды, и у нее не было желания ругать его.

После ужина Лаура сменила повязку на ране Стефана. Удар пули оставил чудовищный синяк на его груди с пулевым отверстием в центре, чуть меньший синяк был вокруг выходного пулевого отверстия. Повязка была пропитана жидкостью, вытекавшей из раны. Промыв как следует рану, она аккуратно потрогала синяк, но воспалений, говорящих о начавшейся инфекции, не было. Конечно, нарыв мог быть внутри раны, но это было маловероятно, так как в этом случае у Стефана был бы жар.

– Продолжай принимать пенициллин, – сказала она, – и я думаю, что все будет в порядке. Доктор Бренкшоу хороший специалист.

Пока Лаура и Стефан проводили долгое время за компьютером в понедельник и вторник, Крис смотрел телевизор и рыскал на книжных полках в поисках чего-нибудь почитать.

– Мама, что такое оргазм?

– Что ты читаешь? Дай мне это.

Иногда он заходил в кабинет и смотрел, как они работали

на компьютере. После дюжины таких визитов он сказал:

– В фильме «Назад в будущее» у них была крутая машина времени, им нужно было только нажать несколько кнопок и... – он присвистнул.– Почему в настоящей жизни нет такого, как в кино?

Во вторник, 19 января, они держались подальше от окон, пока садовник убирал газон и подстригал кусты. За четыре дня он был единственным человеком, которого они видели.

– Мы в безопасности здесь, – сказал Стефан.– Очевидно, наше присутствие в этом доме никому не стало публично известно, иначе агенты гестапо уже посетили бы нас.

Тем не менее Лаура ни на секунду не отключала охранную сигнализацию. По ночам ей продолжали сниться кошмары об исчезновении из ее жизни Криса и об инвалидной коляске, уготованной для нее.

ГЛАВА 9

Они надеялись прибыть к восьми часам, что давало им кучу времени, чтобы добраться до того места, где исследователи обнаружили женщину и мальчика. Но когда лейтенант Клитманн оказался за сорок пять лет от своего времени, то обнаружил, что они опоздали на два часа. Солнце уже было высоко над горизонтом. Было слишком тепло для зимнего утра. Над головой сверкали вспышки молний и гремели рас-

каты грома.

Когда гром затих, Клитманн обернулся, чтобы убедиться, что фон Манштейн, Хубатч и Брачер были невредимыми. Они стояли рядом, держа в руках свои дипломаты, их солнцезащитные очки торчали из нагрудных карманов дорогих костюмов.

Проблема заключалась в том, что в тридцати футах от них две пожилые седоволосые женщины в розовых брюках и розовых блузках стояли возле белого автомобиля рядом с задней дверью в церковь и смотрели удивленно на Клитманна и его отряд.

Клитманн посмотрел вокруг и увидел, что они стояли на стоянке позади церкви. Здесь было еще две машины, не считая той, что, очевидно, принадлежала этим женщинам, но других свидетелей не было. Стоянка была окружена оградой, поэтому они должны были пройти мимо этих женщин вдоль стены церкви.

Решив, что дерзость была лучшим выходом, Клитманн направился прямо к женщинам, как будто не было ничего необычного в их материализации из голого воздуха; его люди последовали за ним. Расширенными глазами женщины смотрели на их приближение.

– Доброе утро, леди.– Как и Кригер, Клитманн научился говорить на английском с американским акцентом в надежде на службу в качестве секретного агента, но ему не удавалось скрыть иностранного акцента полностью, сколько бы он ни

практиковался. Хотя его часы показывали местное время, он знал, что им нельзя больше доверять, поэтому он сказал:

– Не будете ли вы так добры сказать, сколько сейчас времени?

Они таращились на него.

– Время? – повторил он.

Одна из женщин согнула руку, посмотрела на часы и сказала:

– Сейчас десять сорок.

Они опоздали на два часа и сорок минут. Они не могли терять время на поиски автомобиля, тем более что перед ними был неплохой вариант, да еще с ключами. Клитманн был готов убить обеих женщин за машину. Но он не мог оставить их тела на стоянке: когда их найдут, полиция тут же начнет поиски машины. Ему пришлось бы запихать тела в багажник и взять их с собой. Другая женщина сказала:

– Почему вы явились к нам, вы ангелы? Клитманн подумал, в своем ли она уме. Ангелы в костюмах от Лаурсита? Потом он понял, что они находились поблизости от церкви и появились так таинственно, что было бы вполне логично для верующих женщин принять их за ангелов, несмотря на их одеяние. Может быть, не стоило тратить время на их убийство. Он сказал:

– Да, мэм, мы ангелы, и Бог нуждается в вашей машине.

Женщина с часами сказала:

– В моей «тойоте»?

– Да, мэ-м.– Водительская дверца была открыта, и Клитманн бросил свой дипломат на переднее сиденье.

– Мы выполняем миссию Бога, вы видели, как мы появились с небес прямо на ваших глазах и нам нужно средство передвижения.

Фон Манстейн и Брачер обошли «тойоту» с другой стороны, открыли дверцы и влезли внутрь. Другая женщина сказала:

– Ширли, твоя машина выбрана Богом.

– Бог вернет вам ее, – сказал Клитманн, – когда наша миссия будет закончена.– Помня о недостатке бензина в своем времени и не зная положения с топливом в 1989 году, он добавил: – Не имеет значения, сколько сейчас в баке бензина, он будет полон, когда мы вернем ее, и всегда полон потом.

– Но в ней картофельный салат для церковной прислуги, – сказала владелица машины.

Феликс Хубатч уже открыл заднюю дверцу со стороны водителя и нашел картофельный салат. Он вытащил его из машины и поставил возле ног женщин.

Клитманн залез в машину, закрыл дверцу, завел мотор и выехал со стоянки. Когда он посмотрел в зеркало заднего вида, прежде чем свернуть на улицу, он увидел, что женщины все еще тарасились им вслед.

ГЛАВА 10

День за днем они делали расчеты, а Стефан разрабатывал левую руку и плечо, стараясь вернуть подвижность мышц, насколько это возможно. В субботу, 21 января, когда заканчивалась их первая неделя пребывания в Палм-Спрингс, они закончили расчеты и получили точное время и точные координаты, необходимые Стефану для прыжков в будущее, которые он сделает, вернувшись в 1944 год.

– Теперь мне нужно еще немного времени для выздоровления, – сказал он, встав от компьютера и вращая левой рукой.

Она сказала:

– С момента ранения прошло одиннадцать дней. Ты все еще чувствуешь боль?

– Немного. Глубокая нудная боль. Она непостоянна. Но силы еще не вернулись. Я думаю, что лучше обождать еще несколько дней. Если я буду чувствовать себя нормально к среде двадцать пятого, я вернусь в институт. Это может случиться раньше, если я выздоровею быстрее, но, конечно, не позднее среды.

Этой ночью Лаура проснулась от ночного кошмара – она снова очутилась в инвалидном кресле, как завещала ей судьба в образе безликого мужчины в черном одеянии, который стирал Криса.

Из реальности, как будто мальчик был всего лишь меловым рисунком на стекле. Вся в поту, она села на кровати, прислушиваясь к шуму в доме, но ничего не услышала, кроме спокойного и тихого дыхания ее сына, лежащего рядом.

Она лежала в кровати и думала о Стефане Кригере. Он был интересным человеком, чрезвычайно сдержанным и временами непредсказуемым.

Со среды прошлой недели, когда он объяснил ей, что стал ее спасителем потому, что полюбил ее и хотел изменить ее жизнь, которую она должна была прожить, он больше ни слова не сказал о любви. Он не заявлял вновь о своих чувствах к ней, не бросал на нее многозначительных взглядов, не изображал настойчивого любовника. Высказав свои чувства однажды, он дал ей время подумать и узнать его больше, прежде чем ответить. Она предполагала, что он будет ждать годы, если понадобится, без всякого недовольства. Он обладал чрезвычайным терпением, закаленным в невзгодах.

Большую часть времени он находился в тихой и задумчивой меланхолии, причиной которой она считала тот ужас, который он видел в далекой Германии. Возможно, он чувствовал себя виновным в таких вещах, за которые никогда не будет прощен. Ведь он считал, что ему уготовано место в аду. Он ничего больше не рассказывал о своем прошлом, кроме того, что рассказал ей и Крису десять дней назад в мотеле. Однако она чувствовала, что он хотел рассказать ей все подробности того, за что чувствовал себя виновным, и

того, что оправдывало его. Он ничего не собирался скрывать от нее и просто ждал ее решения.

Несмотря на всю свою печаль, он обладал достаточным чувством юмора. Он хорошо общался с Крисом и мог расшевелить его, что не часто удавалось ей. Его улыбка была теплой и добродушной.

Она по-прежнему не любила его и не думала, что когда-нибудь полюбит. Ее уверенность в этом даже удивляла ее. Лежа в темноте, она наконец нашла причину своей уверенности: она не могла полюбить его, так как он не был Дании. Ее Дании был необыкновенным человеком, и с ним она познала ту любовь, какая только могла быть в мире. В своих чувствах Стефану Кригеру приходилось соперничать с призраком Дании.

Она понимала весь пафос их положения, и ее печалило одиночество. В душе она хотела быть любимой и любить в ответ, но в отношениях со Стефаном она видела лишь его безответную страсть и свою несбывшуюся надежду.

Крис что-то пробормотал во сне и вздохнул.

«Я люблю тебя, дорогой, – подумала она.– Я так люблю тебя».

Ее сын, единственный ее ребенок, стал смыслом ее жизни и веры в будущее. Если что-нибудь случится с Крисом, Лаура знала, что не сможет найти себе места в этом мире, где так тесно переплетались трагедия и комедия.

ГЛАВА 11

В трех кварталах от церкви Эрих Клитманн припарковал белую «тойоту» на одной из боковых улочек главного торгового центра Палм-Спрингс. Множество людей прогуливались по улицам, заглядывая в витрины магазинов. Короткие юбки молодых женщин Клитманн считал не только скандальными, но и возмутительными, так как в его время женщины не демонстрировали таким образом свое тело. Железные законы национал-социалистической партии фюрера не допустят такого бесстыдного поведения; победа Гитлера повлияет на весь мир, где взгляды на мораль будут пересмотрены, где эти бесстыдные женщины смогут выставлять себя напоказ только с риском быть заключенными под стражу, где падшим морально вообще не будет места. Когда он смотрел на эти ягодицы и обтянутые груди, Клитманн безрассудно желал лечь в постель с каждой из таких женщин, несмотря на то, что Гитлер не допускал распутства.

Позади Клитманна капрал Руди фон Манстейн развернул карту Палм-Спрингс, которой их снабдила команда исследователей, что обнаружила местонахождение женщины и мальчика. Он сказал:

– Где мы нанесем удар?

Из внутреннего кармана пиджака Клитманн достал свернутый лист бумаги, который дал ему доктор Ятнер в главной

лаборатории. Он развернул его и громко прочитал:

– На сто одиннадцатом дорожном маршруте, точнее в шести милях к северу от окраины главного района Палм-Спрингс, женщина будет арестована офицером калифорнийского дорожного патруля в одиннадцать двадцать, в среду двадцать пятого января. Она будет ехать в черном «бьюике». Мальчик будет с ней. Очевидно, Кригер тоже там, но мы не уверены; очевидно, он сбежит от офицера полиции, но мы не знаем, как.

Фон Манстейн уже отметил на карте маршрут, который приведет их к нужному месту.

– У нас осталось тридцать одна минута, – сказал Клитманн, посмотрев на часы на панели автомобиля.

– Это недалеко, – сказал фон Манстейн. – Нам достаточно пятнадцати минут.

– Если мы приедем раньше, – сказал Клитманн, – возможно, нам удастся убить Кригера раньше, чем он ускользнет от офицера дорожной полиции. В любом случае, мы должны успеть до ареста женщины и мальчика, так как будет гораздо сложнее достать их в тюрьме. Он повернулся и посмотрел на Брачера и Хубатча.

– Понятно?

Они оба кивнули, потом сержант Хубатч похлопал по нагрудному карману своего пиджака.

– Что с этими очками, сэр?

– А что с ними? – нетерпеливо спросил Клитманн.

– Мы должны их одеть? Помогут ли они нам смешаться с местными жителями? Я изучал людей на улице, многие из них носят темные очки, многие и не носят.

Клитманн посмотрел на пешеходов, стараясь отвлечься от соблазнительных женщин, и увидел, что Хубатч был прав. Более того, он не увидел ни одного молодого человека, одетого в «крутой стиль» молодых преуспевающих бизнесменов. Может быть, все они были в своих кабинетах в этот час. Увидев отсутствие темных дорогих костюмов, Клитманн почувствовал неуместность их одежды, хотя он и его люди сидели в машине. Из-за того, что многие пешеходы были в солнцезащитных очках, он решил, что их собственные очки придадут им хоть что-то общее с местными жителями.

Когда лейтенант надел очки, то же самое сделали фон Манстейн, Брачер и Хубатч.

– Хорошо, поехали, – сказал Клитманн.

Но прежде чем он снял ручной тормоз и включил скорость, кто-то постучал в окно водительской дверцы. Это был офицер полиции Палм-Спрингс.

ГЛАВА 12

Лаура чувствовала, что, так или иначе, их тяжелым испытаниям скоро придет конец. Им либо удастся уничтожить институт, либо они умрут, и она почти достигла той точки,

когда страх должен был исчезнуть так же, как появился.

В среду, 25 января, Стефан все еще не чувствовал прежней гибкости мышц левой руки, но резкой боли уже не было. Он не чувствовал онемения в руке и плече, что означало, что пуля не повредила нервы. Благодаря своим ежедневным упражнениям, ему удалось вернуть больше половины силы в левой руке и плече, что было достаточно для внедрения его плана. Но Лаура видела, что он боялся предстоящего путешествия.

Он надел пояс Кокошки, который Лаура достала из сейфа в ту ночь, когда раненый Стефан появился на ее крыльце. Страх, очевидно, не покидал его, но когда Стефан надел ремень, его страх был вытеснен твердым решением.

В десять часов утра, на кухне, каждый из них, включая Крису, проглотил по две капсулы, предотвращающие пагубное действие нервно-паралитического газа вексона. Они запили защитные таблетки апельсиновым соком.

Три «узи», револьвер тридцать восьмого калибра, кольт «Коммандор Марк IV» с глушителем и небольшой пластиковый пакет с книгами были погружены в машину.

Два стальных баллона с вексоном все еще лежали в багажнике «бьюика». Изучив инструкции, вложенные в синие пластиковые пакеты, привязанные к контейнерам, Стефан решил, что ему будет достаточно одного баллона с газом. Вексон был предназначен больше для использования в помещении, – чтобы убивать врага в бараках, укрытиях и подземных

бункерах, – чем против войск на поле боя. На открытом воздухе газ быстро нейтрализовался – еще быстрее при солнечном свете – и был эффективен только в радиусе двести ярдов от точки распыления. Тем не менее, газ из одного баллона мог заполнить здание в пятьдесят тысяч квадратных футов, что было достаточно для его целей.

В десять тридцать пять они сели в машину и направились по сто одиннадцатому маршруту к северу от Палм-Спрингс. Когда Лаура проверила его ремень безопасности, Крис сказал:

– Если бы эта машина была машиной времени, мы бы могли отправиться в 1944 год с комфортом.

Несколько дней назад они предприняли ночную поездку в пустыню, чтобы найти подходящее место для отправления Стефана. Они должны были знать точное географическое положение этого места, чтобы сделать расчеты, благодаря которым Стефан мог бы вернуться к ним после того, как он сделает свою работу в 1944 году.

Стефан намеревался открыть клапан цилиндра с газом перед тем, как нажать кнопку на поясе, чтобы нервно-паралитический газ начал распространяться во время его путешествия в институт, убивая каждого, кто окажется в главной лаборатории в 1944 году. Так как некоторое количество газа должно было распылиться вокруг точки его отправления, они вынуждены были сделать это в каком-нибудь уединенном месте. Улица была меньше, чем в двести ярдах от дома

Гейнса, в пределах действия вексона, и они не хотели убивать невинных людей.

Кроме того, хотя газ и оставался смертельным только от сорока до шестидесяти минут, они не знали, какое действие он может оказать потом, на человека, случайно попавшего в диапазон его действия. Лаура не хотела, чтобы это вещество осталось в доме Тельмы и Джесона.

День был ясным, голубым и безветренным.

Когда они проехали пару кварталов и выехали на участок, где дорогу окружали с двух сторон высокие пальмы, Лауре показалось, что она видела какие-то странные вспышки света на небе в зеркале заднего вида. На что была похожа молния в светлом безоблачном небе? Она не могла быть такой драматичной, как на затянутом облаками небе, так как ей пришлось бы соперничать со светом солнца, может, она и должна была выглядеть как странные и короткие вспышки света.

Хотя она притормозила, «бьюик» уже въезжал в расщелину, и она ничего больше не видела в зеркале заднего вида, кроме дороги, опускавшейся с холма. Ей показалось, что она слышала и отдаленные раскаты грома, но не была уверена из-за шума воздушного кондиционера в машине. Она быстро съехала на обочину дороги, выключив вентилятор.

– Что случилось? – спросил Крис, когда она остановила машину, открыла дверцу и выскочила наружу.

Стефан открыл заднюю дверцу и тоже вылез из машины.

– Лаура?

Она смотрела на тот кусок неба, что могла видеть со дна расщелины, прикрывая глаза ладонью.

– Ты слышишь это, Стефан?

В теплом воздухе замирали последние раскаты отдаленного грома. Он сказал:

– Это может быть гул самолета.

– Нет. Когда я в последний раз думала так же, это оказались они.

В небе промелькнула последняя вспышка света. На самом деле она не видела самой молнии, разверзающей небеса, это было лишь отражение в атмосфере, слабая вспышка света на голубом сияющем небе.

– Они здесь, – сказала она.

– Да, – согласился он.

– Где-то впереди что-то остановит нас, может быть, дорожная полиция или какой-нибудь несчастный случай, который оставит публичную запись, и тогда появятся они. Стефан, мы должны повернуть, мы должны ехать обратно к дому.

– Это бесполезно, – сказал он. Крис вылез из машины.

– Он прав, мама. То, что мы сделаем, не будет иметь значения. Эти путешественники во времени появились здесь потому, что они уже заглянули в будущее и знают, где нас найти, может быть, через полтора часа, а может быть, через десять минут. Не имеет значения, поедем мы назад или вперед;

они уже видели нас где-то, может быть, даже на нашем пути назад к дому.

– Как бы мы ни изменяли наши планы, мы встретимся с ними.

Судьба.

– Дерьмо! – сказала она, пнув ногой дверцу машины, от чего ей не стало легче. – Я ненавижу это. Как ты надеешься победить этих проклятых путешественников во времени? Это все равно, что играть с Богом.

Вспышек молнии больше не было. Она сказала:

– Если подумать, то вся жизнь – это игра с Богом, не так ли? Значит, в этом нет ничего страшного. Садись в машину, Крис. Давайте покончим с этим.

Пока она вела машину через западные окрестности города, нервы Лауры были натянуты, как струны. Она ждала беды со всех сторон, хотя знала, что беда придет оттуда, откуда ее меньше всего ждешь.

Без всяких инцидентов они выехали за город. Впереди оставалось десять миль по пустынной местности, прежде чем сто одиннадцатый маршрут пересечет десятый маршрут.

ГЛАВА 13

Надеясь избежать неприятностей, лейтенант Клитманн опустил стекло и улыбнулся полицейскому Палм-Спрингс,

который постучал по стеклу, чтобы привлечь внимание, нагнулся к водителю.

– Что случилось, офицер?

– Разве вы не видели запрещающего знака, когда парковали машину?

– Запрещающего знака? – сказал Клитманн улыбаясь и думая, о чем говорил этот чертов полицейский.

– Ну так, сэр, – сказал офицер насмешливым голосом. – Вы будете утверждать, что не видели знака?

– Да, сэр, конечно я видел его.

– Я знал, что вы не станете врать, – сказал полицейский так, как будто он знал Клитмана как честного человека, что очень смутило лейтенанта.

– Раз вы видели запрещающий знак, сэр, почему вы все-таки припарковались?

– О, я понял, – сказал Клитманн, – парковка разрешена только там, где нет такого знака. Да, конечно.

Полицейский недоуменно посмотрел на лейтенанта. Он перевел взгляд на фон Манстейна, потом на Брачера и Хубатча, улыбнулся и кивнул им.

Клитманну не нужно было смотреть на своих людей, чтобы знать, что они были на грани. Даже воздух в машине потяжелел от напряжения. Снова посмотрев на Клитманна, полицейский попытался улыбнуться и сказал:

– Похоже, вы все четверо – проповедники?

– Проповедники? – переспросил Клитманн, смущенный

вопросом.

– Я обладаю некоторой дедукцией, – сказал полицейский улыбаясь. – Конечно, я не Шерлок Холмс, но на вашем бампере написано «Я люблю Бога» и «Иисус да воскреснет». В городе проходит собрание баптистов, а вы все одеты в темные костюмы.

Вот почему он знал, что Клитманн не будет врать. Он думал, что они священники из баптистской церкви.

– Вы правы, – тут же сказал Клитманн. – Мы приехали на собрание баптистов, офицер. Прошу прощения за неправильную парковку. Там, откуда я приехал, нет таких знаков. Если...

– А откуда вы? – спросил полицейский с подозрением, но пытаясь быть дружелюбным.

Клитманн много знал о Соединенных Штатах, но недостаточно для того, чтобы вести такой разговор, который он не мог контролировать. Он знал, что баптисты были в южной части страны; он не был уверен, были ли они на севере, западе или востоке, поэтому сосредоточился на южных штатах. Он сказал:

– Я из Джорджии, – прежде чем понял, как глупо это звучало на его английском с немецким акцентом.

Улыбка исчезла с лица полицейского. Посмотрев мимо Клитманна на фон Манстейна, он спросил:

– А вы откуда, сэр?

Следуя словам лейтенанта, но говоря с еще большим ак-

центом, фон Манстейн сказал:

– Из Джорджии.

Прежде чем их спросили, Хубатч и Брачер поспешили ответить.

– Мы тоже из Джорджии, – как будто это слово было волшебным и производило впечатление на полицейского.

Полицейский нахмурился и сказал Клитманну:

– Сэр, вы не могли бы выйти из машины на минуту?

– Конечно, офицер, – сказал Клитманн. Открывая дверь, он заметил, что полицейский немного попятился и положил правую руку на рукоятку револьвера, висевшего в кобуре.– Но мы опаздываем на молитву.

Сидящий на заднем сиденье Хубатч открыл свой дипломат и быстро достал «узи», как это, наверное, делали телохранители президента. Он не стал опускать стекло, а приклонил к нему дуло автомата и выстрелил в полицейского, не давая тому времени выхватить револьвер. Стекло машины разлетелось вдребезги. Изрешеченный по меньшей мере двадцатью пулями с такого близкого расстояния, полицейский задержался и рухнул на дорогу. Завизжали тормоза машины, пытавшейся избежать наезда на его тело. Не задевшие полицейского пули разнесли вдребезги витрину магазина на противоположной стороне улицы.

С хладнокровием и быстротой, за которые Клитманн гордился своей принадлежностью к СЕ, Мартин Брачер выскочил из «тойоты» и выпустил дополнительную очередь из

«узи», чтобы добавить хаоса и дать им возможность бежать. Вдребезги разлетелись не только витрины магазинов на той стороне, где была припаркована их машина, но и магазинов, стоявших до самого перекрестка сто одиннадцатого маршрута с дорогой на Каньон. Люди кричали, падали на мостовую и искали укрытие. Клитманн видел, как пули попадали в проезжающие машины, которые начинали визжать тормозами и вилять из стороны в сторону; «мерседес» врезался в бок грузовика, а шикарный красный спортивный автомобиль выскочил на тротуар, сбил пальму и въехал в витрину магазина.

Клитманн снова сел за руль и снял ручной тормоз. Он слышал, как Брачер и Хубатч вскочили в машину, поэтому он сорвал машину с места, круто свернул налево и помчался на север. Он тут же обнаружил, что оказался на улице с односторонним движением, двигаясь ему навстречу. Ругаясь, он объезжал встречные машины. «Тойоту» резко занесло, крышка перчаточника открылась, опустошая его содержимое на колени фон Манштейна. Клитманн свернул на следующем перекрестке. В конце квартала он проскочил на красный свет, едва не задев пешеходов, и свернул налево снова в северном направлении.

– У нас осталась двадцать одна минута, – сказал фон Манштейн, показывая на приборную панель.

– Скажи, куда ехать, – сказал Клитманн. – Я заблудился.

– Вы не заблудились, – сказал фон Манштейн, сбрасывая

с коленей все то, что вывалилось из перчаточника – ключи, бумажные салфетки, пару белых перчаток, пакетики с сухой горчицей и кетчупом, документы, – и раскладывая на коленях карту.

– Вы не заблудились. Эта улица пересекается с дорогой на Палм-Каньон, которая пересекается со сто одиннадцатым маршрутом.

ГЛАВА 14

В шести милях от Палм-Спрингс, где окрестности напоминали безлюдную пустыню, Лаура повела машину вдоль обочины. Она медленно проехала еще несколько сотен ярдов, прежде чем нашла место, где насыпь обочины почти сровнялась с окружающей дорогу пустыней, что позволило ей свернуть с дороги на равнину. Кроме нескольких низкорослых кустов и жалких островков пожухлой травы, единственной растительностью здесь были сухие пучки перекапти-поля, гоняемые по пустыне ветром.

Твердая почва сменилась песком, который был очень глубоок местами. Так же, как в ту ночь, когда они нашли это место, Лаура поехала вдоль границы песка. Она не останавливалась, пока не отъехала от дороги на триста ярдов, что превышало радиус действия вексона. Она остановилась неподалеку от канавы двадцати футов шириной, которая была об-

разована потоками воды во время коротких дождевых сезонов; в прошлый приезд им повезло, они не свалились в эту канаву, так как им приходилось ехать с фарами.

Хотя после молнии не было видно никаких признаков вооруженных людей, Лаура, Крис и Стефан двигались так, как будто слышали тиканье бомбы замедленного действия. Пока Лаура доставала один из баллонов с газом из багажника «бьюика», Стефан закинул маленький, зеленый, пластиковый рюкзак с книгами за спину, продел руки в лямки и скрепил застежки на груди. Крис отнес один из «узи» за двадцать футов от машины, в центр естественного круга, лишеного всяческой растительности, который казался отличной стартовой площадкой для отбытия Стефана из 1989 года. Лаура присоединилась к мальчику, а за ними последовал Стефан, державший в правой руке кольт «Коммандор» с накрученным глушителем.

Клитманн гнал «тойоту» по сто одиннадцатому маршруту на предельной скорости. Спидометр пройденного расстояния показывал сорок тысяч миль, и было ясно, что старая владелица машины никогда не ездил быстрее пятидесяти миль в час, поэтому автомобиль не был готов к требованиям Клитманна. Когда он попытался поехать быстрее шестидесяти миль в час, «тойота» начала дрожать и вибрировать, что заставило его снизить скорость.

В двух милях к северу от города они нагнали патрульную машину калифорнийской полиции с офицером, кото-

рый, как понял Клитманн, и должен был арестовать Лауру и ее сына. Полицейская машина без труда развивала скорость в пятьдесят пять миль в час.

– Убей его, – сказал Клитманн через плечо капралу Мартину Брачеру, сидевшему на заднем правом сиденье.

Клитманн посмотрел в зеркало заднего вида, не увидел сзади никаких машин и на скорости шестьдесят миль в час стал обгонять полицейскую машину.

Брачер опустил боковое стекло. Другое заднее стекло было уже открыто, так как Хубатч высадил его очередь из «узи», поэтому в салон ворвался ветер, который сорвал карту с коленей фон Манштейна.

Офицер полиции повернул к ним удивленное лицо, вероятно, редкие водители неслись вровень с полицейской машиной, которая ехала на предельно разрешенной скорости. Когда Клитманн развил скорость за шестьдесят миль в час, «тойота» начала дрожать и чихать, но все-таки подчинялась ему. Полицейский, удивленный таким наглым нарушением правил, включил и выключил сирену, чей вой, очевидно, должен был заставить Клитманна съехать на обочину и остановиться.

Вместо этого лейтенант развил скорость протестующей «тойоты» до шестидесяти четырех миль в час и поравнялся с полицейской машиной. Брачер открыл огонь из «узи».

Окна полицейской машины разлетелись вдребезги, и офицер был мертв в то же мгновение. Он должен был быть мертв,

так как получил несколько пуль в голову и верхнюю часть тела и уже не видел приближающейся атаки. Патрульная машина вильнула в сторону и врезалась в бок «тойоты» прежде, чем Клитманн успел избежать столкновения.

Клитманн затормозил, отстав от потерявшей управление полицейской машины, которая вылетела за обочину дороги. Несколько секунд она была в воздухе, а потом тяжело опустилась на землю. Ее дверцы распахнулись от удара.

Когда Клитманн сбавил скорость и медленно подъехал к обочине, фон Манстейн сказал:

– Он повил на руле и не представляет больше опасности.

Проезжающие мимо водители были свидетелями полета патрульной машины. Они съехали на обочину. Когда Клитманн посмотрел в зеркало заднего вида, он увидел людей, выскакивающих из машины и бегущих к патрульной машине. Если бы они знали причину аварии полицейского автомобиля, то не решились бы преследовать Клитманна, чтобы сдать его правосудию. И это было мудро.

Он нажал на газ и посмотрел на счетчик пройденного пути.

– Осталось три мили до того места, где этот полицейский должен был арестовать женщину и мальчика. Смотрите, черный «бьюик». Осталось три мили.

Стоя под ярким солнцем на лысом клочке земли возле «бьюика», Лаура смотрела на Стефана, перекидывающего «узи» через правое плечо. Автомат висел свободно и не упи-

рался в рюкзак с книгами.

– Теперь я думаю, стоит ли его брать, – сказал он.– Если нервно-паралитический газ сработает так, как он должен, мне, возможно, не понадобится даже пистолет, а тем более автомат.

– Возьми его, – мрачно сказала Лаура. Он кивнул.

– Ты права. Кто знает.

– Плохо, что у тебя нет пары гранат, – сказал Крис.– Гранаты тоже пригодились бы.

– Будем надеяться, что до этого не дойдет, – сказал Стефан.

Он снял предохранитель пистолета и держал его наготове в правой руке. Взяв баллон с вексоном за рукоятку, он поднял его левой рукой, как бы проверяя реакцию поврежденного плеча.

– Тяжеловат немного, – сказал он.– Рана саднит. Но все не так уж плохо, и я справляюсь с ним.

Они выдернули предохранитель из ручного вентиля. Стефан открыл вентиль.

Когда он закончит свою работу в 1944 году, он сделает последний прыжок снова в 1989 год, по плану он должен был появиться через пять минут после отправления. Сейчас он сказал:

– Мы скоро увидимся. Вы едва поймете, что я исчез.

Неожиданно Лаура испугалась, что он никогда не вернется. Она обняла его и поцеловала в щеку.

– Удачи тебе, Стефан.

Это не был поцелуй возлюбленного, это даже не было каким-либо обещанием; это был поцелуй друга, поцелуй женщины, которая была обязана жизнью, но не была обязана сердцем. Она видела тревогу в его глазах. Несмотря на чувство юмора, он был меланхоличным человеком, и ей хотелось бы сделать его счастливым. Она даже жалела, что не могла чувствовать к нему нечто большее.

– Я хочу, чтобы ты вернулся, – сказала она. – Я действительно этого очень хочу.

– Этого достаточно. – Он посмотрел на Криса и сказал: – Позаботься о своей матери, пока меня не будет.

– Я постараюсь, – сказал Крис. – Но у нее самой это очень хорошо получается.

Лаура привлекла сына к себе.

Стефан поднял баллон с вексоном выше и нажал клапан.

Когда он вырвался со звуком, похожим на шипенье десятка змей, Лаура охватила паника, что капсулы не защитят их от действия газа, что они упадут на землю, корчась в спазмах и конвульсиях, и умрут через тридцать секунд. Вексон был без цвета, но с запахом и вкусом; даже на открытом воздухе, где он быстро нейтрализовался, она уловила запах персиков и кислый привкус, который напоминал какую-то смесь лимонного сока и кипяченого молока. Несмотря на запах и привкус, она не чувствовала никаких губительных эффектов.

Продолжая сжимать в руке револьвер, Стефан вытянул один палец и трижды нажал желтую кнопку на поясе.

Фон Манстейн первым заметил черную машину, стоящую среди голого белого песка в нескольких сотнях ярдов от дороги. Он обратил на нее внимание остальных.

Конечно, лейтенант Клитманн не мог видеть марку машины с такого расстояния, но он был уверен, что эта была та машина, которую они искали. Трое людей стояли рядом с машиной, они были крохотными на таком расстоянии и напоминали скорее миражи в пустыне, но Клитманн мог видеть, что двое из них были взрослыми, а третий был ребенком.

Неожиданно один из взрослых исчез. Это не было трюком пустыни и света. Фигура не стала видна момент спустя. Она исчезла, и Клитманн знал, что это был Стефан Кригер.

– Он вернулся обратно, – удивленно воскликнул Брачер.

– Зачем ему возвращаться назад, – сказал фон Манстейн, – где все в институте так хотят надрать ему задницу.

– Хуже, – сказал Хубатч за спиной лейтенанта, – что он отправился в 1989 год гораздо раньше нас. Значит, этот пояс вернет его в тот день, когда Кокошка подстрелил его – через одиннадцать минут после выстрела Кокошки. Но мы знаем, что он не возвращался в этот день. Что за чертовщина здесь происходит?

Клитманн тоже был обеспокоен, но у него не было времени на раздумье о том, что происходит. В его задачу входило убийство женщины и мальчишки, если не Кригера. Он ска-

зал:

– Будьте начеку, – и медленно поехал вдоль обочины, ища съезд.

Хубатч и Брачер достали свои «узи» из дипломатов еще в Палм-Спрингс. Теперь вооружился фон Манстейн.

Обочина сровнялась с равниной. Клитманн свернул с дороги и выехал на равнину, направляясь к женщине и мальчику.

Когда Стефан нажал кнопку на поясе, воздух потяжелел, и Лаура почувствовала большую и невидимую тяжесть, давящую на нее. Она состроила гримасу, почувствовав запах жженных электрических проводов и горелой изоляции, смешанный с запахом озона и персиковым запахом вексона. Давление выросло, запах усилился, и Стефан покинул этот мир с резким и громким хлопком. На мгновение стало нечем дышать, но кратковременный вакуум сменился порывами горячего ветра, несущего пьянящий запах пустыни.

Обнимая мать, Крис воскликнул:

– Уау! Разве это не здорово, мам?

Она не ответила, потому что заметила белую машину, съехавшую с дороги. Она мчалась прямо к ним.

– Крис, зайди за «бьюик». Пригнись!

Он увидел приближающийся автомобиль и повиновался ей без вопросов. Она подбежала к «бьюику» и схватила с сиденья «узи». Отступив за машину, она ждала приближения белого автомобиля.

Он был меньше чем в двухстах ярдах и быстро приближался. Блики солнечного света вспыхивали на его хромированном кузове и лобовом стекле.

Она не отвергала той вероятности, что это могли быть не агенты гестапо из 1944 года, а невинные люди. Но это было маловероятно.

Судьба борется за то, что должно было быть.

Нет. Черт возьми, нет.

Когда белая машина приблизилась на сто ярдов, Лаура выпустила из «узи» длинную очередь, как минимум дважды попав в лобовое стекло, которое разлетелось вдребезги.

Машина – она теперь видела, что эта была «тойота» – развернулась на триста шестьдесят градусов, подняв облако пыли. Она остановилась примерно в шестидесяти ярдах от них, боком со стороны пассажира.

Двери с другой стороны открылись, и Лаура поняла, что оккупанты вылезают из машины так, чтобы она не могла их видеть. Она снова открыла огонь, не надеясь попасть в кого-нибудь сквозь «тойоту», но с намерением пробить топливный бак, который мог взорваться и охватить пламенем этих людей, притаившихся с другой стороны машины. Она опустошила весь магазин, но взрыва так и не последовало, хотя была уверена, что несколько пуль проббили бак «тойоты».

Она бросила автомат, распахнула заднюю дверцу «бьюика» и схватила другой «узи» с полным магазином. Она взя-

ла с сиденья еще и револьвер, не спуская глаз с белой «тойоты». Сейчас она пожалела, что Стефан не оставил третьего автомата.

Из-за другой машины раздался автоматный огонь, который не оставил сомнений в том, кто это был. Когда Лаура прижалась к кузову «бьюика», пули застучали по металлу, раздался треск стекол, некоторые пули взбили белые фонтанчики на песке возле «бьюика».

Она услышала свист пуль рядом со своей головой, смертельный шепот металла и сжалась еще больше, чтобы представлять собой как можно меньшую цель. Рядом с ней притаился Крис.

Стрельба из-за «тойоты» прекратилась.

– Мама? – испуганно сказал Крис.

– Все в порядке, – сказала она, пытаясь поверить в то, что говорит, – Стефан вернется меньше чем через пять минут, дорогой. У него еще один «узи». С нами все будет в порядке. Мы должны продержаться несколько минут. Всего несколько минут.

ГЛАВА 15

Пояс Кокочки вернул Стефана в институт в одно мгновение, и он появился в цилиндре машины времени с открытым клапаном баллона с вексоном. Он нажимал на клапан

с такой силой, что его рука онемела и раненое плечо вновь засадило.

Из мрака цилиндра он мог видеть только небольшую часть лаборатории. Он заметил двух человек в темном одеянии, которые всматривались в глубь цилиндра. Это были агенты гестапо – двое ублюдков из небольшой группы дегенератов и фанатиков, – и он чувствовал облегчение от того, что они не могли видеть его так же четко, как он видел их; на какой-то момент они приняли его за Кокошку.

Он двинулся вперед, держа в левой руке шипящий баллон с вексоном, а в правой – пистолет, и прежде чем люди в лаборатории поняли, что что-то не так, нервно-паралитический газ сделал свое дело. Они упали на пол возле машины времени, и когда Стефан шагнул в лабораторию, они корчились в агонии. Их сильно рвало. Кровь хлестала из ноздрей. Один из них брыкал ногами и хватался за горло, другой свернулся на боку и согнутыми пальцами раздирал глаза. Возле программной панели лежало три человека в лабораторных халатах, которых Стефан знал: Хопнер, Ик и Шмаусер. Они терзали себя, словно сумасшедшие. Все пятеро умирающих пытались кричать, но из их глоток вытекала кровь и рвота, и они могли издавать лишь жалобный, слабый звериный рык. Стефан не чувствовал никаких физических отклонений, кроме ужаса от увиденного. Через тридцать-сорок секунд они были мертвы.

Безжалостное применение вексона против этих людей бы-

ло подходящим правосудием, так как именно нацистские ученые синтезировали первый нервно-паралитический газ в 1936 году. Этот газ, как и вексон, убивал людей воздействием на их нервную систему. Эти люди были убиты в 1944 году оружием будущего, порожденным их же обществом, основанным на смертях.

Тем не менее, Стефан не чувствовал никакого удовлетворения от этих пяти смертей. Он так много видел смертей за свою жизнь, что даже оправданные убийства во имя жизни невинных людей, даже убийства во имя правосудия вызывали у него отвращение. Но должен был сделать это.

Он положил пистолет на стол, снял с плеча «узи» и положил его рядом.

Из кармана джинсов он достал короткий кусок проволоки, которым примотал клапан баллона с вексоном. Он вышел в коридор и поставил баллон на пол. Через несколько минут газ распространился по всему зданию, через лестничные пролеты, лифтовые шахты и вентиляцию.

Он был удивлен тем, что коридор был освещен только ночным освещением, а лаборатории первого этажа казались пустыми. Оставив шипящий баллон в коридоре, он вернулся к программной панели, чтобы посмотреть дату и время, в которое его вернул пояс Генриха Кокоски. Было двадцать один час одиннадцать минут шестнадцатого марта.

Это было неожиданной удачей. Стефан ожидал, что вернется в институт, когда весь штат, который начинал работу с

шести утра до восьми вечера, будет в институте. Это значило, что в институте остались бы сотни мертвых тел, обнаружив их, все бы поняли, что это было делом рук Стефана Кригера. Они могли бы догадаться, что он вернулся не просто для того, чтобы убить как можно больше персонала института, а для чего-то еще, что могло натолкнуть их на разгадку его основного плана. Но теперь... если здание было пусто, он мог бы отвести от себя подозрения, которые бы пали на этих убитых.

Через пять минут баллон с вексоном был пуст. Газ распространился по всему зданию, кроме двух охраняемых вестибюлей у главного и заднего входов, которые не имели даже общих с основными резиденциями вентиляционных шахт. Стефан осмотрел этаж за этажом, комнату за комнатой в поиске других жертв. Единственные тела, которые он обнаружил, были тела зверей, первых путешественников во времени, смерть которых расстроила его больше смерти пяти человек.

Стефан вернулся в главную лабораторию, достал из белого шкафа пять поясов и нацепил их на мертвых поверх одежды. Он быстро перепрограммировал машину времени на шесть миллионов лет в будущее. Он где-то прочел, что через шесть миллионов лет солнце потухнет, а он хотел отправить мертвые тела в такое место, где никто бы их не нашел и не воспользовался их поясами.

Возиться с мертвецами в этом молчаливом и пустынном

здании было довольно жутко. Несколько раз он замирал, когда ему мерещилось какое-то движение. Пару раз он даже прерывал свое занятие, чтобы посмотреть на предмет, производящий шум, но ничего не нашел. Один раз он оглянулся на мертвеца, почти уверенный в том, что труп начал подниматься, но этот звук производили его скрюченные пальцы, цепляющиеся за аппаратуру. Причину своих галлюцинаций он видел в ответственности за столько смертей.

Один за одним он втаскивал трупы в машину времени и подталкивал их к энергетическому полю. Они исчезали через невидимые двери. Они почти одновременно появлялись где-то в такой дали, что трудно было представить, – или на холодной и мертвой земле, где не жили даже насекомые, или в безвоздушном и пустом пространстве, в котором существовала Земля, уничтоженная взорвавшимся Солнцем.

Он был чрезвычайно осторожен, чтобы не попасть самому в перекрестки энергетических полей. Если он неожиданно окажется в вакууме глубокого космоса, за шесть миллионов лет отсюда, он будет мертв, прежде чем успеет нажать кнопку на поясе, чтобы вернуться в лабораторию.

Когда он избавился от пяти трупов и убрал все следы их страшной смерти, то почувствовал себя уставшим. К счастью, газ не оставлял никаких следов; не было необходимости убирать все помещения института. Его левое плечо разболелось так, как будто он был только что ранен. Наконец он убрал все следы. Утром все будет выглядеть так, как будто

Кокошка, Хопнер, Ик, Шмаусер и два агента гестапо решили, что Третий рейх был обречен, и отправились в будущее, где царил мир и спокойствие.

Он вспомнил о животных. Если он оставит их в клетках, вскрытие может показать причину их смерти, которая может отвести подозрения от Кокошки и остальных. Тогда главным подозреваемым окажется вновь Стефан Кригер. Животным лучше исчезнуть. Это будет таинственно, но, по крайней, мере не будет указывать на правду.

Резкая боль в плече усилилась, когда он перетащил животных в главную лабораторию, используя чистые лабораторные халаты в качестве подстилки, которую тянул по полу. Без пояса он послал их за шесть миллионов лет в будущее. Он принес пустой баллон из-под вексона и послал его туда же.

Наконец он был готов совершить два решающих прыжка в будущее, которые, как он надеялся, приведут к уничтожению института и поражению нацистской Германии. Подойдя снова к программной панели, он достал из заднего кармана джинсов свернутый лист бумаги, на котором были записаны результаты расчетов, которые они с Лаурой сделали в доме в Палм-Спрингс.

Если он не мог вернуться из 1989 года с достаточным количеством взрывчатки, чтобы превратить институт в руины, он должен был сделать все сам, здесь и сейчас. В дополнение к тяжелому баллону с вексоном он появился здесь с рюкза-

ком, с книгами, пистолетом и «узи» и не мог прихватить с собой еще сорок-пятьдесят фунтов взрывчатки, которые были необходимы для выполнения задания. Взрывчатка, которую он заложил на чердаке и первом этаже, была несомненно обнаружена Кокошкой и убрана. Он мог бы вернуться из 1989 года с парой канистр бензина и попытаться сжечь здание; но многие исследовательские документы хранились в негоряемых сейфах, к которым он не имел допуска, и только взрыв мог бы вскрыть их и уничтожить документы.

Он не мог уничтожить институт в одиночку.

Но он знал, кто мог ему помочь.

В соответствии с результатами расчетов на IBM PC, он перепрограммировал машину времени, которая должна была перенести его на три с половиной дня в будущее после 16 марта 1944 года. Географически он должен был оказаться на британской земле, в бомбоубежищах под кабинетами правительства, выходящими на парк Святого Джеймса, где находились подземные апартаменты премьер-министра и других официальных лиц. Точнее, Стефан надеялся оказаться в особой совещательной комнате в семь тридцать утра. Такая точность временных и пространственных координат могла быть достигнута только расчетами в 1989 году.

Без оружия, только с рюкзаком, полным книг, он вошел в цилиндр, встал на точку пересечения энергетических полей и материализовался в углу низкой совещательной комнаты, посередине которой стоял огромный стол, окруженный две-

надцатью стульями. Десять стульев были пусты. В комнате было только два человека. Одним из них была секретарша в форме британской армии с ручкой в одной руке и блокнотом – в другой. Вторым человеком, диктовавшим секретное послание, был Уинстон Черчилль.

ГЛАВА 16

Притаившись за «тойотой», Клитманн решил, что их одежда была такой же подходящей для их задания, как для выступления в качестве клоунов в цирке. Окружающая их пустыня была белой, с бледно-розовыми оттенками, со скудной растительностью и с резкими скалистыми образованиями, которые едва ли могли послужить укрытием. В черных костюмах они были видны, как клопы на свадебном пироге.

Хубатч выпустил несколько коротких очередей по «бью-ику» и снова нырнул вниз.

– Она прячется с мальчишкой за машиной.

– Скоро появится полиция, – сказал Брачер, посмотрев в сторону сто одиннадцатого маршрута в том направлении, где патрульная машина вылетела в кювет.

– Снимите пиджаки, – сказал Клитманн, снимая свой. – Белые рубашки больше подходят к окружающему ландшафту. Брачер, оставайся здесь и держи эту сучку под прицелом. Фон Манстейн и Хубатч, вы попытайтесь обойти их справа.

Держитесь подальше друг от друга и не пытайтесь перебежать дальше, пока не найдете подходящего укрытия. Я попытаюсь обойти их слева.

– Мы должны убить ее, не узнав о том, что задумал Кригер? – спросил Брачер.

– Да, – сказал Клитманн. – Она слишком хорошо вооружена, чтобы взять ее живой. Тем более, держу пари, что Кригер вернется к ним через несколько минут, и мы справимся с ним лучше, если к этому времени покончим с женщиной. Теперь идите. Вперед.

Хубатч через несколько секунд последовал за фон Манстейном, который обогнул «тойоту» справа и, пригнувшись, бросился к «бьюику».

Лейтенант Клитманн обошел «тойоту» слева и, держа автомат в одной руке, бросился, пригнувшись, к низким кустикам неподалеку от машины.

Лаура приподнялась и посмотрела сквозь салон «бьюика» как раз вовремя, чтобы заметить двух человек в белых рубашках и черных штанах, выскочивших из-за «тойоты» и бросившихся чуть вправо от нее, очевидно, намереваясь окружить ее. Она встала и выпустила короткую очередь в первого человека, который скрылся за острозубым выходом горной породы.

При звуке выстрелов второй человек распластался на песке в неглубокой расщелине, которая вовсе не скрывала его, но большое расстояние и острый угол делали из него труд-

нодоступную мишень. Она не стала тратить патроны.

Кроме того, хотя она и заметила распластавшегося на земле второго человека, третий убийца открыл по ней огонь из-за «тойоты». Пули застучали по «бьюику» всего в нескольких дюймах от нее, и Лауре снова пришлось нагнуться.

Стефан вернется через три или четыре минуты. Не больше. Но это целая вечность.

Крис сидел прислонившись спиной к «бьюику» возле переднего бампера, он обнимал руками колени и заметно дрожал.

– Держись, малыш, – сказала она.

Он посмотрел на нее, но ничего не сказал. Несмотря на весь ужас, который им пришлось пережить за последние две недели, его дух не был сломлен. Его лицо было бледным и вялым. Он понял, что эта игра в погоню и прятки вовсе никогда не была игрой, в жизни все было не так просто, как в кино, и это пугающее понимание внесло в его взор слабую отчужденность, которая напугала Лауру.

– Держись, – повторила она и перебралась к задней части «бьюика», чтобы осмотреть пустыню к северу от них.

Она тревожилась, что другие обходят ее по этому флангу. Она не могла позволить им сделать это потому, что в этом случае «бьюик» перестал бы служить им укрытием, а бежать было некуда, кроме как в открытую пустыню, где они без труда убьют ее и Крису. «Бьюик» был единственным настоящим укрытием вокруг. Она должна была держать «бьюик»

между собой и ими.

Она никого не заметила на северном фланге. Земля здесь была более неровной, с низкими выходами горных пород и насыпями белого песка, за которыми могли спрятаться несколько человек, которых она бы не увидела со своего места. Единственное, что двигалось в этом направлении, это три медленно катившихся сухих пучка перекати-поля.

Она вернулась к Крису как раз вовремя, чтобы заметить тех двух человек на юге, которые снова начали двигаться. Они были уже в десяти ярдах от «бьюика» и приближались с угрожающей скоростью. Хотя первый пригибался и петлял, второй был менее осторожен, возможно, решив, что Лаура сосредоточит свое внимание на первом.

Она поднялась, стараясь не высовываться далеко из-за «бьюика», и выпустила короткую очередь. Третий убийца снова открыл огонь из-за «тойоты», но она успела заметить, что ее очередь задела второго бегущего человека достаточно, чтобы он рухнул на песок.

Хотя он не был убит, но был выведен из строя, так как его крики были такими пронзительными и агонизирующими, что он был без сомнения смертельно ранен.

Когда она пригнулась, скрываясь от огня, то обнаружила, что зло усмешается. Она была довольна болью и ужасом, звучащими в криках раненого. Ее безжалостная реакция, жажда крови и мести удивила ее, но она быстро успокоилась, так как знала, что без этого гнева она будет более хладнокров-

ным бойцом.

Один есть. Возможно, осталось всего двое. Скоро здесь будет Стефан. Несмотря на то время, которое займет у него работа в 1944 году, Стефан вернется сюда вскоре после того, как исчез. Он присоединится к ней и вступит в борьбу через две или три минуты.

ГЛАВА 17

Случилось так, что премьер-министр смотрел прямо в сторону Стефана, когда он материализовался, но секретарша в униформе – сержант – обратила на него внимание только вследствие разряда электрической энергии, которым сопровождалось его появление. Тысячи ярких змей бело-синего цвета брызнули от Стефана, как будто его собственное тело излучало их. Вероятно, сильные раскаты грома и вспышки молний потрясли небо над этим бомбоубежищем, но некоторая энергия, сопровождавшая путешествие во времени, проявилась здесь, что заставило удивленного и напуганного сержанта вскочить на ноги. Шипящие молнии электрических разрядов расплзлись по полу, стенам и потолку, а затем исчезли, не нанеся вреда никому; единственное, что было повреждено, это большая настенная карта Европы, которая прогорела в нескольких местах, но не загорелась.

– Охрана! – закричала сержант. Она была не вооружена,

но, очевидно, уверена, что ее крик будет услышан, так как повторила свой крик только раз и не сделала движения к двери.

– Охрана!

– Мистер Черчилль, пожалуйста, – сказал Стефан, не обращая внимания на сержанта. – Я здесь не для того, чтобы причинить вам вред.

Дверь распахнулась, и двое британских солдат ворвались в комнату, у одного в руке был револьвер, у другого – автомат.

Торопливо, боясь, что будет застрелен, Стефан сказал:

– Будущее мира зависит от нашего разговора, сэр.

Несмотря на возбуждение, премьер-министр по-прежнему сидел на стуле в конце стола. Стефану показалось, что он видел короткую вспышку удивления и страха на лице этого великого человека, но он не был уверен в этом. Сейчас премьер-министр выглядел таким же спокойным и невозмутимым, как на фотографиях, которые видел Стефан. Он поднял руку в направлении охранников.

– Подождите минуту.

Когда сержант начала протестовать, премьер-министр сказал:

– Если бы он хотел меня убить, он бы уже сделал это. – Стефану он сказал. – Это было весьма страшным появлением, сэр. Так мог появиться только голый Оливер.

Стефан не смог сдержать улыбки. Он шагнул из угла, но

когда направился к столу, то заметил, как напряглись охранники, поэтому он остановился и заговорил с расстояния.

– Сэр, по тому, как я появился здесь, вы поняли, что я необычный посланник и то, что я вам должен сказать... тоже будет необычным. Возможно, вы захотите, чтобы эту информацию слышали только ваши уши.

– Если вы думаете, что мы оставим вас наедине с премьер-министром, – сказала сержант, – то вы... сумасшедший!

– Он, может, и сумасшедший, – сказал премьер-министр, – но у него есть нюх. Вы должны признать это, сержант. Если охрана обыщет его и не найдет оружия, я уделю этому джентльмену немного внимания, как он просит.

– Но, сэр, вы не знаете, кто он. Судя по тому, как он ворвался в...

Черчилль прервал ее:

– Я знаю, как он появился, сержант. И пожалуйста, запомните, что только вы и я знаем это. Я думаю, то, что вы видели здесь, останется между нами, как и всякая секретная информация.

Строгий сержант стояла и смотрела на Стефана, пока охрана обыскивала его.

Они не нашли оружия, только несколько книг в рюкзаке и какие-то бумаги в карманах Стефана. Они положили книги и бумаги на середину длинного стола, не понимая всей их ценности.

С неохотой сержант вышла с охраной из комнаты, как велел премьер-министр. Когда дверь закрылась, Черчилль указал Стефану на стул, который раньше занимала сержант. Некоторое время они сидели молча, разглядывая друг друга с интересом. Потом премьер-министр показал на дымящийся чайник, стоявший на подносе.

– Чаю?

Двадцать минут спустя, когда Стефан рассказал только половину своей истории, премьер-министр позвал сержанта из коридора.

– Мы побудем здесь еще немного, сержант. Боюсь, что придется отложить на час собрание Военного комитета. Пожалуйста, информируйте всех и принесите мои извинения.

Еще через двадцать минут Стефан закончил.

Премьер-министр задал несколько вопросов – несколько удивительных, но обдуманых и по существу. В конце концов он вздохнул и сказал:

– Еще ужасно рано для сигары, но, кажется, мне это необходимо. Вы присоединитесь? – Нет, спасибо, сэр.

Доставая сигару, Черчилль сказал:

– Несмотря на ваше необычное появление, что бесспорно доказывает существование неких путешествий, которые могут быть, а могут и не быть путешествиями во времени, какие доказательства вы можете предъявить в правдивости вашей истории?

Стефан ожидал этой проверки и был готов к ней.

– Сэр, так как мне пришлось бывать в будущем и кое-что читать про ваш вклад в войну, я знал, что вы будете в этой комнате в этот час и в этот день. Более того, я знал, что вы будете делать здесь за час до собрания Военного кабинета.

Отложив сигару, премьер-министр вздернул брови.

– Вы диктовали послание генералу Александру в Италии, где выражали свои взгляды на сражение за город Кассино, задержка которого могла стоить ужасных потерь.

Черчилль оставался непроницаемым. Он, должно быть, был удивлен осведомленностью Стефана, но не подал знака ни кивком, ни глазами. Стефан не нуждался в этих знаках, потому что знал, что был прав.

– Я помню даже начало вашего послания генералу Александру, которое вы даже не закончили диктовать сержанту, когда я появился. Я хотел бы, чтобы вы объяснили мне, почему этот перевал Кассино Монастери Хилл, всего в две или три мили шириной, был избран единственной вашей целью.

Премьер-министр снова взял сигару, закурил и изучающе посмотрел на Стефана. Их стулья стояли всего в нескольких футах друг от друга, и быть объектом задумчивого внимания Черчилля оказалось быть труднее, чем Стефан мог предположить.

Наконец премьер-министр сказал:

– И вы получили эту информацию из того, что я напишу в будущем?

Стефан встал со стула, взял шесть книг, которые охран-

ники достали из его рюкзака, – они были изданы компанией «Хоучхтон Миффлин» и стоили по девятьсот девяносто пять долларов каждая, – и разложил их на столе перед Уинстоном Черчиллем.

– Это, сэр, ваши воспоминания и оценки второй мировой войны, которые стали великой работой в истории и литературе.

Он хотел добавить, что благодаря этим книгам Черчилль был удостоен Нобелевской премии в 1953 году, но решил не говорить этого. Жизнь была бы менее интересной, если бы была лишена таких приятных сюрпризов.

Премьер-министр изучил обложки всех шести книг и позволил себе улыбнуться, когда прочел небольшое вступление, которое было выдержкой из отклика «Тайме Литерари Сапплмент». Он открыл одну из книг и быстро перебрал страницы, не останавливаясь для чтения.

– Это не подделка, – заверил его Стефан. – Если вы прочтете хоть страницу, то узнаете свой собственный уникальный и неповторимый голос. Вы...

– Нет надобности читать их. Я верю вам, Стефан Кригер. – Он оттолкнул от себя книги и откинулся на стуле. – И мне кажется, что я понимаю, зачем вы пришли ко мне. Вы хотите, чтобы я провел направленную бомбардировку того района Берлина, в котором расположен ваш институт.

– Да, премьер-министр, это так. Это нужно сделать прежде, чем ученые, работающие в институте, закончат изу-

чение материалов, связанных с производством ядерного оружия, которые были принесены из будущего, прежде, чем они приступят к созданию этого оружия, что теперь может быть в любой день. Вы должны действовать прежде, чем они вернутся из будущего и принесут еще что-то, что может изменить ход войны. Я дам вам точные координаты института. Американские бомбардировщики уже бомбили ночью и днем с начала этого года, и...

– Парламент выступает против бомбардировки городов, даже вражеских городов, – заметил Черчилль.

– Да, но это не значит, что пострадает сам Берлин. Имея определенную цель, бомбардировку можно провести днем. Но если взрывы заденут этот район, если вы даже нанесете урон всему кварталу...

– Несколько кварталов превратятся в руины, – сказал премьер-министр. – Мы не можем бомбить с такой точностью, чтобы уничтожить одно здание или квартал. – Да, я понимаю. Но вы должны сделать это, сэр. На этот район должно быть сброшено больше бомб, чем было сброшено на любую другую цель за всю войну. От института должна остаться одна пыль.

Некоторое время премьер-министр молча смотрел на сизую струйку дыма, поднимающуюся от сигары. Наконец он сказал:

– Мне, конечно, необходимо проконсультроваться со своими советниками, но я думаю, что в ближайшее время

мы сможем подготовить эту бомбардировку.

– Надеюсь, это будет скоро, – сказал Стефан с облегчением. – Но не опоздайте. Во имя Бога, сэр, только не опоздайте.

ГЛАВА 18

Когда женщина показалась из-за «бьюика» и осмотрела пустыню на севере, Клитманн наблюдал за ней из-за скудных кустиков, к которым пристал комок перекасти-поля. Она не видела его. Когда она вновь исчезла за машиной, он вскочил и бросился к следующему намеченному укрытию – отшлифованному ветром выступу горной породы.

Лейтенант молча выругался на свои модные туфли – подошва была слишком скользкой для таких действий. Теперь казалось глупым отправиться на это задание в одежде молодых предпринимателей или баптистских священников. Оказались полезными только темные очки. Яркое солнце отражалось от каждого камня и каждой извилины песка; без темных очков он не смог бы так четко видеть местность впереди себя и уже не один раз бы оступился и упал.

Он собирался нырнуть за новое укрытие, когда услышал, что женщина открыла огонь в другом направлении. Она отвлеклась, и он бросился дальше. Потом он услышал такие дикие и пронзительные вопли, что это едва напоминало человеческий крик; это скорее напоминало рев дикого живот-

ного, раздираемого когтями другого животного.

Вздвогнув, он нырнул за невысокий выступ скалы и замер, тяжело дыша. Когда он поднял голову, то увидел, что был всего в пятнадцати ярдах от задней двери «бьюика». Если ему удастся сместиться на несколько ярдов восточнее, он окажется позади женщины, в отличной позиции, чтобы покончить с ней.

Крики затихли.

Решив, что другой убийца, к югу от нее, будет лежать тихо некоторое время, потрясенный смертью своего напарника, Лаура снова переместилась на другую сторону «бьюика». Проходя мимо Криса, она сказала:

– Две минуты, малыш. Всего две минуты.

Притаившись за углом машины, она осмотрела местность на северном фланге. Пустыня по-прежнему казалась безлюдной. Ветер стих и даже перекаати-поле лежало неподвижно.

Если их всего трое, они не оставили бы одного человека за «тойотой», в то время как двое пытались обойти ее с одного направления. Если их было всего трое, те двое, что на юге, разделились бы и один обошел бы ее с севера. Значит, должен быть четвертый, может быть, даже и пятый где-то среди песка к северо-западу от «бьюика».

Но где?

ГЛАВА 19

Когда Стефан выразил благодарность премьер-министру и встал, чтобы исчезнуть, Черчилль показал на книги, лежащие на столе, и сказал:

– Не забудьте это. Если вы оставите их – это будет соблазн заняться плагиатом!

– Это в вашем характере, – сказал Стефан, – что вы не настаиваете оставить их для этой цели.

– Нонсенс.– Черчилль положил сигару в пепельницу и поднялся со стула.– Если я заполучу эти, уже написанные, книги сейчас, их не смогут опубликовать в таком виде, как они есть. Без сомнений, я найду что-то, что требует переделки, и проведу свои послевоенные годы жизни в бесконечных исправлениях ошибок, что в итоге не сделает их такими популярными в вашем будущем.

Стефан засмеялся.

– Я серьезно, – сказал Черчилль.– Вы сказали, что моя история будет довольно примечательной. Этого достаточно, чтобы удовлетворить меня. Я напишу их так, как написал, чтобы не рисковать.

– Наверное, это мудрое решение, – согласился Стефан.

Пока Стефан складывал книги в рюкзак, Черчилль стоял, слегка покачиваясь на носках и держа руки за спиной.

– Есть так много вещей, которые бы я хотел спросить о

будущем. Это для меня гораздо интереснее, чем успех моих книг.

– Я должен идти, сэр, но...

– Я знаю, – сказал премьер-министр. – Я не буду задерживать вас. Но скажите мне только одно. Любопытство распирает меня. Скажите... например, что станет с Советами после войны?

Стефан заколебался, застегнул рюкзак и сказал:

– Премьер-министр, я сожалею, но Советский Союз станет после войны гораздо мощнее Британии, с ним смогут соперничать только Соединенные Штаты.

Черчилль выглядел несколько удивленным.

– Их отвратительная система действительно приведет к экономическому успеху и богатству?

– Нет, нет. Их система придет к экономическому кризису, но и к чудовищной военной мощи. Советы будут беспощадно милитаризировать свое общество и уничтожать противников этого. Говорят, их концлагеря превзойдут лагеря рейха.

Выражение лица премьер-министра оставалось непроницаемым, но он не мог скрыть тревоги в глазах.

– Сейчас они наши союзники.

– Да, сэр. И без них война против Третьего рейха могла бы не быть выигранной.

– О, она была бы выиграна, – уверенно сказал Черчилль, – только не так быстро. Он вздохнул. – Говорят, что политики

имеют странные причуды, но Союз в войне имеет еще более странные.

Стефан был готов к отправлению. Они пожали друг другу руки.

– Ваш институт будет превращен в обломки, щепки, пыль и пепел, – сказал премьер-министр. – Даю вам слово.

– Это то, что нужно, – сказал Стефан.

Он сунул руку за рубашку и трижды нажал желтую кнопку, которая активировала временную связь.

В одно мгновение он оказался в институте, в Берлине. Он вышел из цилиндра и подошел к программной панели. Прошло точно одиннадцать минут с тех пор, как он отправился в бомбоубежище под Лондоном.

Плечо ныло, но боль не усилилась. Безжалостная нудная боль отняла у него, много сил, и он сел на стул, чтобы немного отдохнуть.

Потом, используя расчеты, сделанные на IBM PC в 1989 году, он запрограммировал машину времени на последний прыжок в будущее в одиннадцать часов ночи двадцать первого марта, в другое бомбоубежище, но не под Лондоном, а под Берлином.

Когда машина была готова, он вошел в цилиндр без оружия. На этот раз он не взял с собой и шесть томов истории Черчилля.

Когда он ступил на точку перемещения, знакомый неприятный зуд прошел из кожи в плоть и во внутренности, потом

обратно из внутренностей в плоть и кожу.

Подземная комната без окон, в которой оказался Стефан, была освещена единственной лампой, стоявшей на столе, и теми вспышками разрядов, которые вызвало его появление. В этом неясном полубараке было отчетливо видно лицо Гитлера.

ГЛАВА 20

Одна минута.

Лаура притаилась с Крисом за «бьюиком». Не меняя позы, она сначала посмотрела на юг, где, как она знала, скрывался один убийца, потом на север, где, по ее мнению, прятались еще враги.

Воздух над пустыней был необыкновенно спокойным. Ветер был не сильнее дыхания трупа. Солнце так ярко заливало равнину, что земля казалась такой же полной света, как небо; где-то на краю света светлые небеса смешивались со светлой землей, стирая горизонт. Несмотря на не очень высокую температуру, от камней и песка исходило тепло.

Одна минута.

Одна минута или даже меньше осталось до возвращения Стефана из 1944 года, и он им поможет не потому, что у него «узи», а потому, что он ее спаситель. Ее спаситель. Хотя она теперь знала его происхождение, в котором не было ниче-

го неземного, он в каком-то роде был по-прежнему для нее чем-то большим, чем жизнь.

Никакого движения на юге.

Никакого движения на севере.

– Они приближаются» – сказал Крис.

– Все будет в порядке, дорогой, – сказала она тихо. Ее сердце терзал не столько страх, сколько предчувствие потери, как будто она знала каким-то примитивным чувством, что ее сын – единственный ребенок, который не должен был родиться – был уже мертв не потому, что она не могла его защитить, а потому, что такой была его судьба. Нет. Черт возьми, нет. Она победит судьбу и на этот раз. Она не отдаст ей своего мальчика. Она не потеряет его, как потеряла многих людей, которых любила. Он принадлежал ей. Он не принадлежал судьбе. Он принадлежал ей. Только ей.

– Все будет в порядке, дорогой. Еще полминуты.

Неожиданно она увидела движение на юге.

ГЛАВА 21

В личном берлинском бункере Гитлера разряды энергии шипели и расплзались от Стефана в виде змеевидного серпантина бело-синего света по бетонным стенам и полу, как это было в подземной комнате в Лондоне. Это яркое и шумное явление не привлекло внимания охраны, находившейся

в соседней комнате, так как в этот момент Берлин подвергался бомбардировке самолетами союзников; бункер вздрагивал от разрывов бомб на поверхности земли, и даже на этой глубине грохот бомб заглушал звуки, сопровождавшие появление Стефана.

Гитлер повернулся лицом к Стефану. Он выказал не больше удивления, чем Черчилль, хотя он знал о работах в институте, чего не знал Черчилль, и он понимал, каким образом Стефан материализовался в бункере. Более того, он знал Стефана, как сына своего сподвижника и как офицера СС, работавшего на него.

Хотя Стефан не ожидал увидеть удивления на лице Гитлера, он надеялся увидеть его черты, искаженные страхом. Если фюрер прочел рапорт агентов гестапо о последних событиях в институте – что он несомненно сделал, – он знал, что Стефан убил Псиловски, Янушку и Волкова шесть дней назад, пятнадцатого марта, и скрылся в будущем. Возможно, он решил, что Стефан предпринял это путешествие в шесть дней назад, до убийства этих ученых, и собирался убить и его тоже. Если он и был напуган, то контролировал свой страх; не вставая с кресла, он спокойно открыл ящик стола и достал «люгер».

Когда электрический разряд закончился, Стефан вскинул руку в нацистском салюте и сказал со всей фальшивой страстью, какую только мог изобразить:

– Хай, Гитлер! – Чтобы быстро доказать, что его намере-

ния не были враждебными, он упал на одно колено, как будто стоял перед алтарем в церкви, и склонил голову.— Мой фюрер, я пришел к вам, чтобы очистить свое имя и сообщить о заговоре в институтском персонале и контингенте гестапо, ответственном за безопасность института.

Долгое время диктатор молчал.

Взрывная волна от разрывов бомб проходила сквозь землю, сквозь двадцатифутовую толщину стали и бетона и наполняла бункер бесконечным и низким гулом. Каждый раз, когда бомба разрывалась в непосредственной близости, три картины, вывезенные из Лувра во время оккупирования Франции, качались на стене, а высокий медный стакан с карандашами, стоящий на столе Гитлера, производил пустой вибрирующий звук.

— Встань, Стефан, — сказал Гитлер.— Сядь сюда.— Он показал на черное кожаное кресло, которое было одним из пяти предметов мебели в этом подземном кабинете. Он положил «люгер» на стол — но в пределах досягаемости.

— Не во имя твоей чести, а во имя чести твоего отца и СС. Я надеюсь, что ты невиновен, как ты заявляешь.

Он заговорил напористо, так как знал, что любил Гитлер. Но в то же время он говорил с благоговейным почтением, как будто искренне верил в то, что перед ним находился человек, который воплощал в себе дух всего германского народа. Кроме напористости, Гитлер любил почтение, которое ему оказывали его сподвижники. Это было трудным испыта-

нием, но это была не первая встреча Стефана с этим человеком; он имел опыт общения с этим душевнобольным, что помогало ему скрыть отвращение.

– Мой фюрер, это не я убил Владимира Псилоовски, Янушку и Волкова. Это был Кокошка. Он предал рейх, и я застал его в комнате с документами сразу после того, как он застрелил Янушку и Волкова. Он ранил меня. Стефан приложил правую руку к верхней части левой стороны груди.– Я могу показать рану, если хотите. Раненный, я сбежал от него в главную лабораторию. Я растерялся, поскольку не знал, сколько людей замешано в этом заговоре. Я не знал, к кому я мог обратиться за помощью, поэтому оставался только один выход к спасению – я отправился в будущее, прежде чем Кокошка смог прикончить меня.

– Рапорт полковника Кокошки говорит об обратном. Он выстрелил в тебя, когда ты вошел в машину времени, после того, как ты убил Псилоовски и остальных.

– Если бы это было так, мой фюрер, стал бы я возвращаться, чтобы очистить свое имя? Если бы я был предатель, зачем бы я вернулся из будущего, где был в безопасности?

– Но был ли ты там в безопасности, Стефан? – спросил Гитлер и хитро улыбнулся.– Насколько я знаю, два отряда гестапо и отряд СС были посланы за тобой в будущее.

Стефан вздрогнул при упоминании команды СС, потому что знал, что это, должно быть, была та группа, которая прибыла в Палм-Спрингс меньше чем за час до того, как он вер-

нулся в институт. Это та группа, чье появление в 1989 году вызвало вспышки молний на ясном и светлом небе. Он неожиданно почувствовал тревогу за Лауру и Крису, так как знал, что карательные способности СС были выше, чем гестапо.

Он понял, что Гитлер не знал о том, что гестаповцы получили отпор от женщины; он думал, что Стефан сам стрелял в них, не зная о том, что Стефан был в коматозном состоянии во время этих событий. Это способствовало той лжи, которую Стефан намеревался сказать.

– Мой фюрер, я разделался с этими людьми, когда они последовали за мной, да, но я сделал это потому, что они все были предателями, они намеревались убить меня, чтобы я не смог вернуться и предупредить вас о заговорщиках, которые по-прежнему работают в институте. Кокошка исчез – разве я не прав? Насколько я знаю, исчезли еще пять человек. Они не верили в победу рейха и боялись возмездия, поэтому отправились в будущее, чтобы скрыться в другой эре.

Стефан замолчал, чтобы его слова дошли до Гитлера.

В то время как взрывы наверху начали стихать, Гитлер внимательно изучал Стефана. Испытующий взгляд этого человека был не менее прямым, чем взгляд Уинстона Черчилля, но в нем не было той чистой оценки собеседника. Вместо этого Гитлер оценивал Стефана с высоты полубога, созерцающего одного из созданных им самим опасных мутантов. И это был злой Бог, который не любил свои создания; он лю-

бил только их повиновение.

В конце концов фюрер сказал:

– Какова же цель заговорщиков в институте?

– Свергнуть вас, – сказал Стефан. – Они снабжают вас фальшивой информацией о будущем в надежде натолкнуть вас на серьезные стратегические ошибки. Они говорили вам, что за последние полтора года войны все ваши стратегические решения будут ошибочными, но это неправда. В будущем вы действительно проиграете войну, но, изменив кое-что в своей стратегии, вы можете выиграть.

Выражение лица Гитлера изменилось, его глаза сузились не потому, что он подозревал Стефана, а потому, что неожиданно начал подозревать тех работников института, которые говорили о его предстоящих губительных ошибках в стратегии. Стефан вынуждал Гитлера снова поверить в его непогрешимость, убеждая сумасшедшего в его гениальности.

– Изменить кое-что в моей стратегии? – спросил Гитлер. – А что я должен изменить?

Стефан быстро сформулировал шесть перемен в военной стратегии, которые, как он заявлял, будут решающими в определенных ключевых сражениях; в действительности эти перемены не могли существенно изменить ход событий, а битвы, о которых он говорил, не имели решающего значения для исхода войны.

Но фюреру хотелось верить, что он был ближе к победителю, чем к побежденному, и он принял советы Стефана за

правду, хотя предложенные изменения лишь слегка меняли стратегию диктатора, что было вовсе несущественно. Он встал с кресла и возбужденно заходил по комнате.

– С самых первых рапортов, предоставленных мне из института, я почувствовал, что что-то не так. Я почувствовал, что не мог столь блестяще вести войну, а потом делать такие глупые ошибки. О да, сейчас у нас неважный период, но это еще не наш конец. Когда союзники вступят в Европу, они получат отпор, мы сбросим их назад в море.– Он говорил почти шепотом, но с безумной страстью, которая была знакома по его публичным речам.– Они потеряют большую часть своих резервов, они не смогут снова развернуть широкий фронт и не смогут восстановить свои силы еще долгое время. За это время мы затянем петлю на Европе, разобьем русских варваров и станем сильными как никогда! – Он остановился и заморгал, как будто выходя из транса.– Да, что насчет оккупации Европы? Этот день приближается. Из рапортов из института следует, что союзники высадятся в Нормандии.

– Ложь, – сказал Стефан. Сейчас они подошли к той цели, ради которой Стефан предпринял путешествие в бункер в эту мартовскую ночь. Гитлер узнал от института, что побережье Нормандии будет местом высадки союзников. В будущем ему было предписано другое, фюрер будет готовиться к высадке союзников в другом месте, оставив побережье Нормандии незащищенным. Так было бы, если бы институт никогда не существовал. Он должен был проиграть войну, и

Стефан собирался поставить под сомнение рапорты из института, чтобы благоприятствовать высадке в Нормандии.

ГЛАВА 22

Клитманн продвинулся еще на несколько ярдов в обход «бьюика». Он лежал за невысоким выступом скалы с бледно-голубыми вкраплениями кварца, ожидая, когда Хубатч пойдет с южной стороны. Когда женщина будет окружена, Клитманн выскочит из укрытия и приблизится, стреляя из «узи» на ходу. Он изрешетит ее пулями прежде, чем она успеет обернуться и увидеть лицо своего палача.

«Давай, сержант, не прячься, как вонючий еврей, – зло подумал Клитманн. – Покажись. Отвлеки на себя ее огонь».

Мгновение спустя Хубатч выскочил из укрытия, и женщина увидела его. Когда она сфокусировала свое внимание на Хубатче, Клитманн выскочил из-за скалы.

ГЛАВА 23

Подавшись вперед в кожаном кресле, Стефан сказал:
– Ложь, все ложь, мой фюрер. Сосредоточить ваше внимание на Нормандии и есть главная цель заговорщиков в институте. Они хотят заставить вас сделать ошибку, которую

вы на самом деле не сделали б. Они хотят представить место высадки Нормандию, тогда как высадка произойдет в...

– Калансе! – сказал Гитлер.

– Да.

– Я знаю, что это произойдет в Калансе, много севернее Нормандии. Они пересекут пролив в самом узком месте.

– Вы правы, мой фюрер, – сказал Стефан. – Войска высадутся на берегу Нормандии седьмого июля.

В действительности это произойдет шестого июня, но погода будет настолько плохой шестого июня, что германское командование решит, что союзники не будут проводить операцию при таком шторме.

– ...но это будут малочисленные войска, диверсия, которая должна будет отвлечь танковые дивизии от настоящего места высадки в Калансе. Эта информация сыграла на самолюбии диктатора и вынудила его поверить в свою непогрешимость. Он сел в кресло и грохнул по столу кулаком.

– Это похоже на реальность, Стефан. Но... я видел документы, страницы истории войны, принесенные из будущего...

– Подделка, – сказал Стефан, рассчитывая, что этот параноик поверит в ложь. – Вместо того чтобы показать вам настоящие документы из будущего, они изготовили подделки, чтобы обмануть вас.

Если повезет, обещанная Черчиллем бомбардировка состоится завтра и уничтожит машину времени, всех, кто зна-

ет, как восстановить ее и все материалы, принесенные из будущего. Тогда у фюрера никогда не будет возможности проверить утверждения Стефана.

Гитлер молча сидел и задумчиво смотрел на «люгер».

Наверху снова загремели взрывы, раскачивающие картины на стене и карандаши в медном стакане.

Стефан с тревогой ждал, поверил ли ему Гитлер.

– Как ты пришел ко мне? – спросил Гитлер. – Как ты смог воспользоваться машиной времени? Она ведь охраняется с момента исчезновения Кокошки и остальных пяти.

– Я появился здесь, не пользуясь машиной времени, – сказал Стефан. – Я прибыл к вам прямо из будущего, воспользовавшись только временным поясом.

Это была самая наглая ложь из всех, так как пояс не был машиной времени и не мог ничего, кроме как вернуть путешественника в институт. Он рассчитывал на неведение политиканов. Они понемногу знали обо всем, что делалось у них под носом, но мало во что вникали глубже. Гитлер конечно знал о машине времени и о природе путешествий во времени, но, вероятно, только в общих чертах; он вряд ли знал о деталях и о том, как действует пояс.

Если Гитлер понял, что Стефан появился из института, вернувшись туда с поясом Кокошки, он поймет, что Кокошка и остальные были оклеветаны Стефаном и не были предателями, следовательно, рухнет и разработанная им ложь. В этом случае Стефан мертвец.

Нахмурившись, диктатор сказал:

– Ты использовал пояс без машины времени? Это возможно?

Глотка Стефана пересохла от страха, но он сказал с уверенностью:

– О да, мой фюрер, это довольно просто... перенастроить пояс и использовать его не только для возвращения в институт, но и по собственному желанию. И это наше счастье, иначе, вернувшись в институт, я был бы схвачен евреями.

– Евреями? – сказал Гитлер удивленно.

– Да, сэр. В институте организованный заговор, который, как я уверен, возглавляют потомственные евреи, скрывающие свое происхождение.

Лицо сумасшедшего исказилось от злости.

– Евреи. Везде одно и то же. Везде одно и то же. А теперь и в институте.

Слушая эти крики, Стефан понял, что повернул ход истории в прежнее русло.

Судьба борется за то, что должно было быть.

ГЛАВА 24

Лаура сказала:

– Крис, я думаю, что тебе лучше спрятаться под машиной. Когда она закончила фразу, убийца, прятавшийся к юго-

западу от нее, появился из-за укрытия и бросился к другому укрытию в виде неглубокого углубления в песке.

Она поднялась, уверенная, что «бьюик» защитит ее от выстрелов человека за «тойотой», и открыла огонь. Первые несколько пуль взбили фонтанчики на песке возле ног бегущего, но следующая очередь срезала его по ногам. Закричав, он рухнул на землю. Он покатился по песку и упал в канаву, промытую дождевой водой.

Когда раненный убийца исчез из вида, Лаура услышала автоматный огонь, но не из-за «бьюика», а позади себя. Прежде чем она успела обернуться, несколько пуль ударили ей в спину, бросив ее на землю.

ГЛАВА 25

– Евреи, – снова зло сказал Гитлер. – А что с этим ядерным оружием, которое должно помочь нам победить?

– Еще одна ложь, мой фюрер. Хотя в будущем было сделано много попыток его создания, ни одна из них не увенчалась успехом. Это выдумка заговорщиков, которая помогла бы им и дальше расходовать ресурсы и энергию рейха.

Страшный грохот раздался за стенами, как будто они были не под землей, а на небесах посреди шторма.

Тяжелые рамы с картинами заколыхались на бетонной стене. Карандаши загремели в медном стакане.

Гитлер встретился глазами со Стефаном и долгое время изучал его.

– Если бы ты не был предан мне, то пришел бы с оружием и убил бы меня.

Он думал об этом так, как будто убийство Адольфа Гитлера могло бы снять вину с его души. Но это было бы эгоистичным действием потому, что вызвало бы изменение курса истории, что могло поставить будущее под риск. Он не забывал, что его будущее было прошлым Лауры; если он изменит ряд событий, возможно, это изменит мир к худшему вообще и прошлое Лауры в частности. Что, если, убив Гитлера здесь, он вернется в 1989 год и обнаружит, что мир столь трагически изменился, а по каким-то причинам Лаура вообще не родилась?

Он хотел убить эту змею в человеческом обличье, но не мог взять на себя ответственность за последствия. Предчувствие подсказывало, что мир станет только лучше от этого, но он знал, что предчувствие и судьба взаимоисключали друг друга.

– Да, – сказал он, – будь я предателем, мой фюрер, я сделал бы это. Боюсь, что настоящие предатели в институте могут прибегнуть к такому методу рано или поздно.

Гитлер побледнел.

– Завтра я закрою институт. Я закрою его до тех пор, пока не буду уверен в штате.

«Бомбы Черчилля опередят тебя», – подумал Стефан.

– Мы выиграем, Стефан, и мы сделаем это благодаря судьбе, а не предсказаниям. Мы победим потому, что это наша судьба.

– Это наша судьба, – согласился Стефан. – Наше дело правое.

Этот сумасшедший улыбнулся. Поддавшись сентиментальности и резко переменив тему, Гитлер заговорил об отце Стефана, Франце, о прошедших днях в Мюнхене.

Стефан слушал, изображая из себя очарованного, но когда Гитлер выразил благодарность Францу Кригеру за верность его сына, Стефан воспользовался возможностью уйти.

– И я, мой фюрер, буду верен вам до конца своих дней, буду преданным вам слугой. – Он встал, отсалютовал диктатору, сунул руку под рубашку к поясу и сказал: – Сейчас я должен вернуться в будущее ради нашей пользы.

– В будущее? – сказал Гитлер, поднимаясь с кресла. – Но я думал, что ты останешься в своем времени? Зачем возвращаться в будущее, если ты очистил свое имя в моих глазах?

– Я знаю, где скрывается Кокошка. Я должен найти его и вернуть назад, так как только Кокошка может знать имена предателей в институте.

Он быстро салютовал, нажал кнопку на поясе и исчез из бункера раньше, чем Гитлер смог ответить.

Он вернулся в институт в ночь шестнадцатого марта, в ту ночь, когда Кокошка отправился за ним в погоню в Сан-Бернардино и никогда не вернулся. Он сделал все, чтобы уни-

чтожить институт и разуверить Гитлера в информации, исходившей из него. Он был весел, если бы не волновался за Лауру, которую мог атаковать отряд СС в 1989 году.

Но дойдя к программной панели, он ввел последние данные для самого последнего прыжка во времени: в пустыню в окрестностях Палм-Спрингс, где Лаура и Крис ждали его утром двадцать пятого января 1989 года.

ГЛАВА 26

Падая на землю, Лаура знала, что ее позвоночник был задет одной из пуль, так как она не чувствовала боли ни в одной части своего тела.

Судьба борется за то, что должно было быть.

Стрельба затихла.

Она могла двигать только своей головой, чтобы увидеть Криса, стоявшего на ногах возле «бьюика», он был парализован ужасом, как она была парализована пулей, повредившей позвоночник. Позади мальчика, в пятнадцати ярдах, с севера бежал мужчина в темных очках, белой рубашке и черных штанах. В его руках был автомат.

– Крис, – сказала она с трудом. – Беги! Беги!

Его лицо исказилось от выражения неподдельного горя, как будто он знал, что оставляет ее умирать. Потом он побежал так быстро, как это могли позволить его маленькие ноги,

он побежал в пустыню, виляя из стороны в сторону и представляя из себя нелегкую мишень.

Лаура видела, что убийца поднял автомат.

В главной лаборатории Стефан открыл крышку автоматического записывающего устройства.

Лента двухдюймовой ширины содержала информацию о том, что сегодня ночью машина времени была использована для путешествия в десятое января 1988 года, которое предпринял Генрих Кокошка в Сан-Бернардино, когда он убил Дании Пакарда. Лента содержала информацию о восьми прыжках за шесть миллионов лет пяти человек и трех подстилок из лабораторных халатов с животными. Там были отмечены и путешествия Стефана: в двадцатое марта 1944 года с координатами бомбоубежища под парком Святого Джеймса в Лондоне; в двадцать первое марта 1944 года, с точными координатами бункера Гитлера; и координаты путешествия, которое он запрограммировал, но еще не сделал – Палм-Спрингс, двадцать пятого января 1989 года. Он оторвал ленту, сунул ее в карман и заменил новой. Он установил часы на программной панели на другое время. Они поймут, что кто-то уничтожил записи, но подумают это Кокошка и другие предатели заметали следы.

Он закрыл панель и надел рюкзак с книгами. Перекинув «узи» через плечо, он взял в руку пистолет с глушителем.

Он быстро осмотрел комнату, чтобы убедиться, что не

оставил никаких следов, которые выдали бы его присутствие здесь этой ночью. Расчеты на компьютере лежали в кармане его джинсов. Пустой баллон из-под вексона был где-то в далеком будущем под мертвым или умирающим солнцем.

Он предусмотрел все.

Он вошел в цилиндр и подошел к точке перемещения с надеждой, что все сделал для будущего. Он был уверен в уничтожении института и поражении нацистской Германии, поэтому им с Лаурой придется иметь дело только с одной группой эсэсовцев в Палм-Спрингс в 1989 году.

Лежа на песке, парализованная Лаура закричала:

– Нет!

На самом деле это был шепот, потому что у нее не было сил выкрикнуть это.

Автомат выстрелил по Крису, и на какой-то момент она была уверена, что мальчик избежал направления очереди, что было конечно ее последней фантазией, потому что он был всего лишь маленьким мальчиком, очень маленьким мальчиком с короткими ногами, и он был в пределах огня, когда пули нашли его, вонзаясь в его щуплую спину и толкая его в песок, где он остался неподвижно лежать в луже крови.

Вся неосязаемая боль ее парализованного тела была ничем в сравнении с гневом и болью при виде безжизненного тела ее маленького мальчика. Пройдя сквозь все трагедии в своей жизни, она никогда не чувствовала такой боли. Словно

бы все потери, которые она претерпела, – мать, которой она никогда не знала, ее добрый отец, Нина Доквейлер, нежная Рути, Дании, для которого она не задумываясь бы пожертвовала собой, – снова дали о себе знать, поэтому она чувствовала не только нестерпимое горе из-за смерти Криса, но снова почувствовала агонию ужаса из-за всех смертей, которые ей пришлось пережить до этого. Она лежала не только парализованная пулей, но и полностью подавленная безжалостной судьбой, которая не оставила ей надежды. Ее мальчик мертв. Она не смогла защитить его, и с ним умерли все ее чувства. Она чувствовала себя ужасно одинокой в холодной и враждебной вселенной и желала теперь только одного – смерти, которая избавила бы ее от этой боли и горя.

Она видела, как убийца приближался к ней.

Она сказала:

– Убей меня, пожалуйста, убей меня, прикончи меня, – но ее голос был так слаб, что, вероятно, он не слышал его.

Зачем жить? Зачем было переживать все трагедии, которые она пережила? Зачем ей нужна была такая жизнь? Какое безжалостное сознание во вселенной дало ей такую жизнь, которая потеряла всякую цель и значение?

Кристофер Роберт был мертв.

Она чувствовала горячие слезы, текущие по лицу, но это было все, что она чувствовала физически, – это и твердый песок под правой щекой.

Убийца подошел к ней, встал рядом и пнул ее в бок.

Она знала, что он пнул ее, потому что смотрела на свое тело и видела его ботинок, пнувший ее в ребра, но она ничего не чувствовала.

– Убей меня, – пробормотала она.

Неожиданно она испугалась, что судьба попытается вернуть то, что должно было быть, что означало для нее жизнь в инвалидной коляске, от которой ее спас Стефан, вмешавшись в обстоятельства, связанные с ее рождением. Крис был ребенком, который никогда не был рожден в ее настоящей судьбе, и сейчас он перестал существовать. Но она не могла быть убита, так как ее судьбой была жизнь калеки. Перед ее глазами промелькнуло ее будущее: жизнь паралитика, прикованного к инвалидной коляске, у которого остались только печальные воспоминания и бесконечная скорбь по сыну, мужу, отцу и всем остальным, кого она потеряла.

– О Господи, пожалуйста, пожалуйста, убей меня.

Стоя над ней, убийца улыбнулся и сказал:

– Я и есть посланник Господа.– Он недобро рассмеялся.–

Я отвечу на твою молитву.

Над пустыней сверкнула молния и раздался раскат грома.

Благодаря расчетам, сделанным на компьютере, Стефан вернулся точно в то место на пустыне, из которого он отправился в 1944 год пять минут назад. Первое, что он увидел в ярких вспышках молнии – это окровавленное тело Лауры и эсэсовца, стоящего над ней. Потом он увидел Криса.

Убийца среагировал на гром и молнии. Он начал поворачи-

чиваться в поисках Стефана.

Стефан трижды нажал кнопку на своем поясе. Давление воздуха резко увеличилось; в воздухе запахло жжеными электрическими проводами и озоном.

Эсэсовский ублюдок увидел его, вскинул автомат и открыл огонь, направив дуло в его сторону.

Прежде чем пули задели его, Стефан исчез из 1989 года и вернулся в институт в ночь шестнадцатого марта 1944 года.

– Дерьмо! – сказал Клитманн, когда Кригер исчез во времени неповрежденным.

Брачер выскочил из-за «тойоты», крича на бегу:

– Это был он! Это был он!

– Я знаю, что это был он, – сказал Клитманн, когда Брачер подбежал к нему.

– Кто еще это мог быть – сам Иисус в своем втором пришествии?

– Что он задумал? – сказал Брачер. – Что он делает там, где он был, что все это значит?

– Я не знаю, – раздраженно сказал Клитманн. Он посмотрел на тяжело раненную женщину и сказал ей: – Все, что я знаю – это то, что он видел тебя и мертвое тело твоего мальчишки, и он даже не попытался убить меня за то, что я сделал. Он спасал свою собственную шкуру. Что ты теперь думаешь о своем герое?

Она только продолжала молить о смерти. Попятившись от женщины, Клитманн сказал:

– Брачер, отойди.

Брачер повиновался, и Клитманн выпустил длинную очередь из автомата, которая пронзила тело женщины, мгновенно убив ее.

– Мы могли допросить ее, – сказал капрал Брачер.– О Кригере и о том, что он делал здесь... – Она была парализована, – нетерпеливо сказал Клитманн.– Она ничего не чувствовала. Я пнул ее в бок и, должно быть, сломал половину ребер, но она даже не вскрикнула. Ты не можешь выпытать информацию у женщины, которая не чувствует боли.

Шестнадцатое марта 1944 года. Институт.

Его сердце стучало, как молот на наковальне, когда Стефан выпрыгнул из цилиндра и бросился к программной панели. Он достал из кармана листок с расчетами на компьютере и расстелил его на небольшом программном столе, который находился в нише панели с оборудованием.

Он сел на стул, взял карандаш и достал блокнот из ящика стола. Его руки тряслись так сильно, что он дважды уронил карандаш.

У него уже были цифры, по которым он оказался в пустыне через пять минут после отправления. Он мог оттолкнуться от этих цифр и вычислить новые, которые бы доставили его в то же место, но на четыре минуты и пятьдесят пять секунд раньше, только через пять секунд после того, как он оставил Лауру и Криса.

Если он будет отсутствовать всего пять секунд, эсэсовские убийцы не успеют убить ее и мальчика к возвращению Стефана. Он сможет добавить свое оружие к сражению, и, возможно, этого будет достаточно, чтобы изменить его исход.

Он получил необходимые знания по математике, когда впервые был назначен в институт весной 1943 года. Он мог делать расчеты. Эта работа не была невозможной, потому, что ему не нужно было начинать с нуля; нужно было только изменить расчеты компьютера на несколько минут.

Но он смотрел на бумагу и не мог думать, потому что Лаура была мертва и Крис был мертв.

Без них он ничто.

«Ты можешь вернуть их, – говорил он себе.– Черт возьми, соберись. Ты можешь остановить это прежде, чем все случится.

Согнувшись над столом, он работал почти час. Он знал, что вряд ли кто-нибудь придет в институт посреди ночи и обнаружит его, но ему постоянно казалось, что он слышал стук сапогов эсэсовцев по коридору. Дважды он оборачивался на машину времени, почти уверенный в том, что пять мертвецов вернулись из-за шесть миллионов лет, чтобы отомстить ему.

Когда он получил цифры и дважды перепроверил их, то ввел их в программную панель. Держа автомат в одной руке и пистолет в другой, он зашел в цилиндр, подошел к точке перемещения..... и вернулся в институт.

Он стоял в цилиндре удивленный и ошеломленный. Потом он снова встал на точку перемещения... И вновь оказался в институте. Объяснение этого поразило его с такой силой, что он даже согнулся, как будто получил удар в живот. Он не мог вернуться раньше, так как уже показался в этом месте спустя пять минут после исчезновения; если он вернется сейчас назад, то возникнет ситуация, в которой он увидит самого себя через несколько минут. Парадокс! Космический механизм не допускал встречи путешественника во времени с самим собой; попытки такого путешествия были обречены. Природа презирала парадоксы.

В его памяти всплыли слова Криса, которые тот сказал в номере отеля, когда Стефан впервые объяснил свое происхождение:

– Парадокс! Разве, это не дико, мама? И разве это не здорово? – А потом этот очаровательный мальчишеский смех.

Но, видно, так и должно было все случиться. Он вернулся к программной панели, бросил оружие на стол и сел. Пот стекал по его бровям. Он вытер лицо рукавом рубашки. Думай!

Он посмотрел на «узи» и подумал, мог ли он хотя бы послать его. Возможно, нет. Он держал автомат и револьвер, когда вернулся первый раз, поэтому, если он пошлет оружие на четыре минуты и пятьдесят пять секунд раньше, они будут дважды существовать в одном и том же месте, когда он появится в пустыне через четыре минуты пятьдесят пять се-

кунд. Парадокс.

Но может быть, он может послать ей что-то еще, что-то из этой комнаты, что-то из того, чего он не брал с собой, и что не породит парадокса. Он оттолкнул оружие в комнату, взял карандаш и написал короткое послание на блокнотном листе: «Эсэсовцы убьют тебя и Криса, если вы останетесь у машины. Уходите. Спрячьтесь». Он остановился, задумавшись. Где они могут спрятаться на голой равнине? Он написал: «Может быть, в канаве». Он вырвал лист из блокнота. Потом подумал, добавил еще: «Вторая канистра с вексоном. Это тоже оружие».

Он осмотрел ящики лабораторных столов в поисках стеклянной пробирки с узким горлышком, но такой не оказалось в лаборатории, где все предметы относились скорее к изучению электромагнетизма, чем химии. Он пошел по коридору, отыскивая другие лаборатории, пока не нашел то, что нужно.

Сунув записку в пробирку, он вошел в цилиндр и подошел к точке перемещения. Он бросил пробирку в энергетическое поле, как если бы он был человеком, стоявшим на необитаемом острове и бросавшим послание в бутылке в море.

Пробирка не вернулась в институт.

... Но кратковременный вакуум снова сменился жарким и пьянящим запахом пустыни.

Обнимая Лауру и восторгаясь магическим исчезновением Стефана, Крис сказал:

– Уау! Разве это не здорово, мама!

Она не ответила, потому что заметила белую машину, съехавшую с дороги на равнину.

Вспыхнула молния, гром потряс день, удивив ее, и стеклянная пробирка возникла в воздухе. Она упала к ее ногам, разлетелась на мелкие осколки, оставив на песке свернутый лист бумаги.

Крис стряхнул с бумаги осколки стекла. Со своим обычным апломбом в таких делах он сказал

– Должно быть, это от Стефана!

Она взяла у него записку и прочла ее, глядя краем глаза на приближающуюся к ним машину. Она не поняла, как и почему была послана эта записка, но она поверила в ее содержание. Когда она закончила ее читать, сквозь молнии и гром, потрясавшие небеса, она услышала шум приближающейся белой машины.

Она подняла глаза и увидела, что белый автомобиль быстро несется к ним. Они были еще в трехстах ярдах, но приближались так быстро, как это позволяла пустынная равнина.

– Крис, возьми оба автомата и жди меня на краю канавы. Быстро!

Когда мальчик нырнул в открытую дверь «бьюика», Лаура бросилась к открытому багажнику. Она схватила баллон с вексоном и догнала Криса прежде, чем он добежал до края глубокой, естественного происхождения канавы, которую образовали дождевые потоки во время дождевых сезо-

НОВ.

Белая машина была уже в ста пятидесяти ярдах.

– Идем, – сказала она, направляясь вдоль края канавы на восток, – мы должны найти спуск в канаву.

Стены канавы круто обрывались ко дну тридцать футов глубиной. Они были испещрены эрозией и миниатюрными вертикальными канавками, которые спускались ко дну главной канавы, некоторые из них были всего несколько дюймов шириной, другие до трех-четырёх футов шириной; во время дождей вода стекала с поверхности пустыни по этим канавкам на дно основной канавы, где вливалась в большой поток. В некоторых местах вода вымыла на поверхность скалистые породы, а кое-где стены поросли скудными кустиками растительности.

В сотне ярдов от них машина достигла глубокого песка и замедлила движение.

Когда Лаура прошла около двадцати ярдов по краю канавы, то обнаружила широкий туннель, ведущий ко дну пересохшего русла реки, без признаков камней и растительности. Это был гладкий и сухой спуск четыре фута шириной и тридцать футов длиной.

Она бросила баллон с вексоном в туннель, и он быстро заскользил вниз.

Она взяла один из «узи» у Криса, повернулась к приближающейся машине, которая была теперь в семидесяти пяти ярдах от них, и открыла огонь. Она видела, как очередь раз-

несла вдребезги лобовое стекло.

Машина – теперь она видела, что это была «тойота» – развернулась на триста шестьдесят градусов, подняв облако пыли, и остановилась в сорока ярдах от «бьюика» и шестидесяти ярдах от нее с Крисом, передом на север. Двери на другой стороне машины открылись. Лаура знала, что оккупанты вылезают из машины так, что она не могла их видеть. Она взяла у Криса другой «узи» и сказала:

– Давай вниз, малыш. Когда доберешься до баллона с газом, толкай его на дно канавы.

Он заскользил по стене канавы, проехав большую часть под силой тяжести, но оттолкнувшись пару раз, когда трение остановило его.

Она выпустила длинную очередь в «тойоту», надеясь пробить бак с бензином, который мог взорваться и охватить пламенем этих ублюдков, притаившихся за машиной. Но она опустошила магазин безрезультатно.

Когда она прекратила стрелять, они открыли по ней огонь. Не став представлять из себя мишень, она села на край обрыва и заскользила вниз, как это сделал Крис. Через несколько секунд она оказалась на дне пересохшего русла.

Сухое перекаати-поле сдувалось ветром в канаву с поверхности пустыни. Куски посеревшей древесины, принесенные водяным потоком, и вымытые из земли камни устилали дно канавы. Ничто из этого не могло послужить укрытием от пуль, которые скоро обрушатся на них.

– Мам? – сказал Крис. – Что теперь?

Канавы имели многочисленные притоки, расплзающиеся по пустыне, а многие из этих притоков имели свои притоки. Это было похоже на лабиринт. Они не могли спрятаться в нем навсегда, но, оставив позади несколько таких ответвлений, между собой и убийцами, они могли выиграть время и спланировать засаду.

Она сказала:

– Беги, малыш. Беги по главному руслу, поверни направо в первом же ответвлении и жди меня.

– Что ты собираешься делать?

– Я подожду, пока они покажутся на краю, – сказала она, показав на край канавы, – потом попробую убить их, если смогу. Беги.

Он побежал.

Оставив баллон с газом на видном месте, Лаура вернулась к стене канавы, по которой они опустились. Она притаилась в другой вертикальной канаве, которая глубоко вдавалась в стену и в середине поросла кустарником. Она стояла на дне русла, уверенная, что кусты над головой скроют ее от убийц.

Крис повернул в первое правое ответвление главного русла.

Секунду спустя она услышала голоса. Она ждала, ждала, чтобы дать им время почувствовать уверенность, что она с Крисом исчезла. Потом она вышла из своего укрытия, развернулась и осыпала край стены пулями.

Четверо убийц были там, она убила первых двоих, но двое других отпрянули назад прежде, чем пули настигли их. Одно из тел осталось лежать на краю обрыва, свесив с него руку и ногу. Другой убитый покатился на дно русла, теряя по дороге очки.

Шестнадцатое марта 1944 года. Институт.

Когда пробирка с посланием не вернулась назад, Стефан был уверен, что она попала в руки Лауры прежде, чем она была убита, через пять секунд после того, как он отправился в 1944 год.

Теперь он вернулся к программной панели и принялся за расчеты, которые вернут его в пустыню через несколько минут после его первого появления там. Он мог предпринять это путешествие, так как он вернется после своего второго исчезновения в 1944 год, не встретившись с собой, а значит, не породив парадокса.

Расчеты вновь не были сложными, так как он по-прежнему отталкивался от цифр, полученных из расчетов на IBM PC. Хотя он знал, что время, проведенное здесь, не сказывалось на времени в 1989 году, он торопился присоединиться к Лауре. Даже если она воспользовалась советом из послания в бутылке, даже если будущее, которое он видел, изменилось, и она по-прежнему жива, ей еще угрожают эсэсовцы и ей нужна его помощь.

Через сорок минут он сделал необходимые расчеты и перепрограммировал машину времени.

Он снова открыл панель записывающего устройства и оторвал ленту с записями прыжков во времени.

Держа «узи» и пистолет и сжимая зубы от боли в левом плече, он вошел в цилиндр. Таща баллон с вексоном и «узи», Лаура присоединилась к Крису в узком притоке главного русла, в шестидесяти футах от того места, где они спустились на дно канавы. Прячась за угол земляной стены, она выглянула в главное русло, по которому прибежала сюда.

На краю обрыва один из оставшихся в живых убийц скинул труп своего товарища в канаву, чтобы, очевидно, проверить, не откроет ли она снова огонь. Когда выстрелов не последовало, оба убийцы обнаглели. Один лег на край обрыва с автоматом, прикрывая второго, спустившегося на дно. Потом они поменялись местами.

Когда оба оказались на дне русла, Лаура выскочила из-за угла и выпустила по ним короткую очередь. Оба преследователя были так удивлены ее агрессивностью, что не выстрелили в ответ, а бросились к стенам канавы, ища укрытия в расщелинах. Одному из них это удалось. Второго она убила.

Она снова исчезла за углом, подняла баллон с нервно-паралитическим газом и сказала Крису:

– Бежим. Быстрее.

Когда они побежали по притоку в поисках другого ответвления лабиринта, молнии и гром разверзли голубое небо.

– Это Кригер! – сказал Крис.

Он вернулся в пустыню через семь минут после своего от-

правления в 1944 год на встречу с Черчиллем и Гитлером, а через две минуты после своего первого возвращения, когда он увидел мертвые тела Криса и Лауры. На этот раз тел не было, только «бьюик» и изрешеченная пулями «тойота».

В надежде, что его план сработал, Стефан бросился к канаве и побежал вдоль ее края, ища кого-нибудь, друга или врага. Вскоре он увидел три трупа на дне русла в тридцать футов глубиной.

Должен быть еще четвертый. Ни один эсэсовский отряд не состоял из трех человек. Где-то в этом лабиринте разветвлений, напоминавших разветвления молний, Лаура все еще убегала от последнего убийцы.

В стене канавы Стефан обнаружил туннель, который уже, по всей видимости, использовали. Он сбросил со спины рюкзак и заскользил вниз. Во время спуска его спину царапала твердая земля, вызывая жгучую боль в ране. Когда он встал на ноги, он почувствовал головокружение и ком в горле.

Где-то в лабиринте на востоке раздалась автоматная очередь.

Она только что остановилась в устье нового притока и показала знаком Крису молчать.

Тяжело дыша открытым ртом, она ждала, когда последний убийца свернет в приток, который она только что покинула. Даже по мелкому дну канавы его бегущие шаги были слышны.

Она высунулась, чтобы застрелить его. Но теперь он был

очень осторожен, он пригибался во время бега. Когда ее выстрелы указали ему ее позицию, он пересек туннель и вжался в ту же стену, где начинался приток, в котором она притаилась. Теперь она могла легко пристрелить его, если только выйдет в туннель, где он ждал.

Она попыталась это сделать, но когда нажала на курок, раздалась лишь очень короткая очередь. «Узи» выплюнул последний десяток патронов и замолчал. Клитманн понял, что в «узи» кончились патроны. Он выглянул из расщелины в стене канавы и увидел, как она отбросила автомат. Она исчезла в устье притока, в котором ждала его.

Он вспомнил о том, что видел в «бьюике» револьвер тридцать восьмого калибра, лежащий на водительском сиденье. Он предположил, что у нее не было времени взять его или, спеша забрать эту странную канистру из багажника, она забыла про револьвер. У нее было два «узи», которые теперь были разряжены. Могли ли у нее быть два револьвера, один из которых она оставила в машине?

Он решил, что нет. Два автомата были лучше, потому что они были более полезны на большом расстоянии и при различных обстоятельствах. Но если она была специалистом по оружию, Она знала, что револьвер полезен только на близкой дистанции, и шесть патронов было бы достаточно. Вряд ли у нее был револьвер.

Что же у нее осталось для самозащиты? Этот баллон? Но он был похож скорее на огнетушитель. Он побежал вслед

за ней. Новый приток был уже предыдущего, а предыдущий был уже основного русла. Он был двадцать пять футов глубиной и только десять футов шириной, расширяясь немного к концу, до которого было не меньше сотни ярдов открытого пространства.

Она стала искать выход. Вершины стен были пологими, мягкими, по ним было легко забраться, но стены на их уровне были твердыми и обрывались под прямым углом, по ним можно было взобраться, только хватаясь за кусты. Она знала, что они не успеют добраться и до половины стены, когда убийца настигнет их и легко убьет.

Это был последний рубеж.

Стоя на дне этого большого естественного русла, она посмотрела на прямоугольник неба и подумала, что они, должно быть, были на дне огромной могилы, на кладбище, где хоронили только великанов.

Судьба борется за то, что должно было быть.

Она толкнула Крису за себя. Перед ней лежал короткий сорокафутовый отрезок туннеля, который сворачивал налево. Он появится в его конце через минуту.

Она опустилась на колени рядом с баллоном, намереваясь убрать предохранитель с ручного клапана. Но провод не просто был вставлен в клапан, он был закручен и опломбирован. Его нельзя было раскрутить; его нужно было перекусить, а у нее ничего не было для этого.

Может, разжать камнем. Острый камень мог разжать про-

вод хотя бы немного, чтобы его потом можно было раскрыть.

– Дай мне камень, – сказала она торопливо. – С острым концом.

Пока он осматривал дно туннеля в поисках подходящего камня, она рассмотрела автоматический таймер на баллоне, который выпускал газ из баллона через обозначенное время. Это было простое устройство: вращающийся циферблат, прокалиброванный в минутах; если нужно было установить таймер на двадцать минут, то нужно было вращать циферблат пока цифра двадцать не совпадет с красной отметкой на ободке циферблата; когда нажмешь кнопку в центре, таймер начнет отсчитывать время.

Проблема была в том, что таймер нельзя было установить меньше чем на пять минут. Убийца настигнет их раньше.

Тем не менее, она установила таймер на пять минут и нажала кнопку.

– Вот, мама, – сказал Крис, протягивая ей камень с острыми краями.

Хотя таймер тикал, она приступила к работе, пытаясь разжать толстую проволоку предохранителя. Каждые несколько секунд она поднимала глаза, чтобы посмотреть, не нашел ли их убийца, но узкий туннель был пуст.

Стефан шел по следам, оставшимся на мягком дне канавы. Он не знал, насколько далеко они ушли. У них было только несколько минут, но, возможно, они двигались быстрее,

потому что боль в плече и головокружение замедляли его действия.

Он открыл глушитель от пистолета, выбросил его и сунул пистолет за пояс. В руках он держал «узи».

Клитманн выбросил свои темные очки, так как на дне этого естественного лабиринта в основном была тень, особенно в узких притоках, где стены были ближе и оставляли меньше пространства для солнечного света.

Его ботинки заполнились песком и были здесь ничуть не удобнее, чем на поверхности пустыни. В конце концов он остановился, сбросил ботинки, стянул носки и пошел босиком, что было гораздо удобнее.

Он не мог преследовать женщину и мальчика так быстро, как ему хотелось, не только из-за неудобных ботинок, которые он в конце концов скинул, а из-за того, что часто оглядывался назад. Он слышал раскаты грома и видел вспышки молний; он знал, что это вернулся Кригер. Так же, как Клитманн преследовал женщину и мальчика, Кригер преследовал его. Он не хотел стать мясом для этого тигра. Таймер отсчитал две минуты.

Лаура продолжала отгибать проволоку вторым камнем, так как первый раскрошился в ее руках. Правительство не могло сделать почтовый штамп, который нельзя было бы стереть с конверта, оно не могло построить танк, который бы успешно преодолевал реку каждый раз, оно не могло ликвидировать безработицу и бедность, но, черт возьми, оно зна-

ло, как изготовить твердую проволоку; должно быть, она была сделана из материала, разработанного для космоса, и они нашли ему еще одно применение; этой проволокой Бог мог бы связать столбы, на которых держится мир.

Ее руки покрылись ссадинами и кровоточили, когда босой убийца в черных штанах и белой рубашке показался в конце узкого туннеля.

Клитманн бросился вперед, удивляясь, какого черта она возилась с огнетушителем. Неужели она думала, что химическая пена дезориентирует его и защитит ее от автоматного огня?

А может, это был не огнетушитель? Появившись в Палм-Спрингс всего два часа назад, он успел убедиться, что не все было так, как он думал.

Красный знак, например, не означал экстренную парковку, как он думал, а запрещал ее категорически. Кто знает? Кто знает, что это за баллон, с которым она возилась?

Она посмотрела на него и снова принялась возиться с огнетушителем.

Клитманн шел по узкому туннелю, ширины которого едва бы хватило для двух человек, идущих рядом. Он не стал бы подходить ближе, если бы видел мальчишку. Если она оставила мальчишку в каком-то укрытии, ему придется узнать у нее, где он, так как в его приказ входило убийство всех – Кригера, женщины и мальчика. Он не думал, что мальчишка представляет опасность для Третьего рейха, но он был не из

тех, кто обсуждает приказ.

Стефан нашел пару ботинок и пару черных носков, присыпанных песком. Еще раньше он нашел пару темных очков.

Он никогда раньше не преследовал человека, который бы раздевался во время погони. Сначала это показалось ему смешным. Но потом он подумал о мире, отраженном в романах Лауры Шан, мире, в котором смешивались комедия и ужас, мире, в котором трагедия обычно наступала в середине веселья, и неожиданно эта пара ботинок и носков напугали его, потому что это показалось смешным; у него появилась сумасшедшая мысль о том, что если он засмеется, это будет равносильно смертельному приговору Лауре и Крису.

Если они умрут и на этот раз, он не сможет спасти их, вернувшись в институт и послав другое послание раньше первого, так как между ними было слишком мало времени, всего пять секунд. Даже с помощью IBM PC он не смог бы рассчитать все так точно. Следы босого человека вели к устью притока. Хотя боль в левом плече вышибала из него пот и вызывала головокружение, Стефан пошел по следам, как Робинзон Крузо шел по следам Пятницы.

С растущим страхом Лаура смотрела на нацистского убийцу, приближавшегося по узкому туннелю. Его «узи» был направлен на нее, но по какой-то причине он не стрелял. Она воспользовалась этой неожиданной задержкой, чтобы посмотреть на проволочный предохранитель ручного клапана баллона с вексоном.

Даже в этих обстоятельствах она не теряла надежды, вспомнив строчку из своего романа: «Во время трагедии и страха, когда бесконечная ночь кажется вот-вот опустится, надежду можно найти в понимании того, что компаньон ночи это не другая ночь, что компаньон ночи это день, что мрак всегда сменяется светом и что смерть правит только одной половиной существования, другой половиной правит жизнь».

Приблизившись на двадцать футов, убийца спросил:

– Где мальчишка? Мальчишка. Где он? Она чувствовала Криса спиной, он притаился в тени между ней и стеной. Она сомневалась, что ее тело защитит его от пуль, и что, убив ее, убийца уйдет, не заметив Криса за ее спиной.

Таймер на баллоне щелкнул. Нервно-паралитический газ вырвался из отверстия, распространяя сильный запах персиков и отвратительный привкус лимонного сока, смешанного с кипяченым молоком. Клитманн не видел газа, вырывавшегося из баллона, но он слышал шипение, похожее на шипение множества змей.

Мгновением спустя он почувствовал себя так, как будто кто-то ребром ладони ударил по горлу и сжал его живот, перевернув все внутренности. Он переломился пополам и срыгнул рвоту на землю и на свои босые ноги. Ужасная боль затмила его глаза, что-то словно взорвалось в мозгу, и кровь хлынула из его ноздрей. Упав на дно туннеля, он конвульсивно нажал на курок «узи», умирая и теряя над собой кон-

троль, он сделал последнюю попытку забрать с собой женщину.

Как только Стефан вошел в узкий приток, где стены нависли над ним, вместо того чтобы расширяться к небу, как это было в других туннелях, он услышал длинную очередь из автомата и заторопился вперед. Его сильно качало из стороны в сторону, но все же ему удалось добраться до офицера СС, отравленного вексаном.

Позади трупа сидела Лаура, расставив ноги, между которыми стоял баллон с нервно-паралитическим газом, она обнимала его окровавленными руками. Ее голова свисала на грудь, она казалась безжизненной, как кукла.

– Лаура, нет, – сказал он голосом, в котором едва признал свой собственный. – Нет, нет!

Она подняла голову, вздрогнула и слабо улыбнулась. Жива.

– Крис! – сказал он, перешагивая через труп эсэсовца. – Где Крис?

Она оттолкнула от себя шипящий баллон с нервно-паралитическим газом и перевернулась на бок.

Крис выглянул из тени позади нее и сказал:

– Кригер, ты в порядке? Ты выглядишь дерьмово. Прости, мама, но он действительно так выглядит.

Впервые за двадцать лет или впервые за шестьдесят пять лет, если считать те годы, через которые он перепрыгнул, когда вернулся к Лауре, Стефан Кригер зарыдал. Он был удив-

лен своим слезам, так как думал, что его жизнь в Третьем рейхе сделала его не способным на рыдания. Более удивительно было то, что эти первые слезы были слезами радости.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ С ТЕХ ПОР

ГЛАВА 1

Больше часа спустя, когда полиция прибыла с севера от того места, где патрульная машина была атакована неизвестными преступниками, когда они обнаружили изрешеченную пулями «тойоту» и увидели кровь на песке возле края пересохшего русла, когда они увидели опустошенный «узи», когда они увидели Лауру и Криса, вылезавших из канавы возле «бьюика» с номерами «ниссана», они ожидали обнаружить мертвые тела и не были разочарованы. Первые три лежали на дне главного русла неподалеку, а четвертый они нашли в отдаленной протоке, на который им указала женщина.

В те дни, когда она столкнулась с местными властями, властями штата и федеральными властями, никто из них не верил, что она говорила правду. Торговцы наркотиками, которые убили ее мужа год назад, послали наемных убийц за ней, как говорила она, так как, очевидно, они боялись, что она опознает их. Они атаковали ее дом в Бич Би такими силами и так беспощадно, что ей пришлось бежать, и она не могла обратиться в полицию потому, что не верила, что власти смогут защитить ее и сына. Она скрывалась пятнадцать

дней с той перестрелки ночью десятого января, в первую годовщину смерти ее мужа. Несмотря на все предосторожности, убийцы нашли ее в Палм-Спрингс и преследовали по сто одиннадцатому маршруту, где загнали ее в пустыню, где ей и удалось расправиться с ними.

Эта история – одна женщина убила четверых опытных убийц, плюс того, чью голову нашли на улочке позади дома Бренкшоу – выглядела бы неправдоподобной, если бы она не была отличным стрелком, не тренировалась бы в военном искусстве и не имела бы целый арсенал нелегального оружия. Когда ее допрашивали о происхождении модифицированных «узи» и нервно-паралитического газа, стоявшего на вооружении армии, она сказала: Я пишу романы. В мою работу входят исследования. Из них я узнала, где я могу найти все, что хочу где я могу получить все, что мне нужно.– Она сдала им Толстяка Джека, и обыск в его пиццерии подтвердил ее слова.

– Я не держу зла на нее, – сказал Толстяк Джек прессе во время его ареста.– Она ничего не должна мне. Никто из нас ничем никому не обязан. Я анархист, и я люблю таких баб, как она. Кроме того, я не пойду в тюрьму. Я слишком толст и умру, это будет самое печальное и необычное бегство.

Она не назвала им имя того человека, которого она привезла к Картеру Бренкшоу рано утром одиннадцатого января, человека, пулевое ранение которого лечил доктор. Она сказала только, что он был хорошим другом, который был с

ней в доме в Бич Би, когда убийцы атаковали его. Он был, настаивала она, невинным свидетелем, чья жизнь будет разрушена, если она вовлечет его в расследование, она намекнула, что он был женатым человеком, с которым она имела связь. Его рана заживает, и с ним будет все в порядке.

Власти давили на нее из-за этого безымянного любовника, но она не поддавалась и им пришлось ограничить свое давление, по крайней мере, до заседания суда. Они никогда не верили, что этот таинственный человек был ее любовником. Небольшое расследование показало, что ее муж, погибший год назад, был необыкновенно близок ей, и она не могла забыть его, а тем более иметь любовника, стерев из памяти Дании Пакарда.

Нет, она не могла объяснить, почему ни один из убийц не был в картотеке ФБР и полиции, почему они были все одинаково одеты, почему у них не было своей машины и почему они угнали «тойоту» у двух женщин у церкви, почему они подняли панику в Палм-Спрингс и убили там полицейского. При исследовании трупов на телах были найдены следы окисления медью, но на них ничего не было медного, об этом она тоже ничего не знала. Она не знала причин их антисоциальных действий. Это была тайна, которой не могли объяснить лучшие криминалисты и социологи. И если все эти специалисты не могли пролить свет на причины их преступного поведения, как она могла объяснить это и происхождение окислений медью от каких-то устройств, которые исчез-

ли? На очной ставке с женщиной, чья «тойота» была угнана и которая заявляла, что эти убийцы были ангелами, Лаура Шан слушала ее с интересом и очарованием, но потом она обвинила полицию в том, что та прислушивается к фантазиям какой-то сумасшедшей, которая, очевидно, хочет попасть в газету.

Она была гранитом.

Она была железом.

Она была сталью.

Ее нельзя было сломить. Власти безжалостно наседали на нее, но безуспешно. После нескольких дней они обозлились на нее. После нескольких недель их злость переросла в гнев. Через три месяца они чувствовали отвращение к ней и хотели привлечь ее к ответственности за неподчинение закону. Через шесть месяцев они устали. Через десять месяцев им все надоело. Через год они попытались ее забыть.

Между делом, конечно, они виделись с ее сыном, Крисом. Они не наседали на него, как на нее, используя вместо этого ложь и трюки, которыми хотели вынудить мальчика к признанию, каких не сделала его мать. Но когда они спрашивали его о исчезнувшем раненом незнакомце, он начинал рассказывать им про Индиану Джонс, Люка Скайдолкера и Хана Соло. Когда они пытались добиться от него некоторых подробностей о событиях в пересохшем русле, он рассказывал им о сэре Томми Тоде, слуге королевы, который снимал комнату в их доме. Когда они спрашивали о том, где они с ма-

терью скрывались и что делали в течение шестнадцати дней между десятым и двадцать пятым января, мальчик говорил:

– Я проспал все это время, я был в коматозном состоянии, я думаю, что подхватил малярию или объелся «Марсом», понимаете, и теперь у меня амнезия, как у Койоты, которого Род Раннер сбросил со скалы.

Довольный их непониманием, он сказал:

– Это семейные мелочи, понимаете. Разве вы не знаете, что такое семейные мелочи? Я могу говорить только со своей мамой об этих мелочах, это больше никого не касается. Если вы начнете обсуждать семейные мелочи с посторонними, то куда вы пойдете, когда захотите пойти домой?

Чтобы окончательно добить власти, Лаура Шан публично принесла извинения каждому, кто пострадал во время ее побегов от наемных убийц. Семье, у которой она угнала «бьюик», она подарила новый «кадиллак». Человеку, с чье-го «ниссана» она сняла номера, подарила новый «ниссан». В каждом случае она получила прощение и завела друзей.

Ее старые книги были переизданы и вновь возглавили список бестселлеров, через годы после выхода в свет. Известные киностудии купили права на экранизацию романов, которые еще не были экранизированы. Слухи, возможно, распространенные ее собственным агентом, возымели эффект, и издательства предлагали огромные суммы за право на издание ее следующего романа.

ГЛАВА 2

За этот год Стефан Кригер ужасно соскучился по Лауре и Крису, но жизнь в доме Гэйнса в Беверли Хиллс не была неприятной. Удобства были роскошными, еда была великолепной; Джесон учил его снимать фильмы в его домашней киностудии; Тельма была просто очаровательной.

– Послушай, Кригер, – сказала она одним летним днем возле бассейна. – Может быть, тебе хочется быть с ними, может быть, ты устал скрываться здесь, но рассмотрим альтернативные варианты. В своем времени ты бы умер от скуки, ведь там нет фильмов Тельмы Акерсон. Ты должен молиться, что оказался в нашей славной эре.

– Это так... – Он смотрел на солнечные лучи, играющие на светло-голубой воде бассейна. – Но я боюсь, что за этот год конспирации я потеряю свой и без того хрупкий шанс завоевать ее сердце.

– Ты не можешь завоевать ее, сэр Кригер. Она не праздничный пирог на вечеринке. Такую женщину, как Лаура, нельзя выиграть. Она сама решает, кому отдать себя.

– Ты не очень обнадеживаешь.

– Такова моя работа.

– Я знаю...

– Моя работа...

– Да, да...

– Комика. Несмотря на мою замечательную внешность, мне, возможно, больше подходит образ неряхи.

На Рождество Лаура и Крис приехали в дом Гэйнса, и ее подарок Стефану имел огромное значение. Несмотря на внимание различных властей в течение этого года, Лаура обошла всех заместителей, чтобы получить водительские права, социальную карточку безопасности, кредитные карточки и паспорт на имя Стефана Кригера.

Она подарила все это ему рождественским утром в подарочной коробке.

– Все документы действительны. В «Бесконечной реке» двое из моих героев находятся в бегах и нуждаются в новых документах...

– Да, – сказал Стефан. – Я читал ее три раза.

– Одну книгу три раза? – удивился Джесон. Они все сидели вокруг рождественской елки, ели фрукты и пили кокосовый сок. Джесон был в приподнятом настроении. – Лаура, берегись этого парня. Он одержимый.

– О да, конечно, – сказала Тельма, – для вас, типов из Голливуда, каждый, кто прочел книгу, хоть одну, кажется вам интеллектуальным гигантом или психопатом. Лаура, как ты получила эти фальшивые бумаги?

– Они не фальшивые, – сказал Крис. – Они настоящие.

– Это так, – сказала Лаура. – На водительских правах и других документах стоят государственные печати. В исследовательской работе для «Бесконечной реки» я узнала, как

получить новые документы высшего качества, и я нашла этого интересного человека в Сан-Франциско, который заправляет производством различных документов в подвале под ночным клубом, что находится под открытым небом...

– На нем нет крыши? – спросил Крис. Лаура потеряла волосы мальчика и сказала:

– Кроме того, Стефан, если ты как следует заглянешь в эту коробку, то найдешь пару сберегательных книжек. Я открыла счета на твое имя в Секрети Пацифик Банк и Грейт Вестерн Савингс. Он был удивлен.

– Я не могу взять твои деньги. Я не могу...

– Ты спас меня от инвалидной коляски, несколько раз спасал мою жизнь, и я не могу дать тебе деньги? Тельма, что с ним?

– Он настоящий мужчина, – сказала Тельма.

– Тогда это объясняет все.

– Эти волосатые неандертальцы, – сказала Тельма, – прыгающие вокруг костра и празднующие победу над мамонтом, все такие.

– Мужчины, – сказала Лаура.

– Мужчины, – сказала Тельма.

К его удивлению и против его желания, Стефан Кригер почувствовал, как мрак в его сердце начал сменяться ярким светом.

В конце февраля следующего года через тринадцать месяцев, после событий в Палм-Спрингс, Лаура предложила Сте-

фану жить с ней и Крисом в ее доме в Бич Би. Он приехал на следующий день в русском спортивном автомобиле, который он купил на деньги, подаренные Лаурой.

Следующие семь месяцев он спал в комнате для гостей. Каждую ночь. Ему больше ничего не надо было. Только быть с ними, день за днем.

В середине сентября, двадцать месяцев после того, как он появился на крыльце ее дома с пулевым отверстием в груди, она попросила его лечь в ее постель. Только через три ночи он нашел мужество прийти.

ГЛАВА 3

В тот год, когда Крису исполнилось двенадцать лет, Джексон и Тельма купили дом в Монтерее с видом на самое красивое побережье в мире и настояли, чтобы Лаура, Стефан и Крис приехали к ним на август, когда у Тельмы и Джесона был перерыв в съемках. Утренние часы в Монтерее были прохладными и туманными, дни теплыми и ясными, ночи промозглыми, и эта ежедневная смена погоды была впечатляющей.

Во вторую пятницу месяца Стефан и Крис отправились на пляж с Джесоном. На камнях неподалеку от берега грелись и резвились морские львы. Туристы парковали свои машины бампер к бамперу на дороге вдоль пляжа; они загорали и

делали фотографии.

– Год за годом, – сказал Джесон, – здесь все больше иностранных туристов. Это постоянное вторжение. И вы заметили – это в основном японцы, немцы и русские. Меньше чем полвека назад мы вели величайшую войну в истории против всех них, а сейчас они более состоятельные, чем мы. Японская электроника и машины, русские машины и компьютеры, немецкие машины и станки... Господи, Стефан, мне кажется, что американцы лучше относятся к своим старым врагам, чем к своим старым друзьям.

Стефан остановился, чтобы посмотреть на морских львов, которые проявляли интерес к туристам, и подумать об ошибке, которую он сделал во время встречи с Уинстоном Черчиллем.

«Но скажите мне только одно. Любопытство распирает меня. Скажите... например, что станет с Советами после войны?»

Старая лиса говорил так обычно, как будто этот вопрос был выбран им случайно, как будто он с таким же успехом мог спросить о перемене моды в будущем, хотя на самом деле он все рассчитал и ответ действительно интересовал его. Помня о том, что ему сказал Стефан, Черчилль убедил западных союзников продолжать борьбу в Европе после того, как Германия была разбита. Воспользовавшись тем, что Советы оккупировали Восточную Европу, и обратив это против них, другие союзники повернули оружие против русских, от-

бросив их к своим границам; во время войны с Германией Советы снабжались оружием и боеприпасами из Соединенных Штатов и без этой поддержки они потерпели поражение в считанные месяцы. Кроме того, они были измотаны войной с их старым врагом Гитлером. Теперь современный мир был не таким, как должен был быть, и все потому, что Стефан ответил на один вопрос Черчилля.

В отличие от Джесона, Тельмы, Лауры и Криса Стефан был человеком не из этого времени, человеком, для которого эта эра не была родной, годы после мировой войны были его будущим, хотя в то же время для этих людей они были прошлым. Они не могли помнить другой мир кроме этого, где самые великие страны в мире не питали вражды друг к другу, где огромные арсеналы ядерного оружия не нашли применения, где демократия процветала даже в России, где были мир и согласие.

Судьба борется за то, что должно было быть. Но на этот раз, к счастью, ей это не удалось.

Лаура и Тельма сидели в шезлонгах на веранде и смотрели на своих мужчин, бродивших по побережью.

– Ты счастлива с ним, Шан?

– Он очень грустный.

– Но замечательный.

– Он никогда не будет Дании.

– Но Дании нет. Лаура кивнула.

– Он говорит, что я спасла его, – сказала Лаура.

– От голодной жизни, ты имеешь в виду? Наконец Лаура сказала:

– Я люблю его.

– Я знаю, – сказала Тельма.

– Я никогда не думала, что я смогу... снова. Я имею в виду, полюбить мужчину так.

– Как так, Шан? Ты говоришь о какой-то новой хитроумной позе? Ты приближаешься к сорока годам, Шан, разве не время пересмотреть свою лебединую верность?

– Ты неисправима.

– Я стараюсь.

– А что у тебя, Тельма? Ты счастлива? Тельма похлопала по своему большому животу.

Она была на седьмом месяце беременности.

– Очень счастлива, Шан. Я говорила тебе, что могут быть близнецы?

– Говорила.

– Близнецы, – сказала Тельма с благоговейным страхом. – Как Рути была бы довольна мной.

Близнецы.

Судьба борется за то, что должно было быть, подумала Лаура, и временами, к счастью, ей это удается.

Некоторое время они сидели молча, наслаждаясь морским воздухом и слушая шелест ветра среди сосен и кипарисов.

Вскоре Тельма сказала:

– Помнишь тот день, когда я приехала в твой дом в горах, а ты практиковалась в стрельбе по мишени?

– Помню.

– Ты решетила пулями человеческие силуэты. Ты ненавидела весь мир и везде прятала оружие. В тот день ты сказала мне, что всю свою жизнь терпишь то, что заставляет терпеть тебя судьба, но больше ты не собиралась терпеть – ты собиралась сражаться, чтобы защитить себя. Ты была очень злой в тот день, Шан, и очень печальной.

– Да.

– Сейчас я знаю, что ты вновь мучаешься, я знаю, что ты по-прежнему борешься. Мир все еще полон смерти и трагедий. Несмотря на все это, ты не выглядишь больше печальной.

– Нет.

– В чем секрет?

– Я познала третий великий закон, и это все. Будучи ребенком, я познала мучение. Когда убили Криса, я научилась бороться. Сейчас я все еще мучаюсь и борюсь, но я теперь знаю, почему. Это судьба.

– Звучит как бред суеверного, Шан. Господи. Судьба. Так ты заставишь еще написать меня роман.

– С близнецами на шее, – сказала Лаура, – тебе никогда не видать своего романа.

– О да, мне даже будет некогда вертеться перед зеркалом. Лаура засмеялась.

– Я люблю тебя, Тельма.

– Я люблю тебя, сестричка.

Они продолжали сидеть в шезлонгах. Внизу начинался прилив.